Эйми Картер – Божественные истории

Переведено специально для группы
~”*°•†Мир фэнтези†•°*”~
http://vk.com/club43447162

Название: Божественные истории / The Goddess Legacy
Автор: Эйми Картер / Aimée Carter
Серия: Испытание для богини / Goddess Test # 2.5
Переводчик: Дарина Ларина

Эйми Картер – Божественные истории
Aimée Carter – The Goddess Legacy

Аннотация

На протяжении тысячелетий мы лишь мельком наблюдали следы существования богов и богинь Олимпа. В этой книге Эйми Картер приоткрывает завесу тайны над тем, как они стали такими, какими их знает Кейт Винтерс: могущественными и жалкими, любящими и опасными бессмертными.

Каллиопа / Гера всегда олицетворяла собой постоянство, вот только её супруг не придерживался тех же принципов верности...

Ава / Афродита – богиня любви, но в её личной жизни никогда не было всё просто...

Персефону вынудили выйти замуж за одного, но её сердце тосковало по другому...

Джеймс / Гермес обожает усложнять жизнь другим, но сам впервые столкнулся с настоящим поражением...

Генри / Аид влачил одинокое существование, ставшее невыносимым. Но встреча с Кейт Винтерс подарила ему надежду...

Пять историй о любви, потере, сокровенных желаниях и воле к жизни на протяжении веков.

Оглавление

КОРОЛЕВА БОГОВ 5
БОГИНЯ ЛЮБВИ 69
БОГИНЯ ПОДЗЕМНОГО МИРА 111
БОГ ВОРОВСТВА 193
БОГ ТЬМЫ 256

Боги Олимпа

Аид – Генри

Аполлон – Тео

Арес – Дилан

Артемида – Элла

Афина – Ирен

Афродита – Ава

Гера – Каллиопа

Гермес – Джеймс

Гестия – София

Гефест – Николас

Деметра – Диана

Дионис – Ксандер

Зевс – Уолтер

Посейдон – Филипп

Эйми Картер – Божественные истории
Aimée Carter – The Goddess Legacy

КОРОЛЕВА БОГОВ

Эйми Картер – Божественные истории
Aimée Carter – The Goddess Legacy

Часть первая

За все годы своего существования я никогда не рассчитывала на свободу.

Я – дочь титанов и всегда принимала как должное их правление. Они вне всяких сомнений были самыми могущественными созданиями во вселенной, в конце концов. Они управляли всем и всеми. Они создали нас. Для нас они боги.

Но в результате десятилетнего восстания и войны в попытке защитить человечество от извращённых игр нашего отца мы сами стали богами. Всё ещё оставаясь младенцами по сравнению с нашими создателями, мои братья и сестры и я начали править этим миром и всеми его жителями. И глядя на широкие просторы, ставшие нашими владениями, спустя несколько минут после финальной битвы я почувствовала то, что, как я надеялась, должно было закончиться вместе с войной. Я почувствовала страх.

Это казалось противоестественным. Чего могли бояться мы, новое поколение богов, взявшее в плен титанов? Но чем больше я пыталась представить будущее, тем отчётливее его видела. Мы унаследовали не только их троны. Мы взяли на себя их обязанности. Мир ждал нас, независимо от того, готовы мы или нет. Судьба человечества зависела от правильности наших решений.

В небе сверкнула молния, за которой последовала симфония громовых раскатов, выдёргивая меня из мыслей. Мой младший брат издал рёв, разнёсшийся на много миль вокруг.

– Тебе меня не превзойти, – Зевс толкнул локтем моего среднего брата, Посейдона.

Тот фыркнул.

– Пфф. Смотри, как надо!

Он взмахнул рукой, и море под нами ожило, зловеще забушевало, создавая фигуры и тени, танцевавшие на воде. Бросаясь вперёд, волны разбивались о скалу, на которой мы стояли, и земля дрожала под нашими ногами.

– Неплохо, – ответил Зевс. – Но я видал и круче.

Я и глазом не успела моргнуть, как Посейдон сбил его с ног, и следующие несколько минут они катались по земле, пытаясь подавить друг друга. Если человечество рассчитывает на нас, то их ждёт вселенское разочарование.

– Не будь такой мрачной, Гера, – Деметра, моя сестра, стояла рядом и с улыбкой наблюдала за борьбой наших братьев. Меня поражает, что она видит в их незрелости что-то смешное.

– Человечеству грозит полное уничтожение за считанные недели, – напомнила я. – Их нужно направить. Дать защиту и порядок. Помочь наладить жизнь после тирании титанов. Наши братья не готовы к правлению.

– Зато мы готовы, – произнесла Гестия, стоявшая по другую руку от Деметры. Обе мои сестры наблюдали за братьями с высоко поднятыми головами и в полной мере походили на великих королев, которые нужны этому миру. – Как и Аид. Да и Зевс с Посейдоном, как мне кажется, скоро повзрослеют.

– Никогда! – выкрикнул Зевс. Его смех эхом прогремел над океаном, когда ему удалось одержать победу в их кулачном бою.

– Видите? – я бросила сёстрам многозначительный взгляд. – Мы обречены.

– Я бы не спешил так с выводами, – наш старший брат, Аид, встал рядом со мной. Его тёмные волосы развевались на ветру. Он слегка улыбнулся мне, в его глазах виделся ум. То, чего как раз не хватало остальным братьям. – Ты молодец, сестрёнка. Без тебя мы бы ни за что не справились.

Мои щёки загорелись.

– Ты мне льстишь, – ответила с деланной скромностью. Мы оба хорошо понимали, что, внеся раздор между титанами, я обеспечила нам победу. Но вот война закончилась и мы вшестером стали союзом, который не разбить даже мне. Вместе мы оказались сильнее даже нашего отца. И мы должны сохранить это единство, если хотим иметь хоть какой-то шанс на успех.

– Вот уж вряд ли. Я даже осмелюсь предложить, чтобы ты возглавила нас всех, – сказал Аид.

Всё ещё валяющийся на земле Зевс резко сел, отпихивая от себя Посейдона.

– Гера, королева богов? – он усмехнулся и карикатурно подмигнул мне. – Разве что как жена короля.

Ему повезло, что я была слишком измотана битвой, иначе он бы никогда больше не смог подмигивать мне или какой-либо другой девушке.

– Хочешь сказать, что женщины не могут править сами? – спросила я.

– Я хочу сказать, что из этого ничего не выйдет, – Зевс встал и протянул руку Посейдону. Как только они оба оказались на ногах, братья ещё раз в шутку толкнули друг друга и направились к нам. – Люди привыкли к королю, а Рея никогда особо не занималась своими королевскими обязанностями. Человечеству сейчас нужен лидер, а не мамочка.

– Я могу быть лидером, – выпалила я, чувствуя, как в груди поднимается злость. Зевс прекрасно знал, что не стоит упоминать нашу мать. Мы ещё не оправились от её потери. – Чёрт подери, да из меня выйдет отличный лидер.

Зевс пожал плечами и провёл пальцами по золотым прядям.

– Может быть, но к победе привёл всех нас я. Мы все можем стать королями и королевами своих владений – благо, их у нас предостаточно. Но если речь идёт о верховном правителе...

– Гера принесла нам победу, – вмешался Аид своим характерным тихим, размеренным тоном. Я не представляю, как ему удаётся оставаться таким спокойным в ответ на это возмутительное высокомерие. Да, основной сокрушительный удар титанам нанёс Зевс, но он ничуть не сильнее остальных. К тому же он самый младший и меньше всех готов взять на себя такой груз ответственности.

– Мы все внесли свой вклад в победу, – возразила Деметра. – И будем править вместе, как единый совет. У всех будет равное право голоса, мы будем уважать друг друга и прислушиваться к мнению каждого. Только так мы сможем избежать нового восстания и участи титанов, – она сжала мою ладонь. – Ты согласна, Гера?

Будто я на самом деле могу возразить. Все пятеро смотрели на меня, ожидая, что я уступлю, так что выбора у меня не было. Я не стану той, кто разорвёт наши узы.

– Если это будет настоящее равенство, то я согласна.

По крайней мере, это значительно уменьшит шансы Зевса и Пойседона устроить хаос на земле.

Зевс по-мальчишески ухмыльнулся.

– Решено. Давайте делить царства.

– Царства? – удивилась я. – Но их же всего три.

– Да, – выразительно ответил Зевс, будто объясняя несмышлёному ребёнку сложные вещи. – Как я уже сказал, люди не примут женщину у власти.

У меня в глазах потемнело от ярости, я так сильно стиснула зубы, что могла бы растереть между ними алмаз. Но Зевс, словно ничего не замечая, продолжал. В его ладони появились три камешка.

– Посейдон, – обратился он и с глубоким поклоном, как если бы делал ему одолжение, протянул руку, чтобы тот первым тянул жребий.

Посейдон сощурил и по очереди прикоснулся к каждому камешку.

– Я знаю, чем ты хочешь править, – произнёс он. – И ты знаешь, какое царство хочу я. Так почему бы просто не договориться?

Зевс хмыкнул.

– Это слишком скучно, не находишь? – но центральный камешек засветился, и Посейдон схватил его. В ту же секунду гигантская волна разбилась о нашу скалу, и камень улетел в морскую пучину.

Посейдон ухмыльнулся.

– Отлично.

– Знал, что тебе понравится, – после чего Зевс повернулся к Аиду и протянул два оставшихся камня. – Брат.

Аид долго и пристально смотрел на него. Несложно было догадаться, что скрывается за его маской невозмутимости. Позволить Зевсу завладеть небом и получить верховную власть над всеми живущими было по меньшей мере опасно. Зевс не был готов к такой ответственности, но если затея с советом успешно воплотится, то, возможно, они смогут справиться с ним. А если принудительно отправить Зевса в Подземный мир заниматься мёртвыми, то это может убить свет внутри него – тот самый свет, который объединил всех нас, когда мы уже думали, что проиграли. Зевсу не место в царстве мёртвых. Оно ему просто не подходит, и мы все это знаем. Но это не значит, что он готов править миром живых.

Не разрывая зрительный контакт, Аид выбрал один из оставшихся камешков. Я задержала дыхание. Наконец, выбранный им камень загорелся – неожиданный свет во тьме. Подземный мир. Ну разумеется, Аид пожертвовал собой ради счастья брата.

Прежде чем кто-либо успел среагировать, я схватила третий камешек с ладони Зевса и зажала его в кулаке.

– Я буду править небом. Когда ты будешь готов и покажешь себя достойным царства, тогда сможешь вернуть себе этот камешек.

– Гера... – начала Деметра, но Зевс её перебил.

– Этого ты хочешь? Полной анархии среди людей? Их страданий? – он выпрямился во весь свой рост, небо гремело за его спиной. На мгновение я увидела в его чертах нашего отца и отшатнулась от него. – Ты положишь начало новой войне, если продолжишь отказывать мне в законном праве.

– Почему это твоё законное право, а не моё? Из-за того, что я женщина? – выпалила я. В моём голосе было больше смелости, чем я на самом деле ощущала, видя, как распаляется брат и бушует его дар. И хотя мой не уступал по силе, он был

тихий, сдержанный, такой, что его не заметишь, пока не станет слишком поздно. Я не могу показательно использовать его, чтобы пригрозить другим, как это делает Зевс.

– Да, – прямо ответил Зевс. – Потому что тебе не повезло, что тебя создали по подобию нашей матери и что наша мать хотела отличаться от отца. Потому что такой образец титаны навязали не только нам, но и всему миру, а нам нужно поддерживать порядок. Ты будешь королевой, если так хочешь этого, Гера, но ты останешься на втором месте после короля.

Никто не рискнул спорить с ним. Никто не поддержал меня. Секунды казались вечностью, а внутри меня бушевала ненависть, с которой ничто не могло сравниться. Даже к Кроносу я не испытывала такого отвращения.

– Когда-нибудь я докажу, что ты не прав, – прорычала я. – И когда этот день настанет, ты будешь изгнан, отдан на съедение волкам. Потом не говори, что я не предупреждала.

Развернувшись на каблуках, я направилась вглубь острова. Это могло быть прекрасное место для жизни, если бы не зияющая рана на теле земли, ведущая прямиком в Подземный мир, где теперь были заточены Кронос и другие титаны. Есть и положительный момент в том, что Аид отдал Олимп Зевсу: он точно не позволит Кронос сбежать из недр Тартара.

– Гера! – окликнул Зевс. – Ты не можешь вести себя нормально?

Я проигнорировала его. Если он не хочет, чтобы я правила этим миром, то ноги моей здесь не будет. Но уже через несколько секунд слышу приближающиеся шаги за спиной и резко разворачиваюсь.

– Что тебе непонятно?..

Я остановилась. Меня догнал не Зевс, а Аид. В темноте он выглядел в точности как наш отец, и от этого было немного не по себе, но мы все уже привыкли. Он мог изменить свой облик, как и любой из нас, но не хотел скрывать своё настоящее лицо – это значило бы проиграть Кроносу.

– Прости за него, – тихо произнёс Аид. – Он не должен так разговаривать с тобой.

Я проглотила ком в горле и подняла подбородок выше. Я не позволю Зевсу задеть меня. Он того не достоин.

– Я не буду на втором месте. Я достойна большего. Как и все мы.

Он слабо улыбнулся.

– Ты бы никогда не оказалась на втором месте, потому что это значило бы, что есть кто-то более достойный. Даже не сомневайся, мы победили только благодаря тебе, Гера. Ты наша главная сила, и мы все это знаем. Просто некоторым сложно признать чужое превосходство.

Помедлив, я устало выдохнула.

– Он погубит нас всех.

– Может быть, – согласился он. – А может и нет. Время покажет.

– Я не буду править вместе с ним.

– Я понимаю тебя, – он коснулся моего плеча. – Ты заслуживаешь лучшего отношения.

По спине пробежало какое-то щекочущее ощущение. Его горячая ладонь создавала приятную тяжесть.

– Я могла бы отправиться с тобой в Подземный мир, – предложила я. – Тебе понадобится помощь с распределением душ.

На долю секунды его сочувствующая улыбка сменилась жалкой, и я вздрогнула. Но не успела я что-либо сделать, как он заговорил с теплотой в голосе:

– Я был бы очень этому рад, но как бы мне ни было приятно твоё общество, я понимаю, что Подземный мир не для тебя. Меня устраивают темнота и тишина, но ты, сестра, угаснешь без света. Я не могу так с тобой поступить.

– Ты не знаешь этого наверняка, – возразила я. – Я согласна на темноту и тишину – что угодно, лишь бы подальше от Зевса.

Он тихо хмыкнул.

– Как я уже сказал, я тебя понимаю. Но со временем всё может измениться, а пока что у тебя будет полноценное право голоса в совете.

– А вдруг Зевс не станет довольствоваться малым? Вдруг он найдёт способ стать главным?

– Тогда и будем думать, что с этим делать. Но помни, что я на твоей на стороне.

Хоть кто-то.

– Может, я всё-таки пойду с тобой?

Он прижался губами к моему лбу.

– Я никогда себе не прощу того, что может с тобой сделать Подземное царство. Но я буду часто тебя навещать. Обещаю, ты никогда не будешь одна.

Его слова согревали меня изнутри, прогоняя остатки злости.

– Почему ты такой хороший, Аид? Почему ты не можешь быть таким, как Посейдон с Зевсом? Было бы проще заявить, что никто из вас не годится на роль правителя.

Он сжал моё плечо.

– Потому что тогда мы бы все воевали друг с другом. Сама понимаешь, чем бы это закончилось. Возвращайся на Олимп, Гера. Отдыхай. Скоро увидимся вновь, а пока не позволяй Зевсу действовать тебе на нервы. Триумф и свобода могут вскружить голову любому человеку.

– Но он не человек. Он бог.

– Тогда это может затянуться, – он обнял меня и тут же отпустил. – Не забывай, что ты очень важна всем нам.

С этими словами он развернулся и направился к запечатанной расщелине, не оставляя следов на грязи. Я смотрела ему вслед, пока тьма не поглотила его, и как только он исчез, сделала судорожный вдох и вернулась к остальным. Я бы ни за что не пошла за Зевсом, но пока у меня есть поддержка Аида, возможно, эта новая жизнь будет не так уж плоха.

* * *

Посреди ночи меня разбудил стук костяшек по стене моей спальни на Олимпе. Обычно нам не требуется сон, но после того, как мы израсходовали все свои силы в последней битве, нам нужен отдых. И потому стук стал для меня неожиданностью.

– Открыто, – крикнула я, садясь на кровати и поправляя волосы. Я была очень уставшей, голова казалась тяжёлой и веки закрывались сами собой, но привычка быть всё время настороже, выработавшаяся за эти десять лет, давала о себе знать. Стук мог означать очередную битву или неожиданное развитие событий. Каждую минуту мы придумывали всё новые стратегии и держали руку на пульсе, у нас никогда не было достаточно времени, чтобы отдохнуть.

Занавески разъехались в сторону, и в комнату вошёл Зевс. У меня внутри всё сжалось. Олимп всегда находился между голубым небосводом над головой и яркими красками заката внизу, но даже озаряемый золотыми лучами солнца, Зевс был бледен. И правильно. Если в мире существует какая-то справедливость, его должна мучить совесть за то, как он отнёсся ко мне и сёстрам.

– Гера? – мягко позвал он. – Я тебя не разбудил?

– С каких это пор тебя волнуют такие мелочи? – я снова забралась в постель и закрыла глаза. – Давай быстрее, у меня был приятный сон, и я хочу вернуться к нему.

В этом сне был кое-кто с тёмными волосами и серебряными глазами и совершенно не было солнечного света, который всегда освещает Олимп.

Зевс молчал почти минуту. И когда я уже почти погрузилась в сон, внезапно произнёс:

– Я люблю тебя.

Я распахнула глаза.

– Что, прости?

– Уже давно, – он подошёл ближе и протянул ко мне руку, словно ожидал, что я потянусь в ответ, но я не сдвинулась с места. Зевс поколебался. – Ты удивительная, Гера. Красивая. Сильная. И из всех моих сестёр, мне кажется, ты больше всего подходишь на роль моей спутницы.

Я покачала головой.

– В мире достаточно женщин, которые только рады составить тебе компанию, Зевс. Я не стану очередным пополнением твоей коллекции.

– Нет, что ты. Я посвящу себя тебе и твоей силе, твоему великолепию. Брошу всех остальных, если настаиваешь, но я хочу жениться на тебе.

Наступила долгая тишина. Всю усталость как рукой сняло, потрясение зарядило меня энергией. Он хочет, чтобы мы поженились? Да он даже не готов разговаривать со мной, как с равной. Неужели он серьёзно рассчитывает, что я свяжу свою жизнь с ним?

– Нет.

Зевс отпрянул, будто я ударила его.

– Что?

– Я сказала нет.

– Но... Я король неба, – ошарашенно выдавил он. Очевидно, что он не ожидал иного ответа, кроме как согласия. – Ты можешь стать моей королевой. У тебя будет полная власть...

– Я не хочу быть твоей королевой, – разозлилась я. – И мы оба знаем, что ты подразумеваешь под "безграничной властью": то, что позволишь мне ты. А я не буду второй ни после кого. Я не выйду замуж за того, кто смотрит свысока на то, что я женщина. Уходи.

Молчание. Зевс прожигал меня взглядом, а я его. Нет, в этом вопросе я не уступлю. Не позволю ему нацепить на меня ошейник и показывать всем, как трофей. Я дочь Кроноса. Я должна была стать королевой богов, а не его королевой.

Он ушёл, не сказав ни слова. Я понимала, что он так этого не оставит: если Зевс что-то задумал, то его ничто не оставит. Война с титанами тому доказательство. Но пока что мне нужно восстановить силы. Мы только-только закончили войну. Я не готова к новой.

* * *

Утром, когда должно было состояться первое собрание совета, я провела целую вечность перед зеркалом, ища в зеркале недостатки. Прошёл почти месяц с тех пор, как закончилась война. У нас было время оценить ущерб и начать его исправлять. Пока братья пытались навести подобие порядка в своих владениях, мы с сёстрами ходили по земле, наблюдая за людьми и находя проходы между царствами. Каждый раз, когда мы находили пещеру, ведущую в Подземный мир, мне безумно хотелось спуститься в гости к Аиду, но сёстры уверяли, что он сейчас очень занят. Я не знала, так ли оно на самом деле, но не хотелось грузить его без необходимости.

По-хорошему с нами должен был быть Зевс, но есть у меня подозрение, что сёстры специально договорились вывести меня с Олимпа подальше от него. Мы почти не разговаривали друг с другом с того самого его предложения. Что бы им ни двигало в тот момент, похоже, он отказался от этой затеи. И хотя мне как-то слабо в это верится, но, возможно, он не такой твердолобый, как я считала раньше.

Все эти недели я потихоньку мирилась со своим новым положением. Мне вовсе не нужен титул, чтобы иметь власть. Я та, кто я есть, и никто – ни Кронос, ни Зевс – не отнимет это у меня.

И вот сейчас, когда нам всем предстояло снова собраться вместе, я дрожала от нетерпения. Отчасти меня радовала идея воссоединения семьи. Ведь порознь мы не так сильны, как все вместе. Но в то же время чем больше я представляла себе грядущую встречу, тем чаще видела перед собой лишь одно лицо: Аида.

Наконец-то, время пришло. Я отодвинула занавеску, чтобы выйти. Но вместо пустого коридора я увидела павлина на атласной подушке прямо на выходе из моей комнаты. Подарок?

Птица встала, раскрыла свой потрясающий сине-зелено-золотой хвост и уверенно вошла в мои покои, будто только и ждала, когда я её впущу. Да, точно подарок. Но от кого?

Я подобрала упавшее перо, пощекотала нос и улыбнулась. Зевс никогда бы не додумался до такого. Он бы попытался завоевать меня золотыми побрякушками и прочими холодными, пустыми безделушками. А значит остаётся только один вариант, кто мог преподнести мне такой экстравагантный подарок.

Аид.

Может ли он быть так же взволнован нашей предстоящей встречей, как я? Может, после месяца одиночества в Подземном мире, он одумается и всё-таки предложит мне стать его женой? Мой восторг усилился в десятикратном размере, и я разве что не побежала по небесно-голубому, залитому свету коридору, крепко держа в руке перо. Как минимум, этой мой шанс сбежать. Шанс самой выбрать свою судьбу. И я ни на секунду не сомневалась, что Аид – правильный выбор. Я бы выбирала его снова и снова, до скончания веков. Особенно если на другой чаше весов Зевс.

Тронный зал находился в самом центре Олимпа, и от него расходилась дюжина коридоров, как лучи солнца. Это была наша резиденция во время войны, место силы, куда не могут проникнуть даже сам Кронос, и где мы всегда чувствовали себя в безопасности. Теперь, когда Олимп стал частью территории Зевса, он как будто потускнел. Но ничто и никто – даже сам Зевс – не сможет испортить мне этот день.

Нет. Кое-что всё-таки может. Как только я влетела в тронный зал, моё сердце ухнуло вниз. Зевс, Посейдон, Деметра и Гестия уже собрались и ждали меня, но трон Аида оставался пустым.

– Доброе утро, – поздоровалась я, стараясь не выдавать своё разочарование. Наверное, он просто опаздывает. Ему дольше всех добираться до Олимпа.

– Доброе утро, – ответил Зевс. Он состарил себя на несколько лет, но даже с бородой он не стал похож на короля. – Теперь, когда мы все в сборе, я бы хотел начать наше собрание...

– А как же Аид? – перебила я. – Разве нам не нужно его подождать?

– Аид не придёт, – в голосе Зевсе слышалось раздражение.

Я опустила перо.

– Ох.

Улыбка Деметры, сидевшей напротив, была полна сочувствия. То есть все знали. Даже Зевс. Несложно догадаться, что это была, как минимум, одна из причин, почему я ему отказала. Видимо, кто-то из сестёр сказал ему.

Я нахмурилась. Мои чувства к Аиду казались моей личной тайной, о которой я не хотела, чтобы знали другие. И теперь, представляя, как сёстры обсуждают с Зевсом меня и Аида, я чувствовала мороз по коже.

Зевс прочистил горло и кивнул в мою сторону.

– Вижу, ты получила мой подарок. Считай это извинением за то, как я повёл себя с тобой. Я бы подарил тебе небеса, если бы мог, но Деметра настояла, чтобы это было что-то попроще.

Я чуть было не выронила перо. Его подарок? Который помогла выбрать Деметра?

– Спасибо, – пробормотала я, сверля взглядом сестру. Она знала, как я отношусь к Зевсу. Подбадривать его таким образом ухаживать за мной было жестоко не только по отношению к нему, но и ко мне.

Собрание началось. Обсуждали какие-то нейтральные вещи, которые не вызывали бурных обсуждений. Посейдон и Зевс рассказывали о своих успехах, как им удаётся защищать своих подданных от опасностей и учить их заботиться о себе теперь, когда титаны больше им не угроза. Мои сёстры в ответ поделились тем, что нам удалось найти на земле. Я сидела молча и смотрела на пустой трон Аида. Его царство самое большое из всех – конечно, после войны у него там много дел.

Но он обязательно придёт в следующий раз. Он не нарушит своё обещание. Только не то, которое дал мне.

* * *

Аид не пришёл не в следующий раз, ни в третий, ни в четвёртый. В конце концов спустя почти год после окончания войны его трон убрали вовсе.

– Аид реши стать почётным членом совета, – объявил в тот день Зевс. – Он будет присоединяться к нам, только для решения самых важных дел, в остальных случаях он полагается на наше решение в отношении всего, что находится за пределами его владений.

Другими словами, он отделился от нас, нарушил единство богов. Боль пронзила меня, горячая и неуёмная. Я быстро заморгала, чтобы не выдать свою реакцию.

Ладно. Если он считает, что мы того не стоим... что я того не стою... да будет так. Он нам не нужен. Мне он не нужен.

Но это ведь неправда. Пустота в груди там, где была надежда на счастливую жизнь, теперь пожирает меня изнутри. Он олицетворял собой всё, чего я хотела: уважения, сострадания, честности и зрелости – того, чего о Зевсу можно только

мечтать. Возможность жить с тем, кто считает меня равной. И одним-единственным решением он разрушил все эти надежды.

Как только собрание окончилось, я сбежала на землю. Стояло лето, и лес изобиловал яркими красками: зелёные листья, красные и сиреневые цветы, голубое небо и коричневая земля – всё это могло бы показаться мне прекрасным, но я была ослеплена предательством Аида.

Я села на берегу озера и заплакала. Мой плач эхом разносился по лесу, но я была совершенно одна. Всегда одна. Сёстры были довольны тем, что им досталось. Каждый брат получил своё царство. Когда же я получу свой шанс на счастье? Когда же я начну жить так, как хочу?

Мы начали войну с титанами не только для того, чтобы спасти человечество. Мы также боролись, чтобы спасти самих себя. Я сражалась за свою свободу, но зачем она мне, если в одинокой жизни нет никакой радости? Я хотела разделить эту вечность с кем-то, создать узы на основе уважения и верности, чтобы знать, что для кого-то в этом мире я и есть целый мир. Но теперь у меня этого не будет. Я не могу быть с тем, кто был бы равен мне. Я никогда не выберу того, для кого я буду значить меньше. Аид был моей единственной надеждой.

Жалобный писк привлёк моё внимание, и я перестала плакать. В нескольких шагах от меня распласталась на земле крошечный птенчик размером не больше жёлудя. Его крылышко было неестественно изогнуто, и он звал на помощь.

– Бедняга, – я осторожно взяла его в ладонь и погладила по спине. Если не считать павлина – моего вечного спутника на Олимпе, –то это самое нежное создание, которое я когда-либо видела.

Я коснулась сломанного крыла, собираясь исцелить его. Кости легко встали на место, и птенец выпрямился. Казалось, он не мог поверить, что крыло снова в порядке, – он продолжал прижимать его к себе, пока расправлял второе, будто бы готовясь взлететь. Но вместо полёта остался сидеть на моей ладони и наклонил голову вбок, чирикнув мне ещё раз.

Несмотря на разбитое сердце, я улыбнулась.

– Ты снова можешь летать. Тебе не обязательно оставаться со мной.

Он перепрыгнул с моей ладони на кончики пальцев и, наконец, распростёр оба крыла. Когда он взлетел, я ощутила уже знакомую боль в груди, и это только вызвало новую волну слёз. Рано или поздно меня покидают все.

Но пока я думала об этом, нечто лёгкое, как пёрышко, коснулось моего плеча, и птенец защебетал у меня под ухом. Я вытерла щёки.

– Ты вернулся, – заплаканным голосом произнесла я.

Новое щебетание, и потом он зацепил клювиком прядку моих волос. Я выдавила слабую улыбку.

– На твоём месте я бы не стала кушать волосы. Давай найдём тебе какие-нибудь зёрнышки.

Мы с птенцом провели вместе остаток дня, гуляя по лесу вокруг озера, пока я пыталась выбрать ему новый дом. Но как бы я ни вглядывалась, среди многочисленных веток так и не увидела ни одного гнезда. Он же совсем ещё малыш и не мог жить сам по себе, но не было слышно ни его мамы, ни других птенцов. Видимо, его всё-таки бросили.

– Мы с тобой не такие уж разные, – сказала я, держа его на указательном пальце. Мы сидели на камне, греясь в лучах послеполуденного солнца. – Я тоже сама по себе.

Он вопросительно чирикнул, будто понимал слова. Хотя может и понимал.

– Мой брат... мой друг... он тоже меня бросил, – глупо разговаривать с птицей, изливать ей душу, но у меня больше никого не было. – Он обещал прийти ко мне, но уже прошёл год. Не так много для бессмертных, хотя ты наверняка считаешь иначе, но всё равно больно.

Рядом зашелестели листья, птенец перепрыгнул с одного моего пальца на другой. Он прекрасно знал, что может летать, но оставался. И осознание этого исцеляло моё сердце. Ну хоть кто-то выбрал остаться со мной.

– Мой брат – другой брат – хочет жениться на мне, – рассказала я. Птенец снова наклонил голову, и я улыбнулась. – Он повелитель неба – твой король, даже если ты об этом не знаешь. Знаешь, поначалу я не верила, что он справится. Никто не верил, но он доказал всем, что мы ошибались, и от этого мне только хуже. Ты когда-нибудь хотел быть нужным кому-то настолько сильно, что тебе казалось, будто твоё сердце вот-вот разорвётся?

Он посеменил по моей руке и взобрался на плечо. Я предложила ему палец, но он остался на месте.

– Конечно, нет. Но моему брату Зевсу я нужна всего лишь как украшение. Чтобы выглядеть сильнее. Он не видит настоящую меня... Он не любит меня. Его интересует только моя сила. И даже если я согласилась бы выйти за него, он никогда не был бы мне верен. Он не считал бы меня равной и требовал бы, чтобы я преклоняла колени перед ним. Это не та жизнь, о которой я мечтала.

Новое щебетание, и птенец трётся своим маленьким телом об изгиб моей шеи.

– Я хочу жить в равенстве и взаимном уважении. Как партнёры. Я хочу, чтобы меня любили такой, какая я есть, а не за ту пользу, которую могу принести. Мне нужен тот, кто будет держать свои обещания. Кто не будет видеть во мне приз, который нужно завоевать, – я вздохнула, рассматривая узор на камне. – Я хочу стать счастливой.

Внезапно он улетел, исчезнув среди деревьев. Моё сердце подскочило. Я встала, готовая последовать за ним. Он не мог просто бросить меня. Я собиралась взять его с собой на Олимп, подарить бессмертие, чтобы он всегда был рядом...

Но он не вернулся. Лес ни на секунду не затихал: шорох листьев, плеск воды и множество других звуков сливались в природную гармонию. Я напряжённо прислушивалась, пытаясь различить щебет. Но безуспешно.

Всхлипнув, я села обратно на нагретый солнцем камень. Так вот какой будет моя жизнь. Постоянное одиночество, тоска по тому, чего у меня никогда не будет, и все, кого я полюблю, будут бросать меня. Сначала была моя мать, затем Аид и вот теперь этот птенец, которого я едва знала, но чьё исчезновение ранило столь же сильно, как напоминание уже пережитой боли.

Я спрятала лицо в ладонях и, позабыв о всякой гордости, разрыдалась. Из-за жизни, которой у меня никогда не будет. Из-за тысячелетий, которым не будет конца. Из-за надежды, которую у меня забирали снова и снова, пока не осталось ничего.

– Гера?

Я подавила всхлип, резко замолчав. Голос прозвучал слишком приглушённо, чтобы сразу его узнать, но он определённо был мужским. Один из моих братьев. Аид?

Ветка хрустнула, я мигом подскочила. Нет времени смыть слёзы в озере. Из леса ко мне приближалась фигура, поначалу скрытая в тени. Но как только он вышел на свет, я не могла не узнать его.

Зевс. Ну разумеется. Ничто никогда не бывает так, как хочу я.

– Что тебе надо? – я села обратно на камень и притянула колени к груди.

Я ожидала услышать остроумный ответ – какую-нибудь шутку типа: "Не плачь, я пришёл озарить твой день". Вместо этого он опустился на колени в нескольких шагах от меня, и краем глаза я увидела на его лице беспокойство. Искренняя или нет, мне его жалость не нужна.

– Прости меня, – его слова прозвучали тяжело, будто он тщательно обдумывал каждое, перед тем как произнести. – Не только за то, как я поступил с тобой, но и за то, что думал о тебе. Отец... – Зевс поколебался. – Отец был плохим образцом, но, боюсь, я перенял от него отношение к нашей матери. Ты заслуживаешь лучшего, и она заслуживала тоже, и за это я прошу прощения.

Я закрываю глаза. Он может извиняться сколько захочет. Это ничего не изменит.

– Ты лучшая из нас, Гера, – тихо произнёс он. – Самая сильная, самая умная и, конечно же, самая достойная. А ещё... ты самая прекрасная девушка, которую я знаю. Не только внешне, но и внутри.

Наглая ложь, и мы оба это знаем. Гестия – самая добрая и ласковая из нас, а Деметра самая спокойная. У меня же есть сила. И гордость. Я не готова довольствоваться малым.

Признаю, его слова всё равно не оставили меня равнодушной – маленький оазис посреди пустыни моей жизни. И всё же я не спешила их принимать.

– Я люблю тебя, – Зевс положил ладонь мне на плечо, как это сделал Аид в тот вечер, когда мы победили в войне. – Не как украшение. Не как приз. Я вижу тебя настоящую и люблю такой, какая ты есть.

Я отпрянула от него.

– Ты следил за мной?

– Просто хотел убедиться, что ты в порядке. После сегодняшнего собрания я беспокоился, что ты...

– Ты не имел права, – разозлившись, я попыталась уйти. – Это был личный разговор.

– Гера, – повелительный тон в его голосе так напомнил нашего отца, что я не смогла не остановиться и не развернуться к нему. На месте Зевса оказался мой птенец, подлетел ко мне и за секунду вновь сменил облик. Зевс стоял в шаге от меня. – Я готов стать для тебя кем захочешь. Ради тебя.

Масштабы его обмана поразили меня, я дала ему пощёчину.

– Мне плевать, кем ты готов стать. Для меня ты навсегда останешься вором, укравшим моё законное место и обманом выведавшим мои тайны.

– Это и мои тайны тоже, – Зевс взял меня за руку с такой нежностью, какой я от него не ожидала. Я выдернула ладонь, и его лицо дрогнуло. – Прошу, Гера... Мне одиноко. Мне тяжело. Я всего лишь хочу разделить с кем-то свою жизнь. Не подчинить, как титаны. А обрести супругу, равную мне во всех отношениях.

Я замотала головой. Он просто повторяет слова, которые я так необдуманно озвучила ему. Я не позволю ему найти лазейку к моему сердцу.

– Ты лжёшь. Ты никогда не будешь мне верен, а я не согласна на меньшее.

– Значит, ты это получишь. Другие женщины... даже близко не сравнятся с тобой, а мне нужна только ты. Только ты одна. Я твой, Гера, и всегда буду твоим, сколько бы ни сменялись времена года. Я готов на всё, чтобы доказать тебе серьёзность своих намерений.

– Тогда отдай мне своё царство, – выпалила я, не подумав. Но это была самая верная проверка: если Зевс любит меня так сильно, как заявляет на словах, тогда почему бы не поставить на чашу весов то, что ему дороже всего?

Я ожидала сомнений. Думала, он начнёт торговаться. Вместо этого он просто кивнул и, солнце нам свидетель, опустился на колено.

– Моё царство – твоё царство. Ты будешь моей королевой, а я твоим королём. Мы будем править вместе, как партнёры, как равные, независимо от того, выйдешь ты за меня или нет. Каким бы ни был твой выбор, отныне будет так.

Я молча уставилась на него. Он же это не серьёзно? Не знаю, что за игру он ведёт, но я для него всего лишь пешка, способ развлечься, забив на важные дела.

Но, справедливости ради должна заметить, что он был хорошим правителем всё это время. Он уже отнюдь не тот мальчишка, что вёл нас на войну. За год с того момента, как мы одержали победу, он возмужал, и теперь я горжусь тем, что он мой брат, пускай мне и неприятно в этом признаваться даже самой себе.

– Я никогда не склонюсь перед тобой, – предупредила я.

– Поэтому на коленях стою я.

– Я не потерплю любовниц.

– Мне нужна только ты.

– Я требую постоянного уважения и честности.

– Отныне и навсегда.

Его голос был нежен и полон надежды, тёплый взгляд растопил лёд вокруг моего сердца, и я всё-таки позволила себе расслабиться. Не полностью, но достаточно, чтобы дышать.

– Я не дам тебе ответ прямо сейчас, – произнесла я после долгой паузы. – Говорить красивыми словами легко, но я хочу, чтобы ты доказал мне это на деле. Я дам тебе всего один шанс. Если хоть как-нибудь обманешь моё доверие или хоть на секунду посмотришь на меня свысока, всё будет кончено. Но если ты докажешь,

что настроен серьёзно, что ты изменился и готов к таким отношениям... То когда придёт время, я стану твоей женой.

На его лице мелькнула неуверенность, но почти сразу исчезла, и он встал.

– Хорошо. Я предан тебе, – он провёл пальцами по моей щеке, внутри меня поднялся трепет. – Я сделаю всё, чтобы доказать тебе, что говорю правду.

– Прекрасно, – не хочу давать ему такого удовольствия, как осознание, что его обещания много значат для меня. Как показал Аид, обещания легко нарушить. – Посмотрим, как ты справишься.

– Давай начнём с небольшой прогулки, – предложил Зевс. – Сегодня отличная погода, а со мной самая красивая девушка в мире. Грех упустить такую возможность.

И он снова взял меня за руку. На этот раз я не сопротивлялась.

* * *

Зевс был верен своему слову. Я не могла поверить, что такое возможно, но с того дня он и вправду относился ко мне как к равной. Мы вместе правили его царством – теперь уже нашим, – ходили к людям, присматривали за ними, вмешивались, когда проблемы обострялись до такой степени, что сами люди не могли решить конфликты мирными способами. Последнее, чего нам не хватало, так этой войны между смертными. Мы с Зевсом всё время были заняты тем, что то тут, то там разряжали накалившуюся обстановку. Однажды они научатся справляться сами, но пока нет.

Вдобавок к уважительному отношению он осыпал меня подарками и окружал вниманием. Более того, он был ласков, никогда не переходя границу. В скором времени мне стало приятно проводить время вместе с ним, а разлука с Аидом превратилась в грустное воспоминание.

Каждый вечер Зевс предлагал мне руку и сердце. Каждый раз я отвечала отказом. Но его решимость была непоколебима, и со временем я уже не могла отрицать, что он изменился. Дни шутливых боёв в грязи с Посейдоном остались в прошлом. Я горжусь быть рядом с ним в качестве королевы, в качестве равной. Мои чувства к нему становились глубже, и хотя иногда по ночам я представляла себе жизнь с кем-то, кого полюблю по-настоящему, я в то же время понимала, что это лучший вариант, что у меня есть.

Так что в конце одного из дней – совершенно непримечательного на первый взгляд, но тем не менее замечательного после проведённого с Зевсом времени, – я ответила ему согласием.

Утром в день свадьбы сёстры помогали мне с приготовлениями. Я искупалась в чудеснейшем источнике, украсила волосы прекраснейшими цветами и тысячу раз проверила в зеркале в своих покоях, что выгляжу безупречно. Но, казалось, только одна Гестия разделяла мою радость. Деметра была подозрительно тихой, пока заплетала мои волосы. Ни мне, ни Гестии так и не удалось вывести её из этого состояния.

В конце концов, как только сестра закончила с моей причёской, я развернулась к ней.

– Ну же, скажи это вслух.

Деметра непонимающе моргнула.

– Что сказать?

– То, о чём думаешь. Я чувствую твоё неодобрение даже с закрытыми глазами и не могу допустить, чтобы моя сестра была несчастна в день моей свадьбы.

Она поджала губы и, поколебавшись, пробормотала:

– Я просто не уверена, что ты приняла верное решение, вот и всё.

Я предполагала нечто подобное, но внезапно меня накрыло.

– Почему это? – возмутилась я, даже не пытаясь смягчить тон. У неё нет никакого права подвергать сомнению мои решения. Сама она предпочла жить в одиночестве, но противоположный выбор не делает меня слабее.

Гестия встала между нами.

– Не нужно ссориться. Гера, ты приняла решение, а Деметра просто переживает за тебя...

– Переживает? Что-то мне подсказывает, что всё не так просто. Не правда ли, Деметра?

– Гера... – снова попыталась успокоить меня Гестия, но я перебила её:

– Нет, пусть выскажется.

Деметра снова замялась, но всё-таки сказала:

– Зевс приложил немало усилий, пытаясь доказать, что он изменился ради тебя. Но нельзя вот так просто измениться, Гера... Это должно быть внутренним порывом, а не чужим требованием. И я переживаю, что как только свадьба состоится, он вновь превратится в того, кого ты ненавидишь.

– Ты что-то слышала? – спросила я. – Может быть, видела, как он делает что-то, что ставит под сомнение его преданность мне?

– Нет, но...

– Он изменился, – я встала. – Я знаю его. Он не просто решил стать лучшей версией себя ради меня, но он также гордится тем, кем он стал, и хочет таким остаться.

– Гера... – Деметра потянулась ко мне, но я отстранилась.

– Если бы у тебя были какие-то доказательства, свидетели... Но у тебя ничего нет, потому что он верен нет. Он уважает меня и никогда не предаст. Он бы ни за что не поступил так со мной.

– Зевс может наговорить или сделать всё что угодно, чтобы ты вышла за него, – не сдавалась она. – Для него это игра. Я не сомневаюсь, что он тебя любит, но это не значит, что он останется верным тебе, когда получит желаемое, и тебе стоит быть готовой к тому, что есть подобная вероятность...

– Нет такой вероятности, – отрезала я. – Он изменился, вот увидишь. Вы обе увидите. Если только ты не собираешься спровоцировать его, лишь бы доказать, что я неправа.

Её глаза распахнулись.

– Нет, конечно...

– Ты любишь его? Хотела бы оказаться на моём месте? Мечтаешь стать его королевой, Деметра?

Лицо сестры посуровело.

– Я хочу только, чтобы ты была счастлива. Если это теперь считается преступлением или чем-то ещё, из-за чего я заслужила твой гнев, то пускай. Я не собираюсь раскаиваться в том, что забочусь о тебе.

– Мне не нужно, чтобы ты обо мне заботилась! – выпалила я. – Я королева. Я могу сама о себе позаботиться.

В её глазах вспыхнуло пламя и несколько долгих секунд она молча смотрела на меня. В итоге она присела в реверансе с таким видом, будто ей ужасно неприятно это делать:

– Как пожелаете, ваше величество.

Эти слова были подобны пощёчине. Мне не нужна её мнимая почтительность. Я хочу реального уважения. Признания, что я не просто какая-то маленькая глупая девочка, для которой замужество – предел мечтаний. Мне хочется, чтобы она верила, что я могу сама принимать решения, а не только подчиняться остальным. Это моя жизнь. Что я с ней делаю – это только моя забота, и у неё в этом вопросе нет права голоса. Но одним этим жестом она показала всё, что думает о моём выборе, и я ненавижу её за это.

– Идёт, – Гестия коснулась моей руки. – Пора. Зевс уже ждёт.

Я ничего не ответила, и она повела меня из моих покоев по коридору, окрашенному цветами заката. Если Деметра не одобряет мой брак, это её проблемы, не мои. Я иду навстречу своему бесконечному будущему. Если она желает остаться позади, пускай.

* * *

Аид ждал меня в вестибюле.

Я ощутила его присутствие, как только ушла Гестия. До этого самого момента я не осознавала, как сильно мне не хватало его всё это время. В груди разлилось тепло, я улыбнулась. Приятное чувство, будто вернулась домой.

– Я скучала по тебе, – я сделала шаг к окну, откуда он смотрел на бескрайнее небо. – Переживала, что ты решил окончательно обособиться от нас.

– Никогда, – он развернулся и окинул меня взглядом. – Прекрасно выглядишь.

Мои щёки вспыхнули, я подошла ближе и встала рядом с ним.

– Я сегодня выхожу замуж, ты знал?

– Слышал, – его пальца коснулись моих, и я тут же взяла за руку. – Деметра рассказала мне о вашей ссоре.

Мыльный шар счастья в моей груди лопнул.

– У неё не было права.

– Она просто волнуется о тебе. Мы все видели, на что способен Зевс, и мы все любим тебя. Никто не хочет, чтобы ты пострадала.

Я покачала головой.

– Он изменился. Ты этого не видел, но... Он уже совсем не такой, каким был раньше. Он снова и снова доказывал мне, что любит и уважает меня, – мой голос сорвался на высокие ноты. – Это всё, чего я хочу, ты же знаешь. Чтобы меня любили и уважали.

– Да, знаю, – он сжал мою ладонь. – Ты уверена, что будешь счастлива, что бы ни случилось?

Я сделала глубокий вдох.

– Он сдержит все свои обещания, Аид. Я знаю его. И он любит меня.

– Иногда любви недостаточно, как бы сильно нам того ни хотелось.

Его слова, как нож, пронзают меня в самое сердце.

– Достаточно, если мы говорим о том, кто заслуживает доверия. Кто не нарушает обещаний. Не бросает, не сказав ни слова. И не улыбается, забыв про все обязательства.

Аид нахмурился.

– Я тебе ничего не обещал...

– Обещал, – мой голос надломился, и я отпустила его руку. – Ты обещал мне, Аид, что будешь навещать. Обещал, что будешь рядом и что мне никогда не будет одиноко, но мне было. Я ждала тебя, а ты так и не пришёл.

Молчание. Он снова потянулся к моей руке, но я отпрянула. Он тяжело сглотнул.

– Прости. Я не знал...

– Что сделано, то сделано, – я зажмурилась, пытаясь вернуть самообладание. – У тебя был шанс, теперь уже поздно. Зевс любил меня. Он предан мне и обращается со мной как с королевой, которой я и являюсь. Он со мной каждый день без исключений.

– И он тот, кто тебе нужен? – тихо спросил Аид. – Ты его любишь?

– Иначе бы я не выходила за него, – я отступила назад. подчёркивая дистанцию, появившуюся между нами. Я не позволю Аиду внести смуту в мои мысли и чувства, только не после всего, что произошло. Зевс – лучшее, на что я могу рассчитывать. Когда-то я могла так сказать про Аида, но на деле оказалось, что его обещания – пустые слова. А мне нужно нечто большее. Я заслуживаю большего. – Мне нужно закончить приготовления к свадьбе.

Он склонил голову, уступая.

– Я желаю тебе огромной любви и счастья, сестрёнка. И хотя меня не было рядом, когда надо было, я сейчас здесь и всегда буду, когда понадоблюсь тебе.

– Спасибо, – тихо произнесла я. Это всё, что я могу дать ему взамен. – До встречи.

– До встречи.

Часть вторая

Свадьба была воплощением моих самых заветных желаний. Зевс произносил клятвы с чувством и уверенностью настоящего короля, и все сомнения, которые только удалось Деметре и Аиду посеять в моей голове, испарились. Я была счастлива, и весь мир праздновал заключение нашего союза. Это всё, что имело значение.

Наш брак стал продолжением отношений, сложившихся накануне свадьбы. Мы работали бок о бок, правили нашими подданными, путешествовали по земле. Он оставался верен мне. Каждый раз, когда он смотрел на меня, я видела в его глазах любовь, и только ещё сильнее убеждалась в том, что приняла правильное решение. Моя жизнь стала такой, как я и хотела, и никто – ни Аид, ни Деметра – не сможет забрать это у меня. Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы так было и дальше.

За месяц до того, как у нас должен был родиться первенец, Зевс, стоя на пороге наших общих покоев, неожиданно прочистил горло:

– Гера?

Я приподнялась в кровати после дневного сна – с большим круглым животом двигаться стало тяжелее – и нахмурилась. Раньше Зевс всегда заходил смело.

– Да?

Зевс отодвинул занавеску, заходя. На его щеках играл румянец, а волосы были растрёпаны ветром. В этот самый момент он мне напомнил мальчишку, каким был когда-то, и я положила ладонь на живот. Это просто радостное волнение. Он едва не взорвался от счастья, когда я сообщила ему, что у нас будет ребёнок.

– У меня для тебя сюрприз, – тихо произнёс он. – Закрой глаза.

Я облегчённо выдохнула и послушно закрыла глаза, пытаясь угадать, что он мог приготовить. Думала, он положит подарок на кровать, но вместо этого в покоях раздались лёгкие шаги. Наверное, одна из моих сестёр... Хотя после павлина он больше не просил Деметру о помощи с выбором подарка.

– Отлично. Теперь открывай.

Когда моё зрение сфокусировалось, я недоумённо моргнула. Рядом с Зевсом стояла самая красивая девочка, которую я когда-либо видела. Её волосы были такого же золотого оттенка, как и у него, а глаза – такие голубые, что само небо проигрывало в сравнении, и кожа – нежно-розовый фарфор. Она была идеальна во всех отношениях.

– Гера, знакомься, это Афродита, – сказал он и подтолкнул её ко мне. В каждом её движении было больше лёгкости, грации и изящества, чем у свободного ветра. Она сделала реверанс, её щёки порозовели. – Я встретил её на острове среди нимф.

– Это большая честь для меня, – тихо произнесла она. Её голос был подобен мёду, куда более завораживающий, чем мой. Я вмиг её возненавидела.

– Ты привёл мне служанку? Как заботливо с твоей стороны. Мне определённо понадобится помощь с ребёнком.

Он прочистил голос.

– Эм, да, ну... То есть, конечно, Афродита поможет тебе позаботиться о нашем сыне, но не как служанка. А как моя дочь и член совета.

Меня будто ледяной водой окатило. Член совета? Зевс хотел сделать её равной нам. Равной мне.

– Но она же совсем ребёнок...

– Она теперь мой ребёнок, – подчеркнул Зевс. – Наш. И со временем она вырастет, как и наш сын. Они оба войдут в совет, и, возможно, однажды она станет ему парой.

– Но она же не родилась в нашей семье, – возразила я. – Мы не можем просто взять её к себе, пока не убедимся, что она достойна править.

– И как ты предлагаешь в этом убедиться?

Я пожала плечами.

– Провести, например, испытание, чтобы проверить её добродетельность.

Он фыркнул.

– Никто из нас не идеален, Гера, – что-то в его интонации вызвало холодок, пробежавший по моему позвоночнику. Я натянула одеяло на колени.

– Да, мы не идеальны, но у каждого из нас есть важнейшие черты, необходимые для правителем. Я не говорю, что мы должны проходить испытание, разумеется. Но если ты планируешь ввести новых членов совета, то нам нужно убедиться, что так действительно будет лучше для человечества.

Вздохнув, Зев погладил девочку по волосам.

– Хорошо. Мы устроим ей испытание, когда она повзрослеет, а пока твоя задача – придумать, по каким именно параметрам мы будем оценивать новых кандидатов. Надеюсь, критерии будут объективными.

– Разумеется, – пробормотала я. – Мы же выбираем новых богов.

Афродита застенчиво шагнула ко мне.

– Папочка рассказал мне всё о вашем малыше. Можно я потрогаю?

Я с отвращением посмотрела на девчонку. Меньше всего на свете мне хотелось, чтобы она приближалась к моему сыну, но под пристальным взглядом Зевса, полным надежды, мне пришлось уступить. Он сделал это из лучших побуждений. Он не хотел оскорбить меня этим "подарком", оказавшимся намного прекраснее, чем я когда-либо смела мечтать. Возможно, он даже не воспринимал её в этом смысле, учитывая её юный возраст.

Но стоило ей подойти ближе, как я заметила, что взгляд у неё совсем не как у маленькой девчушки – она изучала меня так же, как и я её. Она не ребёнок. Уж не знаю, откуда она взялась и кто она такая, но ей намного больше лет, чем меня пытались убедить.

Не сводя с неё глаз, я взяла её за руку и мягко положила на то место, где мой сын только что толкнулся. Её глаза распахнулись, когда она почувствовала шевеление. Она хихикнула.

– Какой непоседливый.

– Он такой. Если будешь хорошей девочкой, то после рождения я дам тебе его подержать.

Она кивнула, восприняв мои слова серьёзно, и её взгляд невозможно было назвать детским. Как мог Зевс этого не заметить? Или он знает? Возможно, он прекрасно осведомлён, сколько ей на самом деле лет, и всё это просто обман.

Нет, он бы так со мной не поступил. Он любит меня и не унизит подобным образом. У нас же скоро родится ребёнок! Но как бы я ни пыталась убедить себя в этом, мои сомнения никуда не уходили, а отравленные слова сестры снова всплыли в памяти.

– Зевс уже решил, богиней чего ты будешь? – спросила я.

Каждый из нас выбрал свою зону ответственности – то, что представляет для нас наибольшую ценность, то, что для нас естественнее всего. Для меня это, конечно же, верность. После свадьбы я ещё взяла брак и семью, а как только забеременела – плодородие. Но большую часть черт совет выбирал для младших божеств, рассеянных по миру.

– Любви, – ответил за неё Зевс, и я чуть было не подавилась. – Она богиня любви. Тут даже не о чем говорить. Это просто очевидно.

– Богиня... любви, – напряжённо повторила я. – Чудесно. Тебе определённо подходит.

Афродита просияла и без всякого предупреждена обхватила меня своими маленькими ручонками.

– Мы станем лучшими подругами, – воскликнула она своим детским голосочком. – Мне уже не терпится!

А вот мне вполне терпится. И ещё бы вечность потерпела без такой подружки. Но Зевс как будто был на седьмом небе от счастья, когда видел нас вместе. Мне не оставалось иного выбора, кроме как обнять её в ответ. Если это сделает его счастливым, то я согласна. После всего, что он для меня сделал, он, конечно же, заслуживает уступки с моей стороны.

Но подозрения во мне не утихли – крошечное сомнение, отказывавшееся уходить. Пока я не согласилась принять эту маленькую плутовку в нашу семью, мне нужно понять намерения Зевса в отношении неё. Потому что как бы сильно мне ни хотелось доверять ему, неизвестность порождала сомнения даже у меня.

* * *

Этим же вечером, после того как Зевс выскользнул из наших покоев, чтобы уложить Афродиту спать, я проследовала за ним. Я шагала бесшумно и осталась незамеченной, несмотря на огромный живот. Её комната находилась сразу под нашими покоями – там, где я хотела сделать детскую, но Зевс заверил меня, что ребёнку лучше жить дальше по коридору. Возможно, он переживал, что не сможет высыпаться, но одна только мысль, что мой сын будет находиться так далеко, царапала меня изнутри.

Я заглянула за занавеску, отделявшую комнату Афродиты от коридора. На случай, если Зевс меня поймает, у меня с языка уже готова сорваться дюжина объяснений, одно лживее другого. Но он сам виноват: привёл в дом незнакомку всего за несколько недель до рождения нашего сына.

– Кажется, я ей не понравилась, – голос Афродиты был почти неразличим. Я прижала ладонь ко второму уху, чтобы не мешали посторонние шумы.

– Кому? Гере? – удивился Зевс. Его голос подобен грому, даже когда он пытается шептать. – Она просто немного растерялась, милая. Она не ожидала тебя увидеть.

– Я хочу, чтобы она меня полюбила, – тоска в её голосе задела меня за живое. – Хочу, чтобы у меня была мама.

– Она будет твоей мамой, – тихо заверил Зевс. – А я твоим папой. Ты больше никогда не будешь одна.

То же самое мне обещал Аид. Вот только Зевс не нарушит своё слово. Он не обманет ни меня, ни эту маленькую девочку, ни кого-либо другого.

– Я очень этого хочу, – прошептала Афродита.

– Знаю, – пауза. – Засыпай. Завтра я познакомлю тебя со всеми твоими дядюшками и тётушками.

– Ещё больше родственников?

Я легко могла представить, как её глаза распахнулись от восторга.

Зевс усмехнулся.

– Да, ещё больше родственников.

Я отпрянула от занавески и поспешила обратно в покои, пока Зевс не увидел меня. Он всё-таки не солгал. Новое подтверждение тому, что Аид и Деметра ошибались.

Когда Зевс вернулся в наши покои и лёг рядом со мной. я прижалась к нему, положив голову ему на грудь.

– Я люблю тебя, – шепнула я. – Целиком и полностью.

Он поцеловал меня в макушку.

– И я тебя люблю. Никогда не забывай.

В этот момент я искренне верила, что так и будет.

* * *

День, когда родился Арес, стал самый счастливым в моей жизни.

Держа в руках этот сморщенный розовый комочек, я поняла, почему наша мать отказалась сражаться на стороне Кроноса против нас. Как бы сильно я ни любила Зевса, как ни была ему верна, всё моё сердце принадлежало Аресу. Он часть меня.

Зевс исчез спустя несколько часов после рождения Ареса – скорее всего, чтобы отметить это событие вместе с Аидом и Посейдоном. Как только он ушёл, кто-то постучался ко мне.

– Войдите, – крикнула я.

Среди занавесок появилась Деметра. Я лежала на кровати, прижимая к груди мирно спящего малыша.

– Гера, – тихо произнесла она, подходя ближе. – Какой же он красивый. Поздравляю.

Несмотря на нашу вражду, я улыбнулась:

– Правда, красивый? Он моя точная копия.

– Зевс наверняка этому обрадовался, – подразнила Деметра. Сев на кровать, она коснулась щеки Ареса. – Смотрю на него и начинаю задумываться о том, чтобы завести своих детей.

– Так почему бы тебе не родить? Давно пора найти себе кого-нибудь.

Она покачала головой, и какое-то странное выражение мелькнуло на её лице, которое я не успела уловить.

– Из меня не выйдет хорошей матери. Лучше я пока позабочусь о растениях. Разберусь в себе.

– Ну, у тебя на это есть целая вечность, – заметила я. Она улыбнулась, но несколько грустно.

– Это правда, – она поколебалась мгновение и отвела взгляд от Ареса. – Мне нужно с тобой кое о чём поговорить. Прошу, только не паникуй и не злись. Ради блага своего сына.

Всю радость, которую принесло мне рождение Ареса, моментально смыло, вернув на поверхность тревогу, терзавшую меня последнее время.

– Если ты собираешься сказать мне, что из Зевса не выйдет хорошего отца...

– Нет, он уже отличный отец, – перебила она. – Ареса, Афродиты и Афины.

Я скривилась. Афина. Его дочка от Метиды, зачатая во время войны, то есть задолго до нашей свадьбы. К счастью, она редко у нас появлялась. Меня не особо прельщала роль мачехи, одной Афродиты хватало выше крыши.

– Не понимаю, причём здесь они.

– Они ни при чём, – подтвердила Деметра и помолчала ещё несколько секунд. – У Зевса есть любовница.

Я крепче сжала сына. Ярость вспыхнула огнём внутри меня.

– Как ты смеешь обвинять его без каких-либо доказательств!

– У меня есть доказательства, – её лицо посуровело, и она встала. – Ради тебя я следила за ним. Хотела удостовериться, что он остаётся верен тебе.

– Ты не имела права...

– У меня есть право защищать свою сестру. Хочешь верь, хочешь – нет, но моей единственной целью всегда было ваше с Гестией счастье. Ты не такая, как мы, Гера. Ты хочешь совсем других вещей, и порой нам сложно увидеть мир твоими глазами. Но от этого я не перестаю любить тебя. И я бы никогда не лишила тебя счастья ради развлечения.

Я с трудом сглотнула. Пускай мы часто ругаемся, сейчас она говорит чистую правду – она никогда не хотела причинить мне боль. А значит, у меня есть только

два варианта: прикинуться дурочкой и отрицать всё или поверить и положить всему конец.

Я никогда не была хороша в роли дуры.

– Почему ты говоришь мне об этом сейчас? – моя нижняя губа задрожала, я сильнее прижала к себе Ареса. – Зачем портишь мне этот чудесный день?

Деметра снова присела рядом со мной и коснулась моей щеки.

– Никто не можешь испортить для тебя этот день, – тихо возразила она. – Твой сын здоров и доволен, и он уже безумно тебя любит.

– Так почему ты не дала мне немного времени побыть счастливой рядом с ним? Зачем ты решила лишить меня этой радости? – я быстро заморгала, пытаясь сдержать слёзы. Не позволю Деметре увидеть, как я ломаюсь.

– Потому что, – она отвела взгляд, – его любовница тоже вот-вот родит.

В одно мгновенье земля ушла из-под ног, и вся моя сила воли ушла на то, чтобы удержать вертикальное положение.

– Он не мог. Он не мог.

– Прости, – прошептала она. Горечь и ярость, каких я ещё никогда не испытывала, разъедали меня изнутри, поглощая всё хорошее, что только оставалось во мне. Арес заплакал у меня на руках, но даже его страх не отвлёк меня от нарастающего гнева.

– Кто она?

Деметра вздрогнула.

– Лето. Она беременна близнецами.

Близнецами. Я зажмурилась и сделала несколько глубоких вдохов, заставляя себя успокоиться.

– Так вот что он задумал.

– Что?

– Захватить власть над советом. Над всеми нами, – я снова открыла глаза. Огонь внутри меня сжался до маленькой искорки. – Сначала он хотел, чтобы в совет вошла Афродита. Затем Арес. Дальше вопрос времени, когда он предложит присоединиться Афине. А потом эти его выблядки...

Деметра покачала головой.

– Мы этого не допустим, ты же знаешь.

– Посейдон поддержит его, как и Афродита. Да и Аид тоже, если на то пойдёт. Он не захочет ссориться. Даже если мы втроём проголосуем против, их всё равно больше. Даже если сейчас у него не получится, рано или поздно он найдёт способ.

Деметра притихла на некоторое время.

– Ты правда думаешь, что он это сделает?

– Да, – ровно ответила я. – Он такой же, как наш отец: жадный до власти. Уверенный, что он один знает, как надо править. Озабоченный только своими желаниями. Плюющий на интересы тех, кому он клянётся в любви...

– Гера!

– ...и если он думает, что я стерплю подобное неуважение...

– Гера!

Деметра потянулась к Аресу, и я замолчала. Он так громко рыдал, что его мог слышать весь Олимп. Я оцепенела и позволила сестре забрать его у меня.

– Я найду её, – мои руки похолодели, как только перестали держать сына. – Ей нельзя позволить родить. Я не могу допустить, чтобы она уничтожила совет.

– Это не её вина, – поспорила Деметра. – Я более чем уверена, что Зевс солгал ей. А даже если и нет, то это был его выбор. Она не соблазняла его.

– Я не хочу это слышать, – я встала на дрожащих ногах. – Мне надо идти. Присмотри за Аресом.

Она открыла рот, но тут же передумала говорить и просто кивнула.

– Делай, что считаешь нужным, и помни: я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, сестра. Спасибо, что рассказала мне.

И с этими словами я вышла из комнаты, решительно настроенная пойти на всё, чтобы сорвать его злобные замыслы.

* * *

Через несколько ночей Зевс ураганом ворвался в наши покои.

– Что ты наделала?

Радость, исходившая от него с момента рождения Ареса, сменилась волнами гнева, которые могли бы привести в ужас кого угодно. Он же, в конце концов, Король. Вот только я Королева, и это война между равными.

– Ты о чём? – притворно удивилась я, строя из себя невинность. Если он наорёт на меня из-за того, что я защищаю интересы совета, выступаю за справедливость и равенство, о которых мы договаривались, то ему придётся признать, что он нарушил самое главное обещание, которое он дал мне. Признать, что его слова – пустой звук.

На его лице сменялись оттенки розового, красного и фиолетового, это было явно нечто нездоровое. В сжатых кулаках засверкали молнии.

– Сама знаешь, о чём, – собрав крохи самообладания, произнёс он своим громовым голосом. – Лето не может родить уже несколько дней.

– И ещё долго не сможет, – ответила я, баюкая спящего Ареса. Как странно, что моя злость испугала его, но ярость отца осталась незамеченной. – Я совершенно не понимаю, какое тебе дело до неё. Твой сын здесь.

– Не играй со мной, – прорычал он. – Немедленно исправь, что ты наделала!

– Что же я такого могла сделать и с чего вдруг? – я убрала прядку волос Ареса, которая лезла ему в глаза. Какой же чудесный мальчик. Он заслуживает намного больше, чем такого папашу.

Молния сверкнула со стороны балкона, всего в паре шагов от нашей кровати. Если Зевс думает, что угрозами может добиться моей покорности, то он сильно ошибается. Однако уже через несколько секунд его плечи опустились, он потянулся ко мне.

– Гера, любовь моя, прости. Я совершил ужасную ошибку...

Я хлопнула его по руке, чтобы не прикасался ко мне.

– Как я слышала, ты уже сделал несколько ошибок. Сколько любовниц у тебя было после нашей свадьбы?

Он нахмурился.

– Всего одна. Только Лето...

– Лжец.

Он зажмурился, будто мои слова причиняли ему невыносимую боль.

– Гера, пожалуйста...

– Я не собираюсь выслушивать твои лживые оправдания, – я резко встала, и Арес в моих руках вскрикнул. – Можешь валить на все четыре стороны и врать, сколько вздумается, либо остаться и сказать мне правду. Если хочешь, чтобы у твоей драгоценной Лето был хоть малюсенький шанс, советую выбрать второй вариант.

– Я верен тебе, – его голос надломился. – Тебе и только тебе. Остальные ничего не значат...

– Если они ничего не значат, то зачем ты вообще с ними связывался?

– Слабость. Стечение обстоятельств. Я не думал...

– Очевидно.

– Гера, прошу тебя, – Зевс встал и шагнул ко мне, но я отпрянула. – Они же просто дети.

– Как и Арес. Но в первую же неделю жизни на его долю выпали ложь и измены отца, – я направилась к занавеске, отделявшей наши покои от коридора. – Я не стану помогать ни тебе, ни Лето. Полагаю, на этом нашему браку конец.

– Отказываешься от статуса королевы?

Я остановилась, тьма окружила меня. Я прижала Ареса к груди.

– Мой титул не имеет никакого отношения к нашему браку.

– Он имеет самое непосредственное отношение, и мы оба это знаем.

– Ты не можешь забрать у меня власть...

– Могу и, если ты расторгнешь наш брак, заберу, – пригрозил он вкрадчивым голосом. – Я совершил несколько ошибок. Больше они не повторятся. Я прошу тебя о прощении и молю не срывать злость на невинных.

– Из-за тебя среди нас больше нет невинных, – мои глаза увлажнились. Я опустила взгляд на сына. Мой титул или моя гордость. Вот выбор, к которому он меня принуждает. Потерять всё, над чем я работала, все мои заслуги перед советом... или жить рядом с богом, который лгал мне обо всём.

Наверняка вся наша семья в курсе. Посейдон и Деметра – однозначно, и Деметра ничего не скрывает от Гестии. А вот Аид вряд ли. Он бы мне сказал...

Я сделала неверный выбор. Надо было подождать. Аид бы так со мной не поступил. Я должна была прислушаться к нему, к нашей сестре, к голосу разума... Но я была ослеплена сладкими обещаниями Зевса и своей непомерной гордыней. Я-то верила, что он изменился ради меня. Очевидно, я ошиблась. И теперь из-за моей глупости пострадает весь совет.

Нет. Я не позволю ему разрушить всё, над чем мы работали. Что бы там себе ни думал Зевс, у каждого из нас равное право голоса. И пока те близнецы не появились на свет, пока он не нашёл способ ввести их в совет, у него есть только один голос.

– Я останусь с тобой, – с трудом выдавливаю я, глядя на нашего сына. Моего сына. – Я не прощу тебя, но останусь. Взамен ты пообещай мне, что больше никогда не приблизишься к той женщине и её детям.

Молчание, сменившееся тихими шагами, когда он подошёл ко мне.

– И ты позволишь ей родить?

– Я освобожу её от её бремени.

Он положил руку мне на спину, жар между нами был горячее, чем огонь в кузнице.

– Хорошо. Я твой и всегда буду твоим.

Я развернулась к нему и вышла в коридор.

– Нет, это ложь, – прошептала я и, не желая слушать очередное враньё, убежала к сестре.

* * *

Следующие несколько дней я ждала новостей. Я избегала своих обязанностей перед миром и супругом, чтобы Зевс прочувствовал, каково это – править без меня. Возможно, в первые дни после войны он мог справиться сам, но сейчас мир стал намного больше, и в одиночку за всем не уследить. Рано или поздно он поймёт, как сильно я ему нужна.

Я ушла к Деметре: ночевала в её покоях и ходила по земле вместе с ней, показывая Аресу все красоты этого мира. Ему, кажется, нравилось: он смеялся и разворачивал личико к солнцу. Я обходила стороной озеро, у которого помогла раненому птенцу, потому что если бы Зевс захотел меня найти, то направился бы туда в первую очередь. А я не хочу быть обманутой снова.

– Со временем станет легче, – сказала Деметра, пока мы гуляли по пляжу с белым песком в поисках ракушек для Ареса. – Постепенно боль и злость угаснут.

– Но как прежде уже ничего не будет, – горько ответила я. – Я больше никогда не стану такой счастливой, какой была, когда верила всем его обещаниям.

– Счастье – это выбор, сестра, – отметила она, подобрав коралл. – У тебя есть чудесный сын, который любит тебя почти так же сильно, как ты его. Разве этого недостаточно, чтобы радоваться жизни?

– Иногда. Большую часть времени. Но часть меня всегда будет растоптанной из-за того, что сделал его отец.

– Тогда спрячь эту часть и никому не показывай, даже самой себе. Сосредоточься на хорошем, и когда-нибудь быть счастливой станет так же просто, как...

– Гера.

Морской бриз донёс до нас голос Зевса. Деметра замолчала. Я напряглась. Ну вот, этот момент настал.

– Нам не о чем с тобой говорить, – сказала я, не оборачиваясь. – Уходи.

– Это ты сделала, да? – он схватил меня за плечо и дёрнул на себя, разворачивая. – Ты послала того змея за Лето...

– Я же сказала, что освобожу её от её бремени, – выпалила я, вырываясь из его хватки. Арес заплакал. – Я не виновата, если ты понял мои слова как-то иначе.

Но уж кто точно виноват, так это ты, за то, что она вообще оказалась в такой ситуации. Их смерть останется на твоей совести.

Его рот вытянулся в тонкую линию. Я ожидала увидеть ярость и боль потери, но его лицо выражало лишь раздражение.

– А вот тут ты ошибаешься, – тихо произнёс он. – Они выжили. И ты больше никогда не узнаешь, где я спрятал Лето.

Нет. Невозможно. Я в ужасе уставилась на него. Деметра положила ладонь на моё плечо, но этого мало, чтобы успокоить меня.

– А что с близнецами?

– Они теперь со мной на Олимпе, – ответил Зевс. С тем же успехом он мог стереть моё сердце в пыль. – Когда они подрастут, то тоже войдут в совет. Афина тоже будет жить на Олимпе, чтобы помогать мне с ними, и скоро пополнит наши ряды.

Афина, Афродита, близнецы. Плюс четыре голоса, послушных воле Зевса.

Вот и всё. Мы проиграли. Я села на песок, качая Ареса, который не переставал плакать, но мои мысли были где угодно, но только не здесь. Это только вопрос времени, когда Зевс свергнет нас с сёстрами.

Я не знала, как долго сидела на пляже, греясь под солнцем и слушая шум волн, разбивающихся о берег в нескольких шагах от меня. Деметра осталась рядом со мной. Арес потихоньку успокоился, а вот я так и не могла найти душевного равновесия, сколько бы ни пыталась.

– Всё кончено, – прошептала я, когда Зевса уже и след простыл. – Их четверо, а ещё и Посейдон всегда на стороне Зевса.

– Ты не знаешь этого наверняка, – пробормотала Деметра. – Может быть, они вырастут самостоятельными. Афина – смышлёная девочка, я не могу представить, чтобы она отказалась от своих убеждений.

– Она ненавидит меня за то, что я заняла место её матери. Она не станет поддерживать меня ни в одном вопросе, особенно если для этого придётся пойти против отца.

Деметра засомневалась.

– Даже если так. Но, может, Афродита...

– Она его любимица, – слова застряли в горле, мне пришлось буквально выдавливать их. – Она будет соглашаться с ним во всём, лишь бы он любил её сильнее всех.

Она погладила меня по волосам.

– Это ещё не конец света. Будут и другие дети, и другая расстановка сил.

– Он даже не прикасается ко мне. Догадывается, что я что-то задумала. Даже он не настолько туп, чтобы считать, что я так быстро его простила.

– Тогда нужно просто подождать.

– Мы не можем терять время.

Деметра вздохнула и поцеловала меня в висок.

– Всё наладится. Обещаю тебе, всё будет хорошо.

Я отвернулась. После всех нарушенных обещаний от тех, кого я любила, её слова больше ничего для меня не значат.

– Даже если он бросит всех своих нынешних любовниц, что ему помешает завести новых?

– Ты права, – медленно ответила она. Волны уже добрались до наших лодыжек. Долго мы тут не просидим. – Боги не меняются.

Зевс уж точно.

– И что тогда? Сколько ещё внебрачных детей он заведёт?

– Не знаю, – тихо ответила она. – Полагаю, столько, сколько захочет.

– А у меня остаётся только Арес. У меня никогда не будет дочерей. Не будет других сыновей. Если только...

Я остановилась. Ну конечно же. Почему я не подумала об этом раньше? Это ведь очень просто: использовать слабость Зевса против него же и набраться терпения...

– Если только?.. – переспросила Деметра. Я не ответила. – Гера, что ты задумала?

Я развернулась к ней, не в силах скрыть улыбку.

– Если только не перехитрить его. Я могу обмануть его, как он обманул меня.

Она нахмурилась.

– Ты и так в неустойчивом положении. Зачем снова рвёшься на поле боя?

– За тем, что когда он выберет себе новую любовницу – а это всё равно произойдёт, мы все это понимаем, – ей буду я.

* * *

Я весь сезон бродила по пляжам. Деметра присматривала за Аресом, и хотя мы придумали убедительное алиби на случай, если Зевс захочет найти меня, оно нам не пригодилось.

Я не ожидала, что это сработает. Надеялась, да. Использовала все свои способности, чтобы привлечь его внимание, но всё равно не верила по-настоящему, что моя затея обернётся успехом.

Но в итоге однажды, когда полная луна освещала мой изменённый облик, я увидела его. Он стоял между деревьев на расстоянии, ветер развевал его волосы, достающие до плеч, и на мгновение я забыла, почему так ненавидела его. Я не знала, узнал он меня или нет, но у меня перехватило дыхание, когда он медленно направился ко мне, ступая по песку.

– Здравствуй, – начал он бархатным тоном, который никогда не использовал со мной. – Как тебя зовут?

Облегчение накрыло меня с головой, такое же ощутимое, как золотой ихор, текущий по им венам. Зевс не узнал меня. И впервые за несколько последних месяцев я улыбнулась ему.

– Гефеста, – ответила я. – Меня зовут Гефеста.

* * *

Наше общение продлилось всего одну ночь, но мне этого было достаточно. Я больше не возвращалась на пляж и не знаю, приходил ли он искать свой новую любовницу. На Олимпе он ничем не выказывал своё беспокойство или недовольство. С другой стороны, если настоящая я была для него всего лишь временным увлечением, то влюблённость в несуществующую Гефесту выдала бы в нём ещё большего идиота, чем я думала.

Мой живот округлялся день ото дня. Я даже не пыталась его скрыть, хотя Деметра пересказывала сплетни, ходившие среди остальных богов. Мне было плевать. Кто бы что ни думал, это законное дитя. Чужое мнение роли не играет.

В утро, когда я родила своего второго сына, Зевс устроил скандал. Я отдыхала с малышом в своей спальне, когда он ворвался, напугав моего павлина.

– И зачем ты это сделал? – я вздохнула, глядя, как птица улетает с балкона. – Мы так хорошо сидели.

– Даже не сомневаюсь, – он ударил кулаком по стене с такой силой, что его наверняка слышал весь Олимп. – Кто он?

– Ты о ком? – невинном спросила я и снова взглянула на малыша, сладко спящего у меня на руках. – Ты про него? Это мой сын.

– Я не про ребёнка, – выдавил он сквозь зубы. – Скажи мне, кто твой любовник.

– Любовник? – я наклонила голову в невероятно раздражающем притворном невежестве. – Ты мой единственный любовник, дорогой муж. Или ты уже забыл? Это многое объясняет.

– Хватит, – прогремел Зевс. И не успела я и глазом моргнуть, как он выхватил у меня из рук сына и рванул на балкон. Мальчик начал плакать. – Я не потерплю такого отношения. Я не позволю, чтобы меня унижала собственная жена. Я не стану посмешищем в глазах всех моих подданных и моего совета...

– Твоего совета? – я попыталась подойти к нему, но слишком обессилела после родов и не могла прийти на выручку плачущему сыну. – Это наш совет. Или об этом ты тоже забыл?

– Не играй со мной, – рявкнул он, стоя на краю балкона и удерживая моего сына одной рукой.

– Отдай его мне, – я потянулась к своему мальчику, но Зевс уклонился. – Зевс, он же просто ребёнок, я нужна ему, отдай его мне...

– Артемида с Аполлоном тоже были просто детьми, когда ты натравила на них змея, – Зевс занёс руку с ребёнком над пропастью. – Давай проверим, отдалась ли ты смертному, как последняя шлюха?

Меня охватил ледяной ужас, погасив пылающий гнев.

– Зевс, нет... ты не можешь...

– Ты моя жена. Ты клялась мне в верности. Ты богиня семьи и верности, но посмела запятнать себя появлением этого... выродка.

– Он не выродок...

– Я не потерплю на Олимпе это вечное напоминание о твоей неверности.

Моё лицо вспыхнуло.

– А что насчёт твоих измен? Твоей лжи, твоих гулянок, твоих шлюх... Почему ты можешь избавиться от необходимости видеть моего сына, тогда как я вынуждена терпеть ублюдков до скончания веков?

Лёгкий бриз на балконе сменился леденящим ветром. Сверкнула молния.

– Так вот какого ты мнения о нашей семье?

– О твоей семье, – выплюнула я. – Не моей. Они никогда не будут моей семьёй.

– А вот это... будет? – он бросил взгляд на ребёнка, который рыдал так сильно, что аж весь посинел.

Я выпрямилась во весь свой рост. Мой сын не "это". Он живой и заслуживает уважения и любви от своего отца, хотя уже давно знаю, что Зевс на это не способен.

– Он мне ближе, чем когда-либо будешь ты.

Я не думала, что он реально пойдёт на это. Зевс может быть изменщиком, лжецом, но он никогда не калечил невинных. Вот только прямо у меня на глазах, когда я у меня не было ни малейшего шанса остановить его, ребёнок выскользнул из его рук и полетел камнем вниз.

Глаза застлала алая пелена, и оставшиеся крохи моей влюблённости в Зевса исчезли.

– Ты за это заплатишь, – убийственным голосом прошептала я. – Я не могу тебя убить, но я найду способ тебя уничтожить. Помяни моё слово.

Зевс фыркнул, хотя на долю секунды я заметила, что под всем его высокомерием промелькнула тень скрытого сомнения.

– Ты сама виновата, что родила бастарда у меня во дворце.

– Он не бастард, – я отшагнула от него и сменила внешность, вновь превратившись в ту девушку, которую он встретил на пляже в свете луны. – Его зовут Гефест, и я собиралась растить его как твоего сына.

Одного удара сердца было достаточно, чтобы в глазах Зевса мелькнуло узнавание и он запоздало бросился к краю балкона.

– Но...

– Больше у него нет отца. Тот, кто пытался убить его, не может так называться. Когда я вернусь, весь совет узнает о том, что ты сделал, я тебе обещаю. И в отличие от тебя, Зевс, я держу свои обещания.

И не дожидаясь его ответа, я исчезла. Мне нужно найти сына раньше него.

Приземлившись на краю скалы – достаточно высоко, чтобы увидеть море вдалеке, – я прислушалась. Вой ветра почти заглушил его плач, но ничто в этом мире – даже сам Зевс – не сможет разлучить меня с сыном.

Я нашла его среди острых скал, плачущего и сжимающегося от кусачего холода. И хотя он был бессмертен, его ноги оказались вывернуты под неестественным углом. Он рыдал от дикой боли.

– Ох, маленький мой, – выдохнула я и осторожно взяла на руки, пытаясь исцелить его ноги, насколько способна. Целительство – не моя специализация, но Зевс, по всей видимости, проклял его, иного объяснения нет. Ещё одна причина ненавидеть моего дражайшего муженька. Впрочем, от ненависти мало толку, если не направить её в нужное русло.

Я найду способ уничтожить его, забрать у него власть и сделать так, чтобы он никогда никому не смог навредить. Ни мне, ни нашим детям, ни совету. В своей жажде власти и контроля над всем живым Зевс создал раскол, какого не было

между нами со времён войны с титанами. И если он продолжит в том же духе, новая война – лишь вопрос времени.

Я не могу этого допустить.

* * *

Я ждала. Наблюдала. Прислушивалась.

Время шло, хотя я едва ли это замечала. Мы не взрослели и не старели, а Зевс уж точно не становился мудрее, но я подмечала каждую деталь, что могла помочь мне свергнуть его. Он больше не разговаривал со мной после того происшествия на балконе и, к моему огромному облегчению, не обращал внимания на Гефеста. Не из гордости или гнева – несколько раз, когда я ловила его на том, как он наблюдает за нашим хромающим сыном или предлагает Аресу посостязаться в армрестлинге, в его глазах отражалось чувство вины и сожаление.

Прекрасно. Но как бы он мечтал стать частью жизни Гефеста, я его и близко не подпускала к младшему сыну. Более того, я постоянно рассказывала Гефесту, на что способен его отец и почему ему нельзя верить.

Но как оказалось, пока я спасала Гефеста, Зевс успел рассказать совету, что это я уронила нашего сына с балкона. То ли запаниковал, то ли попытался сохранить авторитет таким образом, то ли просто решил наказать меня таким образом – какими бы ни были его намерения, Посейдон и все дети Зевса поверили ему. И с тех пор никто из них не называл меня мамой, не приходил ко мне за советом. Точно так же, как я исключила Зевса из своей жизни, он вычеркнул меня из своей.

Всё это было неважно. Я в нём не нуждалась. Я по-прежнему оставалась Королевой Небесного царства, и этого он не мог у меня отнять.

Большую часть времени я проводила рядом с Деметрой. Несмотря на все наши различия, я доверяла ей. Мы обе хорошо понимали, что нужно положить конец его царству террора как можно скорее. Вот только если сначала мы строили планы вместе, постепенно она становилась всё более и более отстранённой, отдаляясь от меня. Я могла бы понять, если она просто устала ждать, но она была моей единственной союзницей. Мне нужна была её поддержка.

– Деметра! – я ворвалась в её спальню. – Нам нужно поговорить...

Я остановилась замертво на полпути. Деметра сидела на краю кровати, по её щекам ручьём текли слёзы. Перед ней на коленях стоял Зевс. Он держал её руки в своих, и я никогда ещё не видела столько боли на его лице.

Мёртвая тишина. Деметра посмотрела на меня, словно я была одной из мойр, но мой взгляд был устремлён на Зевса. Не знаю, что он ей такого наговорил, что она теперь плачет, но я оторву ему голову.

– Пошёл вон, – прорычала я, как дикий зверь – один из тех, что теперь расплодились по всей земле.

Ему не нужно было повторять дважды. Он встал и пронёсся мимо меня. Как только он вышел, я села рядом с сестрой.

– Что случилось? Что он тебе сказал? Ты в порядке?

От этого Деметра заплакала пуще прежнего. Она закрыла лицо ладонями, её плечи вздрагивали от каждого всхлипа. Я погладила её по спине, но никакие мои слова не могли её успокоит. Зевс должен гореть заживо за то, что с ней сделал.

– П-прости меня, – выдавила она, запинаясь, спустя несколько минут. – Пожалуйста, прости меня.

– За что? – застыла я. За что ей извиняться?

Но она снова замотала головой.

– Я совершила нечто ужасное. Это было глупо, и отвратительно, и... Я не знаю, что на меня нашло. Просто когда я видела тебя с сыновьями, такую счастливую...

– Деметра, – меня сложно назвать счастливицей, и она знает это лучше кого бы то ни было. – Что ты такое говоришь?

Она убрала руки от лица, и я увидела, как её лицо исказила агония.

– Я так хотела ребёнка, – прошептала она. – И семью, как у тебя. Я хотела стать счастливой... Найти кого-то, с кем можно разделить жизнь.

То, как с ней разговаривал Зевс. Как держал её за руки. Мои внутренности скрутились в узел от ужаса.

– Что ты сделала, Деметра? – мой голос упал до шёпота.

Она потянулась ко мне, но я отпрянула. И она снова расплакалась.

– Прости меня, Гера. Я не соображала, что делаю. Он просто предложил, и я...

– И ты подумала, что вместо того, чтобы отказать ему, как было бы правильно, вместо того, чтобы найти кого-нибудь другого, тебе проще предать меня и понести от него.

Её всю трясло, она снова спрятала лицо в ладонях. Несколько долгих минут мы обе молчали. Она не отрицала моих выводов, а я ни о чём больше не спрашивала. Правда ледяной водой обрушилась на меня, заморозив остатки любви к моим родственникам.

Я осталась одна. Совершенно и беспросветно одинока. Даже моя сестра предала меня ради этого идиота. Даже мои сыновья продолжали называть его отцом.

У меня не осталось ничего, что бы я любила и могла назвать своим и только своим. Зевс дотянулся своими грязными лапищами до всего, что когда-то было хорошим, и украл у меня, как самый обычный воришка. Это он настолько возненавидел меня за то, что бросила ему вызов много лет назад на том острове? Неужели он ещё тогда решил растоптать меня, разорвав моё сердце в клочья? Это был его план с самого начала? Жениться на мне, разыграть из себя влюблённого по уши, притвориться, что уважает меня и готов дать всё, чего я захочу, чтобы потом безжалостно всё это отнять?

Я никогда не узнаю правду, да и какая уже разница. Планировал он это или нет, но именно так всё и вышло. И хотя война с титанами давно закончилась, всё это время шла другая, о которой я даже не знала. Возможно, никто не знал. Но она была с самого начала, и теперь это уже неоспоримый факт.

Зевс против меня. Король против Королевы. И Зевс думал, что он победил, подчинив совет и соблазнив мою сестру – единственную, кому я ещё доверяла.

Но он кое-что забыл: я всё ещё сильнее его. Я обеспечила нам победу в войне с титанами. И я обязательно уничтожу Зевса.

На дрожащих ногах я поднялась с кровати, стараясь не показывать Деметре свою боль.

– Больше никогда со мной не говори, – тихо произнесла я. – Не смотри на меня. Не подходи ко мне. Не называй сестрой. С этого момента мы друг другу никто.

– Гера, – всхлипнула она, но я проигнорировала её. У неё был шанс сделать правильный выбор. Она знала, какими будут последствия, но всё выбрала этот путь. Я не проявлю милосердия.

– Прощай, – бросила я и, не оглядываясь, ушла из её покоев и из её жизни навсегда.

Часть третья

Подземный мир оказался холоднее, чем я ожидала. Не то чтобы невыносимо, но я не привыкла к миру без солнечного света. Я шла по тропе, ведущей ко входу в обсидиановый дворец Аида, и заламывала руки – отчасти, чтобы согреться, отчасти, чтобы сдержать дрожь от волнения.

Аид ждал меня в тронном зале, сгорбившись на своём троне, украшенном чёрными алмазами, словно бы держал на своих плечах неподъёмную ношу. Сотни людей – мёртвых душ – сидели перед ним на скамьях, глядя на него в ожидании. Чего, интересно?

– Брат, – позвала я, ненавидя себя за лёгкую дрожь в голосе, и остановилась перед троном. Он единственный, перед кем я бы преклонила колени, но ему это не нужно. Он не Зевс.

– Гера, – он выдавил слабую улыбку и встал, чтобы заключить меня в объятия. Я как будто бы вернулась домой. К чёрту солнце – самое холодное место во вселенной будет для меня тёплым, пока Аид рядом. Я крепко его обняла, лишь где-то на задворках сознания понимая, что на нас смотрят сотни глаз. Ну и пусть трупы пялятся.

– Я скучала по тебе, – к моему ужасу, слова застряли в горле. Аид отстранился немного, чтобы посмотреть на меня.

– Что не так? Что-то случилось?

На его лице отразилось беспокойство – искреннее, настоящее, без какой-либо подоплёки, – и мою плотину прорвало. Я расплакалась у него на плече. Аид жестом велел своим подданным покинуть зал, и они все разом встали и вышли без лишней суеты. Куда они направились и зачем они вообще здесь были, я не знаю, но была крайне благодарна.

Он сел обратно на свой трон и потянул меня за собой. Я устроилась у него на коленях, прижавшись к его груди. Плевать, что это неподобающе для замужней дамы, что любой, кто случайно войдёт, может подумать что-то не то. Пускай. Мне нужен Аид. Мне нужен друг.

Он гладил меня по спине, не говоря ни слова. Наконец, выплакав все слёзы, я расслабилась в его руках и сделала несколько глубоких вдохов.

– Деметра беременна.

Его рука замерла между моих лопаток, мои слова ввели его в замешательство.

– Да?

– От Зевса.

– Ох, – его руки сильнее сжали меня. – Мне так жаль, Гера.

– Можно я останусь здесь с тобой? – впервые за свою вечную жизнь я заговорила как маленькая девочка. Но я больше не могу доверять никому, кроме Аида, и, в отличие от остальные членов совета, он никогда не воспользуется моей уязвимостью. Зевс и Посейдон упивались бы собственным превосходством, а сёстры и младшее поколение расценили бы это как слабость. Только Аид мог меня понять.

– Да, – прошептал он. – Конечно. Сколько захочешь.

– Спасибо, – я прижалась к нему, уткнувшись лицом в его шею и вдыхая его аромат: зима и камень, с нотками полыхающего огня.

Пускай он затянул с выполнением обещания – намного дольше, чем мне бы того хотелось, – но всё-таки в итоге он его сдержал. Я не одна.

* * *

Я провела в Подземном царстве столько времени, что потеряла счёт сменяющимся временам года. Посланник Зевса принёс новости о рождении дочери Деметры, Персефоны. Аид отправился с визитом на Олимп, а я не стала утруждаться.

Время от времени я встречалась с сыновьями на земле – то мы ходили купаться в океане, то проводили целую неделю в лесу, общаясь. Это была самая тяжёлая часть текущего положения дел – мне их жутко не хватало. Арес стал совсем взрослым и занял своё место в совете, разделяя, как он полагал, мою позицию. Но я отчётливо видела в нём Зевса – в каждом движении, в каждом слове, и это было сущей пыткой.

Гефест рос тихим, куда более замкнутым ребёнком, его хромота стала неизменным напоминанием преступления его отца. Я не переживала, что он может стать похожим на Зевса: мой младший сын – полная противоположность этому надменному несносному лжецу. Но хромота оставалась – вопреки всем моим усилиям, Зевс оставил свой отпечаток на его судьбе.

Чем больше времени я проводила с Аидом, тем больше восхищалась его делами. День за днём, почти не зная отдыха, он выслушивал истории душ, ждавших его решения. Иногда хватало несколько минут, иногда занимало часы, а как-то раз был настолько примечательный случай, что на него ушёл целый день. Обычно мёртвые рассказывали о своих ошибках и сожалениях, но чем больше я слушала их, тем чётче осознавала, что не эти моменты определяли их жизнь. Счастливые воспоминания: семья, любовь, солнечные деньки, которые не

казались чем-то особенным тогда, но остались в памяти даже после смерти – всё, что вызывало у них улыбку, когда они охотно рассказывали об этом Аиду. Вот эта часть жизни, которая давая им опору, чувство целостности, смысл бытия.

Я завидовала им. Даже время, проведённое с сыновьями, для меня запятнано участием Зевса. Без него была только жизнь с Аидом в Подземном мир, и я наслаждалась каждым мгновением. Я была рядом с ним, изредка уходя, чтобы повидаться с сыновьями или исполнить свои обязанности перед человечеством, и Царство мёртвых стало моим домом, который я бы не променяла ни на какое другое место.

Иногда Аид интересовался моим мнением в особенно сложных случаях. Рядом с ним я хотела быть великодушной и милосердной. Хотела показать свою добрую сторону, которую Зевс так беспечно убивал во мне. Я хотела доказать ему, что я не та ледяная королева, какой все меня считают. Я хотела стать лучшей версией себя.

Однажды, когда я осматривала границы Подземного царства, я услышала шаги позади меня. В этом месте мёртвые проводили своё время в загробной жизни, и не было ничего удивительного в том, чтобы встретиться с кем-то из них. Каждый раз, когда я проходила через скалу-барьер, мир вокруг представал разным. Вот сейчас я вышла на остров, очень похожий на тот, где мы победили Кроноса.

– Гера?

Я застыла на месте. Этот голос я бы узнала где угодно, и меньше всего на свете хотела бы его услышать вновь.

Деметра.

– Нам не о чем разговаривать, – я могла бы исчезнуть и вернуться во дворец Аида, но не хочу, чтобы это выглядело так, будто я позорно сбегаю. Это теперь мой дом. Уйти должна она.

– Гера, мне нужно поговорить с тобой, – она коснулась моего запястья, но я отдёрнула руку. – Пожалуйста. Это очень важно.

– Твоё и моё понимание того, что важно, а что нет, сильно отличаются, – я отвернулась от неё и направилась к океану.

– Зевс хочет переженить детей, – выпалила она. – Включая Ареса и Гефеста.

Я остановилась у края воды. Волны доходили до моих ступней.

– Что?

– Зевс... Он решил, что Аполлон, Гефест и Арес должны жениться на Персефоне, Афродите и Афине.

Вот же ублюдок. Он хотел сделать со своими детьми то же, что сделал со мной.

– Скажи ему, что я не позволю.

– Он утверждает, что ему не нужно твоё разрешение...

– Я покровительница брака! – взорвалась я, резко развернувшись и посмотрев на неё впервые за много лет. – Без моего благословения любой брак распадётся.

Деметра дрожала, испуганная как никогда прежде. Она стала выглядеть старше, более похожей на нашу мать, и на долю секунды я её даже не узнала. Её кожа стала бледнее, а лицо... как будто она ни разу не улыбнулась за десять лет.

Это уже не моя сестра. Зевс уничтожил её, как и меня.

В этот момент во мне вспыхнула искра сочувствия, но я погасила её прежде, чем она успела разгореться. Деметра прекрасно видела, что он делал со мной. Ей следовало быть умнее.

– Пожалуйста, Гера, – прошептала она. – Вернись. Только ты сможешь это остановить... Он тебя послушает. Он скучает по тебе, даже если не хочет это признавать.

– А тебе какое дело? – огрызнулась я.

Она сглотнула.

– Он хочет, чтобы Персефона вышла замуж за Ареса.

При мысли о том, что мой сын женится на её дочери, всё внутри меня сжималось. Думаю, у неё тоже, хотя совсем по другим причинам. Арес не славится мягкостью и обходительностью.

– И кого бы ты предпочла ей в мужья?

– Того, кого она сама выберет, – тихо ответила Деметра. – Того, кого она полюбит.

Я сделала глубокий вдох, вбирая в себя запахи фальшивого океана.

– Я поговорю с Аресом и Гефестом, а ты передай Зевсу, что я никогда не вернусь. Я счастлива здесь и, что бы он ни предложил, никогда не изменю своего решения.

Деметра помедлила.

– Он знает, – едва слышно произнесла она. – И его это ранит.

– Вот и хорошо, – чем ему больнее, тем лучше. – Я сейчас же встречусь со своими сыновьями. А теперь уходи.

– Спасибо, – прошептала она. Но не спешила исчезать. Она снова колебалась, перенося вес с одной ноги на другую, словно бы не могла решить, стоит ли подойти ко мне ближе, но всё-таки отказалась от этой идеи. – Я сделала это ради тебя. Ради нас.

Я усмехнулась.

– Понесла от моего мужа ради меня?

– Чтобы не допустить численного перевеса в его пользу. Чтобы не дать Зевсу победить...

– Он уже победил, – перебила я, не скрывая горечи в голосе. – Мы давным-давно проиграли, и я не хочу выслушивать твои лживые оправдания. Если бы реально хотела помочь рождением ребёнка, то зачала бы его от Посейдона.

– Зевс бы тогда не допустил её в совет, – возразила Деметра. И хотя в этом было зерно истины, результат был явно не таким, чтобы оправдать предательство. Это просто ещё одно доказательство его победы.

– Я могла бы выступить за её право войти в совет. Я бы боролась за тебя и твою дочь. А теперь мне не за кого бороться, кроме самой себя. Надеюсь, ты этим гордишься.

Невыносимая печаль отразилась на её лице. Она громко вздохнула, будто на выдохе попрощалась с последней крупицей надежды. Вот и прекрасно.

– Гордость – это совсем не то, что я чувствую. Ты, как никто другой, должна это понимать, – она кивнула мне. – Прощай, Гера. Как бы то ни было, я буду вечно сожалеть о том, как поступила с тобой.

Я хмыкнула.

– И правильно.

Деметра развернулась и пошла к каменной стене. На мгновение что-то во мне – то, что было давно похоронено под моей обидой и злостью, – вырвалось на свободу. И мне безумно захотелось, чтобы она вернулась ко мне.

Но она приняла решение много лет назад, как и я. Теперь той развилки уже нет, и как бы сильно я ни хотела вновь стать сёстрами, обстоятельства нам этого не позволят. Больше никогда.

Как только она ушла, я не стала терять время. Уже через час Арес и Гефест стояли передо мной на острове, где был пленён Кронос.

– А чего вы двое хотите?

Арес фыркнул. Он теперь уже намного выше меня и коротко подстригает свои тёмные кудри.

– Я бы вообще предпочёл не жениться. Не вижу в этом смысла. Если только не на Афродите, – он ухмыльнулся, а Гефест нахмурился. По всей видимости, не один Арес попал под её чары. – Я бы не отказался познакомиться с ней поближе.

Да, Арес целиком и полностью сын своего отца.

– А ты, Гефест?

– Я не против жениться, – тихо ответил он, глядя, как волны смывают его неровные следы. – Но я бы хотел сам выбрать себе жену.

А Гефест – копия меня.

– Я позабочусь об этом, – я коснулась его руки. – Зевс – тиран. Вы оба заслуживаете лучшего.

Я не позволю, чтобы они повторили мою судьбу. Даже дочери Зевса не заслуживают такого, хотя оба моих сына, похоже, симпатизируют Афродите. Но она не их собственность, и они не могут сделать этот выбор за неё.

Впервые за столь долгое время я вернулась на Олимп. После столько лет в Подземном царстве, яркий солнечный свет в тронном зале чуть было не ослепил меня, но я довольно быстро адаптировалась. Не время быть слабой.

– Зевс! – позвала я, мой голос эхом разнёсся по коридорам, доходя до каждого уголка Олимпа.

Спустя считанные секунды он возник передо мной. Он тоже внешне повзрослел, как будто они вместе с Деметрой приняли решение стареть вместе. Я поддерживала свой юный вид под стать Аиду, и теперь, глядя на Зевса, я чётко вижу разницу между ними – как внутри, так и снаружи. Я сделала неверный выбор. И несмотря на те счастливые мгновения, что подарил мне брак с Зевсом, включая сыновей, я бы отдала всё, чтобы вернуться в прошлое, в момент разговора с Аидом накануне моей свадьбы. Я бы отдала всё, чтобы тогда выбрать Аида.

– Гера, – в его голосе смешались облегчение и осторожность. – Чему обязан этой долгожданной чести?

– Ты знаешь, зачем я здесь, – несмотря на его внушительный рост, я смотрела ему прямо в глаза, не вздрагивая и не отводя взгляд. Его голос звучал мягко и по-доброму, но в глазах сверкали молнии. Он не простил меня, и я тоже его никогда не прощу. – Ты не получишь моё благословение ни на один из браков, которые ты собираешься устроить среди своих детей, без их добровольного согласия, – объявила я. – И ни в одном из этих браков не будет законных наследников.

Он наклонил голову, словно увидел перед собой невиданную диковинку.

– Решила пренебречь своими обязанностями?

– Моя обязанность – благословлять добровольные союзы. А не одобрять рабство.

– Вот как ты воспринимаешь наш брак? – он потянулся к моей щеке, но я шлёпнула по его ладони. – Считаешь себя рабыней?

– Наш брак теперь уже пустой звук. Он никогда ничего не значил для тебя и больше ничего не значит для меня. Но я не откажусь от наших клятв и не дам тебе развод. Ты не женишься на другой женщине.

– А ты не выйдешь замуж за другого мужчину, – как бы он ни контролировал голос, его лицо постепенно багровело, а кулаки сжимались так сильно, что костяшки побелели. – Этого ты хочешь? Провести вечность в одиночестве?

– Так ты называешь интрижку с моей сестрой? Одиночеством?

– Нет, – ответил он. – И, как я понимаю, ты не более одинока, чем я.

Я прикусила щёку изнутри. Зевс понятия не имел, какие отношения связывают нас с Аидом, а я только рада дать его воображению разыграться.

– Это твоё окончательное решение? Выйти замуж за Аида и стать его королевой?

– Я больше не будь чьей-либо королевой. Я полноправная королева сама по себе, и ни ты, ни кто-либо другой в этом проклятом совете не лишит меня этого права.

– Но ты же этого хочешь, да? Стать его женой.

Я прищурила глаза.

– Я твоя жена, нравится мне это или нет. Я не позволю расторгнуть наше соглашение, какие бы игры ты ни вёл.

– Пусть так, моя королева, – он насмешливо поклонился. Но стоило ему выпрямиться, как маска веселья слетела, и на мгновение я увидела усталость на его лице. – Если ты вернёшься, я позволю детям жениться на ком захотят.

– Ты позволишь им самим выбирать себе пару, независимо от моих действий. Вопросы брака – не твоя территория.

– Как ты довольно чётко и показала. Хорошо. Если так хочешь начать эту войну...

– Я ничего не начинала, – выпалила я. – Это всё из-за тебя. Ты разрушил наш брак, ты нарушил свои обещания, ты сделал всё, чтобы унизить меня. Может, для тебя это было веселой игрой, но я не дам тебе сломать жизнь ещё и детям.

Я стремительно развернулась и зашагала к порталу. Но не успела уйти, как Зевс заговорил тихим голосом:

– Ладно, твоя взяла, Гера. Арес и Гефест женятся на тех, кого полюбят.

Сделав глубокий вдох, я отказалась разворачиваться к нему и отвечать. Это просто ещё один ход в нашей нескончаемой войне. Способ подёргать меня за ниточки, вывести из себя и плясать под его дудку, пока я не потеряю саму себя.

– Но не тебе решать судьбу моих дочерей. Если наш брак для тебя ничего не значит, тогда твой голос как их мачехи не имеет силы. Ты благословишь их браки с теми, кого я для них выберу, или я обвиню тебя в измене совету, лишу титула и отберу владения.

– Ладно, – огрызнулась я. – Делай что хочешь со своими бастардами.

– И сделаю, – пробормотал он. – Это я тебе обещаю.

* * *

Пять дней спустя Аид постучался в мои покои в Подземном царстве. Что бы там ни думал Зевс, мы с Аидом не заходили дальше поцелуев, и я не предпринимала никаких попыток. Иногда отношения требуют времени, и раз я никогда не смогу выйти за него замуж, я не вправе давить на него, если он не готов. Но я всегда буду рядом с ним. Этого Зевс у меня не отнимет.

– Заходи, – разрешила я, сидя перед зеркалом и украшая волосы бриллиантами. Никогда не перестану удивляться тому, сколько драгоценных камней разбросано по Подземному миру на каждом шагу, словно Аиду нет до них никакого дела. На земле они бы стоили целое состояние, здесь же это очередное доказательство тому, насколько другая у Аида система ценностей. Его не интересовали материальные вещи и общепринятые ценности. Его волновало то, что забыто. Его заботили такие, как я.

Он вошёл в спальню.

– Гера? Ой, прости. Я не отвлекаю?

– Нет, конечно, нет. Можешь мне помочь?

Он послушно подошёл, и его осторожные пальцы распределили бриллианты по всей длине моей косы. Он не спешил начинать разговор.

– Всё хорошо? – сказала я, глядя на него в зеркале. Он не поднял на меня глаза. Вместо этого он замер и поджал губы.

– Я должен тебе кое-что сказать, – тихо произнёс он. – И, боюсь, тебе это не понравится.

Внутри меня образовалась пустота, и всю радость от его присутствия рядом засосало в дыру.

– Что такое?

Снова пауза. Он молча продолжил помогать мне с причёской и, перекинув косу через моё плечо по завершении, сказал:

– Я помолвлен.

Моё тело заледенело. На секунду я перестала существовать. Он, наконец, решился посмотреть на меня, но даже пронзительный взгляд его серебряных глаз не вернул меня к жизни.

Помолвлен. Он собирается жениться.

– Я думал об этом уже некоторое время. Я стал сильно полагаться на твою щедрую помочь и советы, и с моей стороны неправильно продолжать это. У тебя есть жизнь на поверхности. Как минимум, у тебя там сыновья. Совесть грызёт меня изнутри за то, что удерживаю тебя здесь.

Он думал, что мне не нравится здесь? Он думал, что я остаюсь из чувства долга?

– Аид, я не хочу быть ни в каком другом месте. Я счастлива в твоём царстве. Рядом с тобой.

Он покачал головой.

– Это ловушка этого места... Здесь ты чувствуешь себя счастливее, чем на самом деле. Здесь ты прячешься от своей настоящей жизни, и я не могу позволить этому продолжаться. Тебе нужно вернуться на Олимп. Вернуться к своей семье.

Я так стремительно вскочила, что стул опрокинулся, едва не ударив Аида по ногам.

– Я не обязана делать то, чего не хочу. А я не хочу уходить.

– Гера...

– Нет, выслушай меня, – перебила я. За все годы нашего существования я никогда не разговаривала с ним в таком тоне, но не могла остановиться. – Я люблю тебя. Я люблю тебя сильнее, чем кого-либо когда-либо любила. Быть с тобой... Быть здесь рядом с тобой, править вместе Подземным царством – это моё желание. Это то, что даёт мне смысл жизни. То, что делает меня счастливой. Ты не можешь отнять это у меня.

Его лицо смягчилось.

– Гера, я ничего у тебя не отнимаю. Мы останемся друзьями, и ты сможешь приходить сюда в любое время. Я просто не могу больше обременять тебя...

– Ты не обременяешь меня, – слёзы жгли глаза. – Пожалуйста. Позволь мне остаться. Не женись на ней, кем бы она ни была...

– Персефона, – тихо произнёс он, и я застыла.

Персефона. Дочь Деметры. Так вот что имел в виду Зевс. Это всё его затея. Он знал о моих чувствах к Аиду и придумал, как нас разлучить. Как забрать его у меня навсегда. И оставить меня одну, без какой-либо поддержки.

Отчаяние нахлынуло на меня, и каждая клетка моего бессмертного тела горела от боли. Не отдавая себе отчёт, я подалась вперёд и прижалась к его губам, вложив в поцелуй всю страсть, всю свою любовь, всю себя. Я не могу его потерять.

На одно прекрасное мгновение Аид положил ладонь на мою щеку, но не стал отвечать на поцелуй. Я и не рассчитывала на это, пока он не будет готов. Но ведь когда-нибудь будет, и когда этот день настанет...

– Гера, – прошептал он, его губы касались моих. – Ты многое значишь для меня, но мы с Персефоной оба согласилась на это. Когда она станет совершеннолетней, мы поженимся.

– Но ты ведь даже не знаешь её.

– Знаю, – мягко ответил он. – Я часто бываю на Олимпе. Возможно, между ней и мной нет такой близкой дружбы, как у нас с тобой, но ты жена моего брата, и если бы наши отношения вылились в нечто большее...

– То что? Он бы разозлился? – я вытерла глаза. – Совет бы раскололся? Так уже слишком поздно, Аид. В совете давно нет единства.

Аид покачал головой и снова потянулся ко мне. Я сделала шаг назад, не давая ему коснуться, и он опустил руку.

– Совет в порядке, Гера. А ты нет. И я не могу допустить наши отношения, потому что это значило бы разрушить тебя окончательно. Верность и преданность – это же твоя суть. Я с удовольствием приму второе как твой друг и безоговорочно отвечу тем же. Но не могу позволить тебе забыть про первое, ведь тогда ты уже будешь не ты.

Я уже в открытую рыдала.

– Зачем мне быть собой, если рядом никого не будет? Никто меня не любит...

– Я люблю тебя, – тихо произнёс он.

– Не так, как я бы того хотела, – голос не слушался меня, и мне пришлось моргнуть несколько раз, чтобы сфокусировать взгляд. – Никто не любит меня так. Я одна. И я думала... Думала, ты это понимаешь. Думала, ты хорошо меня знаешь.

– Я знаю тебя, Гера. Правда, и именно поэтому не могу позволить тебе нарушить клятвы, каким бы мерзавцем ни был мой брат. Ты выше этого. Ты слишком хороша для нас. А мы тебя не заслуживаем.

– Вот только в одиночестве в итоге остаюсь я, – из груди вырвался один-единственный всхлип, и вместе с ним вылетело моё сердце. – Я не могу дать своё благословение.

– Понимаю, – мягко ответил он. – Я бы не посмел просить тебя об этом.

Его доброта только усиливала боль в моей груди. Я чувствовала, что теряю его, как бы он ни заверял меня, что всегда будет рядом. Очередное невыполненное обещание.

Но теперь, зная, что я не смогу быть с ним, я хотела только одного.

– Пожалуйста, – прошептала я, – пообещай мне кое-что.

– Что угодно.

Я взяла его ладонь и сжала её, пытаясь запомнить это ощущение.

– Я собираюсь сделать так, чтобы Зевс никому больше не смог причинить вреда. Ни мне, ни своим детям, ни человечеству, никому. И для этого мне нужна твоя поддержка.

На его лице мелькнула настороженность, но он уже пообещал мне что угодно и поэтому кивнул.

– Конечно. Чего бы это ни стоило.

Я шмыгнула носом и снова вытерла щёки. Он обнял меня, я уткнулась носом в его плечо в последний раз. Неважно, останусь ли я желанной гостьей в Подземном царстве, это всё равно уже будет не то же самое под пристальным взглядом дочки Деметры. Аид не сможет ответить на мои чувства, не поступив с Персефоной так же, как Зевс поступил со мной.

– Спасибо, – мой голос был на грани шёпота. – Я люблю тебя.

– И я тебя, всегда и вечно, – также тихо ответил он. – Не забывай об этом.

Я кивнула. Никто и ничто во всём мире не заберёт у меня этих слов, даже моё собственное разбитое сердце.

* * *

Мне нужно было семь голосов. Семь голосов, чтобы свергнуть Зевса. Семь голосов, чтобы занять его место.

К моменту возвращения на Олимп у меня было только три. Аид, Арес и Гефест верны мне. Кроме того, есть шанс переманить на свою сторону сестёр. Посейдон однозначно поддержит Зевса, а значит, надо будет убедить кого-то из детей.

Я начала с сестёр. С Гестией мы не виделись уже очень давно, и хотя встреча прошла очень трогательно, я не чувствовала себя виноватой за то, что не общалась с ней. У неё никогда не было проблем с тем, чтобы найти себе компанию, а обет

целомудрия был гарантией того, что брак и дети никогда не встанут между нами. Она была счастлива – возможно, даже счастливее всех нас. И мерзкая, уродливая, деформированная Зевсом часть меня ненавидела её за это.

Деметра сидела в углу, пока мы с Гестией приветствовали друг друга, и как только мы закончили, прочистила горло:

– Я рада, что ты вернулась к нам, Гера, но не могу не спросить, зачем ты позвала нас обеих?

Я бросила на неё испепеляющий взгляд, но взяла себя в руки.

– Зевс подмял под себя совет, – мне даже не нужно бывать на собраниях, чтобы знать это. – Полагаю, к вашим голосам больше никто не прислушивается.

– Звучит как начало предвыборной кампании, – весело откликнулась Гестия, но я смерила её взглядом, и её улыбка погасла.

– Я равная Зевсу. Его владения в той же степени принадлежат мне, что и ему, и мы оба имеем способности к правлению. После всего, что Зевс сделал с нашей семьёй, я хочу навести порядок. Вернуть вес вашим голосам. Вернуть вам власть. И уважение, которое вам полагается по праву.

Сёстры внимательно смотрели на меня, их лица оставались нечитаемыми. Если мне не удастся склонить их на свою сторону, то я уже проиграла.

– Гестия, ты же хочешь мира и гармонии в семье, да? – она кивнула. – Единственный способ этого добиться – вернуться к прежнему составу совета. Мы, конечно, можем остальных в качестве... советников, но при этом нужно вернуть себе руководящую роль.

– Но Зевс...

– Зевс ничего не сможет сделать, если мы получим большинство голосов.

Деметра нахмурилась.

– Предлагаешь устроить переворот?

– Я предлагаю восстановить порядок, вернуть благоразумие и уважение. Не более того. Переворот означает войну, никто из нас этого не хочет.

– Но чтобы избежать войны, власть нужно передать тебе, – заметила Деметра.

– Нет, – ответила я с куда большим терпением, чем она заслуживала. – Чтобы избежать войны, мы должны поровну разделить власть между нашей шестёркой, как это было прежде. Если у нас получится, Аид согласен вернуться в совет как полноправный его член.

– Аид поддержит тебя? – в каждом звуке слышалось изумление.

– Аид поддержит единство и справедливость. Гестия? Что думаешь?

Гестия скрестила руки на своей объёмной груди. Она тоже стала выглядеть старше. Интересно, изменился ли Посейдон? Может, мы с Аидом единственные решили остаться юными?

– Если ты говоришь правду, то я поддержу возвращение к изначальному составу совета, как мы его и задумывали. Равенство шестерых.

– Спасибо, – я благодарно сжала её ладонь. – Деметра?

Я видела колебание в её взгляде, нерешительность на лице, сомнения в опущенных плечах – она собиралась отказаться. Почему? Верна Зевсу?

Проглотив гордость, я встала на колени перед ней, взяла ей за руки – так же, как мой муж в тот день, когда она узнала о своей беременности.

– Деметра, сестра моя, – тихо обратилась к ней я, она посмотрела мне в глаза. – Я хочу, чтобы мы снова стали одной семьёй. Не только мы с тобой, но и все мы. Мы не станем изгонять Зевса – просто восстановим прежний порядок. Мы продолжим в полной мере исполнять свои обязанности перед человечеством, те же самые, за которые мы боролись с титанами.

Но она всё была не уверена. Как жаль, что я не могу использовать свои способности на сёстрах и братьях – по крайней мере, без их ведома. Впрочем, я так или иначе не хочу её заставлять. Мне важно, чтобы она добровольно выбрала меня, считая это правильным решением.

– Я благословлю их брак, – тихо добавила я. Мой последний козырь, хотя для меня он был подобен ножу в сердце. – Присоединись к нам, и Персефона будет счастлива вместе с Аидом.

И она сдалась.

– Хорошо, – тихим голосом произнесла она. – Ты получишь мой голос.

Я поднялась на ноги и поцеловала её в щёку.

– Спасибо.

Она никогда не получит моего прощения, мы больше не будем сёстрами по-настоящему, как бы я ни обращалась к ней на словах. Но если она поддержит меня, то я сдержу слово и благословлю брак Аида.

– Но мы всё ещё в меньшинстве, даже вместе с Аресом и Гефестом, – отметила Гестия. Я выпрямилась.

– Пока да, но скоро это изменится, – я признательно кивнула им обеим. – Собрание состоится в течение часа, будьте готовы.

Надеюсь, за это время Деметра не успеет передумать. Она любит свою дочь, это очевидно, и желает для неё всё самое лучшее. А для этого ей нужна я.

* * *

Стоя у комнаты Афродиты, набираясь духу войти, я старалась не думать о том, что я ей скажу. Мне нечего ей предложить. Ничего из того, что я могла бы ей дать, не сравнится с тем, что она потеряет, если пойдёт против Зевса. Но даже в самых бурных обсуждениях Афродита оставалась безучастной. Её не интересует власть, и это может сыграть мне на руку.

Сделав глубокий вдох, я постучалась. Придумаю что-нибудь. У каждого есть слабость.

– Секундочку! – откликнулась Афродита. Через занавески я услышала её хихиканье, какую-то возню и, если мне не послышалось, мужское бормотание. – Входите!

Я настороженно вошла внутрь. Афродита лежала на кровати, чуть ли не сияя, на её губах играла улыбка. Как я и подозревала, она была не одна. К стене прислонялся Арес. Похоже, их отношения были не только в его мечтах.

– Здравствуй, Афродита, – начала я. – Арес. Я не помешала?

Арес открыл было рот, но Афродита не дала ему ответить:

– Ничего такого, что нельзя было бы отложить. Прости, ты хотела поговорить с ним?

– Вообще-то я пришла к тебе, – я развернулась к сыну. – Можешь оставить нас на минутку, мой мальчик?

Он театрально вздохнул, словно я попросила его подержать землю на плечах вместо Атланта.

– Ладно.

– Люблю тебя, – я поцеловала его в щёку. Он неохотно чмокнул в ответ и вышел из комнаты. Как только мы с Афродитой остались одни, я подошла ближе к ней:

– Прости, что без предупреждения.

– Ой, да всё нормально, – она махнула рукой. Сев на кровати, она начала перебирать пальцами свои золотые кудри. – Рада встрече. Арес не говорил, что ты собираешься в гости на Олимп.

– А я и не в гости, – я выдавила улыбку, будто это было моим решением. – Я вернулась домой.

Она просияла и бросилась ко мне быстрее, чем я успела отпрянуть. Заключив в объятья, она расцеловала меня в обе щеки.

– Это же замечательно! Арес непременно обрадуется... Он очень скучал по тебе.

– Я тоже по нему скучала, – я аккуратно убрала её руки и села на край кровати. – Я была удивлена, что вы стали так... близки. Неужели Зевс всё-таки отказался от идеи выдать тебя замуж?

Афродита скривилась.

– Ох, не совсем. Ну... То есть вроде как это инициатива Гефеста. Хотя папуля не дал мне отказаться.

– Погоди, – нахмурилась я. – Хочешь сказать, что ты выйдешь замуж за Гефеста?

Она мрачно кивнула.

– Не, он, конечно, хороший парень и всё такое, но... просто не в моём вкусе, понимаешь? Я бы предпочла сама выбирать, но... – она пожала плечами. – Папа главный в совете.

Всё складывалось настолько идеально, будто сами мойры вмешались. Возможно, так и было. Я не винила Гефеста – понятное дело, что всё это замысел Зевса, который прекрасно понимает, что я буду сильно переживать, если мой сын женится на девушке, которая его не любит. Но тем самым Зевс, сам того не подозревая, создал все условия для того, чтобы попасть в ловушку.

Я накрыла её ладонь своей – самый яркий жест привязанности, который я когда-либо к ней проявляла.

– А что, если бы ты могла сама выбрать себе мужа? Или вообще не выходить замуж?

Её глаза загорелись.

– Ты можешь поговорить с папочкой и переубедить его?

– Нет, – медленно протянула я. – Но я могу стать той, кто будет отвечать за организацию браков между богами.

Она нахмурилась.

– Я не понимаю. Этим же занимается папа.

– Только потому что он во главе совета, – я сжала её руку. – Сегодня будет голосование, которое определит, останется ли он главным или нет. Когда мы вшестером создавали совет, мы планировали устроить его так, чтобы все имели равное право голоса. Всё по справедливости.

– Но все и так имеют равное право голоса, – заметила она, меж её бровей пролегла складка.

– Нет, это не так, – мягко не согласилась я. – Из-за того, что у Зевса так много детей, которые всегда его поддерживают, он продавливает свою волю. Как с твоей свадьбой, например, хотя ты не хочешь замуж за Гефеста. Но если мы восстановим совет, каким он был раньше...

Я немного отстранилась, наблюдая за её выражением лица, пока она обдумывала мои слова.

– Но ведь меня тогда не будет в совете.

– Вовсе нет, вы все останетесь в совете для обсуждения важных вопросов. Но окончательное решение будем принимать мы вшестером, только и всего. Как это и было задумано изначально.

– Ох, – она накручивала пряди на палец. – И если я поддержу это предложение, то ты позволишь мне выйти замуж за Ареса?

– Или не выходить замуж вовсе, если захочешь, – повторила я. – Ты сама будешь определять свою жизнь.

Её розовые губы медленно растянулись в улыбке.

– И нам не придётся сидеть на всех этих унылых собраниях?

– Только по желанию. Мне нужен лишь один твой голос сегодня, и всё будет так, как ты захочешь.

Афродита светилась от счастья.

– Договорились. Это же просто замечательно... Спасибо огромное, Гера! – она снова обняла меня. – Я очень скучала по тебе, правда.

Я погладила её по волосам. Это было так просто. Даже слишком просто. Я понимала, что пользуюсь её невежеством, но не испытывала угрызений совести. Всё будет так, как и должно было быть с самого начала. Это единственный способ восстановить баланс сил. Пора положить конец монополии Зевса в совете, и неважно, догадывается ли Афродита о последствиях своего решения или нет. Я всё делаю правильно.

– Я тоже скучала по тебе, – пробормотала я и, к собственному удивлению, осознала, что это чистая правда.

* * *

Всё получилось. Мне нужно было всего семь голосов, и я их получила.

Аид. Гестия. Деметра. Арес. Гефест. Я сама. А теперь ещё и Афродита.

Я пришла в тронный зал задолго до начала собрания. Я скучала по своему трону – по тому ощущению силы и власти, которое исходит от него. Всегда удобный, он как будто только и ждал меня в своих объятьях. И пока я ждала

прихода всех остальных, рядом ходил мой павлин, курлыкал и подставлял голову, чтобы я его погладила. Всё пройдёт хорошо. Всё уже решено.

Я победила.

Совет начал собираться. Сначала пришли сёстры, затем Посейдон, за ним младшее поколение. Аид прибыл вовремя. Последним вошёл Зевс, его золотые волосы сияли в солнечном свете. С ним был ещё один новый мальчик – слишком маленький для своего трона, поэтому он сидел у ног Зевса. Очередной бастард, значит. Как мило.

– Объявляю собрание открытым, – начал Зевс, хотя это я всех созвала. Он встал, от него исходила аура силы, как обычно, но сегодня она воспринималась как щит между нами. Словно бы он ощущал напряжение и знал, что теперь я его враг. – Начнём с того, что...

– Прошу прощения, – с напускной вежливостью вставила я и поднялась. В эту игру могут играть двое. – Но, кажется, это собрание должна проводить я.

– Напротив, я веду все собрания, независимо от того, кто всех созвал.

Я сузила глаза.

– И как ты можешь вести собрание, если не знаешь повода?

– О, сегодняшнее собрание я смогу провести, даже не сомневайся, – он указал на мой трон. – Пожалуйста, сядь.

Все члены совета до единого смотрели на меня. Я поймала взгляд Аида, но отрывисто кивнул. Не стоит нарываться на скандал, когда мне очень важно доверие совета, и хотя это был большой удар по моей гордости, я всё-таки села.

– Спасибо, – Зевс выпрямился во весь свой рост. – Мы собрались сегодня здесь, чтобы обсудить серьёзное дело, угрожающее самой основе нашего существования. Измену.

Я застыла. Что он такое говорит?

Зевс развернулся ко мне, от него исходило золотистое свечение.

– Правда ли, Гера, что ты провела весь день, убеждая шестерых из нас проголосовать за то, чтобы лишить моих детей их тронов и свергнуть меня как короля?

Мне понадобилась каждая крупица моей выдержки, чтобы сохранить самообладание. Кто ему сказал? Я посмотрела на Деметру, но она хмурилась в замешательстве. Кто же тогда?

Афродита. Мой взгляд остановился на ней. Она смотрела на свои ладони, её щёки горели алым. Предательница.

У меня не было иного выбора, кроме как идти на конца. Зевс может бросаться громкими словами, но всё решает большинство голосов. Я встала.

– Не знала, что обсуждение возвращения к естественному порядку вещей может расцениваться как измена.

– И что же, по-твоему, является естественным порядком вещей? – съязвил Зевс.

Я расправила плечи, принимая царственный вид.

– Я желаю вынести на голосование предложение вернуть совет в его законное состояние, когда только мы вшестером могли голосовать. Все остальные останутся в роли советников, но я считаю справедливым и единственно верным, чтобы старшее поколение принимало окончательные решения. Полагаю, будет не сильно большим преувеличением сказать, что в последнее время совет не отличался разнообразием мнений. Одни и те же боги... – мой взгляд останавливается на Зевсе, а затем на каждом из его незаконных детей, – принимают решения, не обращая внимания на мнение остальных. Это не совет. Это диктатура, и я отказываюсь её поддерживать.

– Это измена! – голос Зевса прогремел на весь тронный зал. – Попытка свергнуть своего короля...

– Ты не мой король и никогда им не будешь. Ты лжец, вор, у тебя нет никакого права властвовать над нами. Ты не лучше меня, не сильнее любого из нас, и ты не раз показывал, что не соответствуешь требованиям морали, предъявляемым к членам совета.

– А ты сама соответствуешь?

– Да, – усмехнулась я.

– Насколько я помню, гордыня по-прежнему считается недопустимым качеством для избрания в совет, – сказал он. – Равно как и зависть.

– Не забудь про похоть, – выпалила я. – Преступление, которое ты совершал намного чаще, чем я когда-либо поддавалась гордыне или зависти.

– Тогда, по твоему собственному признанию, ни один из нас непригоден к власти. Но всё же мы здесь. Я не позволю лишить моих детей их законных мест в совете. Мест, которые они заслужили, когда прошли испытание, придуманное тобой, и которое ты сама не прошла.

– А я не отступлю, пока в совет не вернутся равенство и справедливость.

– Тогда у нас дилемма, – он распростёр руки. – И так как я всё ещё Король, я дам тебе выбор. Мы проведём это голосование. Если ты победишь, всё будет по-

твоему. Если я, тогда ты потеряешь свой титул. Ты останешься на Олимпе, под моим присмотром, но дашь мне развод.

Я уставилась на него.

– Это же нечестно.

– Разве? Радуйся, что тебя не судят за измену, – он кивнул на совет. – Так скажи мне, Гера. Ты согласна провести это голосование?

Я оглянулась по кругу. Сёстры смотрели на меня, Аид тоже. Мои сыновья поддержат меня в любом случае. А вот Афродита...

Зевс каким-то образом добрался до неё. Возможно, она была на седьмом небе от счастья и проболталась по глупости, не думая о последствиях. Элемент неожиданности не играл особой роли, но было бы неплохо застать Зевса врасплох. Вот только если он убедил её изменить своё решение...

Я должна рискнуть. Ради совета, ради человечества, во имя равенства и справедливости я должна попытаться. После долгих раздумий я кивнула.

– Давайте голосовать.

Мы пошли по круг. Гефест, сидевший рядом со мной, поддержал меня. И Аид, и Деметра, и Гестия. Как и следовало ожидать, Афина, Аполлон, Артемида и Посейдон без колебаний отдали свои голоса за Зевса. Арес проголосовал за меня.

Последней осталась Афродита. Она сидела по другую руку от Зевса, нервно заламывая руки. Несколько секунд стояла гробовая тишина. Она же не передумала? Нет, нет...

"Помни", – мысленно обращалась я к ней. – "Ты можешь выйти замуж за Ареса. Ты можешь быть с любимым. Надо сказать только одно слово".

Она подняла глаза на меня. Они были красные от слёз.

"Я не могу отвернуться от отца. Я не могу предать его таким образом".

"А готова ли ты предать саму себя? Предать Ареса?"

Она перевела взгляд на моего сына, который взирал на неё так же пристально, как и я. Открыв рот, она уже собиралась что-то сказать, но Зевс рядом с ней накрыл её ладонь своей. Вот же ублюдок. Верность нужно заслужить. Если он думал, что может использовать её как марионетку, лишив права выбора...

Сила вырывалась из меня, прежде чем я успела осознать, что делаю. Невидимые нити потянулись к Афродите, с её лица стёрлись все эмоции, и я медленно разорвала её связь с Зевсом. Это было легко – просто убрать его давление на неё. Дать ей возможность дышать и жить своей жизнью. Дать ей свободу.

– Гера, – взорвался Зевс. Афродита моргнула, и все мои старания пошли насмарку. – Что ты делаешь?

Я стиснула зубы.

– Даю ей выбор.

И уже в следующее мгновение золотые верёвки, появившиеся из ниоткуда, привязали меня к трону. Я ахнула, пытаясь вырваться, но тщетно.

– Если на предыдущие твои действия я закрыл глаза, то теперь твоя измена неоспорима, – командный голос Зевса эхом разносился по залу. – С этого момента ты лишаешься своего титула...

– Папа! – закричала Афродита. Гефест и Арес вскочили на ноги, но Зевс взмахнул рукой, отбрасывая их от меня.

– ...и ты задержана до тех пор, пока совет не решит твою судьбу.

– Что? – я застыла. – Ты не можешь...

– Ты использовала свои способности, чтобы повлиять на решение члена совета, – обвинил Зевс. – Тебя будут судить за твои преступления...

– Нет! – взвизгнула я, вырываясь изо всех сил. Верёвки только становились туже, врезаясь в мою кожу. – Я королева. Ты не можешь...

– Ещё как могу, – отрезал Зевс. И не успела я и глазом моргнуть, как мой трон исчез вместе со мной.

Часть четвёртая

Семь дней и семь ночей я была заперта в маленьком, тёмном помещении, куда не проникал солнечный свет.

Никто ко мне не приходил. Вне всяких сомнений, Зевс наложил строгий запрет на посещения. Я тихо сидела на своём троне, коротая время, и прокручивала в памяти последние сто лет. Могла бы я поступить иначе, если бы знала, чем всё закончится? Была бы я более чуткой и менее одержимой своей гордостью?

Единственной ошибкой, о которой я сожалела, был мой брак с Зевсом. Ничего больше я бы не изменила.

Наконец, на восьмой день меня вернули в центр тронного зала без какого-либо предупреждения. Солнце ослепило меня, и, как бы я ни хотела не выказывать слабости перед советом, я всё равно зажмурилась.

– Гера, – голос Зевса. Я не стала утруждать себя ответом. – Мы приняли решение. Тебе есть что сказать, прежде чем услышишь приговор?

Я молчала, пока мои глаза не привыкли к яркому свету. В итоге я открыла их, заставив себя не щуриться. Прямо передо мной сидел Зевс, за моей спиной – Аид. Я чувствовала его присутствие, мой оазис посреди бури.

– Я не сделала ничего плохого, – произнесла я. Голос не слушался после семи дней молчания. – Моей единственной целью было защитить совет, только и всего.

– Мы тебя услышали, – ответил Зевс и поднялся со своего трона. – Ты признана виновной в своих преступлениях. Решением совета с настоящего момента ты лишаешься титула королевы. У тебя остаются обязанности как богини и сохраняется место в совете. Но ты больше не участвуешь в правлении моим царством. И ближайшую тысячу лет твой голос не будет равен нашему. В случае ничьи мы позволим тебе принять решение. В остальное время ты не имеешь право участвовать в голосовании.

Я делаю медленный, глубокий вдох, стараясь не показывать боль. Он не просто лишил меня власти, которую я заслуживала по праву, и всего, над чем я работала столько лет, но и устроил из этого целое представление, чтобы ни у кого из его детей не осталось ко мне ни капля уважения. Возможно, он даже настроил моих сыновей против меня.

– Ты всегда будешь находиться под присмотром совета. Тебе запрещается уходить куда-либо в одиночку, и любая попытка интриг против совета или использования своих способностей, чтобы повлиять на наши решения, приведёт к изгнанию.

Я горела от унижения. Он забрал всё, что было мне дорого. Он прекрасно отдавал себе в этом отчёт и наслаждался каждой секундой моего отчаяния.

– А если я выберу изгнание прямо сейчас? – я старалась говорить с достоинством, насколько это возможно.

Его лицо оставалось бесстрастным. Значит, он ожидал этого вопроса. Возможно, даже надеялся.

– Если ты этого хочешь, мы не станем тебя останавливать.

Вернуться к матери было бы самым простым решением. Уйти к ней, оставив совет позади. Это будет хорошим существованием, без всей этой боли и унижений. И я всерьёз обдумывала этот вариант.

"Гера", – услышала я голос Аида в своей голове. – "Будь сильной. Не сдавайся. Не забывай, кто ты и на что способна. Это всего один день из множества. Не вечность".

Я сглотнула – первая эмоция, которую я позволила себе проявить.

"Ты защищал меня?"

"Да. И Деметра тоже".

"Вы останетесь со мной?"

Пауза, а затем уверенное:

"Навсегда".

Я выпрямилась на своё троне, держа голову настолько высоко, насколько это возможно.

– Я принимаю твои условия. Совет значит для меня намного больше, чем ты когда-либо поймёшь, Зевс, и я от него не откажусь. Мы соединены на веки вечные, независимо от того, как мы относимся друг к другу. Я тебя не оставлю. Никого из вас не оставлю.

На лице Зевса мелькнуло разочарование, но он кивнул.

– Да будет так, – он махнул рукой, и путы исчезли. Я встала. Пускай мой статус понизился, но я всё ещё самая сильная среди них. Я дочь титана и, что бы ни сделал Зевс, останусь ей навсегда.

В этот самый момент вся злость, накопленная во мне, кристаллизовалась в горечь и жажду мщения. Она превратилась в холодную ненависть, поселившуюся в глубине души, и замерла в ожидании. Придёт день, и я смогу выпустить её на свободу. И я это сделаю. Я обещала Зевсу и сдержу своё слово.

Но стоило мне обернуться и посмотреть на Аида, как его улыбка, предназначенная только мне одной, принесла волну успокоения. Он мой союзник.

Мой партнёр. Мой друг. Я всегда буду рядом: каждую минуту, каждый день. Я докажу ему свою преданность, как он доказал мне свою. Я не потеряю его.

И он прав. Ни один день, ни даже тысяча лет – это ещё не вечность. Время пролетит, обиды забудутся, этот момент останется не более чем воспоминанием. Однажды я добьюсь своего. Я верну себе титул королевы. И чего бы мне это ни стоило, Аид станет моим королём.

* * * * *

БОГИНЯ ЛЮБВИ

Я люблю секреты. Папочка – ходячий набор клише – говорит, что глаза – зеркало души, но мне кажется, что только тайны, которые люди хранят в глубине души, дают понять, кто они на самом деле.

Понимаете, тайны – это то, что пытаются скрыть. А скрыть обычно пытаются самую интересную часть себя. Боязнь воды? Это о многом говорит. Шесть пальцев? Потрясающе. Похотливые мысли о племяннице? Полный кринж.

А вот мой секрет – я провалила своё испытание.

Я никогда никому не рассказывала. Папочка знает – это он застал меня в компрометирующей ситуации с сыном пастуха, – но он и словом не обмолвился об этом. Формально все члены совета, кроме изначальной шестёрки братьев-сестёр, должны пройти это нелепое испытание на проверку наших добродетелей, иначе нам нельзя войти в состав совета. Но я считаю, что это полный бред. Кто хочет, чтобы ими правила горстка самовлюблённых божков, считающих себя лучше других только потому, что могут на некоторое время укротить свою природу?

Да и чем так важны добродетели? Не то чтобы я жадная, эгоистичная или горделивая, но почти все члены совета такие в той или иной степени, особенно первая шестёрка. Я не знаю никого, кто был бы завистливее их. Стоит кому-то что-то получить, и они тут же его возненавидят, будь то по везение или результат упорного труда. Почему все не могут просто любить всех? Вот какими на самом деле должны быть правители. Руководствоваться любовью, а не страхом и силой. Я люблю папочку, но ему было бы намного проще, если бы он хоть изредка заботился о других.

Впрочем, он любил тебя, так что мне на что жаловаться.

К слову о любви и добродетелях. Почему похоть считается чем-то плохим? Все ведут себя так, будто заниматься тем, для чего наши тела и были задуманы таким образом, это нечто ужасное. Ладно, не все. Главным образом, Гера. Серьёзно, это из-за неё у всех проблемы, из-за неё у всех секреты. Из-за неё я провалила своё испытание. Более того, это именно она придумала проверку добродетелей, как будто бы сама им всем соответствует (привет, гордыня!). Из-за неё папуле пришлось солгать, чтобы я получила место в совете.

И вот тут кроется мой второй секрет. Главный из всех. Который сейчас пытается насильно накормить меня виноградом.

– Нет! – я отбиваю его руку и хихикаю. Наши тела переплетены в гнезде из шёлковых подушек на полу моей спальни. В солнечном свете, проникающем с балкона, всё как будто сияет золотом. Мне нравится, как лучи закатного солнца

греют мои ступни, но ещё больше мне нравится, как Арес выводит невидимые узоры на моей спине.

– Тебе ещё понадобятся силы, – говорит он. Я убираю прядь тёмных волос, упавшую ему на глаза. Он красив: сильные мышцы виднеются под каждым дюймом кожи, и он смотрит на меня с таким жаром, что я могла бы сгореть в нём. Не то чтобы я против.

– Ммм, но у нас осталось не так уж много времени, я не хочу тратить его на еду, – мурлычу я. Каждое его прикосновение обжигает, будто нам достаточно просто находиться рядом, чтобы разжечь пламя. Я ещё никогда никого так не любила, как его.

Нет, "любила" – не то слово. То есть, это тоже, но я чувствую к нему нечто большее. Он поглощает меня. Я ощущаю его присутствие, даже когда пытаюсь сосредоточиться на чём-то другом, и он этим нагло пользуется. Именно так мы оказались в моей спальне посреди бела дня, за несколько минут до того, как ко мне должен зайти папочка.

Иногда мне кажется, что Арес делает это специально.

– Ну... – протягивает он своим бархатным голосом, всегда немного хрипловатым от частых боевых кличей. – Тогда нам стоит заняться делом.

Он целует меня, его губы сминают мои, наши языки переплетаются. Я много целовалась раньше, но никто ещё не вызывал во мне таких эмоций. Когда я с ним, я чувствую себя по-настоящему живой, а не просто бессмертной. И поверьте, между этими понятиями огромная разница. Бессмертной быть легко – для этого нужно просто находиться здесь. Но тогда вся жизнь проходит мимо тебя, и вечное существование теряет всякий смысл.

Быть живым – вот что самое трудное. Когда сердце бьётся, глаза распахнуты, и я вижу и слышу всё, чувствую все запахи и вкусы. Это жар от огня, это шум волн, это гром после молнии. Смертные воспринимают это всё как должное. А вот я нет. Особенно рядом с Аресом.

Он прижимается ко мне бёдрами, как вдруг кто-то прочищает горло. Я так увлеклась нашим поцелуем, что от внезапного звука подскакиваю на месте и отталкиваю с себя Ареса. За долю секунды, что я поворачиваюсь к занавеске, отделяющей мою комнату от коридора, я мысленно молюсь, чтобы там был кто угодно, только не папочка. Пусть даже Гера. Или Гефест.

Вздрагиваю. Нет, тут я не уверена, что хуже.

Моё сердце ухает вниз. Скрестив руки на груди, под аркой стоит папа. Прищуренные голубые глаза, каменное выражение лица. Он убьёт кого-то одного из нас или сразу обоих? Могу только представить, как выгляжу в этот момент: раскрасневшаяся, с растрёпанными волосами и опухшими губами. Ужасно.

– Привет, папочка, – говорю я, обнимая подушку. Он ничего не отвечает. – Эм, ты сегодня рано.

Всё ещё тишина. Я бросаю беспомощный взгляд на Ареса, но тот откидывается на подушки с наглой ухмылкой, из-за которой мне хочется его ударить. Кажется, я плохо на него влияю.

Удивительно, как порой замедляется время. Я просто сижу и жду сама не знаю чего. Чего-нибудь. Наконец, за занавеской появляется ещё один силуэт. На секунду во мне загорается надежда, но в следующее мгновение, когда рядом с папой останавливается Гефест, она разбивается вдребезги. Ну разве ситуация может стать ещё хуже?

Нет, беру свои слова обратно. Нельзя бросать вызов мойрам.

– Отец, – приветствует Гефест. Он высок, даже выше папеньки, у него мощные бицепсы от занятий кузнечным делом. Его можно было бы назвать привлекательным, если бы не искривлённые ноги.

Это не его вина, конечно же. Но у каждой девушки есть своя планка. К тому же я видела, как он смотрел на меня до того, как папочка пообещал меня ему в жёны, и вижу, как он смотрит на меня сейчас. Не так жадно, как Арес, но тоже с любовью. Более нежной, лёгкой, доброй. Вот только это всё мне не нужно, когда я с его братом.

– Вернись в тронный зал, Гефест, – папочка сжимает кулаки. У Гефеста непревзойдённый талант выводить отца из равновесия. Этого не может никто другой в совете, а то и во всём мире. Обычно Гефест всячески старается держаться подальше от папы, но сейчас, видимо, не тот случай.

– Арес и Афродита не делали ничего плохого, – обращается он к отцу. Самая чистая правда, на мой взгляд. Неужели он, наконец, принял тот факт, что я не хочу за него замуж? – Он просто показывал ей несколько приёмов самозащиты.

Я прикусила себя за щеку, чтобы не уронить челюсть. Смириться с тем, что я хочу быть с другим, – это одно дело, но лгать ради меня?

Возможно, папуля бывает удивительно слеп, когда дело касается меня (по крайней мере, в большинстве случаев), но сейчас его губы сжимаются в тонкую линию. Он даже не смотрит на Гефеста.

– Афродита знает, как я отношусь к её общению с твоим братом, – говорит он так, будто нас с Аресом здесь нет. Словно мы не смотрим прямо на него.

– И почему это, отец? – вмешивается Арес. – Почему мне нельзя общаться с ней, тогда как сам ты проводишь всё свободное время со смертными женщинами и младшими богинями?

Папочка стискивает зубы.

– Мои дела тебя не касаются...

– Ещё как касаются, потому что это задевает маму, – Арес встаёт и подходит вплотную к папочке. Он не такой высокий, но физически сильнее, и они оба это знают. – Вот прекратишь встречаться с другими женщинами, тогда я перестану учить Афродиту приёмам самозащиты.

Несколько секунд они прожигают друг друга взглядами. Я обхватываю себя руками, смотря на них распахнутыми глазами в ожидании, что хоть кто-нибудь моргнёт. Папуля никогда не заботился о своих сыновьях так, как обо мне, но и не швырялся в них молниями. И сейчас не станет. Только не из-за меня и не из-за всей этой ситуации. Это неправильно.

– Папочка, пожалуйста, – прошу я, но меня никто не слушает. Наконец, Гефест касается их плеч, словно его мозолистые руки каким-то образом могут остудить их пыл.

– Хватит, – тихо произносит он. – Это моя война, отец, не твоя. И я отказался от борьбы.

Арес фыркает.

– Трус.

С молниеносной скоростью папа наносит удар ему в челюсть. Арес ошеломлённо пялится на него. Если до этого время замедлилось, то теперь оно окончательно остановилось.

Они сейчас реально подерутся из-за меня. Может, даже начнут войну. Не понимаю, почему это так волнует папу. В конце концов, Арес говорит правду. Верность не входит в число папиных достоинств, да и я ещё не вышла замуж за Гефеста. Но как бы то ни было, папу это задевает, и это только обостряет конфликт.

Но не успеваю я что-либо предпринять, как Арес вылетает из моих покоев, и меня охватывает острое чувство потери. Больше, чем просто тоска по близости. Потому что я знаю этот папин взгляд. Небольшое облегчение от того, что войны не случилось, мгновенно испарилось.

– Афродита, – по дрогнувшему голосу я понимаю, что он всё ещё очень зол, – идём.

Вздыхаю и встаю. Если попытаюсь сейчас заговорить, это только усугубит моё положение. Папа стремительным шагом уходит по коридору. Я не успеваю за ним, но знаю, куда он направляется. На пороге я задерживаюсь.

– Спасибо, – шепчу Гефесту. – За то, что прикрыл меня.

Он пожимает плечами, и проводит пальцами по моей руке. Есть в нём какая-то застенчивость – тихий омут, который я не понимаю.

– Пустяки, – отвечает он, и убирает руку прежде, чем я успеваю отреагировать на прикосновение. Тем лучше, правда. Арес – это клубок из огня, страсти и волнующих ощущений, тогда как Гефест...

Не могу его описать, но он точно не про страсть. Если бы не Арес, может, я бы и смирилась с вынужденным браком, но довольствоваться малым, когда рядом есть идеал, это слишком жестоко.

Не оглядываясь на Гефеста, я спокойно иду за папочкой. Нет смысла спешить на очередную головомойку. Я провела на Олимпе всего сотню лет, но кое-что успела уже понять. Когда папа зовёт к себе в кабинет – ничего хорошего не жди.

К тому времени, когда я захожу к нему, я уже успеваю успокоиться. Его кабинет находится на другом конце Олимпа, так что за время пути я успеваю продумать, что ему скажу. В этот раз я не позволю ему отчитывать меня, как ребёнка. Это моя жизнь, а не его.

Папочка сидит за столом, смотрит в портал, который показывает ему, что происходит на земле. Его внимание сосредоточено на незнакомом мне пляже, с высокими скалами на фоне. За те несколько секунд, пока он не замечает моего присутствия, я успеваю разглядеть женскую фигуру. Кажется, это Гера, но я не уверена.

– Афродита, – портал исчезает. – Садись.

– Я лучше постою, – я никогда ему не хамила (по крайней мере, намеренно), но сегодня я не буду сдерживаться. – За что ты так со мной?

Стоит мне произнести эти слова, как на глаза набегают слёзы. Ну замечательно. Теперь он точно не воспримет меня всерьёз.

Впрочем, иногда слёзы помогают – его выражение лица смягчается. Но такая победа мне не нужна. Я хочу, чтобы он любил меня достаточно сильно, чтобы ставить моё счастье превыше своей войны с Герой.

– Милая... – он встаёт из-за стола и подходит ко мне с протянутыми руками. Я позволяю ему обнять меня. Он пахнет дымом костра и речной водой, даже не знаю почему.

– Просто я... – начинаю икать, глотая слёзы. – Я люблю Ареса, папочка. Правда. Я очень, очень сильно люблю его. И он тоже любит меня.

– Ты уверена в этом?

Я отстраняюсь, глядя на него в ужасе.

– Конечно, да! Как ты можешь такое спрашивать?

Он пытается вновь притянуть меня к себе, но я уклоняюсь.

– Я только хотел сказать, что он не выглядел обеспокоенным из-за того, я застал вас двоих, когда вы занимались... эм, самозащитой. Я мог бы запросто запретить вам видеться, но его это не...

– Ты бы не сделал этого, – я отшагнула назад. Он потянулся ко мне, но его руки схватили воздух. – Папуль, ты не можешь со мной так поступить. Мне всё равно, что происходит между тобой и Герой... Но выдать меня замуж за Гефеста, лишь бы ей было больно...

– Ты думаешь, дело в этом? – перебивает папа. – Ох, милая.

– Только не надо охать, – огрызаюсь я. Впервые за всё своё существование я ответила ему так грубо. – Это моя жизнь, не твоя. Тебе же без разницы, за кого из них двоих я выйду, так почему это не может быть Арес? Гера будет в бешенстве в любом случае.

Хотя, возможно, если бы выбирала я, то она бы не злилась. Тем утром, когда она пришла поговорить со мной перед советом, на котором мы должны были проголосовать за смещение папочки, Гера уверяла, что хочет дать мне выбор. Может, она готова была сказать что угодно, лишь бы свергнуть папу, но мне кажется, дело не только в этом. Мне хочется верить, что её искренне волнует если не моя судьба, то её сыновей.

А ведь я бы проголосовала за неё. Жаль, что она вмешалась прежде, чем я сказала это вслух.

– Я выбрал Гефеста, потому что посчитал его лучшим вариантом, – поясняет папенька. – Я вижу, как развиваются ваши отношения с Аресом, и поверь мне, милая, такая любовь долго не продлится. Огонь не может гореть вечно.

Я вспыхиваю до корней волос.

– Ты обручил меня с Гефестом, потому что он попросил тебя об этом, а не потому что ты всё хорошенько обдумал.

– Оба мои сыновья просили твоей руки. И я тщательно взвесил своё решение. Тебе следует научиться видеть не только то, что лежит на поверхности, милая. Гефест будет любить тебя...

– Но не так, как я хочу, – я снова вытерла слёзы. В эту минуту я бы отдала всё, лишь бы перестать плакать. – Почему я не могу выбрать сама? Кому будет от этого плохо?

– Тебе, – он снова тянется ко мне, но я так и не поддаюсь.

– Так ты хочешь сказать, что я слишком глупа, чтобы выбирать самой?

Он хмурится.

– Нет, конечно...

– Тогда позволь мне выбрать.

– Милая, я прожил тысячи лет...

– Да какое мне дело до твоего опыта, – я топаю ногой. Честно говоря, никогда раньше так не делала, и теперь чувствую себя совсем глупо. Но в то же время это помогает успокоиться. – Почему ты не берёшь в расчёт мои чувства? Я люблю Ареса, он любит меня, и мы хотим быть вместе.

Папа долго молчит, прежде чем вновь заговорить:

– Ты правда веришь, что эта искра между вами останется навсегда?

Я хлюпаю носом.

– Конечно!

Он смотрит на меня. Солнце, что светит с балкона, слепит меня, но я не отвожу глаз. Не могу. На кону стоит слишком многое, чтобы проморгать свой шанс.

После затянувшейся паузы он вздыхает.

– Прости, Афродита, но я не могу пойти против своей интуиции. Я люблю тебя, и не хочу, чтобы ты обожглась таким образом. Я не могу позволить Аресу разбить тебе сердце.

С тем же успехом он мог бы дать мне пощёчину. Я медленно выпрямляю спину и расправляю плечи, собираясь с силами.

– Пусть так. Если ты не хочешь дать мне свободу, тогда я добьюсь её сама.

Я разворачиваюсь и выхожу из его кабинета с высоко поднятой головой. К счастью, он не пытается меня остановить, хотя, возможно, он просто не верит, что мне хватит духу это сделать.

Ну и пусть. Я просто докажу ему, что он был неправ.

Я прохожу через весь Олимп к покоям Ареса. Нам необязательно здесь оставаться. Мы вполне можем распоряжаться собственными жизнями. Если

позволить папе выиграть этот бой, то победа в войне будет за ним. Я люблю папочку, но в этом вопросе окончательное решение не за ним. Отныне решать буду я.

Я нахожу Ареса в его покоях. Точнее, не нахожу, а слышу его ещё до того, как подхожу к комнате. Он кричит на кого-то, и его голос эхом разносится по коридору, из-за чего поначалу сложно разобрать слова. Я подбегаю к арке, но замираю на пороге, увидев, что происходит внутри.

В его покоях настоящий погром. Кровать перевёрнута, занавески сорваны, его коллекция оружия разбросана по полу. Один острый топор даже застрял в стене, рядом с аркой в коридор.

И посреди всего этого бардака Арес и Гефест.

– Она моя! – рычит Арес, ударяя себя кулаком в грудь. Его ярость физически ощутима, от него исходит едва заметное красное свечение. – Не твоя, братец. МОЯ!

Гефест вздрагивает.

– Ты уже говорил это, – тихо отвечает он. – Но она не твоя собственность.

Сказал тот, кто попросил отца преподнести меня ему на блюдечке. Я фыркаю, и они одновременно поворачивают ко мне головы.

– Афродита? – Гефест делает шаг ко мне, но Арес преграждает ему путь весьма внушительным мечом.

– Не лезь в это, – Арес бросает на меня предупреждающий взгляд. В его глазах по-прежнему горит огонь, вот только это не пламя страсти. Это военный азарт.

– Не лезть? Чтобы вы сами тут разобрались между собой и выяснили, кто женится на мне, вместо того чтобы спросить меня? – я приближаюсь к ним, обходя огромный щит. – Кого-нибудь вообще волнуют мои желания?

Гефест открывает рот – разумеется, чтобы заверить, что его волнуют, – но Арес перебивает его.

– Сейчас не время. Я поговорю с тобой, как только разберусь с Гефестом.

Арес прожигает меня взглядом, но на этот раз я стойко его выдерживаю. Хватит с меня на сегодня конфликтов. Хотят воевать из-за меня? Пускай. Я не собираюсь смотреть с первого ряда или вручать победителю приз.

– Ладно, – выпаливаю я, разворачиваюсь и ухожу. Врываюсь в свои покои и начинаю собирать вещи. У меня их не так уж много: ручное зеркальце, украшенное жемчугом, которое мне подарила нимфа ещё до того, как папа меня увидел, несколько моих любимых подушек и наше с папой изображение, где мы играем на пляже. И хотя меня часто заваливают подарками – безусловно, красивыми и

дорогими, – но по-настоящему дороги моему сердцу только те вещи, что пропитаны любовью – их ценность не материальная, а эмоциональная. Как бы я ни злилась на папулю, я не могу бросить эти вещи.

Когда я заканчиваю сборы, на пороге появляется Арес. Его руки сложены на широкой груди. Он ухмыляется, выглядя до ужаса довольным собой. Вот же засранец.

– Так что, ты победил? – интересуюсь я. Каждое слово пронизано горечью.

– Не начинай. Что это ты делаешь? – произносит он своим хриплым голосом, который я так обожаю.

Застываю. А что я делаю?

– Я ухожу, – произношу, наконец, потому что это правда. – Я бы хотела, чтобы ты пошёл со мной, но не могу заставить.

Он наблюдает за мной с любопытством, словно пытается разгадать головоломку. Но никакого подвоха нет. Он заслуживает право выбора, как и я.

– Хорошо, – соглашается он. – И куда мы пойдём?

Всего пять слов, и всех моих тревог как ни бывало. С улыбкой до ушей я налетела на него, повиснув на шее и обсыпая поцелуями.

– Я так сильно тебя люблю, – шепчу ему.

Он крепко держит меня: у него сильные руки и надёжная хватка. Как будто он не собирается меня отпускать. Никогда в жизни. Я безумно надеюсь, что так и будет.

– Это и есть твоё новое место? – дразнит он.

Я снова целую его, отдавая всю себя. Словами много не выразишь, а то, что я чувствую к нему... невозможно описать.

– Домой, – отвечаю я. – Мы собираемся домой.

* * *

Я нечасто говорю о своей жизни до Олимпа. А если точнее, то никогда. В этом нет смысла. Большую её часть я провела на острове вместе с нимфами, которые заботились обо мне, как об одной из них. Но я не была дочерью какой-то нимфы. Я не была ничьей дочерью. И как бы сильно они меня ни любили, понимание, что мои настоящие родители бросили меня, всегда ранило. Папочке нравится строить теории, мол, у меня и не было никаких родителей, что я родилась из крови титанов, но это даже хуже. Кто хочет появиться на свет в результате боли и кровопролития?

Но кое-что хорошее из детства у меня осталось: остров. У него не было названия, когда я росла. И люди по-прежнему его не нашли, поэтому он всё ещё

безымянный. Это моё убежище. Место, куда я сбегаю, чтобы побыть одной. И теперь, приведя сюда Ареса, я чувствую себя как никогда уязвимой.

– Ого!

По крайней мере, его первая реакция меня не разочаровывает. Мы стоим на валунах, сглаженных за многие годы водой, смотрим на водопад и прозрачную гладь озера. Сиреневые и розовые цветы лианами свисают с деревьев, как занавески. А небо над нашими окрашено цветами заката.

– Это моё самое любимое место в мире, – я сжимаю его ладонь. – Кроме как рядом с тобой, конечно же. Но когда ты здесь, это вообще идеально.

Арес обнимает меня за плечи, от его былого гнева не осталось и следа. Жизнь вдали от Олимпа пойдёт нам обоим на пользу. Аресу нужно это даже больше, чем мне. Он научится видеть красоту во всём, а не только в конфликтах, кровопролитии и войне.

Мы стоим так несколько минут, глядя на закат. Как только глубокий синий цвет ночи окрашивает небо, я веду Ареса по краю озера к водопаду.

– Идём, я покажу тебе, где я выросла.

Он следует за мной, и хотя он ничего не говорит, я чувствую его напряжение. Никто из богов, кроме Посейдона – ну, и меня, конечно же, – не чувствует себя комфортно рядом с водой. Это не их царство, как и Подземный мир. Но он не жалуется, и когда мы оба проходим под водопадом, его смелость вознаграждается сполна. Там, в скрытом гроте, находится мой дом.

На протяжении многих лет я приносила сюда разные мелочи, которых накопилось немало. Нимфы, должно быть, знали, что мы придём сюда, потому что уютный костёр уже разожжён посреди пещеры, освещая всё своим согревающим пламенем. Гнездо из подушек занимает целый угол, создавая достаточно места для нас двоих. Драгоценности свисают с потолка, сверкая в тусклом свете, и моя коллекция изображений висит на стенах, удерживаемая силой мысли. Если бы кто из смертных случайно забрёл в эту пещеру, он бы жутко удивился. Многие из них верят в наше существование, но верить и видеть своими глазами подтверждение тому – всё-таки разные вещи.

– Тебе нравится? – спрашиваю я. Свежий виноград ждёт нас на золотой тарелке. Я веду Ареса к ложу из подушек.

– Это невероятно, – выдыхает он, в кои-то веки не притворяясь, что он выше всего этого. – Здесь ты выросла?

Киваю.

– Это моё тайное место. И теперь твоё тоже.

Он поцеловал меня с тем же страстным напором, что и раньше, его пальцы запутались в моих волосах. Он уложил меня на подушки. Мысль о разлуке с папочкой всё ещё ранила меня, но я знала, что это не навсегда. Рано или поздно он извинится и позволит мне выйти замуж за Ареса.

Выбор. Любовь. Преданность. Разве я о многом прошу? Когда-нибудь папа уступит. Обязательно.

* * *

Я всегда была не в ладах с временем. Я могу, конечно, сказать, сколько длится день и в каких фазах бывает луна, но постепенно всё смешивается, какой бы живой я себя ни чувствовала.

Именно так ощущается времяпрепровождение с Аресом – как вихрь жизни. Мы вместе день за днём исследуем остров, и впервые за целую вечностью я чувствую себя чьим-то центром мира. Ничто не сравнится с осознанием, что ты для кого-то как солнце. Я растворяюсь в Аресе и нашей совместной жизни.

Годы идут – я так полагаю, потому что, пускай и едва заметно, но сезоны сменяются, – и я уже почти не помню запах Олимпа.

У нас родился сын. Поначалу меня не вдохновляла идея стать матерью. Я слишком молода. Я столько всего ещё могла сделать, прежде чем связать себя семейными узами и остепениться, как Гера. К тому же я нередко забыла сама о себе позаботиться, что уж говорить о ребёнке. Но Эрос – самое прекрасное создание, которое я когда-либо видела. Его светлые кудряшки, голубые глазки и розовые щёчки прям как у меня, но внимательный взгляд – от Ареса. И его подбородок. Да, подбородок однозначно его. Арес никогда ещё не был таким счастливым, как в тот момент, когда нимфа передала ему на руки Эроса.

В день, когда он родился, мой мир перевернулся, и Эрос стал моим солнцем. Я вижу, как Арес смотрит на меня, когда я убаюкиваю младенца, но он ничего не говорит. Рождение ребёнка стало самым счастливым событием в моей жизни, но с этого же момента наши идеальные отношения с Аресом стали давать трещину.

– Ты всё ещё любишь меня, правда? – шепчу я на третий день после рождения Эроса. Он теперь моё время, моя луна и звёзды, я никогда не забуду день его появления на свет. Устроившись среди подушек, я укладываю спящего Эрота рядом. Арес точит свой меч у костра.

Он медлит с ответом, повисшую тишину заполняет скрежет металла. Каким-то чудом этот звук не мешает спать малышу.

– Почему ты спрашиваешь?

Его уклончивый ответ только растит мои сомнения, холодным грузом лежащие на сердце.

– Эрос... Я просто хотела убедиться... Ничего же не изменилось между нами?

Он откладывает меч и присоединяется к нам на ложе. Мы не занимались любовью, пока я носила под сердцем Эроса, но сейчас Арес обнимает меня. Он скользит рукой по моей спине и утыкается носом в волосы.

– Я люблю тебя, – тихо произносит он. – А ты? Всё ещё любишь меня?

– Больше, чем прежде, – шепчу я в ответ, и это правда. Я не думала, что это возможно, но моё сердце переполнено любовью. Я любила всей душой, но теперь любви во мне стало ещё больше – и для Ареса, и для Эроса.

Пламя костра потрескивает. Арес проводит подушечкой большого пальца по моим губам.

– Завтра мне нужно уйти. Назревает война, а я и так уже довольно долго пренебрегал своими обязанностями.

Меня как будто ледяной водой облили. Все сомнения возвращаются с новой силой.

– Но... зачем? Тебе необязательно сражаться.

Он усмехается, но как-то безрадостно. На долю секунды мне показалось, что он взглянул на меня, как тогда, на Олимпе, во время их ссоры с Гефестом. Словно я ребёнок. Словно я ничего не понимаю.

– А если бы я сказал, что тебе необязательно любить?

Я фыркаю.

– Что за бред?

– Тогда почему ты говоришь мне, что я не должен сражаться? – он целует меня в щёку. – Я просто выполню свои обязанности, только и всего. Нимфы позаботятся о вас с Эросом, а я скоро вернусь.

– Насколько скоро? – спрашиваю я. Он пожимает плечами.

– Как только кто-нибудь победит. Но я буду думать о тебе каждую секунду, обещаю.

Мы оба знаем, что не будет – не тогда, когда его мысли заняты войной, но я ценю его заботу.

На закате следующего дня он целует меня и Эроса на прощание. На моих губах он задерживается. В небе мелькает зелёная вспышка, и от моего возлюбленного остаются только следы на песке.

Тяжело сглотнув, я замечаю ракушку рядом с тем местом, где только что была его левая нога. Я поднимаю её, промываю в океане и сжимаю в руке, будто в ней содержится ответ на вопрос, когда вернётся Арес. Но это просто ракушка, у неё нет никакого ответа. Тем не менее, я забираю её с собой в грот.

Я провожу ночь в слезах, хоть это и расстраивает Эроса. Когда он плачет, я просто рыдаю сильнее и прижимаю его к себе так, будто от него зависит моя жизнь. В каком-то смысле так и есть. Ареса нет, даже если только временно, и у меня есть один лишь Эрос. Я снова стала простой бессмертной, ждущей, когда жизнь вновь загорится во мне. По крайней мере, Арес дождался родов. По крайней мере, он знает, что я не выдержу одиночества.

Это само по себе доказательство того, как сильно он меня любит, и я заставляю себя помнить об этом.

* * *

Каждый день на закате я хожу на пляж, ожидая его возвращения. Строю планы, чем мы займёмся, когда снова будем вместе. В плохие дни я даже подумываю вернуться на Олимп, просто чтобы узнать, как у него дела. Но со мной рядом Эрос – я смотрю, как он взрослеет, и это возвращает мне волю к жизни.

– Не так быстро! Эрос! – весело смеюсь, я бегу за своим малышом по пляжу. Солнце согревает нас сверху, а нежные волны ласкают ступни. Идеальнее этот день могло бы сделать только возвращение Ареса.

Эрос останавливается возле какой-то горы деревяшек неподалёку от пещеры, которую мы изучили уже вдоль и поперёк. Опустившись на колени, он что-то выискивает среди брёвен и верёвок – похоже, течение принесло к берегу разбитый плот. Я присаживаюсь рядом с ним.

– Что ты там ищешь?

Он не отвечает мне, но тут вдруг его лицо озаряется, и он достаёт что-то из кучи веток.

– Ракушка! – объявляет он и кладёт бело-коралловую спираль на мою ладонь.

Из всех ракушек, что мы нашли на пляже за это время – по одной за каждый день отсутствия Ареса, – эта самая прекрасная. Я кручу её в руках, восхищаясь её совершенством. Как же я скучаю по нему. Безумно. И хотя мне удаётся скрывать это от Эроса, маленькая ракушка вызывает слишком сильные эмоции. Любовь к сыну – не то же самое, что любовь к Аресу. Мне нужны те чувства.

Пока я изо всех сил стараюсь не разрыдаться перед сыном, сам Эрос снова поднимается на ноги и бежит к пещере . У меня перед глазами всё плывёт от слёз, я вытираю их, поднимаясь.

– Эрос, маленький мой, не ходи туда без меня.

Он, естественно, не останавливается. Я следую за ним. Он бессмертен, ничто не может ему навредить. Но он может потеряться, а я этого не хочу.

Догоняя его, я замечаю следы на песке. Не маленьких ножек Эроса, а какие-то неровные и большие, как у взрослого человека. Мужчины.

Убрав ракушку, я поднимаю Эроса на руки и прижимаю к своему бедру. Он вскрикивает, сопротивляясь, но я целую его в макушку и иду дальше в пещеру. Следы вскоре становятся шаркающими, будто кто-то не мог перебирать больше ногами под тяжестью своего веса. Мог ли Арес вернуться, не сказав мне? Но зачем ему разбитый плот и почему он пошёл сюда, а не в наш грот за водопадом?

Нет, тут явно кто-то ранен. Арес никак не мог пострадать в войне между смертными. Это не он.

– Ау? – зову я, проглатывая разочарование. Мне никто не отвечает. Я заглядываю в пещеру. Она меньше размером той, где мы живём, и мне приходится щуриться, чтобы разглядеть что-либо в темноте. – Здесь кто-нибудь есть?

Резкий кашель. Я прижимаю Эроса крепче к себе и взмахиваю рукой. Огонь загорается посреди пещеры. Свернувшись в ближайшем уголке, в лохмотьях сидит мужчина. Он весь тёмный: угольно-чёрные волосы, щетина на щеках, даже кожа у него загорелая.

До меня доходит противный запах, я морщу нос. Кровь. Запах войны и жестокости. Не отпуская Эроса, я приближаюсь к скорченной фигуре. Тени танцуют на стенах пещеры, из-за чего его силуэт сложно разглядеть, но я всё же рассматриваю его.

Его поза совершенно не естественная. Ноги искалечены – просто чудо, что он вообще оставил хоть какие-то следы. Часть груди вогнута, будто на него упал огромный булыжник, и дыхание тяжёлое. Но, по крайней мере, он дышит. Живой.

– Эрос, – я опускаю сына на землю, – мне нужно, чтобы ты сделал в точности, как я говорю. Мы сейчас вместе пойдём. Ты не будешь никуда сворачивать или убегать, обещаешь?

Эрос серьёзно кивает, каким-то образом осознавая тяжесть ситуации, несмотря на свой юный возраст. Он обнимает меня за ногу, а я тем временем

взмахиваю руками. Это даётся мне непросто, и мужчина стонет, но его искалеченное тело поднимается в воздух.

Я выношу его из пещеры, и через три секунды на солнце он теряет сознание. Уж не знаю, от боли или от потрясения, что он висит в воздухе без какой-либо поддержки. Как бы то ни было, хорошо, что мне не придётся отвечать на неудобные вопросы.

Я понимала, что Аресу это не понравится, если он узнает, но всё же переношу молодого человека в наш грот. Он стонет, когда я опускаю его на подушки. На его руках засохшая кровь. Это плохо. Это очень, очень, очень плохо.

Я усаживаю Эроса в углу рядом с корзиной цветов и поручаю плести венки. Мне нужно, чтобы никто меня не отвлекал сейчас.

"Аполлон?"

Я посылаю мысленный зов в небо изо всех сил. Скоро заход солнца, как и на Олимпе, который вечно пребывает между днём и сумраком, и это стирает границу. Если только Аполлон не гуляет где-нибудь по земле. Его сложно назвать домоседом.

Я задерживаю дыхание. Не то чтобы мне вообще нужен кислород, но это заставляет верить, что при достаточном напряжении всё сработает. Проходит десять секунд, затем пятнадцать, двадцать. Я уже собираюсь попробовать снова, как вдруг...

"Афродита?" – мысль окрашена лёгким удивлением. – "Что случилось? Ты в порядке?"

Я облегчённо выдыхаю.

"Я нашла смертного. Он при смерти. А я не умею исцелять".

Проходит ещё несколько секунд.

"Зевс наблюдает за мной. Если я сейчас отправлюсь к тебе, он узнает, где ты".

Я колеблюсь, оглядывая наше с Аресом тайное жилище. Если Аполлон придёт сюда, нам, возможно, придётся отказаться от всего этого. От обустроенного дома, от счастливых воспоминаний, связанных с этим местом... Возможно, даже от Эроса. Кто знает, позволит ли папочка забрать его с нами на Олимп. Я могу потерять всё ради одного смертного.

Мужчина в углу издаёт тихий болезненный всхлип, от которого у меня разрывается сердце. К чёрту всё. Даже если папа меня найдёт – пускай. Он никогда не отнимет у меня семью.

"Мне всё равно. Ему нужна твоя помощь", – я мысленно посылаю ему образ острова и направление до него от Олимпа. Солнце уже почти село. – "Скорее".

Пока жду Аполлона, я сажусь рядом с мужчиной и касаюсь его щеки – единственный участок его тела, который не пострадал. Его дыхание становится рваным, но он по-прежнему не приходит в сознание. Я подозреваю, что ему очень больно и вообще не понимаю, как можно пережить всё это и остаться в живых.

Ночные звуки леса прерывает шорох листьев. Наконец, в грот заходит мой брат. Он приседает рядом с незнакомцем, отгоняя меня в сторону. Я сажусь на корточки и встревоженно наблюдаю. Прошло уже слишком много времени. Но Аполлон не колеблется. Он водит руками над пострадавшим, от его ладоней исходит золотистое свечение. Я впервые смотрю, как он кого-то исцеляет. Я знала, что он это умеет, но тут такой тяжёлый случай... Это вообще возможно?

Эрос подходит ко мне и обнимает пухлыми ручками за шею. Я притягиваю его в свои объятья, утыкаюсь лицом в его волосы. Его кудри точно такого же оттенка, как и у Аполлона. Глупо думать о таком, когда на моих глазах человек балансирует на грани жизни и смерти, но это приносит мне некое утешение.

Наконец, Аполлон отстраняется. Не знаю, сколько прошло времени, но Эрос уснул у меня на руках – от него исходит любовь, словно он чувствует, что мне это сейчас нужно. Может, так и есть. У моего сына есть дар, который я только начинаю понимать. Я прижимаю его крепче к себе.

– Он будет жить?

Аполлон мрачно кивает. Он бледен, словно вложил всего себя в исцеление этого незнакомца.

– Я сделал, что мог. Ему ещё понадобится время.

– Он может остаться здесь, – едва произношу это вслух, как сама слышу беспокойство в своём голосе. Но ни один смертный не посмеет причинить вред богине. И даже если он попытается, я просто выброшу его в океан. Однако что-то мне подсказывало – наверное, его расслабленное выражение лица, после того как Аполлон избавил его от боли, – что он не станет вредить нам.

– Арес не будет против? – уточняет Аполлон. Я пожимаю плечами.

– Ареса здесь нет.

У меня будет одной тайной больше.

Аполлон дотрагивается до моего лица. Даже его глаза потеряли все краски.

– Мне тебя не хватает, – признаётся он. – Если ты не знала, то мы все на вашей с Аресом стороне.

Я слабо улыбаюсь. Как-то не особо верится. Артемида, Афина и даже наши тётушки – все считали нашу любовь безрассудной. Но она настоящая, и я готова терпеть их неодобрение, если это цена моего счастья. Пусть остаются на Олимпе рядом с папой, одинокие, несчастные, покрытые плесенью и паутиной до конца своих дней.

– Останься на ночь, – приглашаю я.

Он не спорит и вскоре засыпает в другом углу. Пламя потихоньку догорает, оставляя лишь угольки, но я сижу всю ночь неподвижно. Слишком напуганная. В любой момент папа может найти меня. В любой момент Арес может вернуться. В любой момент незнакомец может открыть глаза.

В любой момент моя жизнь изменится навсегда. Если только это уже не случилось.

Я заставляю себя расслабиться. Пока что мне ничего не грозит, и у меня есть Эрос. Папа не отнимет его у меня. Даже не станет пытаться, зная, что тем самым причинит мне боль.

Всё будет хорошо. Я должна верить в это. Ради Эроса, ради этого незнакомца и ради самой себя.

* * *

Когда Аполлон уходит на закате следующего дня, незнакомец всё ещё спит. Пока нимфы присматривают за ним, я набираю воды, трав, ягод, чтобы ему было чем питаться. Надеюсь, этого достаточно. Я не знаю, как много едят смертные.

Впервые с того дня, как Арес ушёл, я не ходила на пляж. Идеальная ракушка, которую нашёл Эрос, пополнила коллекцию из сотни таких же у входа в грот. Но я почти не думаю об этом, пока рядом незнакомец. Пропустить один день нестрашно. Смертному нужна моя помощь больше, чем Аресу – мои страдания.

То, что сделал Аполлон, впечатляет. Тело мужчины было выпрямлено, самые серьёзные из ран заживлены. Остались кое-какие синяки и царапины, но сердце уже бьётся ровно. Это немало.

Вскоре после захода солнца дыхание незнакомца внезапно изменяется. Оно становится быстрее, тяжелее, и здоровая рука начинает ощупывать землю в поисках чего-то.

– Не двигайся, – говорю я, дотронувшись до его костяшек. – Ты можешь навредить себе.

Он с трудом открывает опухшие глаза. У него тёмная внешность, но радужки – светло-серые, цвета камней.

– Кто... – он запинается и облизывает губы. Очевидно, ему больно говорить, но я знаю, что он хотел спросить. И не могу сказать правду. Он всё равно не поверит.

– Друг. А ты кто?

Он пытается сесть. Из его груди слышится какой-то хрип. Я мало что знаю о человеческой анатомии, но это явно какой-то нехороший звук.

– Ляг обратно, – я мягко надавливаю на его плечи. Он не в том состоянии, чтобы сопротивляться. К счастью, он даже не пытается. Я принесла воду и еду, если хочешь.

Он вновь облизывает губы, и я расцениваю это как согласие. Вливаю струйку воды ему в рот, и хотя он начинает кашлять, ему удаётся всё-таки проглотить большую часть.

– Где?.. – его голос уже не такой хриплый, но его слова всё ещё сложно разобрать.

– На моём острове. Здесь ты в безопасности, обещаю.

– С тобой.

Это не прозвучало как вопрос. Хотя я для него просто незнакомка, он смотрит на меня не как на возможную угрозу, а как на спасительницу. Может, для него я и есть спасительница. В том, как он смотрит на меня, есть какая-то мягкость, будто бы он понимает, что жив благодаря мне, и это чувство согревает меня изнутри. Я нежно сжимаю его руку. Он счастливчик. Если бы его нашёл Арес, то в его жизни появилась бы новая угроза.

– У тебя есть имя? – спрашиваю я.

Молчит. Просто смотрит на меня своими светлыми глазами и молчит. Я прикусываю губу. Я привыкла к тому, что на меня все пялятся. Мне льстит подобное внимание. Но что-то в его взгляде создаёт впечатление, будто он видит не только то, что на поверхности, и это заставляет меня внутренне сжаться.

– Отдыхай, – это всё, что я могу ему предложить. – Я буду рядом, пока ты спишь.

Его веки снова закрываются, и я даже чувствую некое облегчение. Понятия не имею, кто он и откуда, но эти серые радужки не дают мне покоя. Он выжил не просто так – мойры не оборвали нить его жизни по какой-то причине. И какой бы она ни была, я прослежу, чтобы он об этом узнал.

* * *

Вот уже шестнадцать дней незнакомец молчит.

Я наблюдаю за ним, пока Эрос находится под присмотром нимфы, которой я доверяю больше всех. Про себя я называю незнакомца Киром. Давать ему имя с моей стороны было не совсем правильно – почти наверняка его зовут иначе, да и я никогда не обращаюсь к нему вслух. Но в моей голове "незнакомец", "мужчина" или "смертный" – это слишком обезличенные понятия, тогда как Кир – живой человек, спасти которого, рискуя своим будущим, я была только рада.

Папа так и не появился. Ни в первый день, ни во второй, ни спустя половину лунного цикла. Поначалу я всё время была настороже, готовая в любой момент снова топнуть ногой и сказать "нет", если придётся. Но то ли папа не обратил внимания на Аполлона, то ли по какой-то причине он решил не выслеживать меня. Надеюсь, что первое. Потому что мне больно думать о том, что ему может быть плевать.

Кир поправляется медленнее, чем я ожидала, но вскоре он уже может сидеть. Он есть и пьёт всё, что я ему даю, но никогда не просит большего. Я постоянно переживаю, что ему этого мало. Знаю, еда очень важна для смертных, чтобы быстрее выздороветь, но не могу понять, сколько именно ему нужно. Иногда я даю дополнительную тарелку ягод, и он съедает их все. А выздоровление всё равно идёт медленно.

Его молчание нервирует меня, и я часто ловлю на себе его взгляд, но любовь, которую он испытывает, выбивает меня из колеи. Я всегда чувствовала любовь в других, но это... Не та любовь, к которой я привыкла. В её основе не огонь и желание, как у Ареса. Она мягче. Нежнее. Он словно бы хочет позаботиться обо мне, хотя это я выхаживаю его. И хотя я люблю Ареса и всё ещё жду его возвращения каждый день, я невольно потихоньку поддаюсь этому чувству. Ничего не могу с собой поделать – это мой дар. Я не могу получать любовь, не отдавая взамен. Но что-то мне подсказывает, что даже без всякого дара, он мне не безразличен, и с каждым днём моя привязанность растёт. Он добр – добрее, чем Арес когда-либо был, – и его присутствие дарит мне спокойствие, даже когда мне кажется, что папа вот-вот придёт сюда.

Впрочем, это неважно. Он смертный, и даже если я позволю ему остаться со мной до возвращения Ареса, он может умереть задолго до этого. В лучшем случае, это временная любовь. Осознание этого в какой-то мере облегчает моё чувство вины. И упрощает принятие растущей привязанной между нами, даже если Кир не говорит ни слова.

На шестнадцатый день – я знаю это, потому что каждый вечер Эрос приносит мне по одному камешку, найденному на берегу, – Кир садится и внимательно смотрит на меня. Его глаза по-прежнему не дают мне покоя, хотя у меня и было время привыкнуть к ним.

– А есть мясо?

Первые его слова с тех пор, как он очнулся, спросил, где он, и замолчал. Я почувствовала облегчение.

– Эм, типа... кролика? – спрашиваю я. Мне даже в голову не приходило убить и приготовить кролика. Нимфы были бы в ярости.

– Или рыба, – он говорит так тихо, что мне приходится напрягать слух

– Рыбу можно организовать, – и нимфы, наверное, не будут так возмущаться. – Пойду попрошу дядю.

– Дядю?

Краснею. Точно, он же не знает, кто я.

– Эм, да. Скоро вернусь.

Я бегу к океану – пляж находится неподалёку от грота. Посейдон спокойно даёт мне несколько рыбок для Кира. Я не очень хотела просить его о помощи – он вполне может рассказать папе, где я нахожусь, – но сама я понятия не имею, как ловить рыбу. Но если это поможет Киру быстрее поправиться, то риск того стоит.

Я возвращаюсь со связкой рыб, от которой прямо-таки ужасно воняет, но не нахожу Кира в гроте. Сердце пропускает удар. Я роняю рыбу и выбегаю из пещеры.

– Ау! – кричу. И почему я не спросила, как его зовут на самом деле, когда была такая возможность? – Ты где?

Он не мог уйти далеко. Я осматриваюсь в поисках каких-нибудь следов, но вижу только свои собственные. Это ужасно. Он хуже Эроса. Мечусь из стороны в стороны несколько секунд, как вдруг...

Смех. Я останавливаюсь, чтобы прислушаться. Водопад заглушает все звуки, но да, я определённо слышу мужской смех. Проходя на цыпочках между деревьев, я иду на звук. Над чем может смеяться Кир? С кем он там смеётся? И как он покинул грот?

Я выглядываю из-за широкого ствола, и у меня отваливается челюсть. Эрос сидит посреди поляны, которую он уже давно назвал своей личной поляной, и плетёт цветочное ожерелье. Кир сидит рядом, прислонившись к дереву, чтобы не упасть, и помогает ему.

Кир смеётся не один. Эрос тоже хихикает – тонкий детский голосок почти полностью тонет в хриплом хохоте Кира. Я ещё не видела, чтобы Эрос общался с кем-то, кроме нимф. Три первых дня его жизни, когда Арес был с нами, едва ли считаются. Но Эрос выглядит счастливым. По-настоящему счастливым. И Кир тоже.

– Что вы здесь делаете? – шутливо спрашиваю я. Не хочу, чтобы они подумали, будто я их ругаю. Мне стоит опасаться Кира, особенно, когда он рядом с моим сыном, но все дурные предчувствия насчёт него уже давным-давно прошли.

– Мама! – Эрос поднимает своё ожерелье – хаотичный переплетение красочных бутонов. Я присаживаюсь рядом с ним и целую в макушку.

– Какая красота! Это для меня? – спрашиваю я, но Эрос мотает головой. Не успеваю сказать ещё что-либо, как он протягивает своё творение Киру.

– Те! – объявляет Эрос.

Я уже думаю, что Кир сейчас откажется – Арес бы никогда не надел ожерелье из цветов, кто бы ему его ни подарил, – но Кир принимает подарок.

– Спасибо, – благодарит он, надевая цветочную гирлянду на шею. – Ну как?

Эрос хихикает, я целую его в пухлую щёчку.

– Это так мило с твоей стороны, – хвалю его. – Ты у меня такой умница!

– Это точно, – соглашается Кир. – Тебе повезло с ним.

Я слабо улыбаюсь.

– Да, повезло.

Кир завязывает последние стебельки.

– Спасибо, – говорит он. – Я обязан тебе жизнью. Даже не знаю, чем отплатить тебе за проявленную доброту. Но начать бы хотел с этого небольшого подарка, – он протягивает мне венок из цветов. – Знаю, это немного, но это всё, что у меня есть.

Губы приоткрываются от удивления. Я колеблюсь, но в итоге всё-таки осторожно беру венок. Очень аккуратная работа: он накручивал стебли на один более толстый и тщательно закреплял. Я коснулась лепестка. Ни один мужчина не преподносил мне таких подарков – сделанных своими же руками. Арес дарил мне драгоценности, шелка, всё самое лучшее в мире. Но он не смог увидеть красоту в чём-то столь обыденном.

– Спасибо, венок чудесный.

– Как и ты, – тихо добавляет он. – Я ещё не встречал никого, кто был бы так же красив внутри, как и снаружи.

Я поджимаю губы, чтобы удержаться от улыбки, но щёки всё равно вспыхивают.

– Давай я отведу тебя обратно в грот. Тебе нужно набираться сил. Я принесла рыбу.

Он кивает и медленно поднимается на дрожащих ногах. Похоже, ему уже лучше, чем я думала. Я ищу хоть какие-то признаки, что ему больно, но он направляется обратно к гроту без особых проблем, лишь иногда морщась. Я беру Эроса за руку и иду следом.

Вечером мы ужинаем рыбой. Я притворяюсь, что тоже голодная, а Эрос охотно надкусывает пару раз и потом заявляет, что объелся. Кир же уминает целых три рыбины в одиночку, и я делаю мысленную пометку. В следующий раз, когда найду раненного смертного, буду запасаться рыбой.

К тому времени, как Эрос засыпает у меня на коленях, солнце уже садится. Я пододвигаюсь ближе к Киру, и мы вместе смотрим на костёр. Впервые, с тех пор как ушёл Арес, я не чувствую себя одинокой.

– Как тебя зовут?

Он наклоняет голову, искоса глядя на меня.

– А тебя?

Качаю головой. Я не могу ему сказать. Когда-то наши имена держались в тайне, но теперь смертные поклоняются нам, и моё имя слишком известно. Кир может подумать, что родители назвали меня в честь богини, но мне кажется, что он достаточно повидал в жизни и сумеет сложить два и два. Да, я доверяю ему, но не хочу, чтобы он привёл на остров других.

– Я уже мысленно окрестила тебя Киром, – признаюсь ему. – Не знаю почему.

– Киром? – его губы изгибаются в улыбке. – Хорошее имя. А можно я тоже тебе выберу?

Киваю.

– Только постарайся.

Он смотрит на меня несколько секунд, его серые глаза отражают пламя костра, и в итоге произносит:

– Ава.

Ава. Это имя вызывает у меня мурашки по коже, моя рука скользит по полу и касается его ладони.

– Оно идеально.

– Как и ты, – шепчет он. Наши взгляды встречаются, и время словно бы останавливается. Я не вижу никого, кроме него. Не чувствую ничего, кроме нею. Все звуки, запахи и ощущения связаны только с ним, и я хочу попробовать его губы на вкус.

Может, это просто моё одиночество. Может, дело в том, как он смотрит на меня. Может, это из-за его улыбки, смеха и множества других мелочей. Но несмотря на свою любовь к Аресу, я наклоняюсь к Киру и прижимаюсь к его губам.

Это лёгкий поцелуй, без сжигающей страсти, как обычно с Аресом, но в нём много нежности. Он сладок и полон любви. Любви, в которой есть обещание заботы друг о друге. Любви, от которой ему интересно, как прошёл мой день. Любви, благодаря которой он видит не только внешнюю красоту, но и внутреннюю.

Я жажду этого. Это лекарство от ран, оставленных Аресом. Кир – не Арес и никогда им не будет, но в этот самый миг я благодарна ему за это. Я не хочу той любви, что дарил мне Арес последние несколько лет. Я хочу вот эту любовь, которую предлагает мне человек передо мной, которую я могу увидеть, услышать, вдохнуть, потрогать и попробовать на вкус. Возможно, Кир не осознаёт этого, но его чувства ко мне для меня физически ощутимы, они обволакивают меня. Этот поцелуй – его дар мне, который я хочу принять.

– Кхм.

Я отскакиваю назад, отталкивая Кира. На входе, в лучах закатного солнца, стоит тот, кого я ожидала увидеть меньше всего.

Арес.

– Вижу, ты не теряла времени даром, – выплёвывает он слова, как яд. Часть меня ощетинивается, но другая не может винить его в этом. – Кто это?

– Я... – сглатываю и пытаюсь сесть ровно. Арес сам бросил меня, оставив жить в одиночестве долгие годы. Чего он ожидал? – Это Кир. Его плот разбился, и волны выбросили его на берег. Я помогла ему залечить раны.

– То есть так, по-твоему, лечат раны? – Арес сощуривает глаза, его пальцы обхватывают рукоять его жуткого меча на поясе. Замечательно.

Кир сжимает мою ладонь. Мне стоило бы отдёрнуть руку, но мне нужна его поддержка. Очевидно, от Ареса я её не получу.

– Это твой дядя? – спрашивает Кир. Это настолько абсурдное предположение, что я фыркаю.

– Дядя? – Арес подходит ближе, свет от костра играет на его лице. – Это ты ему наплела?

– Что? Нет, – быстро возражаю я и разворачиваюсь к Киру: – Это мой... Это отец Эроса.

Хватка Кира ослабевает, и теперь уже я спешу сжать его ладонь. Не хочу, чтобы он отстранялся.

– Ох, – выдыхает он. – Прошу прощения. Я не знал, что она была...

– Она всё ещё моя жена, – перебивает Арес. – Моя. Отойди от неё, черт подери, пока я не разорвал тебя пополам.

Вопреки моим стараниям удержать его, Кир высвобождает руку и медленно пятится к ложу с подушками.

– Я прошу прощения, – повторяет он. – Я бы никогда...

– Не туда! – рычит Арес. – Не в нашу постель!

– Арес, он ранен, – вмешиваюсь я. Эрос у меня на руках начинает хныкать. – Он не может уйти.

– Мне плевать, – рявкает Арес.

– А мне нет, – я встаю вместе с Эросом. – Ты не имеешь права врываться сюда и требовать что-то после того, как бросил нас! После того, как пропустил всю жизнь Эроса!

– И поэтому ты решила найти мне замену, – Арес подходит вплотную ко мне. Он стал выше, сильнее, чем прежде, и на его доспехах остались следы крови. Всё ещё влажные. – Возможно, мама была права. Похоже, ты всегда была и всегда будешь просто шлюхой.

Кулак Кира прилетает из ниоткуда. Вот только что Арес стоял передо мной, но уже лежит на полу у костра. Ахнув, я отступаю назад. Кир с трудом удерживает вертикальное положение на трясущихся ногах, но ещё никогда я не видела у него такого каменного выражения лица.

– Имей уважение к матери твоего сына! Или проваливай.

Арес поднимается на ноги, одновременно ошеломлённый и ещё более взбешённый, чем был до этого. Он обнажает меч, направляет на Кира, но не нападает, будто бы ждёт, когда противник даст повод.

– Как ты смеешь? Да ты знаешь, кто я?

Кир ничего не отвечает. Его руки сжаты в кулаки, он смотрит на Ареса так, будто они равные. Но это не так. Арес – бог, а Кир – смертный. Чудо, что Арес до сих пор не убил его, но у Кира все шансы получить сейчас билет в один конец в царство Аида.

– Пожалуйста, не надо, – умоляю я. – Он уйдёт, как только поправится, хорошо? Не трогай его.

Мои слова ничего не меняют. Они продолжают прожигать друг друга взглядами, будто ведя безмолвную войну, а я не знаю, что мне делать. Крепче сжимаю Эроса, он начинает плакать. Но я никак не могу успокоить. Я совершенно беспомощна.

Как вдруг злость Ареса пропадает, и он взрывается смехом. Но это такой горький смех, опустошённый, загнанный даже, который и смехом-то не является.

– Ты! – обвиняет он. – Больной, спятивший засранец. Афродита даже не догадывается, да?

Хмурюсь.

– О чём не догадываюсь?

Арес качает головой, не сводя глаз с Кира.

– Сам скажешь ей, или мне это сделать?

Я жду, что Кир сейчас скажет всё отрицать, мол, он не понимает, о чём речь... В конце концов, я провела с ним шестнадцать дней. Арес же появился несколько минут назад. Но вместо этого лицо Кира приобретает сокрушённое выражение, он поворачивается ко мне.

– Прости меня, пожалуйста, за этот обман.

– Какой обман? – я перевожу взгляд с одного на другого, сердце громко стучит. – О чём вы вообще?

Арес убирает меч.

– Он никакой не смертный. Он лгал тебе всё это время. Правда, брат?

Я стою с открытым ртом. Ледяная волна ужаса накрывает меня с головой, настолько сильная, что я начинаю дрожать, впиваясь взглядом в Кира.

– Брат?

Арес ухмыляется.

– Я подожду снаружи, пока вы тут разберётесь. Но, надеюсь, что когда я вернусь, его уже здесь не будет.

Он выходит из грота, оставляя нас с Киром одних. Нет, не Киром. Никакого Кира никогда не было.

– Гефест, – шепчу я, он опускает глаза в пол. – Ты солгал мне.

Любой другой стал бы отрицать. Формально он не врал, просто не называл своего имени. Никогда не выдумывал новую биографию. Но и правду не сказал.

Притворялся, что не знает меня. И весь этот образ смертного – не что иное, как намеренный обман.

Гефест кивает.

– Прости.

– Но... почему ты смертный? – потрясённо спрашиваю я.

– Я не прекращал искать тебя с тех пор, как ты покинула Олимп. Обошёл весь мир в поисках этого места. И попасть сюда можно было, только будучи смертным. Я знал, что мой плот может разбиться. Знал, что может быть больно. Это была рискованная затея, но ради тебя... – он прочистил горло. – Пожалуйста, прости меня.

– Я не... – запинаюсь на полуслове и смотрю на него так, будто впервые вижу. В каком-то смысле так и есть. – Зачем ты здесь?

Он кривит лицо.

– Я хочу показать тебе, что ты заслуживаешь лучшей жизни. Я не умею подбирать красивые слова, но я люблю тебя, Афродита. Любил всю свою жизнь. Не из-за внешности, не из-за договорённости с отцом, но потому что я вижу, какая ты на самом деле. Ты вся светишься изнутри. Ты само солнце. Одним своим существованием ты делаешь мир ярче. Я вижу красоту твоей души, вижу, как сильно ты умеешь любишь – в мире нет ничего более вдохновляющего. И то, что ты сделала ради меня на этом острове... – он покачал головой. – Рискнула своей безопасностью, чтобы исцелить меня. Пошла на крайние меры, хотя любой другой на твоём месте бросил бы меня умирать. Ты даёшь надежду отчаявшимся, и за это я тебя люблю. И лишь мечтаю, чтобы ты дала мне шанс доказать это.

Я открываю и закрываю рот, потеряв дар речи. А что я могу на это сказать? На что он рассчитывает? Что я сейчас возьму и брошу всё, вернусь на Олимп, только потому что он разыскал меня и обманом вынудил позаботиться о нём?

– Ты же понимаешь, что это ничего не меняет? – дрожащий голос выдаёт меня с головой. – Я по-прежнему люблю Ареса.

– Даже если Арес любит себя сильнее, чем когда-либо любил тебя?

Я отшатываюсь.

– Не говори того, чего не знаешь.

– Я знаю, что он оставил тебя одну с младенцем на руках. Я знаю, что его долго не было, и ты чувствовала себя одинокой и преданной.

– Ты не знаешь этого, – бормочу я.

– Я видел твою реакцию на его появление. Если ты по-настоящему любила его так, как утверждаешь, то смотрела бы совсем иначе, – заявляет он. – Знаешь, сердце не обязательно отдавать кому-то одному.

– Я люблю Ареса. Только Ареса, – чеканю каждое слово, будто пытаюсь убедить в этом не только его, но и себя. Он хмурится, кажется, тоже заметив это.

– Любовь – это не только страсть, пыл и громкие заявления, – произносит он. – Любовь – это то, что ты чувствуешь к Эросу. Любовь – это то, что я испытываю к тебе. Ты же видишь, что происходит со мной всякий раз, когда ты оказываешься рядом. Любовь бывает тихой, терпеливо ждущей подходящего момента. Но она всегда рядом с тобой. В отличие от Ареса.

Теперь мой черёд отводить взгляд. То, как он говорит о моих отношениях с Аресом... будто это что-то временное, а не лучшее, что я могла иметь... в голове не укладывается.

– Афродита, – Гефест касается моей руки. Не успеваю я отдёрнуть ладонь, как он проводит подушечками пальцев по моим костяшкам. – Любовь – это не слова, а поступки.

– Не надо мне рассказывать, что такое любовь, – слёзы душат меня. – Я богиня любви. Я разбираюсь в этом лучше кого бы то ни было.

– Тогда докажи это! Пойдём со мной. Или скажи Аресу, что не хочешь больше его видеть. Мы можем вернуться на Олимп, можем остаться здесь или... Если ты этого хочешь, я оставлю тебя в покое. Только прошу, не позволяй ему поступать с тобой так. Он уже причинил тебе достаточно боли. Ты достойна кого-нибудь получше. Потому что ты сама лучше.

Перед глазами всё плывёт, я уже не вижу его лица. Только пронзительные серые глаза, которые на самом деле не его.

– Нет, неправда, – шепчу я. – Это мой дом. Мой дом там, где Арес.

– Твой дом там, где любовь, – возражает он. – Я могу дать тебе этот дом, если позволишь. Я всегда буду рядом с тобой и Эросом. Не когда мне захочется, а каждую минуту каждого дня, пока я жив. Позволь мне любить тебя. Пожалуйста.

Я всхлипываю. Я наверняка выгляжу ужасно прямо сейчас, но Гефест не отводит взгляд. Как бы я ни выглядела, ему всё равно.

– Я не могу... – шепчу. – Прошу, не заставляй меня выбирать.

Он снова берёт меня за руку. На этот раз я не сопротивляюсь.

– Если он так много значит для тебя, тогда со мной тебе не нужно будет выбирать. Если это то, чего ты хочет твоё сердце, и если он больше никогда не причинит тебе боли, то ты можешь любить его, сколько захочешь.

Я не понимаю, о чём он говорит. Нет, я понимаю, что он... хочет сказать. Но Гефест, он же весь в Геру. Для него подобные отношения рано или поздно станут невыносимы. Может даже сразу. А может через несколько лет, веков или даже тысячелетий. Но однажды Гефест проснётся и поймёт, что не хочет делиться. Возможно, сейчас он готов дать любые обещания, чтобы снискать моё расположение, а сам рассчитывает, что мне будет достаточно его одного.

– Для меня... – колеблюсь. – Для меня любовь – это не то, что просто отдают один раз, и больше ничего не остаётся. Любовь, она везде и всюду. Любовь – это всё.

Гефест подносит мою ладонь к своим губам и целует костяшки.

– Я знаю. И не хочу подавлять тебя или любить выдуманный образ тебя, просить тебя посвятить жизнь только мне одному... – он качает головой. – Это против твоей сути, и я это понимаю. Меня это устраивает. Даже больше, чем устраивает. Это то, что я в тебе люблю. Пока ты счастлива, я буду рядом, кого бы ещё ты ни полюбила.

Тяжело сглатываю. Это кажется невозможным, но, похоже, он понимает. Может быть, в этом и есть разница между ним и Аресом. В конце концов, Арес бросил меня, найдя более увлекательное занятие, чем наша совместная жизнь, тогда как Гефест обошёл весь свет, чтобы найти меня. Если я покину остров, станет ли Арес искать меня? Согласится ли променять бессмертие на боль, голод и жажду всего лишь ради шанса побыть рядом со мной?

Не знаю. Не могу об этом думать. Голова кружится. Я зажмуриваюсь, но даже в темноте вижу лицо Гефеста. Я не могу это сделать. Не могу выбрать. Что бы ни говорил Гефест, однажды ревность окажется сильнее его. Это естественно. Даже если сам он постарается смириться, Гера будет настраивать его против меня, и нашим отношениям придёт конец. Арес же... Рядом с ним у меня не будет даже иллюзии выбора. Но, по крайней мере, он любит меня. По крайней мере, он вернулся ко мне.

После многих лет вдали, так легко и просто, в то время как Гефест искал меня, не зная ни сна, ни покоя, лишь бы признаться мне в своих чувствах.

Чёрт. Прикусываю губу. Эрос снова хнычет. Это быстро вырывает меня из раздумий. Вот моё солнце, моя скала, мой мир. Не Арес. не Гефест. Больше всех на свете я люблю Эроса. И какой бы выбор я ни сделала, мой сын останется со мной.

Но выбирать от этого не легче.

– Пожалуйста, уйди, – шепчу я спустя, наверное, целую вечность молчания. – Мне нужно побыть одной.

Мои глаза закрыты, но я чувствую жар ладони Гефеста у своей щеки. Он не касается меня, за что я ему благодарна, но стоит ему отстраниться, и меня охватывает внезапное чувство потери.

– Я всегда буду рядом с тобой и Эросом, кого бы ты ни выбрала, – повторяет он. – Никогда не забывай об этом.

Я стою молча и неподвижно, пока его неровные шаги звучат всё дальше и дальше. Наконец, в гроте наступает тишина, нарушаемая только потрескиванием огня. Я опускаюсь на гнездо из подушек, крепко прижимая к себе Эроса. Сын, кажется, чувствует мои душевные метания и обнимает меня пухлыми ручонками. Я вздыхаю, уткнувшись носом в его волосы.

Что же мне делать?

– Вижу, он ушёл.

Я открываю глаза. Арес стоит у костра, греет руки. Доспехи всё ещё на нём. Почему он считает нужным носить их здесь, я не понимаю.

– Я не удивлён, что ты не узнала Гефеста, – говорит он. – Я тоже не понял, пока он врезал мне. Его удар с разворота под характерным углом... Я сначала подвис, но потом быстро сообразил. Смешно, правда? Паршивец, видимо, совсем отчаялся. Пробрался сюда, пока меня не было, надеялся внести раздор в нашу семейную жизнь.

Я хмыкаю.

– Какую ещё семейную жизнь?

Слова вырываются прежде, чем я успеваю хорошо подумать. Арес смотрит на меня так, будто я дала ему пощёчину.

– Что ты хочешь этим сказать? – спрашивает он предостерегающим голосом. Он сейчас легко может выйти из себя.

– Я... – мой голос не слушается, я прочищаю горло. – Я к тому, что тебя здесь не было. Последние два года ты даже не навещал нас. Не приходил к Эросу, чтобы он хотя бы знал, кто ты такой. Вообще ни для чего не приходил. Ты просто бросил меня. Бросил нас.

Он молча смотрит на меня распахнутыми глазами, и повисшая тишина давит на меня, грозя задушить. Но затем он сжимает ладони в кулаки, его лицо наливается кровью.

– У меня есть обязанности. Я от них не откажусь.

– Хочешь сказать, я от своих отказалась?

– Нет, конечно, – его челюсть напряжена. – Я вернулся к тебе.

– Надолго ли? На три дня? Год? Два? Сколько времени ты пробудешь с нами, прежде чем снова уйти? И сколько тебя не будет в следующий раз? Пару лет? Десять? Сотню?

Он ударяет кулаком по скале с такой силой, что пещера трясётся. Эрос начинает плакать, я убаюкиваю его.

– Если ты так это видишь, Афродита, то пожалуйста. Но не надо вести себя так, будто я здесь злодей. Не я целовался с братом мужа.

– Ты... – мой голос дрожит. – Ты мне не муж.

– Я мог бы им стать. Я хотел. Представь себе, я вернулся, чтобы сделать тебе предложение. Сказать, что мы поговорим с отцом и убедим его в крепости нашего союза. Но, видимо, я ошибся.

Он вылетает из грота, снова оставив нас с Эросом одних. Я не звала его вслед – была слишком потрясена для этого. Он правда вернулся, чтобы жениться на мне? Чтобы жить вместе, как я и мечтала?

Или он просто выдумал это, чтобы я почувствовала себя ещё хуже?

Я ненавижу себя за эти сомнения. Ненавижу за мысли, что он может быть настолько чёрствым и безжалостным. Но я видела кровь на его доспехах и знаю, что меч – не единственное его оружие. Арес всегда побеждает в бою, любой ценой.

Я провожу остаток ночи, тихо плача в подушку. Арес так и не возвращается. Гефест тоже. Я и не рассчитывала на самом деле, но в глубине души надеялась. Очень надеялась. Но не знаю, кого бы хотела увидеть сильнее. И это хуже всего.

На следующий день мы с Эросом играем на пляже, и на этот раз на закате мы не возвращаемся в грот. Я беру его на руки и, глядя в розовеющее небо, устремляюсь к Олимпу. Обратно домой.

Сложно сказать, кого или что я там увижу, но одно я знаю наверняка: этому нужно положить конец. А для этого я должна принять самое тяжёлое решение в своей жизни.

* * *

Я приземляюсь посреди хаоса.

На полу, сцепившись, дерутся Арес и Гефест, а вокруг них собрался весь совет, и все орут друг на друга, их голоса сливаются в одну сплошную какофонию. Среди них выделяется голос Геры, несмотря на её недавний позор и понижение статуса. Она стоит у своего трона, крича так громко, что всё её тело искрит силой.

И хотя каждые пару предложений она бросает ненавистный взгляд на Зевса, в основном её недовольство направлено на Ареса и Гефеста. Закатный пол дал трещину, Арес наносит удары с такой скоростью, что я не могу уследить за ним. Гефест же, напротив, пытается защищаться, закрывая лицо от кулаков брата, но в какой-то момент ему удаётся обхватить Ареса крепкими руками. Я не сразу поняла, зачем ему обнимать противника посреди столь ожесточённой драки, но теперь вижу, как Арес пытается вырваться и не может.

– Прекратите! – кричу я, и на звук моего голоса они оба поворачивают головы. Гефест стремительно краснеет – ему явно неловко, что я стала свидетелем этой сцены, но Арес только сощуривает глаза.

– Отпусти меня, – рычит Арес.

Гефест колеблется.

– Отпущу, если пообещаешь выслушать Афродиту и сделать, как она говорит.

Конечно, Гефест не верит, что Арес послушается, но тот кивает, и Гефест с неохотой отпускает его. На мгновение мы все задерживаем дыхание, ожидая нового нападения Ареса, но тот поднимается на ноги и ковыляет к трону. Гефест задерживается на полу, восстанавливая силы, и идёт следом. И всё это время он не сводит с меня глаз.

Когда все усаживаются, Гера разворачивается лицом ко мне. Злость клокочет в ней, глаза сверкают. Моё сердце колотится от страха – я ещё никогда никого так сильно не боялась.

– Как ты смеешь приходить сюда после того, что сделала! – обвиняет она. Я отступаю к своему трону, по другую руку от папочки. Сердце сжимается. Может, я действительно зря пришла сюда. Ещё не поздно вернуться на остров. Но я ловлю взгляд Ареса и понимаю: нет, я не могу сейчас уйти.

– А что я сделала? – спрашиваю, устраиваясь на своём троне-ракушке и покачиваю Эроса.

– А ты ничего не заметила? – шипит она, и пока она не успела добавить что-нибудь ещё едкое в мой адрес, вмешивается папочка.

– Мои сыновья разрушили большую часть дворца, пытаясь решить разногласия, причиной которых, очевидно, стала ты, – его голос лишён эмоций, как

и лицо, и это для меня как нож в сердце. Неужели он не может даже притвориться, что ему не всё равно?

– Не говоря уж о том, что они оба могли пострадать, – добавляет Гера. И теперь я замечаю отголосок страха в её глазах, в её голосе. Ей движет не только злость. Я прижимаю Эроса крепче к груди.

– Они бессмертны, – возражаю я. – Ничего непоправимого с ними бы не случилось.

Гера переводит взгляд на Гефеста, и я догадываюсь, о чём она думает. Когда-то его не спасло даже бессмертие. Кто может гарантировать, что это не повторится? Я не знаю всей истории – одной лишь Гере ведомо, что с ним случилось, но мне она, конечно же, не рассказывала. Но мне известно, что он упал с Олимпа на землю. А сейчас они и вправду разрушили полдворца... Неудивительно, что она расстроена. Любая мать на её месте была бы.

– Прости. Я просто хотела помочь ему...

– Это моя вина, – вмешивается Гефест. – Я обманом заставил её поверить, что я кто-то другой.

– И обманом ты пытался влюбить её в себя? – рычит Арес, и они прожигают друг друга взглядами.

– Лучше бы ты не возвращалась, – злится Гера. – От тебя всегда одни только проблемы. Сколько боли ты причинила моим сыновьям...

– Гера, – папа одёргивает её своим повелительным тоном, которого никто из нас не смеет ослушаться. – Оставь нас. И все остальные тоже.

Остальные члены совета ропщут, но один за другим выходят. Артемида, проходя мимо, касается моего локтя. Поначалу я решила, что она хочет выразить поддержку – может, хоть кто-то скучал по мне. Но вместо этого она наклоняется к моему уху.

– Серьёзно, Афродита, как ты можешь называть себя богиней любви, если даже не можешь разобраться в своих чувствах?

Я ощетиниваюсь. Будто она что-то понимает в любви.

– Сердце не обязательно отдавать кому-то одному, – выпаливаю я, невольно повторяя слова Гефеста, сказанные прошлой ночью.

Она надменно хмыкает, и я уже собираюсь сказать ей, куда она может пойти со своей заносчивостью, но тут вмешивается папа:

– Артемида, уйди.

Бросив на меня последний взгляд, она выходит вслед за Аполлоном и малышом Гермесом, который успел подрасти за эти годы. Они присоединяются к Деметре с её дочерью, Персефоной, и впятером они направляются в коридор, по которому раньше почти никто не ходил. Никто не пошёл в ту сторону, где располагаются наши покои. Должно быть, именно ту часть Олимпа разрушили Арес с Гефестом.

– Кто? – Эрос показывает пальцем на уходящую пятёрку.

– Это Персефона и Гермес. Они могут стать твоими друзьями.

Если совет позволит мне остаться здесь. Эрос хмурит лобик, задумавшись, и снова прижимается ко мне. Будет здорово, если у него появятся друзья, но прежде мне надо будет найти способ оградить его от царящей здесь ненависти. Начиная с того, чтобы держать его подальше от Геры.

Когда остаёмся только мы втроём, папочка касается моей руки.

– Я скучал по тебе. Больше не сбегай от меня, милая.

Я поджимаю губы. Не знаю, что на это ответить.

– Прости. Ну, за то, что покинула Олимп. Мне казалось, что у меня нет иного выбора.

– Понимаю. Когда я был в твоём возрасте, поступил так же, – он улыбается. – Кстати о юном возрасте. Боюсь, я не имел удовольствия быть представленным нашему новому члену семьи.

– Это Эрос, – я продолжаю обнимать сына, защищая от всего мира. – Эрос, это Зевс, мой папа.

Глаза Эроса округляются, он берёт в рот свой большой палец. Я треплю его кудряшки. Бояться нечего... надеюсь.

Какое-то время мы сидим в дружелюбной тишине, наблюдая за Эросом. Он притворяется застенчивым, но я чувствую, как на самом деле ему приятно быть в центре внимания. Моё маленькое солнышко.

Но этот чудесный момент не мог длиться вечность. Папа тяжело вздыхает.

– И что ты собираешься делать, дочь моя?

Я смотрю за золотые кудри Эроса. Думала, что возвращение на Олимп даст мне ответы на вопросы, но я по-прежнему в растерянности.

– Не знаю. Я люблю обоих.

– Но ты провела совсем немного времени с Гефестом.

Пожимаю плечами.

– Это неважно. Я чувствую его любовь ко мне. Она... согревающая. Нежная. Незыблемая. И это то, что мне нужно, пап. Правда, нужно.

– Тогда в чём проблема?

Слова застревают в горле.

– Ареса я тоже люблю.

– И в чём отличие между ними?

Во всём.

– Арес... Я знаю, кто он. Знаю, какой он. Знаю, как стремительно может измениться его настроение и что на него не всегда можно положиться. Но когда мы вместе, это как будто... как будто мир наполнен яркими красками.

– А с Гефестом?

Мои щёки розовеют. Папа – последний, с кем мне хотелось бы это обсуждать, но, возможно, он единственный, кто может меня понять.

– С ним есть только мы. Всё остальное бледнеет, темнеет, исчезает в никуда. И о чём бы мы ни говорили, даже о всяких глупостях, эти разговоры греют душу. С ним мне всегда тепло.

А с Аресом бывает как жарко, так и холодно.

– Тогда тебе нужно сделать выбор, – отвечает папа.

На глаза снова набегают слёзы.

– Как? – шепчу я. – Все думают, что я... что я шлюха, потому что люблю обоих, но я ничего не могу с собой поделать, папочка.

– Ох, Афродита, – он поднимается со своего трона и подходит ко мне, чтобы заключить в объятия. – Тебе совершенно нечего стыдиться, чтобы там ни говорили злые языки твоей матери и сестёр. В тебе столько любви, сколько в них никогда не будет, и твои чувства к моим сыновьям совершенно естественны. Некоторые рождены моногамными. Они видят любовь в ком-то одном и целиком посвящают ему себя. Но есть и такие, как мы с тобой. Мы видим любовь повсюду и понимаем, как много теряем, отказываясь от неё. Это не умаляет нашей любви к избранникам. Просто мы можем любить и других тоже, вот и всё.

Я всхлипываю. Папа протягивает мне кусочек ткани. Я беру платок и промокаю глаза.

– Но что делать, если это причиняет такую боль нашим избранникам, что они больше не хотят нас любить?

Папуля молчит несколько секунд. Не стоило мне спрашивать. Я точно знаю, что будет дальше... Видела, как развивались их отношения с Герой. Все видели.

– В таком случае, видимо, нам с ними не по пути.

– Но как тогда выбирать? – бормочу. – Гефест говорит, что его устраивает такое положение вещей, но мне кажется, он тайно надеется, что его одного будет достаточно. Арес... чётко дал понять, что не желает видеть меня ни с кем другим.

– Я не знаю, милая, – отвечает папа, гладя меня по волосам. Как же я скучала по нему. – Знаю только, что решение за тобой. Я был неправ, когда пытался принудить тебя к браку, которого ты не хотела. Больше этой ошибки я не повторю. Я разрешаю тебе выбрать самой. Но будь осторожна и хорошо всё обдумай: что бы ты ни решила, это определит часть твоей жизни. Возможно, всю жизнь. Убедись, что это будет тот, с кем ты готова быть связана навеки. Мои сыновья любят тебя совершенно по-разному, и любовь всегда может обернуться как благословением, так и проклятием. Постарайся, чтобы это было первое, если возможно, а не второе.

– И чья же любовь будет благословением? Ареса или Гефеста?

– Решать тебе, – он целует меня в лоб. – Я рад, что ты вернулась домой.

По завершении разговора я уношу Эроса в направлении, в котором ушли Персефона и Гермес. У него не было возможности обзавестись друзьями на острове, хочу подарить ему её здесь. Чтобы он не чувствовал себя одиноким.

Эрос вскрикивает, внезапно начиная вырываться из моих рук. Я моргаю, пытаясь сфокусировать взгляд, и сквозь слёзы замечаю крепкую фигуру в дальнем конце коридора. Гефест.

Я обнимаю Эроса сильнее. Нет, я ошиблась. У него есть друг. Если Гефест был искренен, когда говорил, что всегда будет рядом, несмотря ни на что...

– Афродита?

Я оборачиваюсь. Арес стоит посреди гостевой комнаты, выглядя уставшим и несчастным, как никогда. Искра в его глазах всё равно вспыхивает, когда наши взгляды встречаются, но она стала меньше. И это ранит меня. Сильно.

Забыв про Гефеста, я захожу в покои и опускаю сопротивляющегося Эроса на пол. Он поднимается на свои маленькие ножки и бежит, я начинаю следовать за ним. Но когда он поворачивает налево, я понимаю, куда он стремится, и останавливаюсь. Гефест за ним присмотрит. Мне же нужно поговорить с Аресом.

– Такой большой уже, – отмечает Арес, садясь на кровать. Я колеблюсь. Не хочу, чтобы наши отношения основывались чисто на сексе. Хочу, чтобы он любил меня так же, как Гефест. Хотя, может быть, он и любит. Может, в пылу страсти, затмевавшем всё остальное, я не замечала в нём теплоты. Но если искра уменьшилась...

– Ну да. Это нормально. Дети имеют обыкновение расти, – я прислоняюсь к стене. – Жаль, что ты тогда ушёл.

Он хмурится.

– Жаль, что мне пришлось оставить вас.

– Тебе ведь ещё не раз придётся уйти, правда?

– Но я всегда буду возвращаться к тебе.

Я верю ему. Он сверлит меня тяжёлым взглядом, словно ему всё это причиняет боль, словно я всё ещё солнце его жизни и сверкаю так сильно, что на меня больно смотреть. И лёд в моём сердце тает. Я постоянно думала о своих желаниях, и у меня даже мысли не возникло, каково сейчас ему.

– Я никогда не буду такой, как твой мать, – тихо произношу. – Я не смогу посвятить себя кому-то одному, как бы сильно ни любила. У тебя есть свои обязанности, требующие жертв, а у меня... свои.

Он сглатывает.

– Понимаю. Мне это не нравится, но я понимаю.

– Это не значит, что я стала любить тебя меньше. Нет. Я люблю тебя так сильно, что сердце разрывается на части. Но... я могу любить и других, не забывая про тебя. Это не уменьшает моих чувств к тебе. А то и вовсе позволяет любить ещё горячей.

Его губы образуют тонкую линию, он смотрит на свои ладони. Я никогда ещё не видела его в таком смятении. Я привыкла к его гневу, его огню, но когда он такой притихший, это кажется чем-то противоестественным. И это всё из-за меня.

– Ты... ещё любишь меня? – мой голос срывается на высокие ноты от волнения. Арес вскидывает голову. Не говоря ни слова, он поднимается с места и сокращает дистанцию между нами.

– Всегда, – шепчет он, обнимая меня. – Я всё ещё хочу жениться на тебе, Афродита. Ты идеальна. Ты умопомрачительно красива. Все лучшие моменты моего существования связаны с тобой. Я не хочу, чтобы это заканчивалось.

– Это не обязательно заканчивать, – уверяю я. Но что-то изнутри царапает меня. Красивая, идеальная – такая я для всех. Это не должно меня цеплять, но почему-то коробит, и я ненавижу себя за это.

Он медлит.

– Но я не могу жениться на тебе, если ты продолжишь встречаться с ним. Я хочу, чтобы ты поняла это. Любой другой... Да кто угодно, мне плевать. Ты можешь делать всё, что захочешь, пока твоя любовь ко мне сильнее, чем к другим. Но Гефест...

Я застываю. Этого следовало ожидать, конечно же. Арес видит мир исключительно в чёрных и белых цветах, неважно, насколько я счастлива рядом с Гефестом. Арес не хочет соревноваться со своим братом. В конце концов, он может проиграть. Я это понимаю. Осознание этого причиняет боль, но я понимаю. И, по крайней мере, он не врёт сам себе.

– Я люблю тебя, – произносит он. – Люблю такой, какая ты есть, целиком и полностью, кроме той части, что... неравнодушна к нему. Я хочу жениться на тебе. И обязательно женюсь, мы будем вместе всю оставшуюся жизнь. Но ради нашего с тобой счастья ты должна перестать видеться с ним. Это всё, о чём я прошу.

Моё сердце трепещет. Возможно, это единственное его условие, но это отнюдь не мелочь. Сама мысль о том, что я никогда больше не увижу Гефеста – не почувствую его тепла, не узнаю, каково это – быть с ним, – причиняет мне невыносимую боль.

Арес или Гефест. Любовь, которую я жажду, или любовь, в которой я нуждаюсь.

Это нечестно. Но папочка прав – кого бы я ни выбрала, это определит всю мою оставшуюся жизнь. В мире всегда будут войны и сражения. Сколько бы Арес ни клялся, что будет рядом, ему придётся уходить. Возможно, даже чаще, чем мне кажется.

Так что вот мой выбор: жизнь, полная страсти, огня и ожидания, когда Арес вернётся с очередной битвы, или жизнь, полная уверенности и тепла, дружбы и партнёрских отношений.

К тому же вполне может быть, что Гефест не врёт самому себе. Может, он действительно готов делиться, в отличие от Ареса.

Я колеблюсь.

– Я люблю тебя и Эроса. Нашу семью. Если в моей жизни есть только одна непреложная истина, то это она. Но... если я не выйду за тебя... если послушаю папу...

Арес напрягается. Его теплота сменяется холодом. Этого я и ожидала, но мне всё равно больно.

– Я всё ещё могу быть с тобой, – добавляю я. – Мы ничего не теряем.

Он шипит, отпрянув от меня.

– Ты реально так думаешь? Если ты будешь принадлежать ему...

– Принадлежать? Я никому не принадлежу, Арес.

– Принадлежишь, конечно, – фыркает он. – Ты моя.

Я бью его по щеке. Со всей силы. Звук шлепка эхом разносится по покоям и, вне всяких сомнений, по коридору, но мне плевать, кто может нас услышать.

– Я принадлежу только себе.

Он касается своей щеки. Конечно, он не пострадал от моей пощёчины, но искра вновь вспыхнула в его глазах, он делает шаг ко мне.

– Ты прекрасно знаешь, что это не так. Мама принадлежит отцу, Персефона после замужества будет принадлежать Аиду, а ты принадлежишь мне. Если же ты выберешь Гефеста... – он выплёвывает имя, будто оно ядовитое, – то будешь принадлежать ему. В этом суть брака.

Я выпрямляюсь в полный рост.

– Тогда я не выйду ни за кого.

Он хватает меня за плечи, впиваясь пальцами в кожу. Не успеваю я вырваться, как он целует меня, прикусывая нижнюю губу и вжимаясь в меня всем телом.

– Пускай, – рычит он. – Тогда ты останешься моей.

Собрав все силы, что у меня есть, я отталкиваю его.

– Нет. И если ты собираешься обращаться так со мной, то между нами всё кончено.

Он безрадостно смеётся.

– Да, точно. Скоро ты приползёшь ко мне на коленях. В этом вся ты, Афродита, и Гефест этого никогда не поймёт.

Я разворачиваюсь на каблуках и направляюсь к арке, ведущей в коридор.

– Это ты так думаешь.

Но даже после того, как я покидаю покои, я продолжаю ощущать этот огонь между нами. Он всегда будет гореть, независимо от того, поженимся мы или нет, и я ничем не смогу его погасить. Чем скорее мы оба примем это, тем лучше.

Гефест и Эрос сидят посреди коридора на расстоянии пары комнат – достаточно близко, чтобы услышать весь наш разговор. Эрос ничего не замечает вокруг, играя с деревянными кубиками, но стоит Гефесту поднять на меня глаза, как я вижу в них понимание. То, чего никогда не было во взгляде Ареса.

– Сделай мне предложение, – я опускаюсь на колени рядом с ними. – Сделай сейчас же, или я сама его сделаю.

Он качает головой.

– Я не буду предлагать тебе брак, когда тобой движет желание отомстить моему брату.

Я открываю рот.

– Я не поэтому...

– Поэтому, – тихо возражает он. – Я знаю, что ты к нему чувствуешь. Арес бывает временами резким, но ты всё равно любишь его, и я уважаю твои чувства. Я не хочу усложнять ваши отношения, женившись на тебе только лишь для того, чтобы позлить его.

Я провожу ладонью по кудряшкам Эроса.

– Я просто... Хочу, чтобы меня кто-нибудь любил. Не как трофей, а меня саму.

– Кое-кто любит, – между нами повисает тишина. – Однажды, когда ты разберёшься со своими чувствами, я сделаю тебе предложение. А пока мне не нужны никакие клятвы, чтобы любить тебя. И не думаю, что они нужны тебе, чтобы любить меня.

Мой подбородок дрожит. Гефест проводит пальцами по моей щеке. Он снова вернул себе божественный облик – вместе с искалеченными ногами и прочим, но я больше не замечаю его недостатков. Вернее, замечаю, но не так, как раньше. Я теперь вижу в нём не только то, что на поверхности. Вижу, что скрывается за внешним уродством точно так же, как он видит во мне что-то помимо красоты.

– Я выбираю тебя, – шепчу я, вытирая глаза. – Не из-за ссоры с Аресом, его ухода или... ещё чего-нибудь подобного. Я выбираю тебя за то, как ты смотришь на меня, как ты прикасаешься меня, разговариваешь со мной, уважаешь и видишь меня настоящую. Я люблю тебя за то, как ты общаешься с Эросом, как заботишься о нём, хотя он не твой сын. За то, что говоришь "нет", когда любой другой сказал бы "да", только потому, что не хочешь, чтобы я пожалела об этом.

– Это для меня самое главное. Твоё счастье. Твоя свобода. Независимо от твоих чувств ко мне или моему брату.

– Я всегда буду любить Ареса. Между нами всегда будет что-то...

– Знаю, – он опускает глаза. – И я не буду винить тебя в этом. Я видел, что ревность делает с любовью, и никогда не причиню тебе боль таким образом. Это часть тебя, а я люблю всё в тебе. Даже ту часть, которая любит моего брата. И если ты решишь вернуться к нему... Если это сделает тебя счастливой, я приму твой выбор.

Я часто моргаю, чтобы сдержать слёзы.

– Дай мне договорить, – я касаюсь его щеки. – Я всегда буду любить Ареса, но его любовь эгоистичная, забирающая всё себе, поглощающая всё без остатка. Я пока что мало чего знаю о тебе, но я чувствую твою любовь, и это самое главное. У нас впереди вечность, чтобы узнать всё остальное.

Он накрывает мою ладонь своей.

– И какая она, моя любовь?

Колеблюсь.

– Твоя любовь... Из тех, что отдаёт и от этого только растёт, крепкая и надёжная, несмотря ни на что. Тёплая, открытая, принимающая со всеми недостатками. Это любовь, о которой я мечтала. Это любовь, которая мне нужна.

Он слабо улыбается, скользя пальцами по линии моей челюсти.

– И она будет у тебя, сколько пожелаешь. Я всегда буду рядом. Когда я сделаю тебе предложения, а я обязательно сделаю, я хочу, чтобы ты была уверена в своём ответе. Я готов прождать столько, сколько понадобится.

Я мотаю головой.

– Я и так уверена.

– Тогда докажи мне это. – бормочет он. Наши губы разделяют несколько дюймов.

Я сокращаю оставшееся расстояние между нами. Как и тогда в гроте, наш поцелуй лёгок, прост, естественен, как дыхание. Но я проживаю этот момент осознанно, как никогда. Запоминаю каждую деталь – ощущение его губ на моих, его вкус, его запах, буквально всё. И главным образом, я отмечаю тепло, обволакивающее нас, соединяющее нас троих вместе. Эрос – моё солнце, Арес – мой огонь, а Гефест – моя скала, надёжная опора. И куда бы я ни пошла, что бы я ни делала, я всегда буду возвращаться к нему. Теперь я это знаю.

Возможно, я всю оставшуюся жизнь буду разрываться между братьями, но это не самая страшная судьба, если честно. Однажды Арес переосмыслит ситуацию и приползёт ко мне. Когда этот день настанет, я прощу его, и мы сходить с ума друг по другу, как это было всегда. Но я ни за что не откажусь от любви Гефеста, и пока Арес с этим не смирится, за бортом будет он. Не я.

– Убедился? – шепчу я, разрывая поцелуй. – Моя любовь будет с тобой столько, сколько пожелаешь. Возможно, я буду любить других, но если ты позволишь, мой дом навсегда останется там, где ты.

Он улыбается и снова целует меня.

– О большем и не прошу.

Я пытаюсь придвинуться к нему, оказаться как можно ближе, но случайно задеваю башню, выстроенную Эросом из кубиков.

– Мама! – возмущается он.

– Прости, – смеюсь я, возвращаясь назад, и беру сына на колени. – Давай вместе построим новую. Хорошо?

Он дуется, но стоит только Гефесту начать складывать кубики, как все обиды улетучиваются, и Эрос радостно присоединяется к игре. Мы все вместе строим новый замок, и, наблюдая за уверенными действиями Гефеста, я понимаю, что сделала правильный выбор.

* * * * *

БОГИНЯ ПОДЗЕМНОГО МИРА

Эйми Картер – Божественные истории
Aimée Carter – The Goddess Legacy

Часть первая

Первые шестнадцать лет моей жизни мама говорила, что моя свадьба станет самым счастливым днём за всю мою вечность. Птички будут петь, солнце – светить, а в воздухе будет витать аромат цветов. Каждая деталь будет идеальна.

И я верила ей, как дура.

Но солнце не светит в аду, и во дворце Подземного царства нет ни одной птицы – только летучие мыши. Как будто этого мало, бесконечные каменные стены этой пещеры давят на меня всё сильнее с каждой секундой. Я в ловушке – буквально и фигурально. И не представляю, как из неё выбраться.

При этом маме удалось сдержать своё слово в отношении цветов. Пока я нервно расхаживала из одного конца комнаты в другой, что занимало у меня ровно одиннадцать шагов, мне приходилось обходить зигзагами бесчисленное множество букетов полевых цветов, занимавших все свободные поверхности. Аромат стоял такой мощный, что можно было бы вырубить Цербера, но, по крайней мере, этот запах не ассоциировался со смертью.

– Персефона? – мама заглянула в комнату. Она так сияет, будто это её собственная свадьба, а не моя. – Пора. Как ты себя чувствуешь?

Она прекрасно знает моё отношение ко всему этому. Но ей не нужна правда – ей нужно фальшивое подтверждение, что я счастлива не меньше её.

– Я не хочу этого, – сказала я. Нет смысла держать это в себе.

– Ох, милая, – произнесла она, как ей кажется, понимающим тоном, но на самом деле она делает такой голос каждый раз, когда хочет навязать мне свою волю. Она вошла в покои и закрыла за собой дверь. – Что не так?

– Не так то, что я не хочу замуж за Аида, – пытаясь найти место, куда можно присесть, я заметила стул посреди цветочных джунглей, но его уже занял букет с фиолетовыми бутонами. Фыркнув, я села на пол. – Ты говорила мне, что в Подземном царстве всё не так уж плохо.

– Так и есть, – она опустилась на колени рядом со мной. – Ты видела только дворец. А за его пределами целый мир...

– Это место похоже на клетку. Здесь всё такое тяжёлое, давящее и неестественное... Я бы хотела остаться с тобой на Олимпе, – мой голос дрогнул. Я быстро заморгала, чтобы не расплакаться. Потому что слёзы только убедят маму в том, что я сейчас под влиянием эмоций и не могу мыслить здраво. Вот только никогда в жизни я ещё не видела всё так чётко и ясно, как сейчас.

Мама обняла меня обеими руками, и на мгновение я позволила себе прильнуть к ней.

– Ты давно знала, что этот день придёт, девочка моя. Я бы ни за что этого не допустила, если бы не была абсолютно уверена, что ты его полюбишь.

– Но я его не люблю.

Как она этого не понимает?

– Полюбишь. Со временем.

– А если нет?

– Персефона, посмотри на меня, – она коснулась моего подбородка, вынуждая поднять голову, и наши глаза встретились. – Ты полюбишь его. Поверь мне, – её уверенность должна была передаться мне, но я чувствовала лишь пустоту. – Я буду регулярно приходить в гости. Это только начало жизни, а не конец.

Она ошибается – это конец всему, что только дорого мне. Конец тем дням, когда я собирала цветы и нежилась в лучах солнца. Конец тем ночам, когда я клала голову ей на колени и слушала удивительные истории. Сердце заныло в груди. Я тяжело сглотнула. Нельзя плакать. Только не сегодня.

– Я так горжусь тем, что ты моя дочь, – прошептала она. – Однажды ты поймёшь, почему я попросила тебя об этом. Со временем ты станешь счастливее здесь в Аидом, чем когда-либо была со мной на Олимпе.

Мама никогда ещё не ошибалась столько раз подряд. Я не могу быть счастлива в этой подземной пещере. Без солнца. Без мамы.

– Аид уже любит тебя, дорогая. Он сдержанный и не кричит о своей любви, как ты, наверное, привыкла, но это не умаляет его чувств. Ты же видела, как он смотрит на тебя.

Я неохотно кивнула. Да, я ловила на себе этот пронзительный взгляд, когда он думал, что я этого не замечаю. Я чувствовала, как его взгляд следует за мной, пока я хожу по комнате. Не как у хищника, но словно бы обеспокоенно. Будто переживает за меня. Может, втайне от всех он тоже не в восторге от всей этой затеи.

– Ты же веришь, что я не желаю тебе зла? – бормочет мама. – Веришь, что я хочу для тебя только самого лучшего?

Я люблю её. И доверяю ей. Она гордится мной, и это приятно чувство наполняет моё сердце, как никогда не сможет так называемая любовь Аида. Но, возможно, она права. Может быть, со временем я смогу полюбить его. Может,

если бы этот брак не был спланировал много лет назад, судьба всё равно свела бы нас. Но мама и отец лишили меня этого шанса.

– Ты обретёшь здесь своё счастье, – продолжала она, – найдёшь смысл жизни, поймёшь своё предназначение. А я буду неподалёку. У каждого из нас своя роль, Персефона. Эти роли могут не радовать нас поначалу, но рано или поздно мы осознаём их важность. Ты была рождена для этого, моя милая, и Аид тебя любит. Прислушайся к моим словам. Я люблю тебя слишком сильно, чтобы дать кому-то в обиду, даже самой себе.

Я проглотила ком в горле. Да, она любит меня. Если в мире есть только одна абсолютная и непреложная истина, то она заключается именно в этом. Поэтому я не сопротивляюсь, когда она встаёт и поднимает меня за собой, хотя не уверена, что смогла бы стоять сама.

– Моя прекрасная девочка, ты самое дорогое, что у меня есть, – она взяла сиреневый бутон из букета со стула и закрепила в моих волосах. Светлые, с рыжеватым отливом – как всегда, с приходом осени. – Ты идеальна.

Мне до боли хотелось ей верить, но когда она привела меня в вестибюль и я услышала звуки лютни Аполлона, я подумала не о любви и гармонии – нет, эти ноты показались мне скорбными, идеально соответствуя общей мрачности этого царства.

Это не свадьба. Это мои похороны.

Мама взяла меня под руку, и двойные двери распахнулись, открывая тронный зал. Обсидиановые колонны и чёрные с золотым портьеры у высоких окон не шли ни в какое сравнение с тронным залом на Олимпе. Ничего общего с моим домом.

Мама оставалась рядом, пока мы шли через весь зал к Аиду, стоявшему между двумя алмазными тронами. Его, чёрный, я видела множество раз на собраниях Совета. Мой, белый, мне подарил Аид, приветствуя в своём царстве, от лица всего Совета, в который я теперь входила.

Но я никогда не стану равной им, и все это прекрасно понимали. Равные могут сами принимать решения, их не вынуждают вступать в брак по расчёту в шестнадцать лет. Если они думали, что я просто приму это и смирюсь, то они сильно просчитались.

– Я люблю тебя, – шепнула мама. Я ничего не ответила. Она взяла мою ладонь и вложила в руку Аида. Его кожа оказалась теплее, чем я ожидала. Его серебряные глаза встретились с моими, и холодок пробежался по моему позвоночнику.

Теперь я навеки принадлежу ему.

* * *

Я не могла прятаться вечно. Остальные члены Совета, похоже, отлично проводили время: напивались и танцевали до глубокой ночи. Гера оставалась в поле зрения, постоянно бросая на меня взгляды, но так и не заговорила со мной. Могла ли она почувствовать тревогу величиной с гору, нарастающую в моей груди? Могла ли увидеть страх, усиливающийся с каждой новой минутой в этой каменной тюрьме? Ведь её, покровительницу брака, больше кого бы то ни было волновало семейное счастье. Понимала ли она, как сильно я уже ненавижу это супружество? Жалеет ли, что дала своё благословение?

Лучше бы она этого не делала. Может, тогда бы родители не стали принуждать меня. Всего несколько часов замужем, а я уже чувствую себя раздавленной огромной каменной глыбой и скованной невидимыми цепями. Не самое воодушевляющее начало.

В итоге, когда гости разошлись, остались только мама, Аид и я. После того, как Аид под благовидным предлогом удалился в свои – теперь уже наши – покои, мама крепко обняла меня.

– Он любит тебя, – шепнула она. – Может показаться, что это не так, но в противном случае он бы не женился на тебе.

Я уткнулась лицом в её плечо. Меня беспокоили не его чувства, а свои собственные. Я была обещана Аиду с тех самых пор, как вообще узнала о том, что такое брак, и всегда думала, что смогу полюбить его и что буду хотя бы довольна замужеством, если не счастлива. Но как бы я ни пыталась ухватиться за ту ниточку симпатии, которую я могла к нему испытывать, та всё оставалась вне зоны досягаемости.

Но она станет ближе, когда мы проведём больше времени вместе – с каждой улыбкой, с каждым словом и прикосновением. Обязательно. В конце концов, Афродита тоже не выбирала себе супруга, а теперь целыми днями не отлипает от него. Гера же, которая добровольно дала согласие, в итоге совершенно несчастна.

Так может быть, мама права? Может, любовь совсем рядом, уже ждёт меня, стоит только руку протянуть?

– Ты ведь сможешь приходить ко мне в гости? – спросила я. – Или я к тебе?

– И то, и другое, – она поцеловала меня в щёку. – Всегда, сколько захочешь. Только не пренебрегай своими обязанностями здесь, милая. И помни: счастье – это выбор, как и несчастье. Выбирай с умом.

Она выпустила меня из объятий, и я неохотно опустила руки. Ободряюще улыбнувшись, она развернулась, чтобы уйти, но прежде чем она открыла дверь, я выпалила:

– Всё ведь будет хорошо, да?

Мама оглянулась через плечо.

– Всё уже хорошо. Ступай к своему мужу, Персефона. Дай ему шанс сделать тебя счастливой.

Она ушла, закрыв за собой дверь. Я тяжело вздохнула. Аид и вправду теперь мой муж. Мой король. Я стала замужней женщиной, и ничего уже не будет как прежде. Вот это теперь моя жизнь.

Пора взглянуть правде в лицо.

Дверь в покои Аида открылась легко. Я зашла внутрь, ожидая, что там будет темно и сыро, как и всюду в Подземном мире, но увидела просторную комнату с десятками летающих свеч. Их тёплый свет озарял мягкую кровать, где сидел и ждал меня Аид. Я почувствовала, как невидимый кулак сжал мои внутренности. Момент настал.

– Персефона, – Аид поднялся и протянул мне руку, пытаясь поймать мой взгляд своими серебряными глазами. Я не знала, что делать, поэтому переплела наши пальцы. Мы были в некотором роде друзьями. Конечно, тот факт, что я с детства знала о нашей будущей свадьбе, не оставил нам других вариантов, но зато у меня была возможность узнать его получше. Мама права – у него доброе сердце. И он правда любит меня. Остаться с ним наедине – не самое страшное, что со мной когда-либо происходило.

Я смотрела на него на протяжении нескольких ударов сердца и затем прошептала:

– Прости, я... Я не знаю, что сказать.

Он улыбнулся, в уголках глаз появились морщинки.

– Тогда позволь мне прервать молчание словами, как ты прекрасна сегодня. И всегда, конечно же, – он коснулся одного из моих локонов. Их цвет меняется в зависимости от времени года: скоро будут огненно-рыжие, затем потемнеют к зимнему солнцестоянию, когда придёт весна – станут каштановыми, а летом – пшеничными. Раньше это была бесполезная особенность, но теперь я смогу ориентироваться во времени, проведённом в Подземном царстве.

Я опустилась на край кровати. Так странно было находиться с ним один на один. Хоть мама и устраивала нам встречи, чтобы мы узнали друг друга получше,

сама она прежде никогда не уходила. Теперь, казалось, он стал старше, и от него исходила огромная сила, которую невозможно было не почувствовать. Он присел рядом со мной и нежно взял обеими руками мою ладонь.

– Ты нервничаешь, – это было утверждение, а не вопрос, и он не ждал от меня ответа. – Я тоже.

Я фыркнула.

– Ты правитель Подземного мира. Из-за чего вообще ты можешь нервничать?

Он помедлил, поглаживая большим пальцем мои костяшки. Прикосновение казалось почти интимным в своей простоте. Мурашки побежали по коже.

– Я переживаю, что не смогу дать всего, чего ты достойна.

– Что ты имеешь в виду?

Он сжал мои ладони.

– У тебя впереди множество веков, на протяжении которых ты могла бы делать что угодно, но вместо этого ты сейчас здесь, со мной. Я не могу выразить словами, как много это значит для меня. Никто... – он запнулся, на его шее чётко выделились вены. – Никто никогда не выбирал меня таким, какой я есть. Без скрытых мотивов. Но ты готова попытаться, и у меня никогда не было ничего подобного.

В груди разлилось тепло, я придвинулась ближе к нему. Несложно увидеть мир его глазами – эти тысячелетия одиночества.

– Я постараюсь, – пообещала я. – Я хочу... Хочу быть с тобой.

Не уверена, что это правда, но и в обратном тоже не уверена. Я бы хотела, чтобы у меня был выбор, но это никогда не зависело от меня. Зато от меня хотя бы наполовину зависит то, что происходит здесь и сейчас, сможем ли мы поладить. Аид готов приложить усилия со своей стороны – и это решающий фактор для меня.

– Нам обоим ещё предстоит свыкнуться с мыслью, что мы теперь муж и жена, но вместе мы справимся. Мы научимся всему вместе, – он поднял мою ладонь к своим губам.

Да, мы справимся. Под его проникновенным взглядом я расслабилась. Всё будет хорошо. Мама знала, что делает, и ни за что бы не выдала меня замуж за Аида, если бы не была уверена, что у нас всё получится. Но даже если я начинаю верить в это, я ни на секунду не могу забыть о холодных каменных стенах вокруг. Что бы я ни испытывала к Аиду, это не изменит того факта, что я заточена здесь. Никакие попытки изменить своё отношение и стать счастливой не вернут мне право выбора и свободу.

Я выпрямилась и сделала глубокий вдох. Нет. Счастье – это выбор, как и сказала мама. И я собираюсь сделать его.

Я не спрашивала. Не колебалась. Я просто подалась вперёд и поцеловала его в губы, по-взрослому – как никогда ещё ни с кем не целовалась. Так же, как Афродита целует Гефеста. Так же, как я хотела, чтобы Аид поцеловал меня.

Было горячо, влажно и совсем не похоже на то, чего я ожидала. Совсем. Никаких искр, фейерверков, невероятных ощущений и желаний большего. Ничего, что могло бы заставить меня полюбить его. Просто прикосновение губ. И, что хуже всего, Аид не ответил мне на поцелуй.

Я открыла глаза. Его тоже были распахнуты, в них отражалось множество вопросов, но я не дала ему возможности их озвучить. Я знала, что он спросит: уверена ли я, что хочу этого? Не стоит ли подождать и узнать друг друга получше?

Но я хотела любви. Хотела, чтобы камень в груди расплавился, чтобы всё не казалось таким тошным. Если бы я смогла полюбить его так же, как он меня... может, всё стало бы замечательно. И я бы перестала воспринимать это место как тюрьму.

Поэтому я продолжила целовать его. Мои руки скользили по его груди, снимая одежду и поглаживая горячую кожу. Я могу это сделать. И я это сделаю: как только мы станем максимально близки, всё встанет на свои места. Мы будем счастливы – по-настоящему, без иллюзий. И это будет мой выбор.

Я толкнула его на кровать, и он всё-таки разорвал поцелуй:

– Персефона...

– Не надо. Пожалуйста.

Его кадык дёрнулся. Аид замолчал. Я снова поцеловала его, прижимаясь к нему как можно сильнее. У меня ещё никогда не было такого опыта, и его тело было таким твёрдым – тяжелее, чем я ожидала. Не то, чтобы у меня были какие-то ожидания, но всё это ощущалось странным.

Я запретила себе останавливаться. Вскоре мы оба уже были полностью раздеты, и когда он навис надо мной, я отбросила все свои страхи. Мы делаем это вместе, и как бы мне ни было страшно лежать обнажённой в его постели, я не собиралась идти на попятную.

Одна ночь победы над страхами, одна ночь близости с ним – и лёгкая дымка симпатии обернётся ураганом чувств. Надо просто пережить эту ночь.

– Сделай это, – прошептала я, и когда он снова открыл рот – очевидно, чтобы возразить, – я заткнула его обжигающим поцелуем.

Всё будет прекрасно. Даже лучше.

Обязательно.

* * *

Ничего не было прекрасно. Даже близко.

Наши не подходили друг другу. Может, из-за моей девственности, а может, из-за того, что природа слишком щедро его одарила, но, так или иначе, это было жарко, липко, неприятно, неловко – в общем всё, чего не надо. И не будь я бессмертной, возможно, это был бы один из самых болезненных опытов в моей жизни.

Что ещё хуже, Аид, похоже, тоже не особо представлял, что нужно делать, и получилась какая-то неуклюжая возня. Да, это можно назвать близостью, но в ней не было ни страсти, ни любви. Чисто физический акт, по завершении которого я едва сдерживала слёзы.

Аид скатился с меня, его грудь тяжело вздымалась. Поймав мой взгляд, он нахмурился и провёл пальцами по моей щеке.

– Прости.

Я замотала головой, не в силах ответить словами, потому что была на грани срыва.

Это не его вина. Я надавила на него, принудила прежде, чем мы оба были к тому готовы. Но часть меня, охваченная гневом и разочарованием, винила его. Он мог сделать то, на что у меня не хватило смелости: взять и уйти. Да что там – он мог отказать моему отцу, когда тот предложил этот брак.

– Со временем будет лучше, – прошептал он. – Я люблю тебя.

Тишина повисла над нами, и я прекрасно понимала, что он ждёт этих же слов в ответ. Намёка, что это не было такой уж катастрофой. Вот только на самом деле было.

По моей щеке потекла слеза, слишком быстро – я не успела её остановить.

В свете свечи лицо Аида исказилось болью. Он знал, что означает моё молчание, и на мгновение, казалось, весь сжался. Его плечи сгорбились, голова низко опустилась, пальцы впились в простыни. Я даже не пыталась его утешить или ободрить. Просто не могла. Это было бы откровенной ложью.

Но затем Аид снова пришёл в себя и накрыл меня шёлковым покрывалом. Он не пытался прикоснуться ко мне, но долго не сводил глаз. Я отвернулась. Не нужно мне его чувство вины.

Постепенно свечи догорели – или, может быть, Аид их погасил. Но, как бы то ни было, в темноте скалы давили на меня ещё сильнее, я едва дышала.

Нет, я не могу. Не могу оставаться с тем, кого не люблю. Да, я его жена, его королева, но в первую очередь я живое существо, не предмет, и родители не имели никакого права так со мной поступать. Вот, к чему всё это привело: мы оба жертвы обстоятельств, оба страдаем от стены, воздвигнутой между нами. До свадьбы её не было, но сейчас – из-за меня, из-за моих родителей...

Я не могла уснуть, и, судя по дыханию Аида, он тоже. В итоге, когда пришло время вставать – как Аид это понимал без солнца, я не представляла, – я дождалась, когда он оденется и выйдет, чтобы вылезти из кровати и помыться.

У меня есть всего два варианта: остаться и смириться со своей судьбой или бороться за свободу.

Выбор очевиден.

Смыв все следы прошлой ночи, я вылетела из покоев, едва не врезавшись в Аида в коридоре. Он держал поднос и каким-то образом сумел увести его в сторону, ничего не уронив. Несколько долгих секунд мы тупо смотрели друг на друга.

– Куда... – он запнулся и сжал в руках поднос, нагруженный моими любимыми фруктами, выпечкой и сырами. Он хотел принести завтрак в постель. – Куда ты?

Чувство вины снова накрыло меня с головой. Даже после всего произошедшего он всё ещё пытается сделать меня счастливой.

– Я... Мне нужно к маме, – голос не слушался. – Можно?..

– Конечно, – он поставил поднос на тумбочку и уже потянулся было ко мне, но передумал. – Я перенесу тебя на Олимп.

Я прошла за ним по коридору к тайному проходу, и мы вместе вошли в пещеру, в глубине которой находился портал между мирами. Узкий проход только сильнее давил на меня, и к тому времени, как мы подошли к кругу кристаллов на земле, я уже почти ничего перед собой не видела.

– Ты в порядке? – спросил Аид, коснувшись моего локтя. Такой пустяк, казалось бы, но я тут же вспомнила прошлую ночь, и меня передёрнуло. Он тут же убрал руку.

– Прости, я просто... мне нужно... нужно на Олимп. Покажешь, как это делается?

До свадьбы и коронации я не могла этого сделать сама, но теперь, став царицей Подземного мира, я обладала такой силой.

– Да, – медленно ответил он. – Конечно. Но для этого мне нужно прикоснуться к тебе. Ничего?

Я кивнула, и он положил ладонь на мою спину. Это был знакомый жест – так делают те, кто хорошо друг друга знают, – и это прикосновение обжигало.

Почему всё стало так плохо? Да, прошлая ночь прошла совсем не так, как я себе представляла, наблюдая за Афродитой и её нескончаемой чередой любовников, но многие проходили и через худшее. Так почему же сама мысль о нём вызывала у меня тошноту?

– Вот так, – тихо произнёс он, и я ощутила всплеск силы, исходящий от него: тёмный, мощный, отвратительный. Но бежать было некуда, и нас обоих унесло вверх, прям сквозь каменный потолок. Когда мы оказались на небесах, я почувствовала, что меня тошнит. От подобного перемещения, от Подземного царства, от прикосновения Аида или древней силы – не знаю, но больше всего на свете мне хотелось вернуться домой.

Наконец, мы приземлились посреди Олимпа, и я, отскочив от Аида, бросилась бежать через тронный зал и дальше по коридорам к маминым покоям так быстро, что всё вокруг размазалось. Золотистый свет солнца отражался от каждой поверхности на Олимпе, наполняя меня теплом от макушки до пят, и к тому моменту, как я ворвалась в комнату мамы, я уже вся сияла:

– Мама!

– Персефона? – она встала, раскрывая объятья, и в следующую секунду я утонула в них. – Не ожидала увидеть тебя так скоро. Аид с тобой?

Я кивнула. Стоило мне услышать её голос, ощутить родное присутствие, как плотину внутри меня прорвало. Я громко разрыдалась, до боли сжимая её в объятьях. Больше никогда её не отпущу, ни за что.

Каким-то образом маме удалось подвести меня к кровати, и мы обе сели.

– Сердце моё, что случилось? – она попыталась отстраниться, но я не дала ей такой возможности. – Всё ведь не настолько плохо.

Нет, настолько. Я не знаю, как ей это объяснить... как объяснить это самой себе... но в этот момент я бы предпочла исчезнуть навсегда, чем вернуться в Подземный мир вместе с Аидом. То место – не для меня. Аид – не для меня. Мы не подходим друг другу, и всё это просто ошибка... Чёртова ошибка, которую мама должна исправить.

– Пожалуйста, – выдавила я между всхлипами. – Не заставляй меня возвращаться туда.

Она напряглась, сжимая меня крепче.

– Что произошло? Милая, если ты не расскажешь, я не смогу тебе помочь.

Я открыла рот, чтобы подобрать слова, но не успела произнести ни одного, как вдруг...

– Персефона?

Я подняла глаза, моя нижняя губа дрожала.

– Отец?

Зевс вошёл в покои, его брови были сведены вместе, а уголки рта опущены вниз. Хоть он и мой отец, мы почти не общались друг с другом, за исключением тех немногих встреч, когда его ко мне толкало чувство вины. Но неловкие отцовские объятья и его вспышки гнева для меня были в тысячу раз лучше, чем возвращение к Аиду.

– Персефона, твой муж ждёт тебя в тронном зале, – неодобрительно произнёс отец. – Он обеспокоен.

Я шмыгнула носом, отказываясь отрываться от мамы.

– Я не могу туда вернуться. Я там задыхаюсь.

– Не смеши меня. Ты богиня. Ты не можешь задохнуться, – отрезал Зевс. – Что за истерику ты тут устроила?

– Зевс, – предупреждающе одёрнула мама, но тот не отступил. Зевс прожигал меня взглядом, в его глазах сверкали молнии, руки были сложены на широкой груди. Никогда прежде он не вызывал у меня страха, но сейчас напряжение в воздухе ощущалось как перед грозой. Одно неверное слово – и он, несмотря на наше родство, объявит меня предательницей.

– Я не могу... – я икнула, захлёбываясь слезами. – Каменные стены давят на меня, и... Аид... мы... – моё лицо вспыхнуло. – Пожалуйста, не заставляйте меня вернуться.

– Тебя никто не спрашивает, – Зевс был настроен категорично. – Ты теперь носишь корону Подземного мира, от этой ноши нельзя отказаться.

– Мне плевать на корону, только бы не... Пожалуйста. Я готова на всё, – умоляла я. – Лишь бы не возвращаться.

Мама вдохнула.

– Ты провела там всего одну ночь. Дальше будет легче. Я знаю, что Подземное царство сильно отличается от Олимпа...

– Ты когда-нибудь ночевала там? – перебила я. Она помедлила.

– Нет, но...

– Я не могу, мам. Пожалуйста.

Она нахмурилась и переглянулась с Зевсом.

– Твой отец прав. Ты теперь царица. Нравится тебе это или нет, но от подобной роли нельзя отказаться. Дело не только в браке: Аиду нужна помощь в правлении, и ты уже взяла на себя обязательства. Ты не можешь пойти на попятную из-за того, что реальность разошлась с ожиданиями.

Всё моё тело словно бы окаменело. Я ожидала, что Зевс будет против. Само собой. Его невозможно переубедить. Но чтобы моя собственная мать...

– Ты не понимаешь, – я отстранилась, вскочив на ноги, несмотря на дрожь в коленях. – То место... противоестественное. Холодное, тёмное, зловещее, я не могу там дышать...

– Опять она заладила про дыхание, – проворчал Зевс, мама шикнула на него.

– ...и я не люблю его, мам. Я не могу провести там остаток вечности.

– Не любишь? – её растерянность сменилась сочувствием, и это было ужасно унизительно. Мне не нужна её жалость. Я хотела добиться от неё понимания. – Персефона, ты слишком многого ждёшь. Разумеется, Аид любит тебя, но твои чувства не появятся по щелчку пальцев. Дай им время.

– Но как я могу полюбить то, что невозможно полюбить? – мой голос надломился. Я жёстко тёрла мокрые щёки от злости.

– Полюбишь. Со временем. Из всех нас у Аида самое большое сердце, – увещевала мама. – Пусть тебя не обманывает мрачность его царства. В нём есть своя красота. Пускай ночь была непростой, дальше будет легче. Счастье – это выбор...

– Там я не буду счастлива, – слова вырвались вместе с новым всхлипом. – Ты правда поступишь так со мной? Обречёшь единственную дочь на жизнь в Царстве мёртвых?

Мама вздрогнула.

– Пожалуйста, милая, скажи мне, что произошло.

Но я не могла. Я сама не понимала, что именно было источником всей этой злости и ненависти внутри меня. Я не знала, из-за чего конкретно хочу сбежать оттуда, но желание было однозначным.

– Он просто... – я замотала головой. – Это всё неправильно.

– Не торопись, – мама произнесла тоном, который якобы предполагался как успокаивающий, но меня от него передёрнуло. – Консумация брака была неприятной? Так это нормально. Первый раз почти никогда не бывает...

– Не в этом дело.

– Тогда в чём? – она попыталась коснуться меня, но я отшагнула назад. Меня всю так трясло, что я едва стояла на ногах. Я будто бы сопротивлялась невидимой силе, просто находясь в этой комнате, и не знала, как это прекратить.

– Я просто... Мне там не место. Я не знаю, как ещё это объяснить.

Мама с отцом переглянулись, и Зевс прочистил горло.

– Ты вернёшься в Подземное царство вместе с Аидом, и будешь слушаться его, как меня. Он теперь твой супруг, ты не посмеешь позорить меня уклонением от своих прямых обязанностей, поняла?

Из-за слёз перед глазами я не могла разглядеть его лица. Но я прекрасно слышала голос – повелительный голос короля, означающий, что возражения не принимаются. Тем же самым тоном он, наплевав на мои чувства, объявил в мой шестнадцатый день рождения, что я выйду замуж за Аида.

Я ничего не могла ответить. Каждый раз, когда я открывала рот, ненависть и обида сдавливали горло мёртвой хваткой. В итоге я просто выбежала из комнаты. Пусть угрожает, сколько хочет, но я туда не вернусь. И то, что они с мамой вообще не брали в расчёт мои чувства... это просто несправедливо. Мне нужно сбежать от этого нарастающего отвращения. Мне нужно сбежать от собственной жизни.

Едва оказавшись в коридоре, я чуть было не врезалась в Геру. Она была здесь всё это время? Наши взгляды встретились, и она открыла рот, чтобы что-то сказать, но я не стала слушать и побежала дальше. Плевать, если она всё слышала. Плевать, что она понимает, каково это застрять в браке, в котором нет любви. Она всё равно ничего не сможет сделать, чтобы заставить моих родителей передумать, а жалость мне не нужна. Мне нужна свобода.

Я добежала до тронного зала. В нескольких шагах от портала стоял Аид вместе с Гермесом, лицо последнего выражало растерянность. Я прыгнула в круг кристаллов. Аид хотел последовать за мной, но Гермес перекрыл ему путь. Не знаю, почему он это сделал, но у меня не было времени выяснять. Я полетела вниз с Олимпа. Ветер развевал мои волосы, набрасывая их на лицо.

Глоток свободы. И свободное падение, очевидно. Я ещё ни разу не использовала портал сама. Не зная, что делать, я открыла рот в беззвучном крике. Может, мне стоило дождаться его в кругу кристаллов, но лучше разбиться о землю, чем вернуться с ним в Подземное царство.

Я ожидала удара – ну, который оставил бы вмятину на земле, и смертные потом ходили и гадали о причинах её возникновения. Но мои ноги коснулись

твёрдой поверхности. Никакого жёсткого приземления. Никакого удара. Я даже траву не примяла.

Облегчённо выдохнув, я запустила пальцы в спутанные волосы и оглянулась вокруг. Я стояла посреди поляны с сиреневыми цветами, покачивающимися от лёгкого ветерка. Было тепло, несмотря на позднее время. Чудесный летний вечер.

И почему Аид не может жить на земле? Зачем ему всё время находиться рядом со своими подданными? Вот у Зевса нет такой необходимости. Я села прямо на землю, проводя рукой по высокой траве. Вот где мой настоящий дом. Тепло, природа, жизнь. Не каменная тюрьма.

Внезапный порыв ветра – и какой-то шорох за спиной. Наверняка это Аид пришёл за мной, чтобы утащить обратно в своё мрачное жилище. Я не стала оборачиваться. Не желаю его больше видеть.

– Персефона?

Я ахнула. Это не Аид.

– Гермес? Что ты здесь делаешь?

– Ты расстроена, – сказал он, садясь передо мной. Мы выросли вместе – совсем дети по сравнению с остальными членами Совета. Рядом с ним тоска по дому становилась только сильнее. – Аид сделал тебе больно?

Гермес первый, кто предположил, что это не моя вина, и от того моё сердце наполнилось благодарностью к нему.

– Н-нет, – всхлипнула я. – Я просто... не могу туда вернуться.

Он взял мои ладони в свои. Его пальцы были мягкими и прохладными. Этого небольшого жеста поддержки оказалось достаточно, чтобы моя выдержка снова дала сбой: я уткнулась лицом в его плечо и снова разрыдалась. Как же я ненавижу всё это... Бесит, что я не могу найти в себе сил дать Аиду шанс. Но проблема не в нём. Мне кажется, будто мне не хватает воздуха, словно меня душат и мои лёгкие горят. Я умираю, не успев пожить. Почему я не возразила родителям раньше? Почему не потребовала дать мне возможность побывать в Подземном мире и получше узнать Аида до свадьбы? Почему мне не оставили выбора?

Потому что они прекрасно понимали, каким будет мой ответ. Наверняка. Мама знает меня лучше, чем я саму себя, и моё доверие к ней – то самое, толкнувшее меня в этот брак, – было безграничным. Даже сейчас меня одолевали сомнения. Может, я поспешила? Может, стоит ещё попытаться? Есть ли у меня вообще выбор?

Нет, и поэтому я зарыдала с новой силой. У меня нет никакого выбора. Нравится мне это или нет, мне придётся вернуться в Подземный мир. Если только...

Мои глаза распахнулись, я резко подняла голову. Гермес тоже выпрямился, но я заговорила быстрее:

– Давай убежим вместе.

Его губы образовали идеальный круг.

– Что?

– Ты правильно меня слышал. Давай сбежим. Куда-нибудь, где нас не найдут, как это сделали Афродита и Арес. И... мы будем счастливы.

– Стоп, – он отстранился. – То есть ты хочешь, чтобы... ты и я...

Я вздрогнула. После прошлой ночи я вообще ни с кем не хочу подобных отношений.

– Нет, я имела в виду... как друзья. Брат и сестра, или кто мы друг другу... – не совсем: формально Зевс принимал разные облики, чтобы зачать нас от разных женщин. Но мне нужна была чья-нибудь любовь. Неважно, какого рода любовь. Главное, чтобы её было достаточно, чтобы решиться на побег. – Пожалуйста.

Гермес сомневался – я буквально видела, как шестерёнки крутятся у него в голове. Надежда вспыхнула в моей груди, затмив холод и отчаяние. Он реально обдумывает такую возможность. Он серьёзно её рассматривает.

– Персефона... – он снова взял меня за руки. – Ты же знаешь, больше всего на свете я хочу, чтобы ты была счастлива. Но Зевс уже запретил кому-либо лезть в ваш брак. Если мы сбежим, они с Аидом разыщут нас, и тогда мне не избежать молнии в лоб.

Моё сердце ухнуло вниз, хрупкий пузырь надежды лопнул.

– Он правда приказал всем не помогать мне?

Гермес кивнул.

– Прости. Но, может, вы с Аидом сумеете договориться? Ты можешь просто быть его королевой, а не его женой, ведь так? Ему нужно, чтобы кто-то помогал ему править царством, а не согревал постель.

Я зажмурилась, сдерживая новый приступ слёз. Я никогда не выберусь из этой западни. Ни сейчас, ни через тысячу лет, ни когда-либо потом. Нет, пока Зевс считает меня своей собственностью, и Аид с ним заодно.

– Он никогда не согласится, – прошептала я.

– А ты не спрашивай, – Гермес заправил прядку моих волос за ухо. Его прикосновение было таким нежным, что я подалась навстречу. – Поставь перед

фактом. Ты сильнее, чем думаешь, Персефона. Никогда в этом не сомневайся. Ты способна на всё, чего захочешь, и к чёрту обстоятельства.

– Я бы хотела... – мой голос не слушался, я тяжело сглотнула. – Я бы хотела быть как Афродита. Я бы хотела набраться смелости поступить так же, как она.

– Может, однажды ты так и сделаешь. Для этого нужно только найти того самого. Пускай это будет не Аид – в этом нет ничего такого. Ты не должна оставаться с ним навеки, если не хочешь этого.

Я невольно хмыкнула.

– В нашей семье всё остаётся навеки.

– Только хорошее, – возразил он. – Мы обычно находим способы исправить плохое.

– Вряд ли мне кто-то даст свободу, если я не буду за неё бороться.

– Тогда борись. Используй любые средства и методы, чтобы доказать себе и остальным членам Совета, что у тебя иная судьба.

– Аид никогда меня не отпустит, – пробормотала я. – Даже через тысячу лет. Он любит меня.

– Если он действительно тебя любит, то однажды поймёт, как ты несчастна, и сразу же отпустит. То, что он в принципе хороший, не означает, что он хорош для тебя.

Я покачала головой.

– Ты можешь сколько угодно бросаться красивыми фразами, но это ничего не изменит.

– Ты права. Только ты можешь что-либо изменить. Но для этого нужно пытаться.

– Я уже попыталась.

– Знаю. Им стоило прислушаться, – он притянул меня к себе в объятья. Его руки на моих плечах дарили покой, и я смогла расслабиться. По крайней мере, хоть кто-то на моей стороне.

Но в следующую секунду снова поднялся ветер, и я ощутила появление нового действующего лица. Солнце скрылось за горизонтом, и Гермес напрягся. Я не хотела оборачиваться, чтобы узнать, кто там.

– Пожалуйста, – отчаянно прошептала я в последний раз. – Я на всё согласна.

– Не могу. Прости, – Гермес говорил тихо и торопливо. – Послушай... Я буду регулярно тебя навещать. Ты не будешь одна, обещаю. Только не сдавайся,

хорошо? Делай всё, что нужно, чтобы стать счастливой, даже наперекор Совету. Они уже обозначили свою позицию. Теперь твой черёд.

Я поджала губы. Подобный эгоизм шёл вразрез со всем, чему учила меня мама: помогай другим; ставь чужое счастье превыше своего; довольствуйся тем, что есть; не будь жадной, завистливой или жестокой; цени любовь и доброту окружающих; не желай того, что не можешь получить.

Но как я могу ценить то, чего нет? Может, Аид меня и любит, но какой в этом толк, если я не чувствую того же? Он может любить меня больше, чем кто-либо другой на всём белом свете, но в этом не будет никакого смысла, если я не отвечу взаимностью. Возможно, со временем я привыкну и смогу его полюбить, но сейчас я могу думать лишь о каменной плите над головой и о теле Аида, нависающим над моим. У меня не хватит терпения.

– Пообещай мне, Персефона, – прошептал Гермес, и после долгой паузы я кивнула в ответ.

– Обещаю.

Что-то сзади – или точнее, кто-то – накрыло меня тенью, заслонив последние лучи солнца, и я вздрогнула.

– Аид.

– Простите, не хотел вам мешать, – тихо произнёс он, и почему-то мне показалось, что это было искренне, – но можно поговорить с тобой наедине, Персефона?

Гермес кивнул, и не успела я возразить, как он уже отпустил меня и поднялся на ноги.

– Ещё увидимся, – сказал он мне, и я знала, что это не просто формальность. В свои шестнадцать лет он готовится стать членом Совета, и одна из его обязанностей – сопровождать мёртвых в Подземный мир. Высока вероятность, что мы будем часто видеться, и от одной этой мысли мне стало легче дышать. Там будем не только мы с Аидом. Надо помнить об этом.

Как только Гермес скрылся среди деревьев, Аид опустился на колени рядом со мной. Его длинные тёмные волосы, которые обычно лежат безупречно, были взъерошены. Пальцы впились в его бёдра.

– Я должен извиниться перед тобой.

Только не снова.

– Ты ничего мне не должен, – пробормотала я, глядя на согнувшийся от ветерка цветок. – Прости, что убежала.

– Не извиняйся, – мы оба старались не смотреть друг на друга. – То, что произошло прошлой ночью... Обещаю, это больше повторится, пока мы не будем оба готовы и сами этого не захотим.

От его слов у меня скрутило живот. Я была готова и согласна прошлой ночью. Да, я нервничала, но была решительно настроена сделать это. А он нет? Я заставила его? Может, отчасти поэтому всё было так ужасно?

– Я не... – слова застряли в горле, я не могла сглотнуть.

"Просто возьми и скажи это", – прозвучал голос Гермеса в моей голове: нежный, но в то же время непреклонный. Набравшись смелости, я всё-таки открыла рот и выпалила:

– Я хочу раздельные спальни.

Аид моргнул, явно не ожидавший этих слов.

– Что-то не так с...

– Да, – перебила я, пока мне хватало решимости. – Я боюсь тебя. Боюсь всего этого. Если мне нельзя остаться здесь, то я не хочу оставаться там с тобой.

Он уставился на меня, потеряв дар речи. Долгую минуту он пытался поймать мой взгляд, но я старательно его избегала. Я не могу отступить, как бы сильно это его ни задело. Возможно, я делаю шаг не в том направлении. Может быть, это только ухудшит наши отношения. Но сейчас мне нужно личное пространство. Если я останусь с ним, то это сломает меня. И его, скорее всего, тоже.

– Ладно, – его голос надломился. – Если ты это хочешь...

– Хочу, – отрезала я. – Я буду править вместе с тобой, если так нужно. Но если ты хочешь, чтобы я исполняла свои обязанности как полагается, тогда не жди, что я буду твоей женой. Пока нет. Пока ситуация не изменится.

На кратчайшее мгновение на его лице отразилась боль и ненависть к самому себе. Чувство вины накрыло меня, и я уже хотела взять свои слова обратно. Я могла бы попытаться пойти навстречу. Но как только я открыла рот, стена ненависти снова выросла передо мной. Этот барьер не могла пробить никакая совесть. Я не могу быть его женой. Уж точно не сейчас. Если только хочу пережить это всё.

– Когда-нибудь всё станет лучше, – добавила я. – Если мы будем работать над этим. Просто... дай мне время привыкнуть, ладно? А пока давай будем друзьями.

Он немного расслабился. Значит, я подобрала правильные слова.

– Хорошо. Будем друзьями.

Аид встал и протянул мне руку, которую я неохотно приняла. Не потому что без него я бы не смогла подняться, а потому что ему нужна эта крупица надежды. Не могу же я окончательно растоптать его сердце.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива, – сказал он. Нас обдувал тёплый летний ветер. – С того самого момента, как твоя мама представила нас друг другу, мне хорошо только, когда тебе хорошо. Да, иногда я совершаю ошибки, но клянусь: всё, что я делаю, призвано угодить тебе.

Я кивнула. Если бы только я могла ответить ему тем же... Но моё счастье не зависело от него, и я не хочу нести ответственность за его самочувствие.

– Спасибо, – тихо ответила я. – Но пока мы не вернулись, мы ведь можем погулять ещё немного? Где-нибудь, где потеплее.

Здесь сейчас закат, а дома всё ещё было утро, и я отчаянно жаждала вновь ощутить тепло солнца на своей коже.

– Конечно, – он взял меня под локоть. Несмотря на то, что даже самое невинное его прикосновение вызывало неприятное покалывание, я не стала отдёргивать руку. Я проклинала эти чувства – гнев и отвращение, – не дававшие мне полюбить Аида так же, как он меня. Что бы там ни говорил Гермес, я недостаточна сильна. Всё, что я могла сделать, так это открыться новой жизни и надеяться, что в конечном счёте этого окажется достаточно для счастья.

* * *

Я пыталась.

Честно.

Каждое утро позволяла Аиду приносить завтрак в мою спальню через две комнаты от его.

Каждый день заставляла себя поддерживать разговор, когда он потихоньку учил меня, как править Подземным царством.

Каждый вечер я садилась рядом с ним, и мы читали книги или обсуждали, как прошёл день.

Я чертовски старалась полюбить его. Во мне всё больше крепла уверенность, что от прилагаемых усилий рано или поздно моё разорвётся.

Но невидимая стена отвращения стояла крепко. Что бы Аид ни делал и ни говорил, это не давало даже крохотной трещинки. И как бы я ни старалась, стена оставалась на месте. Словно кто-то проклял меня неспособностью влюбиться – по крайней мере, в Аида. Раньше мы были друзьями, насколько это возможно, но

даже это осталось в прошлом. Всё, что нас связывало, было обрублено топором, и эта стена в моей груди блокировала любые попытки создать новые ниточки.

Я зашла в тупик. Мы оба. Каждый раз, глядя на Аида, я видела его боль, медленно нарастающую во время наших напряжённых встреч. Но как объяснить ему мою неизвестно откуда взявшуюся ненависть? Не заставлю ли его страдать сильнее, если скажу, что не хочу иметь ничего общего с ним? Что я так сильно ненавижу его, что мне физически больно находиться рядом?

Я вынуждена делать вид, что он мне небезразличен. Отчасти так и было – мне правда было не всё равно, сколько боли я ему причиняю. Меня напрягало, что приходится лгать. Я переживала, что он так же несчастен, как и я, если не больше. Но всякий раз, когда у нас была возможность сблизиться, стена напоминала о себе, всегда грозно нависающая надо мной, несокрушимая преграда.

Аид перепробовал всё. Завтраки в постель, щедрые подарки... Он даже позволил мне самой преобразить внутренне убранство дворца, а заодно и скалу снаружи. За годы я устроила там сад из драгоценных камней. Ничего общего с реальным садом, где растут цветы и деревья, но там я могла побыть одна, когда мне нужно было время подумать, и Аид осыпал меня комплиментами за создание такой красоты.

Но ничего не помогало. Наши отношения были холодны, как эти скалы, и не из-за Аида, а из-за меня. Вот только я не представляла, как это исправить.

Дни тянулись бесконечно. Времена сменяли друг друга на земле, но в Подземном мире менялся только цвет моих волос. Скалы постоянно давили на меня, не зная жалости, и те редкие выходы с Аидом на поверхность не могли компенсировать страдания в заточении. Мама зашла в гости лишь однажды, вскоре после моей истерики на Олимпе, лишь для того, чтобы убедиться, что я хорошо себя веду.

Гермес же был верен своему слову. Каждый раз, приходя на занятия к Аиду, он проводил немного времени со мной. Мы играли в игры, болтали, гуляли по новым местам в Подземном царстве, которые я хотела увидеть... Он был моим глотком свежего воздуха, рядом с ним мир становился чуточку ярче. Он стал таким нужным мне напоминанием, что жизнь не остановилась, она продолжается. Что там, наверху, мир продолжает своё движение.

Однажды днём я сидела в обсерватории – такой длинной комнате на верхушку дворца, откуда открылся вид на всю эту огромную пещеру, в которой мы жили. Сначала, когда я только нашла это помещение, в нём вообще не было

мебели, но я создала удобное кресло и камин, в котором потрескивал огонь каждый раз, когда я приходила. Во всю длину внешней стены было панорамное окно, и большую часть времени я проводила возле него. Одной из моих способностью было видеть настоящее, и иногда после тяжелого дня, разобравшись со всеми королевскими обязанностями, я приходила в эту обсерваторию, садилась в кресло и смотрела на загробную жизнь, напоминая себе, что наша работа не так уж плоха. Люди на земле живут как хотят, и, как мне постоянно повторяет Аид, не нам их судить. Наша задача – понять, что им нужно. Как они себе представляют загробную жизнь. Большинство душ находят себе место без нашей помощи. Но некоторые приходят растерянные, не могут примирить свои убеждения со своими действиями, и тогда в дело вступаем мы.

Это очень изматывает – решать, как люди проведут остаток вечности. Но я старалась, как могла.

Тихий стук прервал тишину, возвращая меня в реальность. До этого я наблюдала за девушкой, гуляющей рука об руку по лесу с симпатичным парнем. Она явно любила его при жизни, и тот факт, что после смерти они нашли друг друга... Я завидовала ей. Так сильно, что ненавидела.

– Войдите.

Кто-то вошёл в обсерваторию... Две пары шагов, эхом разносившиеся по комнате, были слишком лёгкими для Аида. Нахмурившись, я развернулась в кресле. Ко мне направлялся Гермес, а за ним следовала Афродита.

– Привет, – Гермес улыбнулся, как мальчишка. – Выглядишь так, будто прошла через ад.

– И чувствую себя так же, – пробормотала я, стараясь выкинуть из головы мысли о той девушке. Она была смертной и мёртвой и, наверное, никогда в жизни не держала в руках драгоценных камней размером с кулак. И всё же она счастливее, чем я когда-либо буду, сколько бы роскошных подарков ни дарил бы мне Аид. – Что вы двое здесь делаете?

– А что, мне здесь уже не рады? – спросил Гермес, усаживаясь на подлокотник кресла. Афродита подошла к окну и приложила ладонь к стеклу, оставляя отпечаток. Я поморщилась. Впрочем, невидимые слуги, убиравшиеся в замке Аида, потом помоют окно.

– Ты понял, что я имею в виду. Зачем ты привёл сюда Афродиту?

Она чуть ли не сияла от счастья, и от этого огонёк зависти в моей груди распалялся всё сильнее.

– Потому что я могла бы помочь, – она развернулась к нам лицом. – Если позволишь, конечно же.

– Чем ты можешь помочь? – осторожно спросила я, беря руку Гермеса. Я не доверяла Афродите, которая вся из себя такая везучая и довольная, но я доверяла ему.

– Гермес упомянул, что ты всё никак не можешь привыкнуть к семейной жизни, – произнесла она игривым тоном, который, должно быть, сводил с ума всех мужчин. – Как часто вы с Аидом занимаетесь любовью?

От одной только мысли об этом меня всю скрутило. Я сощурила глаза.

– Один раз. В первую брачную ночь. Если расскажешь моей матери, я тебе все волосы выдеру.

Афродита моргнула, шокированная моим ответом.

– Почему вы не спите друг с другом?

Я пожала плечами. Я говорила об этом с Гермесом несколько раз, но тема остаётся болезненной. И Афродиту я не знала так хорошо, как Гермеса.

– Не знаю. Я просто... Не люблю его. И каждый раз, когда я думаю о том, чтобы лечь с ним, передо мной будто вырастает стена. Я не могу её ни сломать, ни обойти, как сильно ни пыталась.

– Стена? – она нахмурилась. – Разве вы не были друзьями перед тем, как пожениться?

Я кивнула. Да, это всё какая-то бессмыслица.

– Мне не нравится Подземное царство. Я как будто в ловушке. И близость с ним... Это было ужасно.

– У всех первый раз проходит ужасно. Кроме меня, но сама понимаешь. Я богиня секса, у меня не может быть иначе.

– Как у тебя это получилось? – выпалила я. – Как ты заставила себя полюбить Гефеста?

– Я не заставляла себя. Да, сначала я не хотела этого брака. Ну, собственно, поэтому мы с Аресом и сбежали. Но в итоге... – она пожала плечами. – Мы с Гефом просто подходим друг другу. Работаем над отношениями, понимаешь? Иначе никак. Разумеется, у меня есть любовники на стороне, но это идёт только на пользу нашим отношениям.

Гермес фыркнул. Афродита смерила его взглядом.

– Я серьёзно. Я люблю его. Мне очень дороги наши отношения, и он для меня всегда будет самым родным существом на свете. И если уж на то пошло, то именно благодаря своим интрижкам я остаюсь с ним. Так я не чувствую себя как в тюрьме.

Если бы для меня всё было так просто. Я посмотрела на наши с Гермесом переплетённые пальцы.

– Сложно завести интрижку, когда я вынуждена торчать здесь целыми днями, – пробормотала я.

– Это не универсальный способ, – согласилась она, накручивая прядку светлых волос на палец. – Но я придумаю, как тебе помочь.

– Как? Заставишь меня влюбиться в Аида?

Она хмыкнула.

– Нельзя заставить кого-то полюбить. Если мы говорим о страсти, то да – Эрос в этом очень хорош. Но я имела в виду, что мы можем попробовать сломать твою стену. Подтолкнуть в нужном направлении.

Я понятия не имела, что она задумала, и чем больше она об этом говорила, тем сильнее я напрягалась, пока Гермес буквально не вырвал ладонь из моей хватки и начал разминать пальцы.

– Я как-то не уверена...

– Ты ведь хочешь полюбить Аида?

Сложно сказать. Я хочу иметь право выбора, и если при этом влюблюсь в Аида, то почему бы и нет. Но что, если, будь у меня свобода выбора, я бы влюбилась в кого-то другого?

– Я не знаю, чего хочу.

– Ты хочешь быть счастливой. Все этого хотят. И если ты не можешь справиться сама...

– Ты не знаешь, что я могу или не могу. Может, Аид передумает и...

– Это не ему решать, – перебила она, но стоило словам слететь с губ, как она распахнула глаза и закрыла рот на замок. Что всё это значит?

– Афродита, – угрожающе произнёс Гермес. – Давай, выкладывай.

Она опустилась на второй подлокотник, с её лица сошли все краски. Как она может оставаться такой поразительно красивой, независимо от настроения?

– Папуля решил, что вы с Аидом должны пожениться, потому что приревновал Геру, которая проводила слишком много времени в Подземном царстве. Он не хотел, чтобы у неё появился соблазн...

Мои брови взлетели.

– Стоп, что?

– Всё так и было, – кивнула Афродита. – Гера частенько здесь бывала, помнишь? И папа боялся, что они завели интрижку за его спиной. Ничего не было, разумеется, но слепой бы увидел, что она любит Аида...

– Как брата, – возразила я. Это все знали. – Не как супруга. Она замужем.

– Ага, как и я, – она лукаво улыбнулась. – Нравится ей это или нет, но она так же склонна к порокам, как и все мы. Просто она держит себя в ежовых рукавицах, вот и всё.

Я замотала головой. Гера влюблена в Аида? Это же просто нелепо.

– Я тебе не верю. Да, она любит его, но не влюблена. Он хороший парень, в отличие от Зевса. Поэтому она иногда сбегала из Олимпа сюда.

Афродита рассматривала свои ногти.

– Если тебе хочется в это верить – пожалуйста. Возможно, я не права.

– Не возможно, а точно. А даже если это и правда, Аид всё равно любит меня.

Она вскинула бровь.

– Ты его не любишь, но тебе льстит, что он любит тебя?

– Не льстит, – у слова был горький привкус. – Это просто... факт. Он любит меня.

– Да, любит, – согласилась она. – Больше, чем кого-либо. И страдает от этого не меньше тебя.

– Думаешь, я этого не знаю? – огрызнулась, теряя терпение. То ли потому что она наговаривала на Геру, то ли потому что воспринимала это всё как забавную игру, не знаю. А может, я просто завидовала. Так или иначе, мне тошно было даже думать о том, чтобы принять её предложение.

– Мне не нужна твоя помощь, Афродита. Если это и случится, то не потому что ты так решила.

Она нахмурилась.

– Я не это...

– Мне плевать, понятно? Я просто хочу вернуть себе прежнюю жизнь. И если ты не можешь мне этого дать... если ты можешь предложить мне только иллюзию чувств к нему, которых на самом деле нет... То нет, спасибо. Я не хочу жить в самообмане.

Её щёки порозовели.

– Ладно. Не хочешь – не надо.

– Ты права, не надо.

Недовольно пыхтя, она вскочила с места и начала нервно перебирать свои волосы.

– Я возвращаюсь на Олимп. Гермес, ты со мной?

– Иди. Я догоню тебя, – ответил он. Во время нашей с Афродитой ссоры он молчал, но сейчас снова взял меня за руку.

Афродита вылетела из обсерватории, и как только за ней захлопнулась дверь, моя выдержка дала сбой. Злость, бессилие, отчаяние – всё, что я подавляла себе со дня свадьбы, вырвалось наружу, и я расплакалась.

После секундного сомнения, Гермес притянул меня в неловкие объятья, я прижалась лбом к его груди. Это несправедливо. Афродита думает, что она всё поняла, но не она заперта в Подземном мире как в клетке. Она может гулять где вздумается, и с мужем у них взаимные чувства. Её брак по расчёту удался.

Но мой разваливался на глазах. Я перепробовала всё: заставляла себя полюбить Аида, пыталась привыкнуть к нему и к этому месту. Но всё это бесполезно, потому что я никогда не смогу выбрать свой путь и жить как захочу.

И, конечно, в этом виноват Зевс. Это всё его вина. Я никогда не стыдилась называться его дочерью, но теперь, узнав, что он сделал ради своих корыстных интересов, лишь бы Гера оставалась в оковах брака, как и я...

– Эй, всё в порядке. С тобой всё будет хорошо.

Но сколько бы раз он это ни повторял, это не становилось правдой, и ни один из нас не мог ничего с этим сделать.

– Я не могу провести так остаток вечности, Гермес.

– Нет, конечно, нет. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы это изменить.

Я обняла его крепче, мои плечи дрожали от всхлипываний. Нельзя так рыдать и истерить. Мама учила меня другому: подстраиваться, привыкать, понимать, что не всё всегда будет по-моему. Но я больше не могу быть той правильной девочкой. Где-то посреди всей этой горечи и боли я перестала быть ей и стала самой собой.

Когда я немного успокоилась, Гермес поцеловал меня в макушку.

– Ты моя лучшая подруга. И очень много для меня значишь. Для всех нас, даже если тебе кажется иначе. Не забывай об этом, хорошо?

Я кивнула. Даже если мир начнёт рушиться, Гермес будет рядом со мной. Я уверена.

Как только он ушёл, я тяжело вздохнула и выпрямилась, глядя в окно. Река Стикса текла по пещере, пробивая себе путь, который древнее первых богов. Интересно, каково это – быть смертным? Жить, зная, что когда-нибудь всё

закончится? Смертные не знают о Подземном мире, только догадываются. Многие верят, что есть жизнь после смерти, но никто из них не видел этого места. А когда они умирают, то уже не могут вернуться, чтобы рассказать семье и друзьям. Каково это, когда тебя ждёт нечто неизвестное и неизбежное?

В каком-то смысле я им завидовала. Какой бы ужасной ни была их жизнь, они могли обрести покой после смерти. У меня такой возможности нет.

Закрыв глаза, я погрузилась в свои мысли. Думать о той счастливой парочке в лесу было слишком больно, поэтому я сосредоточилась на том, кого хотела увидеть больше всего, – на Гермесе. Видение настоящего возникло передо мной, и моё сердце пропустило удар. Гермес стоял в тронном зале, где были только он и Аид, и смотрел моему так называемому мужу прямо в глаза.

– Если ты не отпустишь её, она зачахнет. И ты это прекрасно знаешь. Видишь каждый день. Так зачем пытаешься отсрочить неизбежное?

Аид нахмурился.

– Так говоришь, будто знаешь, что происходит.

– Я знаю, что ты любишь её так сильно, что страдаешь из-за этого. Знаю, что она не любит тебя, но пытается заставить себя, потому что видит твои мучения. Я знаю, что ты всячески стараешься сделать её счастливой. И я знаю, что, несмотря на это, она всё равно чувствует себя запертой в клетке. И подозреваю, что ты тоже чувствуешь себя загнанным в угол.

Я забыла как дышать, испытывая что-то между злость и облегчением. Наконец-то кто-то сказал Аиду то, что ему нужно было услышать, но этим кто-то должна была быть я. Не Гермес. Это был мой долг перед Аидом.

Но я не могла вмешиваться в видения, только наблюдать. И хотя у меня была мысль вернуться в реальность и пойти к ним, мне не хватило смелости. А так Аид может принять решение без моего вмешательства. По крайней мере, мне хочется в это верить.

– И что ты мне предлагаешь? – тихо спросил Аид. – Бросить её? Да, нам обоим непросто, на это нужно время...

– У вас было достаточно времени, – перебил Гермес.

– Нельзя ожидать, что всё изменится по щелчку пальцев. Это может занять века, тысячелетия...

– И ты поступишь так с ней? Будешь держать её взаперти всё это время, зная, как она несчастна?

Аид помедлил.

– Это тебя не касается.

– Когда моя лучшая подруга чувствует себя так, будто её держат в плену, меня это ещё как касается, – выпалил Гермес. Я вздрогнула, и Аид тоже. Не самый лучший выбор слов, но всё же это правда. Вот только теперь я знала, что ключ от моей клетки был не у Аида.

– Уйди, – потребовал Аид тихим голосом, который сам по себе был не страшен, но в сочетании с огромной божественной силой прозвучал смертоносно. Гермес раскрыл рот, словно собираясь возразить, но в последний момент передумал и развернулся к выходу.

Когда дверь за ним закрылась, Аид зажмурился и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. То ли успокаиваясь, то ли набираясь духу, чтобы что-то сделать, но через три секунды он исчез.

Вот чёрт. Даже не сомневаюсь, где он сейчас появится. Я вернулась в реальность как раз в ту же секунду, когда он возник рядом с креслом. Совсем не вторжение в личное пространство, да.

– Прости, не хотел прерывать, – он говорил почти с надрывом. Внутри него определённо шла борьба.

– Ничего страшного, – ответила я, выпрямляясь. – Я просто... Ну, сам знаешь. Наблюдала.

– За кем-то конкретным? – поинтересовался он. Я замотала головой. Ему не обязательно знать, что я всё слышала.

Он неловко переминался с ноги на ногу, сложив руки на груди. Мы стояли рядом и смотрели в окно. В итоге, когда я уже думала, что он так ничего и не скажет, он прочистил горло.

– Ты счастлива?

Я моргнула. У него есть какие-то сомнения?

– Нет. Но дело не в тебе, – поспешила добавить я. – Просто это место... Душит меня.

Я не могла точно сказать, была ли ненависть к Подземному царству просто надуманный предлогом или реальный корнем проблем. Да это и неважно. Я уже перепробовало всё, что могла, чтобы исправить это.

– Понятно, – произнёс Аид и, сделав паузу, продолжил: – А что бы могло сделать тебя счастливой?

Я помедлила с ответом. Тысяча вариантов пришли на ум, каждый следующий нелепее предыдущего, но на самом деле у меня было одно только желание.

– Я хочу иметь выбор. Иметь возможность самой выбрать свой жизненный путь.

– И как я могу тебе это дать?

– Я... – пауза. Если соврать сейчас, то второго шанса может не быть. И это причинит только больше страданий в будущем. – Свободу. Отпусти меня. Дай мне развод.

Агония, на мгновение исказившая его лицо, стала для меня сюрпризом. Я недооценивала его отношение ко мне. Серьёзно недооценивала. Это не просто обида мужчины, чью гордость задели. Это боль того, кто теряет всё, что любил.

– Я не могу это сделать, – его слова прозвучали едва слышно. – Будь это в моей власти, я бы дал тебе всё, включая развод. Но связь между Подземным миром и его царицей так сильна, что даже мне её не разорвать.

Вся надежда, теплившая во мне, покинула тело, оставив пустую оболочку. Правда это или нет, но как же логично для него прикрыться моей клятвой Подземному царству. Если бы во мне ещё остались слёзы, я бы расплакалась, но к этому моменту я уже чувствовала себя полностью опустошённой.

Вот, значит, как. Такой моя жизнь будет отныне – пленница не только нелюбимого мужа, но и мира, который я ненавижу всеми фибрами души. У всех будет счастливый конец, кроме меня.

"И Аида", – подумала я, глядя на него краем глаза. Его судьба навеки связана со мной. В тусклом свете свечей его лицо кажется почти серым. Мы говорим не только о моей жизни, но и о его тоже.

Вот только он знал, во что ввязывается, когда соглашался на этот брак. Он мог предположить, что я его не полюблю. Хотя, возможно, такая мысль просто не приходила ему в голову. В любом случае, он свой сделал. У него этот выбор, по крайней мере, был. В отличие от меня.

Я не могла больше сидеть в этом кресле. Мне нужно было уйти – куда угодно, пускай даже в его спальню, лишь бы его самого там не было. Но как только я встала, он развернулся ко мне. Его глаза сверкали в свете огня из камина.

– А что, если... – он сглотнул. Я ещё никогда не видела его таким потерянным, и это разрывало меня изнутри. – Что, если я дам тебе выбор?

Я обхватила себя руками.

– Ты же только что сказал, что не можешь.

– Я не могу позволить тебе уйти навсегда, – медленно согласился он, глядя куда-то над моим плечом. – Но если ты будешь регулярно возвращаться и править вместе со мной...

Моё сердце заколотилось.

– Что ты имеешь в виду?

Наконец, он посмотрел на меня, и от взгляда серебряных глаз, в которых отражалось всё, что он не мог выразить словами, у меня пробежали мурашки по коже.

– Если я буду отпускать тебя каждые полгода... это сделает тебя счастливой?

Полгода. Пол моей жизни. Он это серьёзно? Я внимательно смотрела на него в поисках подвоха, но он казался абсолютно искренним.

– Да, – искра надежды вновь вспыхнула во мне. Свобода. Настоящая свобода, пусть и временная. – Это сделает меня счастливой.

Он кивнул. И ещё раз. И ещё, словно пытался убедить сам себя.

– Тогда... так и поступим. От рассвета дня весеннего равноденствия до рассвета дня осеннего равноденствия ты можешь проводить время по своему желанию. Будь то на Олимпе, на земле или даже... – он прочистил горло, – здесь, если захочешь.

Мы оба понимали, что не захочу, но я всё равно взяла его за руку.

– Спасибо, – прошептала я. – Словами не описать, как я тебе благодарна.

Я не позволяла себе поверить в это. Нет, нельзя, пока вживую не почувствую тепло солнечных лучей на своей коже и ветер, развевающий мои волосы, я не могу верить словам. Но весь его раздавленный вид кричал о том, что предложение самое что ни на есть настоящее.

– Твоё счастье – уже достаточная благодарность, большего я и не жду. Просто возвращайся ко мне.

Вопреки здравому смыслу, понимая, что тем самым только раню его сильнее, я всё равно поднялась на цыпочках и целовала его в щёку. Это был самый близкой контакт между нами с первой брачной ночи.

– Я вернусь. Спасибо.

Вместо того, чтобы смутиться и мило улыбнуться, как это сделал бы Гермес, Аид просто выпустил мою руку и отшагнул назад. Не говоря ни слова, он снова напряжённо кивнул и исчез.

Я опустилась обратно в кресло. Внутри меня бурлили восторг и ужас одновременно. Наконец, я получу то, чего хотела больше всего – возможность

жить своей жизнью, даже если только наполовину. Но в то же время я не могу забыть эту боль в глазах Аида и боюсь представить мамину реакцию...

Нет. Хватит с меня переживать, что подумают другие. Это моя жизнь, мой мир, моё будущее. Не их. Теперь, когда я получила шанс, я от него не откажусь. Ни ради кого.

Часть вторая

Верный своему слову, Аид перенёс меня на землю в день весеннего равноденствия. Этим утром он был особенно молчалив, и когда мы переместились на цветочную поляну и я почувствовала твёрдую почву под ногами, только молча опустил мою руку. Я замялась.

– Спасибо, – попыталась заполнить неловкую паузу и ободряюще улыбнуться. – До скорой встречи.

Он только кивнул и через секунду уже исчез. Я сделала глубокий вдох, вбирая в себя всех запахи природы, несмотря на невидимый кулак, сжавший сердце. Я ведь всё равно к нему вернусь, только более счастливая, а пока могу делать что хочу. Мы оба проиграли, да, но и оба победили.

– Персефона? – мамин голос разрезал утренний воздух, и я не стала терять время даром – сразу бросилась в её распахнутые объятья. Пускай это всего лишь временно, но рядом с ней я обретала крылья.

– Я скучала по тебе, – пробормотала я, не разрывая объятий, и она только крепче прижала меня к себе.

– Я тоже, – ответила мама, но в её голосе прозвучали неожиданные нотки... разочарования.

Я стиснула зубы. Если то, что сказала Афродита, было правдой, и мама с Зевсом договорились выдать меня Аида, чтобы вот так насолить Гере, то у неё нет никакого права быть разочарованной. Вот совсем.

Но даже секундная вспышка злости не могла испортить мне это утро. Я выскользнула из маминых объятий и взяла её за руку. У нас есть целых полгода, чтобы поговорить. Прямо сейчас я хочу просто насладиться новообретённой свободой и забыть все те ужасные чувства, что разрывали моё сердце в Подземном царстве. Я не потрачу эту время на негатив, ни за что.

– Идём, милая, – мама повела меня к лесу. – Домой.

* * *

Дом оказался небольшим коттеджем на краю опушки посреди леса. К тому времени, как мы добрались до него, я уже не понимала, где мы и как сюда попали, но это меня и не волновало. Главное, что мы не в Подземном мире.

Всего одна комната, разделённая на три зоны: кухонную, спальную и для гостей. Цветы и травы свисали со стропил, создавая головокружительный аромат. Каждая деталь – ручная работа, как если бы мама наняла смертных построить этот дом.

Зевсу бы здесь не понравилось. А я влюбилась в это место с первого взгляда.

Сначала мы собирались остаться внутри, но крыша над головой вызвала у меня клаустрофобию, напоминая мне о Подземном царстве, так что мы быстро перебрались наружу. Вместе мы ухаживали за небольшим садиком, и ближе к вечеру я набралась смелости задать вопрос, терзавший меня с того самого момента, как Афродита упомянула об этом.

– Вы выдали меня замуж за Аида из-за Геры?

Мама подняла на меня распахнутые глаза, её губы открылись, образуя небольшой круг. Грязь размазалась по её лицу, а в руках она держала клочок земли с ростком орхидеи.

– Что?

Мои щёки загорелись, но отступать было поздно.

– Говорят, Аид женился на мне, потому что Зевс хотел помешать их интрижке с Герой.

Мама ничего не ответила, усаживая цветок в ямку – его новый дом. Закончив, она села на пятки и отряхнула ладони.

– Кто говорит?

Я покачала головой. Пускай моё сердце ныло от зависти к Афродите, я не собиралась предавать её доверие.

– Надёжный источник.

– А, ну да. В мире много таких, – она вздохнула. – Понятное дело, Гера не была рада твоему браку. Сама знаешь, как она относится к внебрачным детям Зевса. Я её ни капли не виню, и совесть пожирает меня за то, как я с ней поступила. Но я не жалею об этом, ведь теперь у меня есть ты.

Она накрыла мою ладонь своей. Я не стала вырывать руку, но и отвечать нежностью тоже.

– Ты уводишь тему.

Мама поджала губы.

– Я не знаю, что сказать, милая. Только то, что я организовала этот брак, потому что Аид – замечательный мужчина, и я не могу представить, чтобы кто-то сумел полюбить тебя сильнее, чем он.

– То есть Зевс тут ни при чём? – спросила я. Мама замешкалась.

– Зевс предложил его кандидатуру, да, но...

– Гера влюблена в Аида?

Мама моргнула.

– Почему ты спрашиваешь?

– Да или нет?

Мама потёрла щёку, ещё сильнее размазывая грязь.

– Мы все очень любим Аида. Возможно, потому что он лучший из нас. А может, дистанция создаёт такую иллюзию. На Олимпе мы все хорошо друг друга знаем, но Аид всегда далеко, и о его недостатках легко забыть. Насколько мне известно, Гера любит Аида как брата, но не как мужчину. Она верна Зевсу, как бы это ни разрывало её изнутри.

Что ж, хоть какой-то ответ. Точнее, пол-ответа, но всё же.

– Так Зевс не предлагал женить Аида на мне, чтобы удержать Геру на коротком поводке?

Мама рассмеялась, но как-то невесело.

– Ох, милая. Гере никто не указ. Если бы она захотела, чтобы Аид стал её любовником, так бы и было, но она слишком верна своим обязанностям, чтобы так предать Совет. Мы с Зевсом обсуждали разные варианты и в итоге пришли к выводу, что Аид – лучшая партия для тебя.

– А сам Аид? Что он думал?

– Он был заинтересован. Ему нужна помощь в Подземном царстве, поскольку Преисподняя растёт с каждым днём, и согласился при условии, что ты выйдешь за него добровольно.

Добровольно. Забавно, насколько у меня и у родителей отличается понимание этого слова. Ну, теперь я хотя бы знаю, что если бы Аид знал о моих сомнениях, он бы не дал согласия на этот брак. Небольшое утешение.

– Тебе никогда не приходило в голову, что я бы хотела выбрать сама?

– Девочка моя, – мама сжала мою ладонь, я не отреагировала. – Конечно, приходило. И далеко не раз. Но я была уверена, что ты полюбишь Аида не меньше нас, а ему отчаянно нужна была та, кто разделит его ношу. Мне безумно жаль, что этот брак причинил вам обоим столько боли, но я верю, что ещё есть надежда. Все мы верим. Может быть, небольшая разлука пойдёт вам обоим на пользу.

Я молчала. Если она согласилась принять меня на полгода только поэтому – чтобы убедить меня, что брак с Аидом не так уж плох, – то мне больше нечего ей сказать. Я навеки останусь его королевой. Если даже Аид не может разорвать эти узы, то никто не в силах. Но, по крайней мере, у меня есть эти полгода, чтобы жить, как хочу, а не плакать из-за нелюбимого мужа или ненавистного царства.

Я люблю маму. Люблю нашу семью. Но чем больше я узнаю о мире вокруг, тем больше понимаю, насколько разные у нас представления о том, как будет лучше для меня. И теперь я не боюсь сказать ей "нет".

* * *

Гермес пришёл в гости тем же вечером, когда солнце уже давно село. Мама открыла ему дверь и впустила в дом. Её подозрения, скрытые улыбкой, напрягали меня. Она не улыбается так гостям – нет, такая же улыбка бывает на её лице, когда они с Герой должны мило общаться друг с другом. Я поспешила вмешаться, взяв Гермеса за руку.

– Почему бы нам не прогуляться? – спросила его, и он кивнул.

– Как раз собирался это предложить.

Я выдавила улыбку.

– Отлично. Скоро вернёмся, мам.

Не давая ей возможности возразить, я вывела Гермеса из дома и направилась прямиком в лес, где мама нас не увидит. Только тогда выдохнула.

– Прости. Она сегодня не в духе.

– Не извиняйся, – Гермес перешагнул упавшее дерево и подал мне руку. Мне не нужна была его помощь, но я всё равно приняла её. – Она надеется наладить ваши отношения с Аидом. Как и все.

– Сомневаюсь, что это возможно, – призналась я.

– Может, да, а может, нет. Но сейчас не думай об этом, потому что у меня есть сюрприз для тебя.

Я просияла. Я уже привыкла к ежедневным сюрпризам, которые устраивал Аид, но радостное волнение всё равно охватило меня. Почему-то сюрприз от Гермеса вызывал у меня больший отклик.

– Какой?

– Секрет, – ухмыльнулся он. – Но он имеет цену – твоё доверие. Закрой глаза, когда я скажу.

Я вскинула бровь.

– Ты собираешься провести меня через незнакомый лес посреди ночи?

– И хочу, чтобы ты не подглядывала.

Я театрально вздохнула. Нет, конечно, я ему доверяла, но я только-только обрела подобие контроля над своей жизнью и не готова была от него отказываться. Гермес должен это понимать.

– Ладно-ладно, – уступила ему. – Только не заблудись.

– Чтобы Я и заблудился? – он фыркнул. – Да мы скорее умрём, чем потеряемся.

– Это должно меня успокоить? – ухмыльнулась я. Давно мне не было так хорошо.

Когда лес начал редеть, Гермес остановился.

– Закрой глаза, – сказал он. Я послушалась. Сердце трепетало в груди. Пускай у него нет доступа к богатствам, как у Аида, но тем ценнее его старания.

Шаг за шагом он вёл меня, не давая споткнуться ни об корни, ни об камни. Воздух несколько изменился, когда мы вышли на луг. Чуть прохладнее, чем под лесной кроной.

– Уже можно открыть?

– Потерпи немного. Ещё пару шагов... Вот теперь можно.

Я открыла глаза и ахнула. У наших ног был разложено покрывало с фруктами, мясом и нектаром, но не от этого у меня перехватило дыхание. Ночное небо над нами сияло миллионом звёзд, которые каким-то образом стали ярче и прекраснее, чем в моей памяти. Они сверкали в полной темноте. Я опустилась на покрывало. Никогда в жизни не видела ничего волшебнее.

– Это невероятно, – прошептала я. – Ты даже не представляешь, как мне этого не хватало.

– Знал, что тебе понравится, – Гермес сел рядом. – Зевс любит вкладывать в них истории. Большинство из них связаны с нами. Например, вон та кучка звёзд – Плеяды. Одна из них названа Майей, в честь моей матери.

– А моя звезда есть? – спросила я. Гермес усмехнулся.

– Не слышал, но позабочусь, чтобы была.

Моя ухмылка сменилась задумчивой улыбкой.

– Никто никогда не делал для меня ничего подобного.

– Никто не показывал звёзды? – он протянул мне гранат. Мой любимый фрукт – Аид приносит его на завтрак каждое утро. Я покачала головой. Нет, только не сегодня. И вообще не на земле. Не хочу этого напоминания.

– Никто не делал что-то приятное для меня, не ожидая ничего взамен.

Гермес пожал плечами, но даже в темноте я заметила, как порозовели его уши.

– Это всего лишь пикник.

Нет, не всего лишь. Сколько бы ни ухаживал за мной Аид, сколько бы ни осыпал подарками, это было не то, чего я хотела. Он пытался найти что-то, что мне

понравится, но мне всё это было не нужно. А вот это – звёзды, открытое небо, вкус свободы, пускай даже временной, – всего этого страстно желало моё сердце.

Я лежала на траве, позабыв про угощения и просто глядя на небо. Гермес лежал рядом. Я наощупь нашла его ладонь.

– Я слышала, что ты сказал Аиду.

Пауза.

– Правда?

– Да, – оторвав глаза от неба, я посмотрела на него. – Спасибо тебе. За то, что вступился за меня и сказал ему то, что он должен был услышать...

– Зевс был недоволен, – признался Гермес.

– Зевс вечно всем недоволен. Я надеюсь, он тебя не наказал?

– Нет, только словесно унизил перед всем Советом. Мне не впервой.

Я провела большим пальцем по его ладони.

– Знаю, это слабая компенсация, но я бы не была сейчас так счастлива, если бы ты не поговорил с ним.

Он посмотрел на меня, на губах заиграла слабая улыбка.

– Большего мне и не надо.

Не знаю, кто сделал первый шаг, или мы оба потянулись друг к другу одновременно... Да и не думаю, что это важно. Но только что мы лежали рядом, а уже через секунду он целовал меня, а я его, и мир вокруг будто бы замер.

Это было не просто прикосновение губ – его тепло, поддержка, защита. Он готов был позаботиться обо мне, даже рискуя собственной шеей. Не потому что ему нужна моя помощь, не потому что я была обещана ему и это нельзя отменить, а потому что он видел меня настоящую, со всеми недостатками, и всё равно хотел быть со мной.

Я прижалась к нему, впервые в жизни желая быть ближе к нему. Это было совсем не похоже на мою первую брачную ночь: никакого давления, никаких ожиданий. Я хотела этого. Я хотела его.

Он не останавливал меня, а я не останавливала его. Теперь я понимала, почему Афродита столько внимания уделяет этой стороне жизни и почему Зевс снова и снова заводит романы на стороне. Это тепло, это желание, эта всеобъемлющая любовь – вот, что я должна была испытывать. Не боль, не вину, не сковывающие тело цепи. Я целовала его всё сильнее, пытаясь стать как можно ближе, и под этими сверкающими звёздами он освободил меня.

Пока у меня есть всё это, я буду свободна.

* * *

Я вернулась в коттедж на рассвете. Спутанные волосы и летящая походка. Мама бросила на меня один взгляд, и тут же помрачнела.

– Персефона, как ты могла...

Я пролетела мимо неё. Я успела искупаться в источнике, но мне нужна была расчёска.

– Не начинай, мам.

– Что значит "не начинай"? Речь идёт о твоём браке, – она не отставала от меня ни на шаг. – Милая…

– Не надо, – я резко развернулась к ней, выставляя расчёску перед собой, как меч. – Я сейчас не с Аидом. Между нами ничего не было со дня свадьбы, а сейчас у меня есть возможность делать, что хочу. Я могу заниматься чем угодно, если это делает меня счастливой.

– Даже если это разобьёт ему сердце?

Я покачала головой.

– Ты не понимаешь, мам. Он сделал свой выбор. Я же не виновата, что он любит меня. И я не виновата, что мы не можем быть счастливы в браке. Я пыталась, мы оба пытались, но у нас не получилось.

Она села на край кровати, пока я остервенело расчёсывала волосы. Только она могла испортить мне настроение после такой фантастической ночи.

– Ты вообще собираешься возвращаться? – тихо спросила она.

– Конечно, – выпалила я. – Я не брошу его, но в то же время не хочу упускать эту возможность. У меня наконец-то появился шанс стать счастливой. Почему ты не можешь принять это? Потому что это не тот счастливый конец, который ты представляла для меня?

– Потому что это вовсе никакой не счастливый конец, – мягко возразила она. – И пока ты идёшь этим путём, счастья никогда не обретёшь.

– А с Аидом, значит, обрету?

– Да. Иначе бы я даже не предлагала тебе выйти за него.

– Ты не предлагала мне выйти за него. Ты поставила меня перед фактом. И ошиблась, мам. Прости, я знаю, что тебе больно это слышать, но вы с Зевсом ошиблись. Мы не счастливы. Я не счастлива, и чем дольше мы будем заниматься этим самообманом, тем несчастнее будем в итоге. Поэтому просто оставь эту тему в покое, ладно?

Я вернулась в кухонную зону, разожгла огонь взмахом руки. Я не было голодна, и вообще нам не нужно питаться, но сам процесс готовки успокаивал меня, а возможности заняться этим не было уже очень давно. Всё должно было быть иначе. Мама должна была отнестись с пониманием, даже если ей это не нравится. Она ведь всегда так поступала: понимала и принимала. То, что произошло с Гермесом, было самым правильным моим решением. Он сделал меня счастливой. А если мама так переживает о чувствах Аида, то ему просто не нужно об этом знать. Я уж точно не собираюсь рассказывать.

– Персефона, – она опустила руку на моё плечо, но я её стряхнула. – Мы все совершаем ошибки...

– Это не было ошибкой.

– Ошибки не кажутся ошибками, когда их совершают. Я прошу тебя только об одном: не заходи так далеко, чтобы нельзя было вернуться. И причиняя боль Аиду...

– Я и так причиняла ему боль. Каждую секунду, что проводила там, несчастная, одинокая, ненавидящая весь мир, я ранила его. Сейчас, по крайней мере, я могу быть счастливой, и мы оба получили то, чего хотели.

– А чего он, по-твоему, хотел?

– Чтобы я не была так несчастна, хотя бы иногда, – я развернулась к ней. – Пожалуйста, мам. Это всё, о чём я прошу. Позволь мне быть счастливой.

Она не отрывала глаз от меня несколько долгих секунд, пока я считала удары сердца, и затем вздохнула.

– Я не собираюсь это поощрять, но и запретить не могу. Если ты так настаиваешь на том, чтобы делать, что хочешь, здесь, то я настаиваю, чтобы по возвращении в Подземное царство ты делала то, что должна. Правила рука об руку вместе с Аидом, ни на что не жалуясь, и не продолжала свои так называемые поиски счастья, будучи там. Договорились?

Я кивнула. Если это значит, что она не будет мешать мне проводить лето с Гермесом, то я согласна.

– Спасибо.

Она прижалась губами к моему лбу.

– Я тоже хочу для тебя счастья, милая, но не за счёт других. Просто будь осторожна. Ты начала опасную игру.

– Я понимаю, – я позволила ей обнять меня и положила голову на её плечо, чувствуя, как она проводит пальцами по моим волосам. – Но с ним я счастлива.

Она вздохнула.

– Тогда для твоего же блага я надеюсь, что этого будет достаточно.

* * *

Это лето было лучшим в моей жизни. Мы с мамой проводили вместе каждый день, иногда к нам присоединялся Гермес, иногда нет, но каждую ночь я проводила с ним. Мы гуляли по лесу, купались в озёрах, и я ни разу не испытывала чувство вины за то, что изменяла Аиду. В конце концов, он же сам хотел, чтобы я была счастливой.

Но это не могло продолжаться вечно, и наступило осеннее равноденствие. Мы с Гермесом договорились сделать паузу в отношениях, пока я с Аидом, хотя я всегда была рада видеть его в Подземном царстве как друга. Перспектива проводить время с Гермесом делала моё возвращение в Преисподнюю чуточку менее невыносимым.

Мама проводила меня до полянки, где меня оставил весной Аид. Он уже ждал нас там, его волосы блестели в свете утреннего солнца. Он очень красив, в какой-то степени Гермесу с ним не сравниться, но мама была не права. Время, проведённое в разлуке, не прибавило моей симпатии к нему. Стоило нашим глазам встретиться, как неумолимая горечь вернулась, будто и не проходила. Но в то же время появилось некое удовлетворение, которое мне больше не нужно было изображать. Пускай ни один из нас не сможет разрушить эту стену между нами, но, по крайней мере, мы оба можем смириться и довольствоваться своей судьбой.

– Персефона, – тихо произнёс он, протягивая мне руку. Я поцеловала маму на прощание и взяла его ладонь. – Прекрасно выглядишь.

– И чувствую себя прекрасно, – это было чистой правдой. Даже тёмная сила, окружавшая его, не могла испортить мне настроение. На душе появилась лёгкость, и, должно быть, Аид почувствовал это, потому что слегка улыбнулся мне.

– Я рад.

Перемещение в Подземный мир не было таким ужасным на этот раз, и каменный потолок не казался таким тяжёлым, потому что я знала, что это временно. Всего полгода, а потом я снова вернусь к Аиду. Я смогу это пережить.

Я думала, что мы приступим к нашим обычным обязанностям, когда вернёмся во дворец, но он остановил меня в холле перед тронным залом. Несколько секунд он ничего не говорил, глядя в пол, его лицо было каменным. Я нахмурилась. Что происходит?

– Так ты счастлива, да? С...

В груди похолодело. Гермес. Он всё знает. Неужели Аид шпионил за мной?

Нет, он бы не стал. У него есть недостатки, но подглядыванием он никогда не занимался. Это мама ему всё рассказала... Наверняка. Но зачем? Чтобы растоптать его? Заставить меня чувствовать себя виноватой? Чтобы остановить меня, не позволить мне выставлять его на посмешище?

Но я не считала его посмешищем. Как и Гермес. Я специально держала наши отношения в секрете, чтобы уберечь его от этой боли. А мама просто взяла и всё разрушила.

Я сглотнула, слова застряли в горле.

– Да, – наконец выдавила. – Я счастлива. И... это всего лишь лето, верно? Здесь, внизу, ты и я... Вместе. Это твоё время.

Он кивнул, не глядя на меня.

– Хорошо. Пока ты счастлива, мне больше ничего не нужно.

Боль, стоящая за этими словами, сжимала мои внутренности, душила меня, не давала дышать. Зачем мама так поступила? Она же должна была понимать, как это его ранит.

– Мне жаль, что мама всё тебе рассказала, – тихо произнесла я. – Я не хотела, чтобы ты знал. Я понимала, как тебя это ранит, тем более что мы не собирались продолжать, пока я здесь, и...

Он покачал головой.

– Твоя мама ничего мне не говорила.

Я моргнула.

– Тогда кто?

А кто ещё знал?

Аид молча взял меня за руку, и двери в тронный зал открылись. Ряды мёртвых развернулись к нам, а на помосте у противоположной стены рядом с троном Аида стоял Гермес.

Ну конец. Знали только я, мама и он. Зачем он рассказал? Чистосердечное признание снимает вину?

Как бы то ни было, я прожигала его взглядом, пока мы с Аидом направлялись к нашим тронам.

"Тебе обязательно было рассказывать ему?"

"Да", – услышала я его шёпот в голове. – "Я не хотел скрываться, только не от Аида".

"Ты ранил его. Сильно".

"Мы оба".

Я села на свой трон, отводя от него глаза и сосредотачиваясь на лицах мёртвых, ждущих нашего решения. Первой к нам подошла женщина и склонила голову, когда Аид обратился к ней, но я их не слушала.

"Лучше бы ты этого не делал".

"Прости. Я слишком сильно его уважаю, чтобы так обманывать за его спиной".

"Но недостаточно, чтобы держаться подальше от его жены?"

"Ты была вольна делать, что хочешь. Но я не собираюсь держать это втайне от него. Он заслуживает лучшего".

Это правда, как бы ни хотела я это отрицать.

"Он знает, что мы с тобой прекратили отношения на время, пока я здесь?"

"Да".

"И его это устраивает?"

"Насколько это вообще возможно в его ситуации. Он любит тебя. Он, как и я, хочет, чтобы ты была счастлива".

"Ты выбираешь для этого странные пути".

Гермес не отвечает. Аид, сидящий между нами, напряжён, его глаза ничего не выражают, пока он слушает рассказ женщины о её жизни. Медленно, словно это самый обыденный жест в мире, я кладу ладонь поверх его. Я не хотела причинять ему боль, но было глупо с моей стороны думать, что всё обойдётся. У всего есть последствия. Даже у счастья.

Как бы больно ему ни было, это цена, которую я готова заплатить.

* * *

Несмотря на напряжение первого дня, мы с Аидом вернулись в привычную колею обязанностей, но на этот раз с искренней дружбой между нами. Я пыталась привнести хорошее настроение, оставшееся с лета, в наше совместное времяпрепровождение. Шли годы, и я каждую весну уходила к Гермесу, и каждую осень возвращалась к Аиду.

Это было непросто, но хрупкий мир между нами тремя более-менее установился. Годы превратились в десятилетия, а десятилетия – в века, я уже потеряла счёт времени, и моими точками отсчёта были только дни равноденствия.

Но это всех устраивало. Даже Аид постепенно свыкся, и в его глазах больше не было боли, когда он встречал меня на поляне каждую осень. Вместо этого он выражал радость новой встречи, и в какой-то момент я тоже стала рада видеть его.

Я всё ещё ненавидела Подземное царство, и стена между нами оставалась несокрушимой, но понимание с его стороны сделало меня терпимей к его миру.

Так продолжалось много лет. Но однажды я зашла в обсерватории, когда все дела были закончены, закрыла глаза и сделала то, что повторяла уже тысячу раз: нашла Гермеса. До весеннего равноденствия оставалось совсем немного, и мне уже не терпелось увидеть его вновь.

Он стоял на балконе своих покоев на Олимпе, его светлые волосы сияли в солнечных лучах. Он был не один. В самом факте не было ничего такого – он очень общительный (полная противоположность Аиду) и проводит много времени с нашими братьями и сёстрами. Но на этот раз рядом с ним стояла Афродита.

Абсолютно обнажённая.

В этом тоже не было ничего необычного, но то, как она обнимала его, то, как он прикасался к ней...

Меня чуть не стошнило.

Мы с Гермесом никогда не обсуждали, чем он занимается зимой. Он знал, что я не сплю с Аидом, и всегда давал мне понять, что ждёт следующей нашей встречи. Может, конечно, так и было. Но мы не обговаривали правила наших отношений в разлуке, и у меня не было никаких оснований так злиться.

Но ведь это Афродита... Богиня, у которой есть всё. Любовь, страсть, счастливый брак, идеальная жизнь. А теперь она забирает то единственное, что было только у меня, единственную мою радость в жизни.

Но Гермес явно не возражал.

"Как ты мог", – послала я ему мысль, вложив все свои силы. Прошло некоторое время, прежде чем Гермес её получил, но его глаза тут же округлились, щёки вспыхнули, он отшатнулся от Афродиты. Она попыталась снова обнять его, но он шагнул в сторону. То есть он всё-таки понимал, что поступает неправильно.

– Персефона, пожалуйста... Я позже всё объясню.

Чёрта с два он что-то мне объяснит. Чёрта с два я стану его слушать. Что он может мне сказать? Что Афродита случайно упала в его объятья? Что это разовое помутнение? Что он скучал по мне и был так одинок, что не смог утерпеть?

"Всё кончено. Даже не приходи ко мне летом. Я разрываю наши отношения".

– Персефона? – Афродита оглянулась. – Она смотрит?

Я не стала дожидаться ответа Гермеса и вернулась в обсерваторию с такой скоростью, что впервые, с тех пор как я научилась управлять своими

способностями, у меня закружилась голова. Долгое время я сидела неподвижно, положив голову на колени, и пыталась не разрыдаться.

А чего я ожидала? Он такой же сын Зевса, как я его дочь. Измены у нас в крови. Но сколько бы раз я ни поступала так с Аидом, это всё равно было словно пощёчина – самое настоящее предательство, которое я ещё никогда не переживала.

Лицо горело, слёзы жгли глаза, но я запрещала себе плакать. Вместо это я пыталась дышать медленно и глубоко, считая каждый вдох. Гермес любит меня – в этом я не сомневалась. Но зачем он завёл роман с Афродитой? Неужели полгода – слишком долгий срок, чтобы ждать?

А может, она его соблазнила? Может, ей мало Ареса, Гефеста и Посейдона?

Да конечно, это же Афродита. Ей всегда мало: захотела – взяла, не раздумывая. Мама считала меня эгоисткой, но до сестры мне далеко.

Дверь обсерватории распахнулась и захлопнулось. Я резко вытерла сухие щёки. Мне хотелось сломать что-нибудь. Хотелось схватить шею Гермеса и сжать. Это бы его не убило, но мне стало бы чертовски легче.

– Персефона?

О, а вот и мой шанс.

Я выпрямилась, сощурив глаза на Гермесе. Он выглядел так, будто собирался в спешке: не заправленная одежда, взлохмаченные волосы. Ну, хоть не голым заявился.

– Я же сказала, что не хочу тебя видеть.

– Такого ты не говорила, – он шаркал ногами. – Ты сказала, что между нами всё кончено, но...

– А раз всё кончено, то тебе нечего здесь делать, – рявкнула я. Его лицо исказила боль.

– Да ладно тебе, Персефона. Ну прости. Это было всего один раз...

– А мне просто повезло выбрать один-единственный неподходящий момент?

– Ты никогда не говорила, что мне нельзя встречаться с другими зимой.

– Но я никогда и не говорила, что можно.

Он вздохнул.

– В чём на самом деле проблема? Ты поссорилась с Аидом?

Я уставилась на него. Он реально не понимает?

– Проблема в том, что из всех девушек и богинь на свете ты решил переспать именно с Афродитой.

– А что не так с ней?

– Это Афродита! У неё есть Арес, у неё есть Гефест, у неё есть любой, кого она захочет. А ты мой. Ты единственный, кто у меня есть, но она... Она забирает тебя у меня, как будто это просто игра...

– Никто меня не забирал, – он опустился на колено у моего кресла, не задевая меня. – Я всё ещё твой. Прости, что был с Афродитой. Ты права, я поступил неправильно, надо было сначала спросить тебя.

Я сделала глубокий, судорожный вдох.

– Это уже неважно. Между нами всё кончено.

– Персефона...

– Нет, – я встала и обошла его, едва не задев коленом. – Я была счастлива с тобой, но больше не могу. Не после того, как я узнала, что ты был с ней. Ты забрал это у меня... Вы с ней лишили меня этого счастья, и я никогда это тебе не прощу.

– Перестань, Персефона, не будь такой...

– Какой? Злой? Расстроенной? Уничтоженной? – я резко развернулась к нему. – Зачем ты так поступил? Из всех девушек в мире почему именно с ней?

Он помедлил, отведя на секунду взгляд влево.

– Потому что... Да не знаю я. Просто это Афродита. Если она хочет тебя, ей невозможно отказать.

Я сжала руки в кулаки.

– Неправильный ответ.

Я устремилась к двери, сзади послышалась суета – он встал с колена и побежал за мной.

– Слушай, ну прости меня! Она была рядом, а ты – нет. Это, конечно, было ошибкой и больше не повторится. Никогда. Я люблю тебя.

– Если бы ты правда любил меня, то и пальцем бы к ней не прикоснулся, – я распахнула дверь. – Аид бы так со мной не поступил.

Я оглянулась через плечо и увидела шок на его лице.

– Аид? Ты серьёзно решила сравнить меня с Аидом? Ты его даже не любишь. Ты не хочешь быть с ним.

– Если моя единственная альтернатива – ты, то он не такой уж и плохой вариант, – выпалила я. – Убирайся, Гермес. И не приходи сюда больше.

Собрав остатки достоинства, я вышла из комнаты и пустилась по спиральной лестнице на нижний этаж. Слёзы заполонили глаза, но к тому моменту, как я подошла к нужной двери, мне удалось их смахнуть, не пролив ни одной. Гермес

того не стоит. Я была готова отдать ему всё, а он не смог оставаться честным и верным мне...

Я была такой дурой, когда думала, что он всегда будет со мной. Никто не хотел быть со мной. Даже у мамы не осталось любви ко мне, когда она поняла, что мой брак безнадёжен, а я уже много веков провожу с Гермесом. Единственным неизменным в моей жизни оставался Аид. Как бы я с ним ни поступала, как бы себя ни вела, он был рядом со мной. Без нареканий. Всегда.

Я должна была полюбить его. Я должна была любить его так сильно, чтобы сама мысль причинить ему боль была невыносимой. Я так этого хотела, что в глубине души испытывала симпатию к нему, но стена никуда не девалась, не давая чувствам развиваться.

Я ненавидела эту стену. Будь это возможно, я бы снесла её голыми руками. Любить Аида должно было быть проще всего на свете. Он достойнейший из богов. Лучше меня, лучше Гермеса, лучше всех остальных так называемых олимпийцев. В смрадной яме из лжи и ревности только он не был запятнан за всю историю существования. А я причиняла ему боль снова и снова.

Даже не постучавшись, я ворвалась в его покои. Он сидел за столом, перебирал свитки. Я быстрым шагом приблизилась к нему, он поднял глаза.

– Персефона? – в голосе прозвучала растерянность. Неудивительно, я же ни разу не переступала порог его комнаты со дня нашей свадьбы. – Чем обязан...

Не давая ему договорить, я села ему на колени и поцеловала в губы. Не так нерешительно, как мы это делали прежде, а обжигающим поцелуем, которому меня научил Гермес. Тем самым, от которого в груди вспыхивало пламя, всепоглощающее и неугасающее. Тем самым, который требовал большего, сколько бы я уже ни получила. Таким поцелуем, от которого никто – даже Аид – не может остаться равнодушным.

И, конечно же, он не остался. Несколько долгих секунд он не двигался – не прикасался ко мне, не целовал в ответ, никак не реагировал. Но затем его руки легли на мои бёдра, а губы начали двигаться напротив моих с не меньшим пылом.

Стена внутри меня роста, как всегда тёмная и неприступная, но как бы ни кричало моё тело "остановись!", я продолжала. Его прикосновения обжигали кожу, моя ненависть сдавливала горло. Но мне было нужно это. Мне отчаянно было нужно почувствовать себя любимой, пускай даже рядом с тем, от кого меня воротит.

– Кровать, – прошептала я между поцелуями, не оставляя возможности для обсуждений. Он беспрекословно поднял меня, и я обхватила его талию ногами. Я клялась, что никогда сюда не вернусь, но он опустил меня на шёлковое покрывало. Не обращая внимания на протесты собственного тела, я притянула Аида к себе.

Не знаю, как долго мы целовались. Достаточно долго, чтобы оба успели раздеться. Достаточно долго, чтобы оказаться в шаге от того, к чему, как мы оба думали, мы больше никогда не вернёмся. Но пока мы не зашли слишком далеко, Аид разорвал поцелуй и поймал мой взгляд.

– Ты уверена? – прошептал он, и спустя секунду колебаний я заставила себя кивнуть. Он любил меня – это было видно в каждом его взгляде, это чувствовалось в каждом прикосновении, во всём. Он любил меня так, как Гермес никогда бы не смог, и я была последней дурой, когда отказалась от него, даже не попытавшись нормально. Теперь я знала, что такое любовь, и могла попробовать развить её в наших отношениях. Надо просто очень сильно захотеть.

Он снова поцеловал меня, на этот раз нежнее, но не спешил заполнить пустоту.

– Почему именно сейчас? – пробормотал он, скользя губами по изгибу моей шеи. У меня вырвался недовольный стон.

– Потому что... потому что... – голос не слушался. – Потому что я хочу этого, и ты меня любишь, и... Почему мы не можем хотя бы попытаться?

Аид снова посмотрел мне в глаза.

– А как же Гермес?

Я сглотнула. Что-то, видимо, промелькнуло на моём лице, потому что Аид нахмурился.

– Я порвала с ним. Мы можем просто?..

– Ты любишь меня? – прошептал он. Я моргнула от неожиданности.

– Я... я хочу этого, – я провела пальцами по его руке, чувствуя твёрдые мышцы под тёплой кожей. – Прошу, дай мне шанс.

Он глубоко вздохнул, будто до этого вечность не дышал.

– Я уже совершил эту ошибку однажды, – он снова поцеловал меня, на этот раз с щемящей нежностью. – Больше я её не повторю.

Внезапно я перестала ощущать на себе тяжесть его тела. Он снова оделся. Я просто лежалая, нагая и дрожащая от прохлады, и слёзы, которые я сдерживала весь вечер, потекли по щекам.

– Разве ты меня не любишь?

Он вздрогнул, не поднимая глаз от пола.

– Люблю, Персефона. Больше, чем свою вечную жизнь. И именно поэтому я не могу. Со временем, если мы придём к этому постепенно, я буду просто счастлив. Но при таких обстоятельствах, когда я не более чем отдушина для тебя... – он покачал головой. – Прости.

Я открыла рот, чтобы сказать ему, что он не просто отдушина, но не смогла выдавить лживые слова. Нет, он для меня даже не отдушина, а способ почувствовать себя любимой. Способ отомстить Гермесу. Мне было плевать, что будет с нашими отношениями, главное – забыть боль от предательства.

Но как бы я ни боялась это признавать, рана была слишком глубока, чтобы закрыть её чем-то – даже близостью с Аидом. Со мной ещё никогда так не поступали, после Гермеса в моей груди осталась зияющая дыра, которую ничем не заполнить. Я свернулась калачиком, не обращая внимания на свою наготу, и всхлипнула. Аид направлялся к своему столу, но в этот момент вернулся и коснулся моей спины. Это был жест утешения, не романтики – именно то, что мне сейчас было отчаянно нужно.

– Всё в порядке, – бормотал он, заворачивая меня в одеяло. – Всё будет хорошо.

Он мог повторять это сколько угодно, но откуда ему знать? Нет, он понятия не имел.

Я уткнулась лицом в подушку, орошая слезами тёмно-синий шёлк, но Аид не возражал. Вместо этого он лёг рядом и нежно обнял меня.

– Со временем станет легче, – прошептал он. – Сейчас в это сложно верить, но это правда.

От этих слов я только сильнее разрыдалась. Конечно, кому, как не ему, знать, каково это. Я изменяла ему много лет, но ни разу он не показал мне слабости. Он держал всю боль в себе, отказываясь вывалить всё это на меня, пускай даже я это в полной мере заслуживала. Между ним и Гермесом никогда не было соперничества. Аид никогда бы не переспал с Афродитой. У него бы даже мысли такой не возникло. Он был бы рядом со мной днём и ночью... Да он и так был, я просто не обращала на это внимания.

А теперь я словно прозрела. И чётко вижу, что мы не можем быть вместе. Я всё испортила. Я причинила ему столько боли, что мы никогда не сможем двигаться дальше. И эта стена из ненависти и отвращения – никогда не исчезнет. Из-за чего бы она ни появилась, что бы ни вызвало во мне такое отторжение с

самого начала, мы уже давно миновали момент, когда это можно было исправить. Эта стена стала частью меня так же, как любовь Аида ко мне стала частью его. Её не обойти, как бы я ни старалась. Если одной силой воли можно было бы сокрушить её, я бы нашла способ сделать это много лет назад.

Постепенно я всё-таки погрузилась в сон, и всю ночь Аид провёл рядом. Когда я проснулась, его руки всё ещё обнимали меня, а глаза были открыты. Он держал меня всю ночь, зная, что мы никогда не будем вместе так, как ему бы хотелось, зная, что я ещё не раз покину Подземное царство и снова причиню ему боль, как только затянутся мои собственные раны от предательства Гермеса.

Нет. Я так не поступлю. Больше никогда. Аид и так уже настрадался из-за меня, и какой бы несчастной я себя ни чувствовала, даже если это означает вечное одиночество, я никогда не позволю этой стене – не позволю самой себе – снова разбить ему сердце.

* * *

Сменялись века и даже тысячелетия. Каждое весеннее равноденствие Гермес ждал меня на поляне, где меня оставлял Аид, но я проходила мимо него, не говоря ни слова. И так год за годом. Со временем мы начали обмениваться взглядами, затем улыбками. После первой тысячи лет он пришёл ко мне в летний домик, и мы провели целый день, ухаживая за садом, как я когда-то делала вместе с мамой. И хотя мы возобновили общение, это было не более чем неловкая дружба.

Без Гермеса моё лето стало немногим лучше зимы. Аид построил для меня несколько домов по всему миру, и хотя я любила их все, первым и последним каждый год для меня был мамин коттедж. Однако сама она заметно отдалилась от меня. Иногда она притворялась, что между нами всё так же, как и раньше, но я чувствовала её разочарование. Все её взгляды, когда она думала, что я не вижу, и чисто формальные объятия и поцелуи – ничто не могло меня обмануть. Всё это разрушало меня сильнее, чем моя зимняя гробница.

Мы с Аидом оставались в тех же отношениях, что и раньше, только я была верна своему обещанию и не изменяла ему. Эта верность давала мне то небольшое счастье, что я только могла испытывать. Я совершала ошибки, я вела себя ужасно, но по крайней мере, сейчас я исправляюсь и больше не причиняю боли Аиду своим предательством. Мы правили вместе, рука об руку, и пускай мы не были на седьмом небе от счастья, нас всё устраивало. Я научилась ценить мелочи, находить радость в простом быте и со временем приняла свою судьбу. Теперь это моя жизнь, поздно уже что-то менять.

Так я думала, пока не встретила его.

В тот день я снова была в обсерватории, но вместо того, чтобы наблюдать за посмертием мёртвых, позволила своему разуму бродить по земле. И хотя я бы скорее умерла, чем призналась кому-либо в этом, но временами, когда мне было совсем плохо, я подглядывала за Афродитой. Пока я томилась в одиночестве, она сменяла любовников – множество мужчин, готовых умереть за неё (а кое-кто и правда это сделал). У неё было всё, о чём я мечтала. И как бы я ни пыталась убедить себя, что меня всё устраивает, моя ненависть к ней только росла.

И в то же время я не переставала наблюдать за ней. Иногда чтобы прожить вместе с ней лучшие моменты, иногда чтобы найти доказательства, что её жизнь хуже моей. Не находила, конечно же, но была пара ситуаций, когда я могла обмануться, пускай даже ненадолго.

Но это был не тот случай. Когда последние лучи закатного солнца цеплялись за горизонт, Афродита плескалась в океане с самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видела. Он был высоким и сильным, со светлой кожей и идеальными пропорциями на лице. Его улыбка казалась ярче солнца, и когда он взглянул в мою сторону – само собой, он не мог меня видеть, но всё же, – моё сердце забилось быстрее, тепло разлилось по телу от макушки до пят. Так я чувствовала себя рядом с Гермесом целую вечность назад. Так я хотела чувствовать себя рядом с Аидом.

Я влюбилась мгновенно, но не я одна. Пока я наблюдала за ними, Афродита тоже не могла отвести от него глаз. Во что бы они ни играли, она старалась не разрывать прикосновение, будто опасаясь, что он может исчезнуть. Может, так и есть. Может, это просто какая-то иллюзия. Как ещё можно объяснить существование кого-то столь прекрасного, если только он не бог?

Он повалил её на песок и принялся щекотать, от её счастливых визгов у меня разболелась голова. Ну вот, она снова победила. Очередной парень у её ног – на этот раз самый совершенный из всех, кого я когда-либо видела, – и Гефесту словно бы никакого дела до этого. Не удивлюсь, если он только сильнее полюбит её завтра, потому что он просто такой, какой есть. Как Аид.

– Адонис! – воскликнула она, смеясь. – Адонис, нет, мне надо возвращаться. Уже поздно.

– Возьми меня с собой, – прошептал он, целуя её, и она снова растаяла в его руках. Обычно в такие моменты я отвожу взгляд или исчезаю, но в этот раз кое-что зацепило моё внимание.

Адонис. Так, значит, его зовут. Я шёпотом повторила это имя, прокатывая гласные на языке, и улыбнулась. Идеальное имя. Идеальная внешность. Идеальный Адонис. Он безумно понравился мне.

– Ммм, ты знаешь, я бы взяла, но папочка меня убьёт, – ответила Афродита, прерываясь на ещё один поцелуй. – Я серьёзно... Мне пора. У нас собрание Совета.

Я моргнула. Адонис знает, что она богиня? Нет, мужчины часто подозревают это, когда общаются с ней, но чтобы так открыто упоминать Совет...

– Ладно, – он отпустил её, поцеловав последний раз. – Но мы же можем увидеться сразу после?

– Скоро, – пообещала она. – Меня ждёт муж, ты же знаешь.

Он ухмыльнулся, она послала ему воздушный поцелуй и через мгновение исчезла. Адонис продолжал смотреть на то место, где только что стояла она. На его лице было мечтательное выражение. Должно быть, представлял их будущее вместе, которого никогда не будет. Особенно если он действительно смертный. У него ни шанса.

Не раздумывая дважды, я перенеслась через барьер между нами и появилась на том же самом месте, где только что был Афродита. Глаза Адониса распахнулись, он часто заморгала.

– Кто ты? – спросил он, но не отпрянул. Уже что-то.

– Персефона. Я не собиралась вмеши...

– Персефона? Королева мёртвых? – он отшатнулся. Чёрт. – Я умираю? Это наказание за то, что я был с богиней любви?

Я фыркнула.

– Я тебя умоляю. Если бы каждый, кто с ней спал, сразу же умирал, в мире не осталось бы мужчин. Прости, не хотела тебя напугать. Я здесь не для того, чтобы забрать тебя в Подземный мир или ещё что-то... – что ж, ему хотя бы хватает здравого смысла бояться смерти. – Я просто...

И что мне ему сказать? Что я подглядывала за ним и Афродитой? Что он самый красивый мужчина на свете? Что меня пленила его улыбка, этот его внутренний свет, тепло и любящее сердце... что я хотела кусочек этого счастья себе, пускай даже крошечный?

Да-да, конечно. В любовь с первого взгляда верила Афродита, не я.

Не стоило мне приходить.

Но при мысли уйти от него и вернуться в Царство мёртвых сердце протестующе сжалось. Я его совсем не знаю, но в то же время, чем больше смотрю,

тем ближе он мне кажется. В его голубых глазах я видела всё, о чём мечтала, и не могла отвести взгляд.

– Ты просто что? – его голос прозвучал мягче, словно он тоже почувствовал это притяжение, которое испытывала я. Может, так и было. А может, это очередная уловка Афродиты с целью унизить меня на глазах у всех.

Я должна была уйти. Или придумать какую-нибудь нормальную причину, почему я здесь. Я сделала глубокий вдох, перебивая варианты. Их было не так уж много. Мне было проще броситься в бездонную пропасть Тартара, чем уйти от него.

– Ты показался мне... одиноким, только и всего. Прости. Тебе нечего бояться.

Он внимательно смотрел на меня. Небо за его спиной постепенно окрашивалось в фиолетовый. Он расслабился.

– Нужно хорошо знать, что такое одиночество, чтобы заметить его в других.

– Да, точно. Ну, не так уж много желающих рвутся на мои вечеринки в Подземном царстве.

Мои слова вызвали у него улыбку – такую же притягательную, как ту, что он подарил Афродите. Может, даже сильнее, потому что она предназначалась именно мне.

– Я Адонис, – он шагнул ко мне и, поколебавшись мгновение, взял меня за руку, чтобы поцеловать костяшки. – Боюсь, я не знаю, как правильно обращаться к королеве.

– Мы не в моём царстве, – отмахнулась я. – Зови меня просто Персефона.

Строго говоря, это не было правдой. До весны ещё оставался месяц, обязанности царицы Преисподней всё ещё на мне, но Адонису об этом знать необязательно.

– Что ж, просто Персефона, для такого ничтожного человечишки, как я, огромная честь и радость познакомиться с такой красавицей.

Я зарделась.

– Да ладно тебе. Я же знаю, что ты знаком с Афродитой.

– И всё же я сказал правду.

Неудивительно, что он так понравился Афродите. Он мог очаровать даже Цербера.

– Ты живёшь где-то поблизости? – спросила я, и он кивнул.

– Афродита привела меня сюда, чтобы защитить. От чего именно – боюсь, не знаю.

Я знаю. Одного взгляда на Адониса достаточно, чтобы понять, что Афродита боится, как бы кто его не увёл.

– А где на самом деле твой дом? Твоя семья?

Он пожал плечами и взял меня за руку так просто, будто каждый день так делает.

– У меня их нет.

– Ох, мне жаль.

Адонис покачал головой, и его золотые кудри упали на глаза.

– Не стоит. Тем больше времени, чтобы провести его с тобой. Я не знаю, едят ли богини. Могу я пригласить тебя на ужин?

Мне стоило отказать. Аид заметит, что меня долго нет, а я обещала самой себе, что никогда больше не обману его. Но рядом с Адонисом я словно бы парила: один взгляд, одна улыбка – и всё плохое исчезало. Этого ощущения мне сильно не хватало с тех пор, как я рассталась с Гермесом. Этого я хотела больше всего на свете. И как бы сильно я ни любила Гермеса, он не шёл ни в какое сравнение с Адонисом.

– Да. Думаю, я могла бы задержаться на ужин.

Он просиял и мазнул губами по моей щеке. Место, куда он меня поцеловал, горело.

Адонис повёл меня к лесу, я крепко держала его за руку. Ничего страшного, если я пропущу один вечер с Аидом. Я компенсирую это, задержавшись на день весной в Подземном царстве или ещё как-нибудь. Но ничто – даже муки совести – не заставит меня сейчас уйти от Адониса.

* * *

Каждый вечер, после того, как мы с Аидом заканчивали наши дела, я приходила к Адонису. Иногда я оставалась на несколько минут, иногда – на несколько часов, всячески стараясь не пересечься с Афродитой. Но она всё реже встречалась с Адонисом, постоянно сетуя на то, что Арес или Гефест требуют её внимания. Адонис никогда не жаловался, а она не задавалась вопросом почему.

Хотя причиной тому была я. Время, проведённое с Адонисом, было самым счастливым, и судя по тому, как его глаза загорались при виде меня, он считал так же. Вместе мы гуляли по острову, держась за руки, и болтали обо всём. О моей жизни, о его, о роли Совета в жизни смертных – Афродита рассказала ему намного больше, чем нам разрешается говорить смертным, но оттого с ним было только

про обещаться. Меня не сковывали никакие правила, ведь она уже все нарушила, а Адонису нравилось слушать мои рассказы о богах.

Смертные уже слагали легенды о моей семье – некоторые правдивые, некоторые приукрашенные, некоторые откровенно нелепые. Адонис с огромным удовольствием пересказывал их мне. Мы даже придумали игру: он изменял имена, а я должна была догадаться, о ком из моей семьи речь. Никогда в жизни я так громко не смеялась, как вместе с ним.

Но при этом я ни разу его не целовала. И хотя мы держались за руки, он не намекал на большее. Я всё равно не могла себе этого позволить, потому что зима ещё не закончилась. Это время Аида. То, что я сбегала на остров, само по себе уже было предательством. Нельзя усугублять ситуацию, каким бы привлекательным ни был Адонис.

Я безумно ждала прихода весны. Мы говорили о коттедже моей мамы и как мы можем построить свой собственный домик. У Адониса никогда не было своего дома – во всяком случае, такого, который он выбрал себе сам, – и его вдохновляла идея побывать в моей летней резиденции. По мере приближения весны я всё чаще представляла себе, как покажу ему свой дом и проведу с ним всё лето. Он же, в свою очередь, никогда не скрывал своего восторга от такой перспективы.

Эта была его лучшая черта – честность, открытость. После тысячелетия лжи и тайн моей семьи, которых не удавалось избежать даже в Подземном царстве, какое же облегчение не подвергать сомнениям каждое его слово. Он был самим совершенством. Даже если мы не могли стать кем-то большим, чем просто друзьями, это всё равно намного больше, чем я когда-либо смела мечтать.

И всё же я хотела большего. Отчаянно желала поцеловать его, прикоснуться к его внешней красоте и насладиться ей так же, как внутренней. Мы идеально подходили друг другу во всех смыслах, и при первой же возможности я намеревалась увести его у Афродиты и дать ему ту жизнь, о которой он мечтал. Ту жизнь, которую он заслуживал. Жизнь, которую мы оба заслуживали.

За несколько дней до весеннего равноденствия мы с ним сидели на пляже, наши пальцы были переплетены, и мы вместе смеялись над историей из его детства. Я так увлеклась, что потеряла бдительность и счёт времени. Только по лицу Адониса я поняла, что что-то не так.

Я обернулась. Босиком на песке со скрещенными руками на груди, нахмурив свои красивые бровки, стояла Афродита.

Красота.

– Не знала, что весна уже наступила. Что ты здесь делаешь? – спросила она до противного сладким голосочком.

– Общаюсь с другом, – ответила я, даже не пытаясь строить из себя дружелюбие. Адонис прекрасно знал, как я к ней отношусь. – А ты что здесь делаешь? Изменяешь дюжине своих любовников?

Она хмыкнула.

– Всего дюжине? Ты меня сильно недооцениваешь. Привет, любимый, – обратилась она к Адонису. – Персефона докучает тебе? Я могу прогнать её, если хочешь.

– Прогнать? – возмутилась я. – И как ты это сделаешь? Сдуешь воздушным поцелуем?

– Разве тебя не ждёт муж? – огрызнулась она.

– А тебя?

Афродита фыркнула.

– Он прекрасно знает, где я. А вот в твоём случае, готова поспорить, Аид даже не догадывается, куда ты ушла. Ты ведь знаешь, кто она, Адонис? И кто её муж? От него зависит твоя жизнь после смерти. Уверен, что хочешь рискнуть?

Адонис посмотрел на наши переплетённые пальцы. По крайней мере, он не пытался от меня отстранится. Но вместе с тем он ничего не ответил. Я сжала его руку.

– Мы с Адонисом просто друзья, – желание повыдёргивать её волосёнки росло с каждой секундой, и мне требовал вся моя выдержка, чтобы удержаться на месте. – Хотя он собирается провести со мной лето.

– Неужели? – Афродита подняла бровь. – И кто это решил?

– Сам Адонис.

Она запыхтела от негодования.

– У тебя нет никакого права приходить сюда и уводить его у меня, как...

– Как кто? Как ты увела у меня Гермеса?

Она горько усмехнулась.

– Так вот зачем ты это делаешь? Из-за Гермеса? Это же было несколько тысяч лет назад.

– Я делаю это, потому что Адонис мой друг и я люблю его, – ответила я со всей гордостью и достоинством, что во мне были. – Это его жизнь, и не тебе решать за него.

– Адонис, скажи ей, – потребовала Афродита, не сводя с меня глаз. Я смотрела на неё в ответ. – Адонис!

К моему огромному удовольствию, Адонис ничего не ответил. Я ухмыльнулась, хоть это и было мелочно с моей стороны, но Афродита недовольно взвизгнула, распугав ближайших чаек.

– Папа! – закричала она, и, хотя небо ещё секунду назад было чистым и ясным, тут же прогремел гром. Адонис округлил глаза и хотел подняться, но я мягко удержала его на месте.

– Всё в порядке, – шепнула я. – Он тебе ничего не сделает.

Надеюсь.

Молния сверкнула, и в мгновение ока появился Зевс. Он бы точно не явился так быстро, если бы позвала я. Стоя на равном расстоянии от нас обеих, он нахмурился и сложил руки на своей широкой груди.

– Могу я узнать, что здесь происходит?

Афродита бросилась в слёзы. И, разумеется, она выглядела прекрасно, даже когда плакала. Ненавижу её.

– Пе... Персефона хочет увести у меня Адониса!

У меня упала челюсть.

– Что, прости? Он хочет остаться со мной и имеет полное право распоряжаться своей жизнью сам.

– Он выбрал меня задолго до того, как ты объявилась, корова.

– Корова? Ах ты, маленькая капризная...

– Девочки, хватит, – Зевс вздохнул и потёр переносицу. – Афродита, расскажи по порядку.

Она шмыгнула носом и расправила плечи, глядя на меня исподлобья.

– Мы с Адонисом давно уже вместе. Мы любим друг друга и идеально подходим друг другу.

– Если всё так замечательно, то зачем ты держала его в плену на этом острове? – перебила я.

– Я не держала его в плену. Я пыталась его защитить.

– От чего? От других девушек, которым бы не пришлось разрываться между ним и другими любовниками? – огрызнулась я.

– Персефона, – предупреждающе одёрнул Зевс, и я надулась. Как же это несправедливо! Не только по отношению ко мне, но и к Адонису. Очевидно же, что

он не станет перечить богам. Не могу его винить – даже я порой боюсь отца. И не представляю, как чувствует себя простой смертный в его присутствии.

– Я держу его здесь, чтобы защитить от Ареса, – объяснила Афродита. – Он в последнее время ведёт себя несколько ревниво, не хочу доводить дело до драки.

Как будто мало мужчин переубивали друг друга из-за неё за все эти годы её существования. Я сжала ладонь Адониса в обеих своих. К чёрту приказы Зевса. Я не стану молчать, только не в этом случае.

– Так ты не просто держишь его здесь, как какую-то личную зверушку, но ещё и подвергаешь опасности его жизнь. Что же это за любовь такая?

Лицо Афродиты побагровело.

– Да как ты смеешь...

– Тихо, обе! – прогремел голос Зевса, и даже Афродита послушалась. – Адонис... Так тебя зовут, да?

Он сглотнул и кивнул, не поднимая глаз. Он так сильно сжал мою руку, что мог бы сломать кости, если бы я не была богиней.

– Что бы выбрал ты, Адонис?

Я ахнула. Выбор. Хотя бы это ему дали. Я слегла похлопала его по руке.

– Всё в порядке, – шепнула я. Афродита возмущённо топнула ножкой. Ситуация не очень.

– Я... – он запнулся и замотал головой, глядя на песок. В чём дело? Он боится, что Афродита проклянёт его, если он её не выберет?

Наверное. Она действительно может.

– Это твоя жизнь, – прошептала я. – Помни это.

Но он продолжал молчать. В итоге у Зевса закончилось терпение.

– Так, ладно, тогда решу я. Раз молодой человек не высказал свою позицию, то я собираюсь время поровну между вами обеими. Адонис будет проводить треть года с Афродитой, треть года с Персефоной и ещё треть – по своему усмотрению. Все довольны?

Нет, ничуть. И судя по хмурому виду Афродиты – она тоже. Но мы обе кивнули, Адонис всё так же молчал. Даже не моргал.

– Да будет так. А теперь, если мои милые дочери не возражают, я отправляюсь на дела поважнее, – и не дожидаясь ответа, он испарился. Адонис моментально расслабился.

Я развернулась к Афродите. Я много чего хотела ей высказать, но вместо этого выпалила:

– Почему Зевс не разозлился, что ты рассказала Адонису, кто ты такая?

Афродита пожала плечами, явно уставшая от всей этой ссоры.

– Потому что я уговаривала папочку сделать Адониса одним из нас, конечно же. Но тебе обязательно надо было прийти и всё испортить, да?

Я фыркнула.

– Что я испортила? Это ты лишила его права выбора.

– Персефона, – голос Адониса был хриплым, но, по крайней мере, он уже не сжимал мою руку до боли. – Я прошу прощения у вас обеих, что промолчал. Я просто...

– Не стоит извиняться. Мы все знаем, каким грозным умеет казаться папочка, – подбодрила его Афродита, но затем сверкнула глазами в мою сторону. – Теперь, когда папа озвучил своё решение, нам надо поделить, кому какое время.

Я нахмурилась. Наверняка она хочет, чтобы я взяла зимние месяцы.

– Я буду с ним начиная с весеннего равноденствия. Всю весну и первый месяц лета.

Она долго смотрела на меня, и я уже была готова ругаться, но тут она кивнула:

– Да, отлично. Я тогда беру следующую треть года, а затем Адонис может делать всё, что захочет, в оставшиеся четыре месяца.

Я моргнула. Так просто? Никаких возражений?

– Что за игру ты затеяла, Афродита?

– Игру? – она округлила глаза, строя из себя саму невинность. Явный признак того, что она врёт и не краснеет. – Что плохого в том, что я хочу дать сестре шанс побыть счастливой?

Сложно что-либо ответить на это, не выставив себя чудовищем на глазах у Адониса. Но со временем я разгадаю её замысел и тогда порву её на кусочки.

– Хорошо, – я развернулась к Адонису. – Тогда в день весеннего равноденствия мы с тобой отправимся в моей коттедж. И Афродита будет обходить нас за километр.

Она фыркнула.

– Без проблем, если только ты пообещаешь никогда больше сюда не возвращаться. Это мой остров, не твой.

– Ладно.

– Ладно.

Мы прожигали друг друга взглядами. Война ещё не окончена, но пока что у нас нет другого выбора, кроме как объявить перемирие. Я скоро разгадаю её план,

и тогда я уже не позволю ни ей, ни Зевсу, ни кому бы то ни было разрушить моё счастье с Адонисом.

* * *

Утром в день весеннего равноденствия Аид перенёс меня на поляну, как и тысячу раз до этого. Я потянулась поцеловать его в щёку на прощание, но он внезапно напрягся.

Я нахмурилась и оглянулась через плечо. На поляне, как и договаривались, стоял Адонис. И Гермес. И мама.

Ужас.

– А это, я так пониманию, Адонис? – тихо спросил Аид. Я побледнела.

– Да, – кто ему рассказал? Афродита или Зевс? Хотя какая разница. – Мы просто друзья.

– Пока что, – негромко произнёс он, и я всё-таки чмокнула его в щёку.

– Увидимся в день осеннего равноденствия. Береги себя.

Он продолжал стоять неподвижно, пока я пересекала поляну, уходя всё дальше от него. Чувство вины нарастало в моей груди. Да, мне стоило ему признаться, но это же моё свободное время. Тем более сказать заранее ничуть не легче, чем постфактум. Ему и так, и так будет больно.

Я спокойно прошла мимо Гермеса. Он нахмурился, но, к счастью, ничего не сказал. Ситуация и без того уже крайне неловкая, не хватало ещё его вмешательства. Вместо этого я подошла к Адонису, взяла его за руку и улыбнулась. Он тоже приподнял уголки губ, хоть и неуверенно, и бросил нервный взгляд через моё плечо. На Аида, естественно.

– Всё в порядке, – сказала я и повела её к маме. – Я хочу познакомить тебя с моей мамой, Деметрой. Мама, это...

– Я знаю, кто это, – тихим напряжённым голосом перебила мама. Вместо того, чтобы радушно его встретить, как я надеялась, она презрительно скривила губы, когда он поклонился перед ней. – Я думала, ты уже оставила это в прошлом, Персефона.

– Что "это"? Поиски друзей? Попытки стать счастливой?

– Чудовищное издевательство над собственным мужем, – ответила мама. Адонис резко выпрямился. Я коснулась его локтя. Ему нет необходимости расшаркиваться перед ней, если она так грубо себя ведёт.

– Это ты настояла на браке, который превратился в одно сплошное издевательство. Не хочешь быть на моей стороне – не надо, мне не нужна твоя поддержка. Могла бы и вовсе не приходить.

Не знаю, чего я ожидала: потока оскорблений, усмешки или слёз с мольбами о прощении... Но я точно не ожидала, что она просто сложит руки, небрежно кивнёт Адонису и исчезнет.

Из моих лёгких будто выбили весь воздух. Я продолжала пялиться на пустое место, где только что стояла она. Да, мама нередко злилась на меня, и её разочарование мной порой становилось невыносимым. Но она ещё никогда не отворачивалась от меня. Вот так просто.

– Мне жаль, – шепнул Адонис, коснувшись губами моего виска. Сочувствие в его голосе только усилило боль в груди.

– Не стоит, – он не должен страдать из-за моих ошибок. – Пожалуйста, давай уйдём.

– Хорошо, – пробормотал Адонис, ведя меня по тропе, по которой я ходила уже тысячу раз. Я шла за ним, разбитая и опустошённая, и даже тепло его ладони не приносило утешения.

Я думала, что знаю всё об одиночестве, но только сейчас, идя по этой тропе без мамы, я внезапно поняла. Даже в самые тяжёлые времена мама всегда была рядом. Она любила и поддерживала меня, как бы часто и сильно мы ни ругались. А теперь...

А теперь единственная живая душа, которая была мне нужна, та, что, как я думала, всегда будет со мной, покинула меня.

* * *

Это лето было одновременно лучшим и худшим в моей жизни.

Дыра, появившаяся с маминым уходом, только росла с каждым днём, когда уже было понятно, что она не одумается и не вернётся. но в то же время эти четыре месяца с Адонисом дали мне то, чего у меня никогда не было прежде. Каждое мгновение было настоящим приключением – я знала лес вокруг коттеджа как свои пять пальцев, но каким-то образом Адонису удавалось найти в нём что-то новое – пускай небольшое, но прекрасное, что я упускала из виду раньше. Дикий сад, полный экзотический цветов, хаотично переплетённых друг с другом. Дерево, такое древнее и скрюченное, что не удивлюсь, если оно на самом деле старше Зевса. Адонис заново познакомил меня с тем, что я давно потеряла: теплом солнечных лучей, согревающих кожу; с мурашками по коже при купании в

прохладной реке. Он вернул мне частички моей жизни, по которым я дико скучала и даже не осознавала этого.

Невозможно отрицать, что Адонис поразительно красив, но чем больше я узнавала его, тем больше понимала, что его внешность – лишь отблеск богатства его души. Он добрый, щедрый, искренний. И несмотря на то, что Афродита добралась до него своими вездесущими ручками, в нём есть некая невинность, утраченная мной с тех пор, как я вышла замуж несколько тысяч лет назад. Он целиком состоял из любви – она исходила от него двадцать четыре часа в сутки. Я купалась в ней, и она переполняла меня, вытесняя весь негатив. И по истечении четырёх месяцев я как никогда чувствовала себя довольной своей судьбой. Вся моя жизнь – даже самые ужасные её моменты – стоила того, потому что в итоге судьба свела меня с Адонисом.

В середине лета явилась Афродита, чтобы забрать его. Стоит отдать её должное, она вела себя довольно прилично и дружелюбно, только один раз ухмыльнувшись мне, когда Адонис отвернулся. Но как только они ушли, едва зажившая рана в моём сердце снова открылась, и, подобно кровотечению, меня покинуло всё счастье, что накопилось во мне за последние четыре месяца.

Я плакала навзрыд как никогда прежде. Теперь, когда нет Адониса, ограждавшего меня от боли, я целыми днями лежала калачиком в кровати и смотрела в стену, осознавая горькую правду моей жизни.

Мама меня ненавидит. Я снова изменила Аиду. Гермес почти со мной не разговаривает. А единственный лучик света в моей жизни забрала у меня блондинистая шлюха, которая даже не способна полюбить его так, как я. Он для неё не более чем игрушка, и пока он с ней, у него нет даже права голоса, как у меня не было в браке с Аидом...

Это было несправедливо, но я ничего не могла с этим поделать. Зевс принял решение за нас всех, и раз Адонис побоялся высказать своё мнение, то будем довольствоваться тем, что есть.

Признаюсь, я за ними следила, хоть и не горжусь этим фактом. Он не целовал её так, как меня: не смотрел так, как на меня. И каждый раз, когда Афродита смеялась, – клянусь, он морщился.

Это должно было принести мне некое удовлетворение, но на самом деле только расстраивало. Адонис мог бы иметь то, чего лишена я, – свободу. Однако вместо этого в своих поисках счастья я отняла её у него. Делает это меня такой же плохой, как Аид? Такой же, как мама и Зевс?

Постепенно лето сменилось осенью, и пришло время мне вернуться в Подземное царство. Аид встретил меня на поляне, как всегда, но вместо того, чтобы улыбнуться и поцеловать меня в щёку, он только холодно кивнул и молча взял меня за руку. Через что бы он ни прошёл за эти шесть месяцев, какие бы мысли и вопросы ни терзали его, это всё разрушило тот немногий прогресс в наших отношениях, которого нам удалось добиться за тысячелетия после моего расставания с Гермесом. И ненависть к себе сильнее прежнего охватила меня, только глубже погружая меня в пучину отчаяния. Я не заслуживала дружбы Аида. Не заслуживала Адониса, после того как с ним поступила. Не заслуживала ничего хорошего.

Следующие месяцы, проведённые в Подземном мире, слились в одно пятно. Я продолжала влачить существование, но некая неотъемлемая часть меня полностью исчезла. Аид перестал проводить со мной вечера. Он больше не приносил мне завтраки. Ему было невыносимо смотреть на меня, даже когда это было необходимо, даже когда судьба смертного зависела от нашего обсуждения. И обещанные четыре месяца с Адонисом впереди не приносили облегчения.

После нескольких недель наблюдения за Адонисом и Афродитой я перестала это делать, поскольку мне больно было видеть его таким несчастным. Но затем её время с ним подошло к концу, и незадолго до весеннего равноденствия я не удержалась и решила проверить, как там Адонис.

Он стоял в незнакомом мне ручье, ловил рыбу в сети. Я смотрела на него, оставаясь невидимой. Видеть его – свободного и счастливого – уже достаточно для меня, чтобы улыбнуться. Четыре месяца – это не вечность. Когда-нибудь он наскучит Афродите. Но не мне. Рано или поздно его смертная жизнь подойдёт к концу, и тогда он навсегда останется со мной. Афродита не сможет даже приблизиться к нему в Подземном царстве.

Позади меня кто-то хихикнул, и ледяная волна ужаса обрушилась на меня, смыв всё тепло, расцветавшее в груди. Сейчас ведь были его четыре месяца свободы, и я видела доказательства того, что он не любил её, но несмотря на всё это, из леса с заправленным за ухо цветком вышла Афродита.

– Адонис! Вот ты где? – она шагнула к нему в ручей и положила руку на его обнажённую спину. – Есть улов?

Он покачал головой.

– Был близок, но нет.

– Ну, я тогда попрошу нимф приготовить нам ужин, – пробормотала она. – Умираю с голоду.

Поднявшись на носочки, она поцеловала его в губы, рука скользнула ниже. Её голод уж точно никак не был связан с едой.

Я убью её.

Это время Адонису полагалось провести на своё усмотрение, а не опять с ней. Почему он позволил ей? Он же мог просто отказать ей и уйти.

Скорее всего, по той же причине, почему он не ответил на вопрос Зевса. Смертные, у которых есть инстинкт самосохранения, не перечат богам. Даже таким слабым, как Афродита.

Я не колебалась ни секунды. Просто перенесла своё тело через пространство, как сделала это почти год назад, и на этот раз Афродита не выглядела удивлённой ни на грамм.

– А я всё гадала, когда же ты сунешь свой нос не в своё дело, – прощебетала она, приобнимая Адониса за талию. Он побледнел при виде меня и даже попытался отшагнуть от Афродиты, но она держала его крепко. Естественно. Не может же она допустить, чтобы её игрушка имела собственное мнение. Оно может уязвить её самолюбие.

– Ты не обязан проводить эти месяцы с ней, – обратилась я к Адонису, стараясь говорить максимально ровно. – Ты же это понимаешь?

Он кивнул и отвёл взгляд. Рыболовная сеть уже никого не интересовала.

– Прости.

– Не извиняйся, – ответила ему, прожигая взглядом Афродиту. – Уверена, это была не твоя идея. Так почему же ты с ней?

– Не могла же я просто бросить его посреди зимы? – театрально округлила глаза Афродита.

– Он должен был провести эти четыре месяца один. Таков был уговор.

Она наклонила голову вбок и фальшиво улыбнулась.

– Разве? А мне помнится, папуля сказал, что Адонис может провести эту треть года по своему желанию. И голодной смерти он предпочёл остаться со мной.

Хитрая стерва. Я подняла руку, чтобы ударить её, но какая разница, если она всё равно не почувствует боли?

– Так вот почему ты так легко уступила мне первые четыре месяца... Чтобы потом обманом провести с ним остаток года.

Она рассмеялась.

– Естественно. Слушай, он же всё равно не может пойти к тебе, так почему бы ему не провести время со мной? Он любит меня.

– Не так, как меня, – огрызнулась я.

– Да неужели? Адонис, расскажи Персефоне, как сильно ты меня любишь.

Он скривился, избегая встречаться глазами с нами обеими. По крайней мере, он вырвался из хватки Афродиты, и, взяв сети, молча вышел на берег.

Ладно. Если он не хочет говорить за себя, то я выступлю в его защиту.

– Вот видишь? Он даже не отвечает тебе, – я выпрямилась в полный рост. – А меня он любит без всяких уловок. Если бы я только могла остаться здесь...

– Но ты не можешь, – перебила Афродита. – Неужели не понимаешь? Гефест знает о моих интрижках. Он знает, что мне это нужно, чтобы оставаться самой собой, и принял эту часть меня задолго до нашей свадьбы. Но не Аид. Несмотря на всё, что ты ему сделала, он любит тебя. Любит так давно, что эти чувства стали такой же частью его самого, как и Подземный мир. Но даже имея его безусловную, безграничную любовь, ты просто берёшь и отворачиваешься от него, причиняя боль самым что ни на есть жестоким образом.

Я открыла рот, чтобы возразить ей. Ярость закипала во мне быстрее, чем я могла бы выплеснут её, но Афродита не унималась. Она подходила всё ближе и ближе ко мне, уже чуть было не касаясь меня носом, и я едва держалась, чтобы не накинуться на неё.

– Ты эгоистка, Персефона. Самое эгоистичное существо, которое я когда-либо встречала. Из-за тебя страдает Деметра. Из-за тебя страдает Гермес. Из-за тебя так сильно страдает Аид, что от него осталось лишь бледное подобие того бога, каким он был до того, как ты вырвала его сердце и бросила на съедение псам. Ты причиняешь боль окружающим снова и снова. И хуже всего то, что тебе плевать. Можешь сколько угодно кричать на весь мир, как ты любишь Адониса, но ты никогда не сможешь быть с ним полностью. И однажды ты заставить его страдать так же, как и всех остальных своих близких. Я этого не допущу.

Я молча смотрела на неё распахнутыми глазами. Все слова, которые я хотела бросить ей в ответ, растворялись на языке. При всех её недостатках Афродита хорошо разбиралась как в любви, так и в людях. Она видела и хорошее, и плохое, могла взвесить их на чашах весов, прежде чем судить. И если такой меня видит самая лояльная к чужим недостаткам богиня...

Может, всё дело в нашем соперничестве. Может, она видела мою ненависть к ней. Может, она просто хотела победить. Но как бы то ни было, она бы не стала говорить всего этого, если бы искренне так не считала.

Тяжесть её слов обрушилась на меня, и теперь я стола перед ней – дрожащая, раскрытая, уязвимая – и не знала, что ответить. Совет тоже видит меня такой? И Аид? А мама... она тоже так считает?

Может, они и правы?

– Я... Мне лучше уйти, – в горле застрял ком, но я нашла в себе остатки сил, чтобы добавить: – Ослабь поводок, Афродита. Дай Адонису свободу. Если ты правда его любишь...

Не договорив, я покачала головой и, не оставляя шанса продолжить сыпать соль на раны, переместилась обратно в Подземное царство. Обратно к Аиду.

В мир, которому я принадлежу.

* * *

Я провела в обсерватории остаток ночи, не возвращаясь в свои покои. Аид всё равно не заметит. Даже если бы вдруг он решил зайти ко мне, что вряд ли, я не хотела его видеть. Мне нужно было побыть одной.

Я прокручивала слова Афродиты в голове снова и снова, без остановки. Она была права, и я ненавидела себя за это. Ненавидела себя за всё. Но в то же время она не понимала... Не видела всей картины – той жизни, на которую я была обречена, и всех вещей, которых я была лишена. Она была любима всеми вокруг, куда бы ни пошла. А я... Я была той, кого все боятся, – царицей Подземного мира. Никто не хотел меня видеть. И в те редкие моменты, когда я поднималась в мир людей, они все бежали прочь от меня. Кроме Адониса.

Для Афродиты он был не более чем необыкновенно красивой игрушкой, но для меня он олицетворял всё, чего я была лишена прежде. Афродита не понимала этого – куда уж ей, если её мир преисполнен любви? Она никогда не останется одна. Ей не грозит вечность в одиночестве с разбитым сердцем. А для меня это реальность. И как бы хорошо она ни умела судить других, мою трагедию ей просто не понять.

К наступлению утра больше всего на свете я хотела защититься, оправдаться. Несколько минут я спорила сама с собой, стоит ли возвращаться на поверхность, чтобы высказать ей всё, но в итоге решила, что ни к чему хорошему это сейчас не приведёт. Мне нужно, чтобы она поняла меня. А для этого мои аргументы должны быть безукоризненными.

Я заставила себя прийти в тронный зал к назначенному времени. Когда вошёл Аид, я уже сидела на своём месте. Судя по его взгляду, ему известно, что я провела эту ночь не в своих покоях. Я сделала мысленную заметку прояснить этот момент позже. Он заслуживает знать правду. Заслуживает извинений.

Мы приступили к вынесению приговоров. Эти обязанности уже давно превратились в рутину. Обычно мы выслушивали смертных, не веривших в загробную жизнь или веривших, но слабо её представлявших. Среди взрослых иногда встречались и дети – решать их судьбу было тяжелее всего, ведь они даже не успели толком пожить. Когда-то давно мы с Аидом сошлись во мнении, что им всегда будут дарованы счастливейшие воспоминания, даже если сами они считали, что достойны гореть в аду.

Тронный зал сегодня был забит полностью, и к вечеру мы едва успели выслушать половину пришедших. У меня и Аида были и другие обязанности, разумеется, но мы никогда не прерывали слушания. Я украдкой бросила на него взгляд, пытаясь отыскать признаки усталости, но он как всегда держался стойко. Я же была слишком взбудоражена ссорой с Афродитой.

К месту, через которое прошло бесчисленное множество душ, подошла женщина с длинными вьющимися волосами. Её руки дрожали, когда она нерешительно смотрела на нас.

– Я знаю, что за свои проступки я должна вечность танцевать на раскалённых углях с самим дьяволом, – произнесла она голосом таким же дрожащим, как и её руки. – Но молю о милосердии... Я делала это ради любви.

– О каких проступках ты говоришь? – произнёс Аид своим глубоким голосом. Женщина сморщила лицо.

– Я... предала своего мужа. Но, ваше величество, он не был добр ко мне. Он не любил меня. И за долгие годы нашего брака я поняла, что не могу больше любить того, кто не отвечает мне взаимностью. Я хранила ему верность так долго, как могла, но... Затем я встретила того, кто любил и ценил меня...

Она разрыдалась, а я посмотрела на Аида. Первой мыслью была, что это он подстроил. Но его брови были сведены вместе, а руки сжимали подлокотники трона из чёрного бриллианта. Нет, он сам этого не ожидал.

Наши взгляды встретились, и он тут же отвернулся. То есть он тоже уловил иронию. Не то чтобы измены были такой уж редкостью, но история этой женщины зацепила меня. Может, из-за Афродиты. Может, из-за Адониса. Как бы то ни было, я сочувствовала ей.

– Этот другой мужчина... – заговорила я, и женщина посмотрела на меня, отчаянно заламывая руки. – Он сделал твою жизнь стоящей?

– Да, – прошептала она. – Я была счастлива. Он дал мне почувствовать, каково это – быть любимой.

– Но ты нарушила клятву верности своему супругу, – сказал Аид. – Ты считаешь, что поступила плохо, несмотря на свои чувства?

Её глаза были полны слёз.

– Д-да.

– Но в чём смысл хранить клятву, если она лишает её шанса на хорошую жизнь? – я резко развернулась к Аиду. – Что важнее: несколько слов, сказанных перед семьёй и друзьями, или счастье всей жизни?

– Ты скажи мне, Персефона, что важнее, – ответил он, – сохранение добродетели или потакание эгоистичным желаниям?

Я сжала зубы. Опять это слово: эгоистичный. То есть он тоже считает меня такой.

– Как ты можешь называть ей эгоистичной, если она просто хотела немного радости в жизни?

– А как ты можешь не думать, через какую боль и унижение прошёл её муж?

– Может, если бы он прислушивался к её желаниям, она бы не искала счастья на стороне.

– Может, если бы она дала ему шанс, она могла бы стать счастливой и не пришлось бы нарушать клятвы.

Я ударила кулаком по подлокотнику.

– А может, будь у неё изначально выбор...

Двери внезапно распахнулись, и мы с Аидом одновременно подняли глаза на вошедшего, как и все души, собравшиеся в тронном зале. На пороге оказался Гермес. Под взглядами всех присутствующих он покраснел и бегом бросился к нашему помосту.

Аид вздохнул и откинулся на спинку трона.

– Что стряслось, Гермес?

Гермес посмотрел на меня, сжав губы. Он колебался.

– Прошу прощения, что прерываю...

– Ближе к делу, – перебил Аид. Я бросила на него неодобрительный взгляд, но он смотрел строго перед собой. Козёл.

Гермес переминался с ноги на ногу. Его брови сошлись на переносице, а взгляд был приклеен к мраморному полу. Вся моя распалявшаяся злость испарилась, и сердце сжалось. Гермес явно принёс плохие новости.

– Адонис. Он мёртв.

Часть третья

Естественно, это была вина Афродиты.

Нет, она не сама его убила, но почти. Это сделал Арес, известный своей ревностью, – стоило только Афродите отлучиться, как он натравил на Адониса кабана. Не знаю, почему она не предвидела такой поворот событий. Важнее то, что она, зная характер Ареса, осознанно поставила жизнь Адониса под угрозу.

Впрочем, ничего уже не исправить. Теперь Адонис стал подданным моего мира.

Я сидела, застыв на месте, и слушала, как Гермес рассказывает о произошедшем. Аид велел оставшимся душам покинуть зал. Напряжение между нами возросло как никогда. Я рассматривала лица уходящих душ, но Адониса среди них не было. В этом нет на самом деле ничего удивительного. Лишь небольшой процент наших подданных нуждается в правосудии.

– Прости, – добавил Гермес под конец своего жуткого рассказа. Адонис истёк кровью на берегу реки. К моему горлу подкатила тошнота, как только я представила, как вода окрашивается красным. Как долго он умирал? Насколько жуткими были его раны? Стоял ли Арес там, наблюдая, как жизнь покидает тело соперника?

– Не извиняйся, – сказал Аид. – В этот раз ты не виноват. Персефона?

Первый раз он обратился ко мне за всю эту зиму. Я подняла глаза на него, сморгнув слёзы. Нет смысла плакать. Мои слёзы не смоют боль, которую испытал Адонис. Теперь он, по крайней мере, в безопасности от игр Афродиты.

– Я в порядке, – прошептала я. – Мне нужно выйти.

Он сжал губы в тонкую линию, но даже догадываясь, куда именно я собираюсь пойти, он всё равно кивнул.

– Хорошо. Только ненадолго.

Я встала и, не прощаясь, перенеслась к Адонису. За эту долю секунды в моей голове промелькнула сотня образов, какой может оказаться его загробная жизнь. Берег, где мы впервые встретились. Мамин коттедж. Может даже его дом детства, который я никогда не видела, но о котором он мне рассказывал. Какие у него были любимые воспоминания? В каком счастливом моменте он хотел бы оказаться навеки?

У меня перехватило дыхание, как только ноги вновь коснулись твёрдой поверхности. Вместо зелёного леса, который я ожидала увидеть, вокруг кружило что-то белое, мягкое и холодное. Снег.

Мои ноги утонули в сугробе. Над головой было серое небо, а снежная пелена такой плотной, что я едва видела свои ладони. Здесь что-то не так.

– Адонис! – позвала я. Наверное, я случайно оказалась на границе с посмертной территорией какой-то другой души. Надо сделать всего один шаг в нужном направлении, и это всё растает, а я окажусь в каком-нибудь знакомом месте. – Это я. Где ты?

Тишину нарушил чей-то стон, и моё сердце скакануло к горлу. Я продиралась сквозь сугробы, непривычная к такой погоде. Летом вокруг маминого коттеджа снега не было.

Запнувшись обо что-то, я упала вперёд, приземлившись на руки и колени. Чуть было не уткнувшись носом в сугроб, я увидела багровый след, ведущий к небольшому возвышению в нескольких шагах от меня. Сквозь снег едва удалось разглядеть знакомые золотые пряди.

Нет. Не может быть. В груди резко похолодало. Я заставила себя подобраться ближе. Расчистив снег, я увидела разодранный торс, который медленно заживал, и сердце нервно сжалось.

– Адонис, – прошептала я, стряхнув снег с его лица. Его щёки были белыми, как пейзаж вокруг нас, губы синими, а взгляд пустым. Он медленно моргнул, словно это стоило ему титанических усилий, и я осторожно помогла ему сесть.

– Пер... Персефона? – хрипло выдавил он.

– Да, да, – я смахнула оставшийся снег с его лба. – Идём. Я вытащу тебя отсюда.

– Нет, – его взгляд слегка прояснился, он стиснул зубы и попытался отодвинуться от меня. Но он всё ещё был слишком слаб, а я не собиралась его отпускать. – Ты... должна...

– Что я должна? Бросить тебя здесь?

– Я заслужил это, – он рухнул на меня. – Пожалуйста.

– Нет, ты не заслуживаешь такого. Никто не заслуживает.

– Неправда. Я... причинил... боль тебе. Афродите. Вашим семьям, – он сделал судорожных вдох, кровь продолжала течь рекой из его ран на слишком медленно исцеляющемся теле. Почему он в таком состоянии? – Я видел реакцию Аида...

Внезапно раздался рёв, и огромный белый медведь вышел из снежной пелены. Он скалился, шерсть была в красных пятнах. Он попытался расцарапать меня когтистыми лапами, но это не причинило мне вреда. А я больше не допущу, чтобы Адонис пострадал.

– Убирайся, – приказала я. – Я царица Подземного мира, и ты обязан мне подчиниться.

Медведь снова взревел, поднимаясь на задние лапы.

– Прошу, оставь меня... – прошептал Адонис, но я только притянула его к себе.

– Нет, – в моём голосе звучало отчаяние. – Ты не заслуживаешь такой участи. Это была не твоя война, слышишь? Пожалуйста... Ты можешь выбрать условия получше. Ты контролируешь эту реальность.

Медведь снова напал, на этот раз его когти рассекли моё лицо. Я закричала, но не от боли, не от страха, а в гневе. На себя, на Афродиту, на это чёртово место... Нет, Адонис не может провести здесь остаток вечности. Не может.

С этой мыслью я перенесла его из его участка в Подземном мире во дворец, оставив медведя позади. С нас посыпался снег, когда мы приземлились в тронном зале. Адонис в моих руках застонал. Его раны мгновенно зажили, и краски вернулись на его лицо – он казался почти живым, но лицо всё ещё кривилось от боли.

– Персефона, – Аид вскочил с трона. – Что ты творишь?

– Он истязал себя, – пояснила я, помогая Адонису сесть. Его лицо ничего не выражало – он даже не удивился тому, что внезапно оказался во дворце. Немногие души понимают, где они оказались, но Адонис-то должен знать.

– И ты вытащила его из его посмертия?

Я обхватила Адониса руками, защищая.

– У меня не было выбора.

– Это был его выбор.

– Медведь раздирал его на куски посреди метели, – выпалила я. – Мне всё равно, что говорит его религия. Что он сделал, чтобы заслужить такое?

Аид оставался до жути равнодушен.

– Человек имеет право верить, что интрижка даже не с одной, а с двумя замужними богинями может быть вполне достаточным основанием для вечного наказания.

– С ним я счастлива, – слова давались с трудом, я, как могла, цеплялась за Адониса. Я не уступлю Аиду, только не в этом вопросе. – Мы должны это как-нибудь исправить.

– Ты знаешь правила. Если смертный не просит нас направить его, то мы не вмешиваемся в его загробную жизнь.

– Мне плевать на твои грёбаные правила! Адонис важен для меня.

– А я? – тихо спросил Аид. Боль, ослабшая за тысячелетия относительного мира между нами, промелькнула на его лице. Первый намёк на эмоции на его лице за последние несколько месяцев. – Ты просишь меня пойти против своих же законов, потворствуя твоей интрижке.

– Я прошу тебя поступить правильно. Ты когда-то говорил мне, что больше всего на свете хочешь, чтобы я была счастлива. Это всё ещё так?

Молчание. Долгая пауза и кивок.

– Я счастлива рядом с Адонисом. Счастливее, чем с тобой, Гермесом и кем-либо ещё. Не потому что он красив, но потому что мы две половинки одного целого. Я нашла своего человека, Аид. И мне жаль, даже словами не могу описать, как сильно мне жаль, что это не ты. Но так уж получилось, что это Адонис. И я готова пожертвовать всем, чтобы с ним всё было хорошо. Даже если это означает, что я никогда больше его не увижу. Моё сердце будет разорвано на миллионы кусочков, но я готова пойти на это, чтобы спасти его, – я помедлила. – Пожалуйста. Я умоляю тебя... Сделай что-нибудь.

Аид закрыл глаза. Его лицо исказилось. Впервые я увидела, чтобы он был на грани того, чтобы проронить слезу. Он долго ничего не отвечал. Гермес переводил взгляд с него на меня, словно не мог решить, стоит ли ему вмешаться.

– Прости, – слабым, измученным голосом ответил Аид. – Ты не хуже меня знаешь, что ничего нельзя сделать. Единственный, кто может что-либо изменить, это сам Адонис.

– Тогда... тогда как заставить его изменить решение? Можем ли мы вразумить его? Объяснить, что это моя вина, а не его? Может, ты мог бы... простить его или...

Аид отвёл взгляд, свет факелов отражался в его увлажнившихся глазах.

Нет, он не простит Адониса. Моё лицо загорелось от стыда за то, что я вообще могла такое предположить. К тому же не Адонис провинился перед ним. А я.

Я коснулась носом шеи Адониса, укачивая его на своих руках. Я не могу вернуть его обратно. Я готова отказаться от всего: от свободы, от люди, от собственного существования, лишь бы только он никогда туда не вернулся. Но что мне сделать, чтобы он перестал считать себя виноватым?

– Прости, – прошептала я. – Прости, что не могла быть рядом. Но прошу тебя, не делай этого. Умоляю... Разве нет ничего, чего бы ты хотел больше, чем наказать себя?

Он взял меня за руку, поглаживая большим пальцем мою ладонь.

Меня. Он хотел меня. Даже посреди той пурги он позвал меня, позволил мне спасти его, когда, казалось бы, это уже было невозможно.

У меня в голове мелькнула идея – настолько абсурдная, что я тут же её отмела. Но она возвращалась снова и снова, не давая мыслям утечь в другом направлении, закрепившись на месте и отказываясь уходить.

Это же безумие. Даже говорить не о чем. Я пыталась придумать что-нибудь адекватное, но та идея не давала мне покоя.

Я могу это сделать, если получу разрешение Совета. Это перевернёт всё, и пути назад не будет. Но если всё получится – если Адонис любит меня так же сильно, как я его, – этот бредовый план может сработать.

– Гермес, – я старалась, чтобы мой голос звучал твёрдо, насколько это возможно в моём нынешнем состоянии. – Можешь отвести Адониса в одну из гостевых комнат и побыть с ним? Мне нужно поговорить с мужем наедине.

– Конечно, – пробормотал Гермес и помог Адонису подняться на ноги. Адонис шатался, но всё-таки смог принять вертикальное положение. Он до последнего не отпускал мою руку. И даже когда они вдвоём направились к двери, его прикосновение продолжало гореть на моей коже.

Да. Я сошла с ума. Совершенно свихнулась. Я слишком сильно любила его, чтобы не попытаться.

Как только они ушли, я встала и разгладила платье.

– Сядь, – тихо сказала Аиду. Он нахмурился, но подчинился. Я сделала глубокий вдох. Сейчас или никогда. – Я хочу отказаться от бессмертия.

Его серебряные глаза распахнулись, нижняя челюсть отвисла. Но прежде чем он возразит, я поспешила продолжить:

– То, что ты испытываешь ко мне... То же самое я чувствую к Адонису. Я люблю его. Он вдохнул в меня жизнь, и я не хочу ничего сильнее, чем провести вечность с ним. Ты бы отдал за меня свою вечную жизнь. Я в этом уверена. И я не могу выразить словами, как много это значит для меня. Как много ты значишь для меня, даже если я не показываю это так, как ты бы того хотел. Но я бы хотела сделать это для Адониса. И мне понадобится твоя помощь.

Аид смотрел на меня, не отрываясь, несколько самых долгих минут в моей жизни. Он не моргал, не дышал, даже его сердце перестало биться. Молчание повисло между нами, бесконечное тяжёлое от груза невысказанных слов. Я протянула руку и коснулась его ладони.

– Это величайший подарок, который ты когда-либо мог мне дать, – тихо произнесла я. – Я провела большую часть своего бессмертного существования, живя не так, как мне бы того хотелось. Я бесконечно благодарна тебе за то, что ты сделал для меня, но мы никогда не будем счастливы вместе. Не так, как я счастлива с Адонисом, и не так, как ты того заслуживаешь. Я ужасно поступала по отношению к тебе и никогда не смогу искупить свою вину. Нарушила столько обещаний, что уже и не сосчитать. Но если ты сделаешь это ради меня, если поддержишь перед Советом и дашь разрешение сложить свои обязанности, я буду любить тебя, пока солнце не погаснет и от меня ничего не останется.

Единственная слеза сбежала из уголка его глаза, скользя вниз по щеке и останавливаясь у краешка губ. Тени тронного зала танцевали в свете факелов, и целую вечность мы с Аидом смотрели друг другу в глаза, пока он пытался отыскать в моих что-то, чего не найдёт никогда.

Аид накрыл второй рукой мою ладонь и прошептал.

– Хорошо. Если это сделает тебя счастливой, то я отпущу тебя.

Я коснулась его щеки, стирая блестящую дорожку с его кожи.

– Спасибо.

Он кивнул и встал, безмолвно проходя мимо меня. Ровной походкой он направился в сторону выхода, но, не доходя до дверей, растворился в воздухе по пути.

* * *

Менее чем через час Совет был в сборе. Не знаю, что Аид им сказал, но они все явились незамедлительно. С другой стороны, такое дело – никто ещё никогда не отказывался от бессмертия.

Я стояла посреди тронного зала на Олимпе, окружённая четырнадцатью членами Совета. Моего собственного трона не было. Зевс встал, когда к нам присоединился последний член совета – мама. Моё сердце заколотилось. Она даже не смотрела в мою сторону.

– Дочь, – обратился ко мне Зевс, и я склонила голову перед ним, пытаясь выразить ему своё уважение, хотя последнего во мне было немного. Ведь как раз из-за него и сложилась вся эта ситуация. – Наш брат сообщил нам о твоём желании сложить с себя обязанности Царицы Подземного мира и отказаться от вечной жизни ради смертного.

– Да, – ответила я, бросив взгляд на Афродиту. Её глаза превратились в узкие щёлки, и костяшки побелели оттого, как сильно она сжала подлокотники своего

трона. Вот и хорошо. – Хоть меня и ранит до глубины души мысль о том, чтобы покинуть вас, я всё же прошу позволить мне покинуть мир живых. Адонис – смертный, которого я люблю, – обречён на вечные муки в Подземном царстве, и это единственный способ помочь ему обрести счастье в загробной жизни.

– Ты уверена, что это сработает? – спросила Афина.

Я покачала головой.

– Боюсь, что сказать наверняка невозможно, но я считаю, что шансы достаточно высоки, чтобы попытаться.

– А если всё ж не получится? – продолжила Артемида, откинувшись на спинку своего трона и глядя на меня с хорошо знакомым выражением. Она всегда так смотрит на Афродиту, когда та без умолку рассказывает о каком-то своём новом возлюбленном.

Я засомневалась. Действительно, а что, если не получится? Что, если моя жертва будет напрасной? Пути назад уже не будет. Как только я потеряю бессмертие и жизнь, я стану не более чем одной из миллиардов подданных Аида. Потерявшая силу и могущество, одинокая, навечно запертая в Подземном мире...

А сильно ли это отличается от моей нынешней жизни?

Я распрямила плечи.

– Я люблю Адониса. Люблю его больше, чем свою вечную жизнь, и верю, что он чувствует то же самое ко мне. Я понимаю последствия возможной ошибки. Я понимаю, что теряю в любом случае, и тем не менее готова рискнуть.

– Ты покинешь нас?

Мамин голос проник в самую душу, пробираясь до тех уголков, до которых никто никогда не мог достать. Ни Адонис, ни Аид, ни кто-либо другой. Я посмотрела на маму, и увидела агонию в её глазах....

В горле застрял ком. Я даже не подумала, что этим решением причиню боль кому-то, кроме Аида, потому как сомневалась, что маме всё ещё есть дело до меня. Она ушла от меня. Я тысячи раз говорила ей, как несчастна в Подземном мире, но она никогда не слушала и продолжала твердить, что потом станет лучше. Но лучше так и не стало. Не так, как она хотела. И в итоге я была уверена, что потеряла её навсегда.

Возможно, я не потеряла её тогда, но, видя, как её сердце разбито на бесконечное число осколков, я знаю, что потеряла её теперь.

– Если Совет удовлетворит мой запрос, я буду только счастлива видеть каждого из вас у себя в гостях, если вы, конечно, пожелаете прийти, – неуверенно

произнесла я. – Я продолжу существование, просто в ином качестве, и нам не придётся прощаться, пока ты сама этого не захочешь.

Мама ничего на это не ответила. Сидящая рядом с Зевсом Гера прочистила горло.

– Ты любишь его больше, чем Аида? – спросила она девчоночьим голосом.

Я нахмурилась. Неужели Гера не в курсе наших отношений с Аидом? Или просто хочет услышать подтверждение?

– Аид – мой друг. И всегда им будет. Но мы не пара. Мы пытались ужиться друг с другом на протяжении тысяч мучительных лет. Я не могу полюбить его так, как он того хочет. И тот факт, что я вынуждена быть рядом, но моё сердце бесконечно далеко, – сущая пытка для него. Я не хочу причинять ему больше боли, чем уже причинила, и единственный способ это сделать – сложить с себя полномочия и окончательно уйти от него.

Все члены Совет повернулись к Аиду, который стойко держался на своём троне. Гера поджала губы, но я могла бы поклясться, что заметила намёк на улыбку.

Почему? Потому что кто-то наконец так же несчастен, как и она?

Впрочем, это неважно. Пусть думает что хочет, лишь бы согласилась меня отпустить.

– Это непростое решение для меня, и мне ещё никогда не было так страшно. Но я обязана это сделать ради Адониса. Мои чувства не играют роли, когда на кону его вечность в загробном мире. Пожалуйста... Я знаю, что это беспрецедентный случай. Знаю, что из-за этого может начаться хаос. Но если вы позволите, со временем раны заживут. А если нет – они будут гноиться, пока от нас с Аидом не превратимся в прах.

– И ты согласен с этим, брат? – спросил Зевс.

– Да, – пустым голосом произнёс Аид. – Я видел достаточно, чтобы понять, что она говорит правду. И желаю ей исключительно счастья. Прошу вас всех о том же.

По залу пронеслись шёпотки. Зевс поднял руку, призывая к тишине.

– Хорошо. Мы проведём голосование. Учитывая значимость вопроса, я попрошу, чтобы решение было принято не анонимно, – он обвёл круг собравшихся взглядом, задержав внимание на каждом. – Кто согласен удовлетворить запрос Персефоны?

Я задержала дыхание. Один за другим члены Совета закивали. Первая была Гера, затем Арес, Гефест, Артемида, Аполлон, Афина, Гестия, Посейдон, Дионис. И даже Гермес. И Аид.

И хотя её глаза блестели от непролитых слёз, мама тоже кивнула.

Но несмотря на единодушие остальных, Афродита сидела неподвижно. Секунды сменяли друг друга в тишине. Молчание прервал Зевс:

– А ты, дочь моя?

– Нет, – она так сильно стиснула зубы, что жилы на её шее выступили вперёд. – Я против. Она едва знает Адониса. Увела его у меня, в очередной раз предала Аида и пошла против воли Совета. Я не вижу ни единой причиной вознаграждать её за это.

Я открыла рот, чтобы поспорить, но Зевс снова поднял руку, и я промолчала.

– Это все твои возражения, Афродита?

– А этого недостаточно? У меня ещё много.

Зевс нежно, как он разговаривал только с ней, пробормотал Афродите:

– Возможно, ты так это воспринимаешь, потому что ревнуешь и скорбишь? Он погиб всего пару часов назад.

– Да, – подтвердила она дрожащим голосом. – А всё потому, что она настаивала, чтобы я покинула его. Она просто отказывалась признавать, что он, возможно, любил меня сильнее.

Ярость забурлила в моей груди, горячая и неутихающая. Если она будет настаивать на этой своей игре, то чёрта с два я стану молчать.

– Мне плевать, кого он любит сильнее. Как ты не понимаешь? Это не имеет никакого отношения к тебе. Он страдает. Они истязает себя, и это наша вина. Пусть даже он ненавидит меня. Я люблю его слишком сильно, чтобы бросить его в вечном аду, и я готова пойти на всё, чтобы избавить его от этой участи, даже если для этого нужно отказаться от всего, что у меня есть. Даже если мне придётся провести остаток вечности в одиночестве.

Афродита молчала, но весь её вид кричал о том, что она пылает яростью. Вместо того, чтобы успокоить её, как я надеялась, мои слова только разожгли в ней ненависть. Ужасная ситуация.

Зевс вздохнул.

– Спрошу тебя ещё раз, Афродита. Да или нет?

– Нет, – ответила она. – И моё решение окончательное, пусть умоляет сколько хочет. Я не позволю ей получить желаемое.

Я раздражённо вскрикнула. Неужели она не понимает? Это не соревнование. На кону судьба Адониса, его счастье. Ведь иначе он проведёт вечность в холоде, пожираемый заживо белым медведем. А ей плевать. Афродита видит то, что я буду с ним, а она нет.

Возможно, я была эгоистична, когда ранила чувства Аида, но прямо сейчас Афродита поступает эгоистичнее, чем кто-либо из нас. Из-за гордости, зависти, похоти или всего сразу, но она отказывается дать Адонису право прожить загробную жизнь так, как он того заслуживает. И я ненавижу её за это. Ненавижу так, как никого никогда не ненавидела, даже саму себя.

Зевс выпрямился, на его лице мелькнуло сожаление, и он вновь устало вздохнул.

– Тогда решено. Раз ты чётко показала, что не способна принимать решения беспристрастно, я вынужден отказать тебе в праве голоса по этому вопросу.

У меня и у Афродиты одновременно упали челюсти.

– Что? – взвизгнула она. – Пап, ты не можешь...

– Могу и, раз ты не оставляешь мне иного выбора, сделаю, – ответил он. – Персефона, твоя просьба удовлетворена. Когда вернёшься на землю, ты станешь смертной. У тебя есть время попрощаться. Афродита, за мной.

Она недовольно зашипела, но стоило ему выйти в один из коридоров, как её ветром сдуло следом. После их ухода зал погрузился в тишину. Я посмотрела вокруг на свою семью. Голова кружилась от осознания произошедшего.

Я стану смертной. Я умру.

И никогда больше сюда не вернусь.

Но в то же время я думаю о лице Адониса среди снега и о медведе, нависшем над ним. Даже если это не сработает, и он навсегда останется в своей ледяной тюрьме, я, по крайней мере, буду знать, что пыталась. Я найду его, даже если мне придётся обойти пешком весь Подземный мир. И если всё, что я смогу для него сделать, так это держать его за руку, потом он мёрзнет и истекает кровью, то проведу остаток вечности именно так.

Один за другим члены Совета подходили ко мне попрощаться. Братья и сёстры обнимали меня (даже Арес!). Гестия и Посейдон поцеловали в обе щеки. Гера улыбнулась и обняла меня, а её губы мазнули моё ухо, когда она прошептала:

– Ты сделала правильный выбор. Ты достойна сама выбирать своё будущее, а с Аидом ты бы никогда не была счастлива.

Что-то в её словах вызывает у меня холодок по позвоночнику, укрепляя стену, возникшую между мной и Аидом со дня нашей свадьбы. Но та война уже окончена, и ни один из нас в ней не победил. Что ж, по крайней мере, нас не постигнет участь Зевса и Геры.

Наконец пришёл черёд Гермеса. Он слабо улыбнулся мне, но глаза оставались грустными. Несмотря на всё, что было между нами, он притянул меня в свои медвежьи объятья.

– Я буду скучать по тебе, – сказал он. – Ничто без тебя уже не будет прежним.

– Ты знаешь, где меня искать, если станет скучно, – ответила я, хотя даже если он и найдёт дорогу, он прав: ничто уже не будет как прежде. – Береги себя. И добрый совет: держись подальше от Афродиты.

Он фыркнул, но в то же время на его лицо легла тень. Я не понимала, что это значит, но вполне возможно, что мне и не нужно. У каждого из нас есть свои демоны, и Гермес ещё встретится со своими, когда будет готов.

Как только он отпустил меня, я развернулась к маме. Она напряжённо стояла рядом со своим троном. Её взгляд был устремлён в пол, а руки соединены в замок. Я сделала шаг к ней, и она отпрянула. От одного этого движение моё сердце окончательно разбилось.

– Надеюсь, ты счастлива, – произнесла она странным, почти официальным голосом. – Зайду проведать тебя, когда смогу.

– Спасибо, – прошептала я. Мы обе знали, что если она и придёт, то совсем нескоро. Каждая из нас наделала немало ошибок, и так просто эту пропасть между нами не сократить. Но несмотря на всё случившееся, я искренне надеюсь, что однажды наши отношения нормализуются. Неважно, через сколько лет.

Гермес взял её за руку и повёл прочь из тронного зала. Он оглянулся через плечо, чтобы улыбнуться мне напоследок. Мама не оборачивалась.

Я сделала глубокий нервный вдох.

Мы с Аидом остались одни, лицом к лицу, и я не знала, что сказать. Стоило бы извиниться. И поблагодарить его. И сказать ещё миллион разных вещей, но я не могла выдавить ни слова.

– Ты готова? – тихо спросил он. Я кивнула. Он взял меня за руку. Я окинула взглядом Олимп последний раз. Небесно-голубой потолок и рассветный пол исчезли. Вот он – тот момент, к которому я стремилась с тех пор, как Адонис испустил свой последний вздох. Как бы ни пугала меня потеря бессмертия и всё сопутствующее ей – необходимость дышать, первое знакомство с физическое

болью и восприятие мира глазами смертной, – я в то же время ощущала удивительное спокойствие. Я приняла правильное решение. Это всё, что мне нужно.

Когда мы приземлились, что-то острое пронзило мою пятку. Я распахнула глаза. Мы оказались в мамином коттедже. Лунный свет заливал каждый уголок пространства. Я отшагнула в сторону и обнаружила источник неприятного ощущения: камешек.

Так вот что значит быть смертной. Я приложила ладонь к груди, чувствуя сердцебиение, и осторожно делала каждый вдох. Всё вокруг воспринималось словно бы сильнее – мягче, жёстче, горячее, холоднее, – буквально всё. Я как будто очнулась от глубокого сна и только сейчас начала осознавать мир вокруг себя.

– Ты в порядке? – спросил Аид. Я кивнула.

– Да, просто... Это так странно.

Он печально улыбнулся.

– Даже представить не могу.

Мы стояли бок о бок некоторое время, пока я привыкала дышать. Вдох, выдох, вдох, выдох. Я пыталась запомнить это ощущение. Как можно чувствовать себя настолько живой каждый день и не взорваться?

Но как бы это ни было увлекательно, я не могу провести так вечность, да и не хочу. Я села на край кровати и зажала трясущиеся ладони между коленями.

– Я готова. Как?..

– Я всё сделаю, – тихо ответил он. – Устраивайся поудобнее.

Я легла на кровать. Сердце так сильно билось в груди, что было реально больно.

– Мне страшно, – прошептала я. Аид взял меня за руку. Я никогда ещё не обращала внимания, какая мягкая и гладкая у него кожа.

– Не бойся, – сказал он. – Обещаю, всё будет хорошо.

И в этот раз я поверила ему.

– Спасибо, – прошептала я. – Знаю, я не очень хорошо это показывала, но ты всегда был моим лучшим другом. Когда всё казалось ужасным, ты всегда был рядом, как бы я ни поступала с тобой. Прости меня за всё.

– Что сделано, то сделано, – тихо ответил он. – Я всегда хотел для тебя только счастья, и если это единственный способ...

– Да, – я приподнялась на локтях. – Это именно то, чего я хочу.

Он опустил взгляд на свою ладонь, держащую мою. В его глазах отражалась тоска, но он ничего не сказал. Он всегда вёл себя со мной замечательно – может, я не всегда это так воспринимала, но теперь чётко понимаю. Он заслуживает намного больше, чем я могла бы ему дать. И в этот момент я искренне желаю ему найти своё счастье. Жаль только, что у меня ушло так много времени на осознание этого.

Не успев себя остановить, я подалась вперёд и коснулась губами его губ. Это был лёгкий, нежный поцелуй – такой же, какой он подарил мне, когда мы были близки к тому, чтобы переспать второй раз. Теперь я рада, что он тогда остановил меня. Между нами и так было слишком много сожалений.

Тепло разлилось в груди, когда я поцеловала его, но он почти сразу отстранился. Несколько секунд никто из нас ничего не говорил, и кровь стучала у меня в ушах. Как мне с ним попрощаться, если я всю жизнь была уверена, что никогда не придётся?

– Я всегда рядом, если понадобится помощь, – прошептал он. – Только позови.

Горло сжалось.

– Спасибо. Заходи как-нибудь в гости, ладно?

Он кивнул, но я уже точно знала, что он никогда не придёт, и спрашивать его об этом было жестоко. Он заслуживает шанса двигаться дальше. Мы оба достойны счастья.

– Солги в ответ, – шепнул он, и я согласилась. Его серебряные глаза встретились с моими, и когда я уже засыпала, он улыбнулся мне в последний раз. А я улыбнулась ему.

– Я люблю тебя, – едва слышно ответила я. Он промолчал. Мои веки потяжелели, мир вокруг потемнел, и вечность забрала меня к себе. Это было мирно, безболезненно, какой и должна быть смерть. Я ушла спокойно. Я ушла с радостью.

И последним, что я видела, было его лицо.

* * *

Солнце в загробном мире не было таким жарким и ярким, как настоящее, но его лучей было достаточно, чтобы разбудить меня.

Я прикрыла глаза рукой, прищурившись, и огляделась вокруг. Я лежала в постели, в которой умерла, но сейчас был день. Где-то вдалеке щебетали птицы, ветер раскачивал деревья, цветы свисали с деревянных брусьев, наполняя мамин домик прекрасным ароматом.

Так вот она какая – жизнь после смерти.

Моя жизнь после смерти. Адонис. Я вскочила на ноги и огляделась вокруг в своём однокомнатном домике, но его рядом не было. Сердце ухнуло вниз. Он должен быть здесь. После всего произошедшего он заслужил обрести покой.

Я толкнула дверь и вышла наружу, к искусственному солнцу. Всё здесь было ненастоящим – лишь иллюзией моей загробной жизни, тогда как на самом деле я среди множества других покойников в пещерах Подземного мира, навсегда запертая в этих каменных стенах, которые я так ненавидела. Но теперь я не ощущала их давления, как и не чувствовала той стены, что не давая мне покоя тысячелетиями. Видимо, они покинули меня вместе с моим смертным телом, когда душа обрела свободу. Наконец-то.

Глубоко дыша, я оглядела свою загробную жизнь. В саду росли цветы, в небе виднелась яркая радуга, в воздухе пахло летом. Чудесное зрелище, но оно не может быть идеальным без...

На тропинке возник силуэт, сначала неразличимый в тени деревьев. И тепло наполнило каждую клеточку моего тела. Он вышел на свет, на моих губах заиграла улыбка до ушей, и я бросилась к нему.

Адонис.

Он поймал меня в свои объятья. Его сильные руки подняли меня в воздух, и он поцеловал меня с теми же чувствами – любовью, страстью и счастьем, – что переполняли меня саму. Все сомнения и сожаления, которые я испытала за эти несколько секунд без него, испарились, и в этот момент я увидела наше будущее.

Он рядом. Мы вместе.

И я наконец-то дома.

* * * * *

БОГ ВОРОВСТВА

Ходят слухи, что в день своего появления на свет я похитил скот старшего брата. В первые несколько часов своей жизни я умудрился не просто умыкнуть пятьдесят коров и спрятать их от Аполлона, но ещё и лиру изобрёл в придачу.

Через несколько часов после рождения. Не месяцев, не лет. В первые же сутки.

Серьёзно? Я, конечно, хорош, но не настолько.

Так что давайте проясним сразу: лиру я смастерил в семь лет, и Аполлон потом ещё четыре года пытался стащить её у меня. Но он не я, а потому раз за разом оставался ни с чем. И тогда я решил увести у него стадо, просто чтобы убедиться, что я могу. Мне тогда было одиннадцать.

Одиннадцать лет, не часов. Да, когда все думают, что это сделал младенец, звучит круче, будто я самый одарённый из богов. Но я в жизни не видел новорождённого, который мог бы стоять, не говоря уже о том, чтобы красть коров.

Хотя это было бы офигенно, признаю.

Но своей цели я добился: Аполлон взбесился не на шутку. Мне даже пришлось отдать ему свою любимую лиру, чтобы он не сбросил меня с Олимпа. Вот так вот.

С тех пор мне постоянно это припоминают. Я частенько делаю что-то, что не нравится Совету, и Зевс закатывает глаза, поднимая ту историю многовековой давности, а Аполлон самодовольно ухмыляется. Не понимаю, чего они ждут. Я просто делаю свою работу, как и все остальные. Не надо быть такими заносчивыми и пытаться делать вид, что меня здесь нет.

Но на этот раз должен признать, что я заслужил. Сидя в пустом тронном зале Олимпа, я бросал мяч в стену и ловил его, когда он отскакивал обратно. В этом зале ничего не происходило в отсутствие Совета, но никогда он не пустовал так долго, как сейчас, и я точно знаю почему.

Из-за меня.

С тех пор, как Персефона пожертвовала своим бессмертием и в одиночку повергла Совет в хаос три десятилетия назад, я стал персоной нон грата. Никто со мной не разговаривал. Все мои реплики на собраниях полностью игнорировались. Даже младшие боги и богини холодно встречали меня, словно быть изгоем заразно. Хотя насколько мне известно, так и есть. Одно прикосновение – и больше с тобой никто не общается.

Обычно меня это не сильно парит. Мне не впервой оказаться в социальной изоляции. Но в этот раз Зевс даже ни разу не припомнил тот случай с коровами. А когда Зевс упускает такую возможность, значит, всё серьёзно.

Прикол в том, что это не моя вина. Если им нужно было кого-то обвинить, лучше бы осудили Афродиту или Ареса. В конце концов, именно богиня любви накрутила делов с Адонисом, а Арес его убил. А у меня всего лишь был небольшой роман с Персефоной несколько веков назад.

И всё. Единственное моё преступление – это влюблённость в лучшую подругу и попытка дать ей немного свободы, пока все остальные пытались удержать её в оковах. Не такой уж тяжкий грех, на мой взгляд, но остальные почему-то считают иначе.

Но Совету нужен был козёл отпущения, а я как никто подходил на эту роль. Зевс ни за что не тронул бы свою дражайшую дочурку или любимого сына Геры. Поэтому все шишки достались мне, хотя я и слова не сказал Адонису.

Это было несправедливо, ни в коей мере, но Совет вообще не про справедливость.

Я со всей силы швырнул мяч в стену, он отскочил под углом и полетел прямо к тронам, стоящих по кругу в центре зала. Выругавшись, я вскочил на ноги. Нельзя допустить, чтобы Зевс разозлился на меня ещё сильнее. Я и так уже перешёл черту – по его мнению. А для Совета имело значение только его мнение.

– Не это ищешь?

При звуке знакомого голоса, я ухмыльнулся и развернулся. Похоже, не все от меня отвернулись. Всего лишь почти все.

– Ирида! Не видел тебя несколько десятилетий.

– Зевс отправил меня на разведку, – она рассматривала резиновый мяч в своих руках, ударила об пол из любопытства. – Так себе путешествие. Помимо того, что оно заняло половину, чёрт побери, века, так ещё и лев попытался мной отобедать. Он был дико растерян, когда его когти и клыки не дали никакого результата.

– Жаль, у него не получилось, – я прислонился к стене, скрещивая руки на груди. – Мне бы не помешала новая работёнка.

– Как будто ты бы смог выполнить хотя бы десятую часть моей работы.

Фыркнул.

– Я тебя умоляю. Зевс назначил тебя своей вестницей, потому что никто другой за это браться не хотел. А ещё ты не докладываешь о нём Гере. И не

сплетничаешь о его похождениях. В отличие от любого другого младшего бога или богини, знаешь ли.

Ямочка появилась на её щеке, которая возникала только тогда, когда Ирида была недовольна. Особенно на меня.

– Не причисляй меня к мелким божкам. Что не так с твоей нынешней работой?

– Хочешь сказать, ты не в курсе? – я вскинул бровь. Впрочем, я должен был заподозрить, когда она вообще со мной заговорила. – Персефона отказалась от своего бессмертия. Вместо того, чтобы обвинить тех, кто по-настоящему к этому причастен, все решили ополчиться на меня.

Глаза Ириды округлялись, она даже позабыла о мяче, подкинутом в воздух. С глухим стуком тот приземлился на её голову, прямо посреди медных кудрей.

– Погоди... Хочешь сказать, это правда?

Я уставился на неё. Прикидывается, что не в теме, чтобы узнать историю от моего лица, или реально ничего не знает?

– А что ты слышала? Брось мне мяч.

Она слабо попыталась, но мяч пролетел только три четверти пути до меня. Понятно.

– Только слухи. Ничего из достоверных источников. Но стоит учесть, что последнее время я была далека от гущи событий.

Да уж, и мне в этом плане повезло.

– Персефона влюбилась в смертного. К несчастью для неё, с ним уже крутила Афродита...

– А с кем Афродита не крутила? – пробормотала Ирида. Я ухмыльнулся.

– Арес, как обычно, решил все проблемы грубой силой. Просто взял и избавился от соперника. Натравил вепря, – добавил я, увидев вопрос в глазах Ириды. Она поморщилась и накрыла сердце ладонью. – Загробная жизнь смертного оказалась далека от сказки, поэтому Персефона решила пожертвовать своим бессмертием и умереть, чтобы у него был стимул променять свой личный ад на что-нибудь получше.

– Оооо, – вздохнула Ирина, как романтичная барышня, и теперь уже скривился я. – Её план сработал?

Я пожал плечами и отвёл взгляд, притворившись, что играю с мячом.

– Понятия не имею.

– Ты не спрашивал у Аида?

– Мы сейчас не особо общаемся.

– Неудивительно. Но неужели никто больше не упоминал?

– Со мной никто особо не общается.

Её брови взлетели.

– Они настолько серьёзно восприняли эти любовные разборки?

– Сама видишь, – пробормотал я.

Ирида сократила расстояние между нами и коснулась моей щеки. Вопреки голосу разума, я подался навстречу этому прикосновению. Впервые за несколько месяцев до меня кто-то дотронулся. На секунду наши взгляды встречаются, и её необычные сиреневые глаза – точно ирисы – потемнели до фиолетового.

– Твои глаза цвета спелого винограда, – отметил я вслух. – Что бы это могло значить?

Она тут же опустила руку и сурово взглянула на меня, её радужки вернулись к обычному сиреневому. По крайней мере, они всегда были такими рядом со мной. Вообще, насколько мне известно, они меняют цвет в зависимости от её настроения, примерно как волосы Персефоны со сменой времён года, но Ирида отказывалась говорить мне значение каждого цвета. Не могу её винить, но всё же. У меня было всего парочка догадок. Когда я ещё не считался врагом народа номер один, Арес сказал мне, что глаза у неё всегда голубые, Афродита же клялась, что они зелёные.

Но это всё неважно. Ирида не заслуживала, чтобы её эмоции могли считывать все подряд. Пускай в нашей жизни мало личного, всё сразу становится достоянием общественности, но подобная деталь – уже нарушение границ.

– Мне жаль, – сказала она. – Не очень-то красиво с их стороны поступить так с тобой. Даже ты не заслуживаешь, чтобы вся семья бойкотировала тебя, хоть ты и заноза в заднице.

– По-моему, это самое милое, что ты когда-либо мне говорила.

– Ага, ну, ты особо не привыкай, – она коснулась моей руки. Едва задела, но опять же – в последние месяцы мне не доставало даже этой малости. – Боюсь, я тоже принесла не самые радостные вести. Лучше не уходи далеко. Высока вероятность, что Зевс захочет созвать Совет, как только я найду его.

Отлично. Новая возможность прийти на очередное собрание, где все будут меня игнорировать.

– Что за вести?

– Такие, что им придётся позвать Аида, – ответила она. Я скривился. Точно ничего хорошего. Аид обычно избегает собраний, приходит только, когда решаются особо важные вопросы, затрагивающие и его царство. А вопросы, касающиеся Подземного мира, никогда не бывают приятными. Равно как и легко решаемыми.

Вот тебе и спокойный денёк. До возвращения Ириды он вполне мог таким быть.

И действительно, вскоре после того, как она убежала рассказывать последние новости Зевсу, его голос прогремел в моей голове. Собрание Совета начнётся через пять минут. Все должны явиться.

Да уж, Ирида не преувеличила масштаб бедствия. Даже не помню, когда последний раз моё присутствие было обязательным. Обычно все приходили, потому что не хотели рисковать потерей места в Совете, а переход из князи в грязи – не самое приятное событие, скажу я вам. Но именно требование явиться – это что-то новенькое.

Я первым занял своё место, потому что и так уже был в зале. Остальные появились довольно быстро, даже Аид пришёл в последний момент – за секунду до того, как Зевс опустился на свой трон. Я посмотрел на отца. Брови низко сведены, очень хмурый вид. Обычно он повеселее.

– Вынужден сообщить, Ирида принесла нам новости о Гелиосе и Селене, – тихо начал он. Это было странно. Без официального приветствия и объявления о начале заседания, без привычной показухи, чтобы все помнили, кто здесь главный. Сразу к делу. У меня побежали мурашки по коже. Ничего хорошего это нам не сулит.

– Какие новости? – спросила Деметра, хмурясь так же, как и Зевс. Что ж, не я один вообще не понимаю, что происходит. Какое дело Зевсу до Гелиоса и Селены? Это древние боги, старше Афины, и хотя они не относятся к первородной шестёрке Совета, они всё же по праву являются одними из самых могущественных созданий. Бог солнца и богиня луны, пускай с некоторых пор их обязанности частично взяли на себя Аполлон с Артемидой. Такие, конечно же, могут позаботиться о себе сами, без так называемой помощи Зевса.

Отец медлил, глядя на портал в центре нашего круга.

– Их больше нет.

Члены Совета зашептались. Я выпрямился на троне.

– Что значит "нет"?

Естественно, Зевс мне не ответил. После стольких месяцев игнора он, видимо, научился не замечать мой голос. Это вполне в его духе.

Сидящий напротив меня Арес вскочил на ноги, уже обнажив меч. Типичный бог войны.

– Мы перевернём землю, но найдём их, и тогда их похитителям мало не покажется, – взревел он. – Гермес! Где они?

То есть теперь они желают со мной общаться, ведь только я могу помочь им с поисками. Но я не в том положении, чтобы требовать любезности, поэтому с громким вздохом я закрыл глаза и сосредоточился, держа в памяти единственное чёткое воспоминание о Гелиосе. Когда мне было шесть, он взял меня покататься на своей колеснице, которая, вопреки распространённому в те времена верованию, не была самим солнцем. Только его своеобразным символом. Именно тогда я и заприметил стадо коров Аполлона и в моей голове зародился хитрый план.

Я сфокусировался на лице Гелиоса. Загорелое, с глубоко посаженными светлыми глазами и узким носом. Детали важны, а названия не так сильно, и чем лучше я могу представить образ того, кого и чего я хочу найти, тем проще. И хотя по факту я оставался на том же месте, я в то же время словно бы пролетал над землёй в поисках каких-либо следов Гелиоса. Его должно быть легко заметить – искомое всегда подсвечивается, точно солнце на фоне зелёно-коричневого рельефа земли.

Но я не мог его найти. Я мысленно три раза обогнул землю, но нигде ничего не светилось.

Ну замечательно. Я попытался снова, на этот раз представив бледное овальное личико Селены и её оленьи глаза. Я никогда не встречал никого подобного, найти богиню с такой уникальной внешностью точно не составит никакого труда.

Снова три круга, и всё безрезультатно. Я надул губы. Осечек у меня ещё не было. Я всегда находил искомое.

Открыл глаза. Все – даже Деметра и Аид – смотрели на меня. Я поджал губы. Кажется, мой шанс вернуть их расположение провалился.

– Не могу.

– В смысле не... – вспылил Арес, но я перебил его.

– Я не могу их найти! – выкрикнул я.

– Ты проверил ледяные острова? – уточнил Арес. Я кивнул. – А Подземное царство?

– Разумеется, – я ж не идиот. – Их нигде нет.

Молчание. Арес медленно откинулся назад на спинку трона, все остальные переглянулись между собой, боясь произнести хоть слово.

– Ты уверен? – тихим голосом спросил Зевс, сверля меня взглядом так, будто это моя вина.

– Уверен. Я проверил три раза. Их словно бы не существует.

– Кронос предупреждал нас, что это может случиться, – сказала Гера. – Он говорил, что мы не сможем жить вечно, потому что напрямую зависим от смертных. Смысл нашего существования завязан на них, поэтому как только в нас отпадёт потребность...

– Но что может быть важнее людям, чем солнце и луна? – спросила Деметра. Они посмотрели друг на друга. В иной раз я бы уже ёрзал на троне в предвкушении схватки двух диких кошек, но это не тот случай.

Гера приподняла подбородок на полдюйма, чтобы взглянуть на Деметру свысока. Не то чтобы я осуждал её – сам сейчас не большой фанат Деметры, после того, как она поступила с Персефоной. Но всё же, алё, у нас тут вопрос жизни и смерти.

– О какой значимости можно говорить, если их роли присвоили себе Артемида и Аполлон.

– Ничего мы не присваивали, – ощетинилась Артемида. Впрочем, может, небольшая перепалка поможет разрядить обстановку. – Мы учились у них и понемногу помогали. А не забирали у них работу.

– Но, как вы сами видите, всё указывает на то, что Гелиос и Селена угасли, – отметила Гера. – Или у вас есть другое объяснение?

Артемида сжала кулаки.

– Мало ли. Вдруг Рея вырвалась на свободу?

– И решила убить их вместо нас? Очень сомневаюсь.

Посейдон прочистил горло. Он молчал на большинстве собраний, поскольку обычно мы решали проблемы смертных, а его царство – море. Но когда он заговорил, все повернулись к нему:

– Если Гермес считает, что их нет ни в одном из наших царств, значит, у нас нет причин подвергать это сомнению. Его слова имеют такой же вес, как и у любого из нас.

Аид на противоположной стороне круга зашипел, но я не разобрал ни слова. Трус. Если ему есть что мне сказать, пусть сделает это лично.

– Гермес, ты полагаешь, что их больше не существует? – спросил Зевс. Я кивнул. Нужно взглянуть на картину в целом. Аид никогда меня не простит, что бы я ни делал. Так что не буду зря тратить силы.

– Если я не могу их найти, значит, их нигде нет. И единственное тому объяснение – их угасание.

Тишина вновь повисла в зале. Сидящая рядом с Аресом Афродита промокнула платочком глаза.

– Мы следующие?

– Нет, – Гефест накрыл её ладонь своей рукой, не обращая внимания на злой взгляд Ареса. – Мы слишком важны смертным, чтобы так просто угаснуть.

– Гелиос и Селена тоже были важны, как и многие другие, – заметила Афина. – Как мы можем быть уверенными, что эра богов не подошла к концу?

– Это невозможно, – возразила Гера. – Допустим, некоторые из младших богов скоро прекратят своё существование, но мы незаменимы. Смертные не справятся без нас.

– Это пока, – ответила Афина. – А через сто лет? Через тысячу? Сколько им понадобится времени, чтобы научиться обходиться без нас? Хочется нам это признать или нет, но мы в опасности, и на эту проблему нельзя закрывать глаза. Надо разобраться, что происходит. Если Гелиос и Селена пропали, то могли и другие, и сейчас лучшей стратегией будет выяснить, кто ещё исчез, и установить закономерность.

– Я готов помочь, – предложил я. Поиск всех божеств займёт немало времени, но если так нужно, чтобы семья вновь начала относиться ко мне как к равному, а не предмету мебели, то затраченные усилия будут того стоить. – Я также могу спуститься на землю, разведать там обстановку.

– Вы уверены, что это благоразумно? – голос Аида наполнил зал, хотя он произнёс это почти шёпотом. – Позвольте напомнить, что случилось в последний раз, когда Гермес влез со своей непрошенной помощью.

Моё лицо вспыхнуло. Да кем он себя возомнил, так обо мне говорить?

– Персефона здесь ни при чём.

– Напротив. Возможно, если бы ты не был так увлечён своей интрижкой и занимался своими обязанностями как положено, то заметил бы исчезновение Гелиоса и Селены намного раньше.

Опять двадцать пять.

– Это было несколько тысяч лет назад, – процедил я сквозь зубы. – Я не Адонис. Она умерла не ради меня. Успокойся уже.

– Я успокоюсь, когда мы сведём счёты, – ответил он. Последовавший раскат грома заглушил мой ответ.

– Хватит, – тихим предостерегающим голос произнёс Зевс. – Оставьте личные разборки на потом. Гермес, нам нужно выяснить, кто ещё с нами, а кто уже угас, как можно скорее. Для этого не нужно спускаться к смертным.

– Но Афина только что сказала...

– Пусть с этим разбираются Афина и остальные. У тебя своё задание. Хоть раз в жизни сделай как велено.

Да, только этого от меня и ждут: беспрекословно слушаться, когда им что-то нужно, а когда нет – заткнуться и молчать в тряпочку, потому что я никому не нравлюсь. Я и раньше попадал в неприятности – а кто нет? – но это какой-то совершенно новый уровень наказания. Уж лучше быть изгнанным с Олимпа, чем отвергнутым собственной семьёй.

Но я не спорю, потому что это всё равно ничего не даст, а силы лучше поберечь, чтобы выполнить своё задание. Общественное порицание и без того утомляет, а усталость мне не к лицу.

Зевс раздал ещё несколько указаний, но ни одно из них не предполагало общение со смертными, чтобы понять реальное положение дел. После чего члены Совета разошлись. Несколько секунд спустя ко мне по воздуху плавно прилетел свиток от Зевса. Видимо, даже родной отец не хочет подходить ко мне близко.

– Это список всех известных нам богов и богинь, – сказал он. – Если тебе дорого место в Совете, отчитайся завтра же.

Если мне... Что? Он это серьёзно? Неужели он и впрямь лишит меня трона, если я не уложусь в срок?

Нет, это наверняка просто манипуляция. Хочет запугать, чтобы я ринулся исполнять приказ, и всё. Зевс потратил много лет, чтобы подмять под себя весь Совет. Если он уберёт меня, равновесие будет нарушено, и Гера окажется на один голос ближе к короне.

С другой стороны, он может использовать меня как пример. Показать всем, что любой, кто осмелится перечить ему, получит пинок под зад и рискнёт присоединиться к Гелиосу и Селене в неизвестности. В любом случае, у меня мало времени.

Когда я развернул свиток, у меня глаза чуть на лоб не вылезли. Список был бесконечным.

– Ты хочешь, чтобы я проверил всех до единого за сутки?

Ответа не последовало. Я поднял глаза и увидел, что трон Зевса пуст. Великолепно. Снова окинул взглядом список и нахмурился. Один день. Бесконечный список имён. И никто мне не поможет, потому что для всего Совета я хуже чумы.

Может, на это и рассчитывает Зевс. Что я не справлюсь, и у него будет основание вышвырнуть меня с Олимпа. Если дело в этом, то можно бросить всё и уйти самому. Вот только я рискую угаснуть, как Гелиос и Селена.

Нет, я не уйду без борьбы. Ни сейчас, ни когда-либо. А значит, у меня есть только один вариант: доказать Зевсу, что он ошибается насчёт меня. И у меня есть двадцать четыре часа, чтобы совершить невозможное.

* * *

Обычно мне не нужен сон. Я могу не спать неделями, если не месяцами, если не использую своих сил. Как и все из нас. Но не дойдя и до половины списка я почувствовал такую дикую усталость, будто не отдыхал никогда в жизни.

Я прислонился к золотой стене тронного зала, с трудом пытаясь удержать глаза открытыми. Нельзя спать. У меня и так мало времени, а если Зевс ещё узнает, что я заснул во время задания...

Да, точно. Я бы предпочёл, чтобы моя задница осталась там, где она сейчас. Я наклонился вперёд и заставил себя сосредоточиться на списке имён. Следующим был Полидевк. Их с Кастором несложно найти, хотя эти двое никогда не сидят на месте, поэтому я обрадовался, что сейчас быстро их отыщу.

– Как ты, держишься? – Ирида пересекла тронный зал с подносом в руках.

– Я серьёзно обдумываю вариант сбежать и провести остаток вечности в какой-нибудь тайге, – ответил я. – Что это?

– Я принесла тебе чай. Подумала, тебе не помешает.

Она странно добрая сегодня. Может, Зевс и на неё тоже наехал.

– Спасибо, – сказал я, потянувшись. Она села рядом. Я взял чашку и сделал глоток. С крепким ночным сном не сравнится, но пойдёт. – Но я не шучу. Я никак не успею закончить. Осталось всего десять часов, а я ещё и половину списка не проверил.

Она ухмыльнулась, но в её глазах отражалось сочувствие.

– Когда Зевс соберётся бросить в тебя молнию, замолви за меня словечко, ладно?

Было бы смешно, если бы не было так грустно. Я не отрывал глаз от чашки.

– Зевс сказал, что если я не закончу к сроку, то меня исключат из Совета.

– Зевс часто бросается словами. Но редко держит обещания.

– Уж это он сдержит, – я кивнул на свиток. – Может, ты видела кого-нибудь из них по пути сюда?

Она пробежалась глазами по списку и взмахом руки вычеркнула больше двух десятков имён.

– Я знаю, где проверить ещё нескольких. Если хочешь, я загляну в пару мест. Это сократит твой список.

– Ты правда сделаешь это ради меня? А как же идея занять моё место?

Ирида пожала плечами, и прядка волос, заправленная за ухо, вновь вырвалась на свободу.

– Сжалюсь разочек. Ты же не шутил про тайгу?

Я прислонился головой к стене. Если бы у бессмертных бывали головные боли, то моя башка бы сейчас раскалывалась.

– Шутки в сторону, кто-то должен разобраться в происходящем. Никто из них не проводит столько времени со смертными, сколько я.

– Но Зевс всё равно тебя не отпустил?

– Ты же его знаешь. Он терпеть не может, когда кто-то с чем-то справляется лучше него.

Ирида пристально смотрит на меня.

– Значит, теперь, когда боги и богини начали загадочно умирать по причинам, в которых Совет не уверен, ты впервые в жизни решил послушаться Зевса?

– Он выследит меня в ту же секунду, как узнает, что меня нет. Сама знаешь.

– Если только... – её пальцы скользнули по пергаменту, в дюйме от моего колена, – кто-нибудь добрый, отзывчивый, внимательный и невероятно красивый не прикроет тебя.

Я вскинул бровь.

– Думаешь, этот кто-нибудь существует?

Она шлёпнула меня по руке.

– Дурак. Тогда не буду тебе помогать. Спорим, даже со связанными руками я справлюсь с твоей работой лучше тебя?

– Я сам сейчас не уверен, что справлюсь со своей работой, особенно если Аид продолжит так себя вести. А Зевс – давать невозможные задания.

– Аид со временем успокоится, а мы вместе справимся со списком, – сказала она. – Я спущусь на землю и всё выясню. Ты сосредоточься на тех именах, что я обвела. Но только при одном условии: когда закончить, тайком улизнёшь отсюда и пообщаешься со смертными. Я тебя прикрою.

Я посмотрел на список. Ей как-то удалось сократить его до приемлемого количества.

– Правда?

– Правда, – она сжала мою руку. – Есть вещи поважнее, чем целовать Зевса в задницу.

В устах Ириды это особенно много значит.

– Если у нас всё получится, напомни мне сказать, что я люблю тебя.

Она фыркнула, хотя её щёки порозовели.

– Ой, как будто я не знаю. Любовь прёт из всех щелей, – похлопав меня по руке, она встала. – Только не засни, ленивец, иначе мне придётся заменить тебя в Совете, и родословная тебе не поможет.

– Как скажешь, – я устало улыбнулся. Но бодрящий чай действительно помог, и если она сдержит своё слово, то у меня есть шанс. – Ирида?

Она остановилась прямо перед порталом.

– Да?

– Спасибо. И вовсе ты не такая ужасная, как все говорят.

Закатив глаза, она шагнула в круг кристаллов и ухмыльнулась.

– Какой же ты придурок.

* * *

Вместе нам с Иридой удалось закончить список к тому времени, как снова был созван Совет. Не представляю, как нам это удалось – чудом, наверное, или благодаря какому-то разрыву во времени, – но мы это сделали.

Шесть имён пропавших без вести. Все – древние боги и богини, роли которых переняли божества из молодого поколения. Я трижды перепроверил, чтобы убедиться, но новости были неутешительными. Ни я, ни Ирида не смогли их найти. Мне следовало остаться и сообщить об этом Совету, но к тому времени, когда мы с Иридой закончили проверку, она буквально вытолкала меня к порталу.

– Иди! Я серьёзно. Список Зевсу передам сама.

– Он покарает тебя, если узнает, что ты прикрываешь меня. Уверена, что оно того стоит?

– Да, уверена. К тому же если ты выяснишь причину исчезновений, они, возможно, простят тебе всю ту историю с Персефоной.

Я нахмурился. Точно. Мне не нужно напоминать об этом, но это вполне реальный шанс. Возможно, они простят меня. Возможно, этого будет достаточно, чтобы вернуть расположение Совета. Не факт, но попытаться стоит.

Ирида театрально вздохнула и снова подтолкнула меня.

– Почему ты всегда такой трудный! Вали уже на землю, пока я не скинула тебя с балкона.

– Ладно, ладно, иду. Будь осторожна, ладно? Не исчезай в облаке дыма и всё такое.

– Ты тоже, – ответила она. – И не возвращайся, пока во всём не разберёшься.

– То есть, возможно, никогда.

– В таком случае нам всем конец, и это уже не будет иметь значения, – она поднялась на цыпочках и мазнула губами по моей щеке. Это было неожиданно, и мой лицо вспыхнуло до корней волос. Ирида рассмеялась. – Это на удачу, а не для твоих фантазий. А теперь уходи.

Со стороны одного из коридоров послышались шаги, мне большего толчка и не нужно. Я прыгнул в портал, махнув Ириде на прощание. Это была не самая лучшая из наших затей, но у нас не было особо выбора. Боги умирали. Даже если у нас в запасе несколько тысячелетий, пока не угаснет Совет, мы бы не хотели рисковать. Со стороны Зевса глупо осторожничать.

Я с лёгкостью скользнул в портал и, падая вниз, закрыл глаза и расслабился. Решение должно быть где-то на поверхности. Книга, город, какая-нибудь религиозная теория – что-нибудь, что приблизит меня к пониманию, почему мы умираем.

Такие туманные мысли не всегда срабатывали, и поэтому, приземлившись на ветки деревьев, я выругался. Я-то ожидал, что меня перенесёт куда-нибудь в Рим или в какое-нибудь подобие библиотеки – место, где хранятся знания и ответы, которые всегда хорошо умела находить Афина. Уж точно я не найду ничего подобного посреди леса.

Но когда я внимательнее огляделся, что-то кольнуло меня в груди и потянуло на юг. Не та связь, что обычно возникает, когда я ищу что-то в пределах досягаемости. Скорее пространное ощущение. От злости мне захотелось пнуть

дерево. "Пространное ощущение" не решит проблему. Не даст ответов. И уж точно, чёрт побери, не спасёт мою семью.

Впрочем, зацепок у меня немного, и надо успокоиться, прежде чем пытаться снова. Благодаря помощи Ириды, у меня было время немного вздремнуть, но всё равно был уставшим и раздражительным. А в таком состоянии я точно ничем не пригожусь Совету.

Сделал глубокий вдох. Я не виноват, что Аид ведёт себя как козёл и что Персефона решила отказаться от бессмертия. Все с радостью свалили ответственность на меня, хотя это не моя вина, и я вынужден взглянуть правде в глаза – я просто козёл отпущения. Единственный способ открыть им глаза – найти спасение.

Поэтому я пошёл вперёд. Лес становился темнее, по мере того как солнце скрывалось за горизонтом, и совы начали ухать друг дружке. Большинство смертных боятся ночи, но я обожаю. Тихо, темно, есть время подумать, и всё кажется не таким плохим, как при свете дня. Вскоре я уже достаточно расслабился, злость улетучилась, сменившись решимостью. Я во всём разберусь, моя семья вновь признает меня, и никто больше не угаснет. Я стану всеобщим героем, и даже Аид не сможет больше обращаться со мной как с злодеем. Всё вернётся в норму, а больше мне ничего и не надо. Пусть всё будет так, как было до всей этой любовной драмы с Персефоной.

Несколько минут спустя я вышел на дорогу. Ничего особенного – просто тропа, достаточно широкая, чтобы по ней могла пройти лошадь, но не более того. Судя по виду, использовалась она довольно часто, и с каждым шагом напряжение в моей груди нарастало. Может, всё это самобичевание привело к тому, что мои силы вышли из строя? Я не понимал, как секрет нашего вечного существования может быть скрыт в таком месте.

Но что бы ни тянуло меня в этом направлении, я должен это найти. Даже если мой внутренний компас сломался, я чувствую, что с этим лесом не всё так просто. И я не против наткнуться на что-то интересное.

Я шёл по дороге минут пять, как вдруг услышал тихий хруст, словно бы кто-то с богатым опытом слежки за людьми наступил на сухие листья. Становится всё интереснее.

Первый появился уже через несколько секунд. Ему было явно не больше девяти лет, и с ором во всю мощь лёгких он побежал на меня, замахиваясь палкой,

как мечом. Я остановился, забавляясь ситуацией. Он серьёзно думает, что может причинить мне вред?

К моему удивлению, он остановился в нескольких шагах от меня, широко распахнув глаза.

– И что, ты так и будешь стоять здесь и пялиться?

– А ты ожидал чего-то другого? – ответил я.

Позади меня послышались шаги второго, слева – третьего, справа – четвёртого. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что это засада. Причём организованная детьми.

– Да, – он выпятил грудь. – Давай сюда свои вещи.

– Какие вещи? – я поднял руки. На мне была простая рубашка, примерно такая же, как у него самого, и пара брюк. Судя по стилю, я попал... в Англию. Наверное. – Одежду?

– Свои пожитки, – потребовал голос слева, более низкий. – Драгоценности. Еду.

– Разве похоже, что у меня что-то есть?

– Тогда где ты разбил лагерь?

– Нигде, – это было чистой правдой, но судя по взгляду первого мальчика, мне не поверили. – Я просто иду по лесу.

– Куда? – спросил тот же низкий голос.

– Ну, это вас не касается.

– Теперь касается.

Воришка, стоявший сзади, сильно толкнул меня, и я упал в ноги первому пацану.

– Вы уверены, что хотите проблем? – спокойно спросил я, даже не пытаясь встать. Они всё равно толкнут меня снова.

Вместо ответа второй мальчик просто пнул по моим рёбрам. Вот теперь я должен либо вступить в драку, либо слинять, а я уж точно не намерен так это оставлять.

Вместо этого я согнулся, обхватив руками рёбра, как любой нормальный смертный. Так себе уловка, но второй мальчик продолжал меня пинать, а первый кричал:

– Золото или жизнь!

Да что они знают о жестокости.

– Раз у меня... нет золота... то, видимо... жизнь, – выдавил я между пинками. У меня не очень получалось имитировать хрипы, но это было и неважно.

Ко мне подошёл третий – самый крупный из них, но в то же время с детской мордашкой и неуклюжестью, словно он резко вырос за последнее время и ещё не привык к своим габаритам. И хотя он должен быть сильнее двух других, он не стал к ним присоединятся, за что сразу мне понравился. Если только он не мозг команды, спланировавший нападение. Но в то же время он не вёл себя как главарь.

Второй мальчишка опустился на колени в грязь и начал бить меня кулаками по лицу. Я мысленно вздохнул. Они так просто не успокоятся, да?

– Стойте.

Четвёртый голос – и определённо не мальчишеский. Я вскинул бровь и, несмотря на избиения, от который я вроде как должен страдать, приподнял голову. Девушка лет семнадцати в такой же рубашке, как и у мальчишек, шагнула на дорогу. Но в отличие от них, в её ярко-голубых глазах виднелся ум и расчёт. Второй неохотно перестал меня бить, а девушка начала обходить нас по кругу.

– Не замечаешь ничего необычного, Спраут? – спросила она, и драчун чуть отстранился, чтобы осмотреть меня.

– Крови нет. У всех, кого я бил, шла кровь.

– Или хотя бы появлялись отметины, – заметила главная, наклоняясь. – Почему ты всё ещё невредим?

Я сел. Она оказалась довольно симпатичной для смертной, пускай даже с грязью на щеке и растрепавшейся косой. Но красота мало что значит, если по жизни она занимается тем, что натравливает мальчишек на ни о чём не подозревающих путников, особенно когда с тех даже взять нечего.

С другой стороны, она остановила драчуна. Но будь я смертным, то, наверное, уже давно бы отключился.

– Секрет. Так я пойду?

– Пока нет, – она наклонилась ближе ко мне и наморщила нос. – И от тебя не воняет. Ты чистый.

– Это преступление?

– Нет, но это означает, что ты не тот, кем кажешься. Куда ты направлялся? Скажи мне, или Мак продолжит тебя бить.

Здоровяк с детским лицом хрустнул костяшками. Мак, значит.

– Я не знаю, куда я шёл. Честно. Я даже не знаю, куда ведёт эта тропа.

– Бродяга, значит. Допустим. А где твои вещи?

– Живу за счёт того, что даёт земля. Люди веками это делали до нас. Значит, и я могу.

– Даже без ножа? Без бурдюка с водой?

Я пожал плечами.

– Обычно мне везёт.

Девушка наклонилась так близко, что её лицо оказалось в дюйме от моего. Тяга в груди заставляла меня двигаться дальше, до боли требовательно. Я должен дойти до нужного места, пока никто больше не исчез.

Но не успел я пошевелиться, как девушка коснулась моего подбородка. По коже пробежали знакомые мурашки, как всегда бывало, когда я находил искомое, и тяга мгновенно испарилась.

То есть эта девушка – ответ на мой вопрос? Вот теперь, чёрт возьми, я уверен, что мои способности дали сбой. Она, наверное, даже читать не умеет – и вообще ни разу в жизни не держала книгу. И уж точно в её голове не может храниться секрет нашего бессмертия. Такое знание не может быть доступно простым смертным.

Но я остался на месте, пока она крутила мою голову из стороны в сторону, изучая. Она была чарующе прекрасна. Неудивительно, что она смогла подчинить трёх мальчишек. И не стоит судить книгу по обложке. Может, в ней есть что-то особенное. Может, она одна из многочисленных бастардов Зевса. Вариантов масса. Поэтому я просто смотрел на неё, улыбаясь. Что бы я ни искал, оно может подождать немного дольше.

– Таки невредим, – удивлённо заключила она и резко встала, переглядываясь с мальчишками. Я ожидал любопытство, интерес, но вместо этого увидел страх. – Ладно, тогда... можешь идти.

Я встал и отряхнул рубашку.

– Всё-таки поняли, что нечего у меня красть?

– Просто уходи, – отрезала она, отступая от меня на шаг. – Пока я не передумала.

Это что-то новенькое. Обычно смертные не гонят меня. Даже когда я скрывал, кто я, между богами и людьми всегда была естественная связь. Что-то вроде пищевой цепочки. Мы зависим от них, они зависят от нас...

Так почему же мы вымираем, если они всё ещё существуют?

Девушка пошла прочь по дороге, окружённая своей бандой, и у меня внутри всё опустело. Мы знакомы две минуты, а мне уже невыносимо смотреть, как она

уходит от меня. Может, мои способности всё-таки не подвели. Может, ей что-то известно.

– Подождите, – позвал я, бросившись следом за ними. – Могу я к вам присоединиться?

– Нет, – равнодушно бросила она, даже не повернув головы. – Нам лишний рот не нужен.

– Я могу прокормить себя сам. Чёрт, да и вам достать тоже.

Её походка изменилась, словно что-то удерживало её.

– Я тебе не верю.

– Так давай докажу, – я показал на дорогу. – Встретимся здесь через десять минут.

– Ты собираешься найти еду на пятерых за десять минут? – она развернулась ко мне лицо, усмехаясь, но в её глазах мелькнул страх. – Ладно, мы подождём. Если не придёшь через десять минут с достаточным количеством еды, мы уходим, а ты остаёшься сам по себе. И мы заберём всё, что найдёшь.

– Договорились, – я слегка поклонился ей. – Никуда не уходите.

– И не собирались.

Её голос звучал уверенно, но я понимал, что одно неверное движение – и они сбегут. Поэтому я решительно направился в лес. Если грабежи для них – вопрос выживания, то неудивительно, что они чуть ли слюни не пускают при мысли о сытном ужине. Судя по виду младшего мальчика, они голодали большую часть своей жизни.

Как только меня не было ни видно, ни слышно, я наколдовал пять кроличьих тушек, трёх перепёлок и мешочек, полный ягод. Девушка уже поняла, что я не такой, как все, не будем усиливать подозрения. Если повезёт, она забудет про это, когда набьёт живот вкусной едой.

– Ужин, – крикнул я, выходя на дорогу. – Овощей не нашёл, но подумал, что вы и так питаетесь одной тра...

Я замолк. На дороге никого не было. Это же то самое место? Ну конечно. Я никогда не теряюсь. Тогда где, блин, они?

Я вздохнул. Я мог бы уйти. Попробовать найти другое решение. У вселенной иногда странное чувство юмора, но это не значит, что я должен терпеть. Должен быть вариант получше.

Однако стоило мне закрыть глаза, как в небе сверкнула молния, за которой последовал мощный раскат грома. О, ну здорово. Если Зевс знает, что я здесь, то

это только вопрос времени, когда он меня найдёт. У него нет моего дара, но это ж Зевс.

Я побежал со всех ног, стараясь не выронить добычу. Понятия не имею, куда я бежал, просто нёсся куда глаза глядят. Чем глубже в лес, тем меньше шансов, что Зевс меня заметит. А прямо сейчас мне как-то совсем не хотелось возвращаться на Олимп.

Я нарвался на их лагерь, даже не осознавая, что всё это время бежал в нужном направлении. Четвёрка сидела вокруг слабенького костра и тихонько переговаривалась, но стоило мне появиться – и все замолчали. Младший ребёнок – тот самый, что остановил меня на дороге, – свалился со своего пенька.

– Изыди! – закричал он. Девушка резко вскочила на ноги.

– Что ты здесь делаешь? Как ты нас нашёл? И что... – она прищурилась. – Что это?

– Это? – я поднял тушки. – Ваш ужин. Или был бы им, если бы вы не кинули меня.

Она выпучила глаза и направилась ко мне, протягивая руку. Я сделал шаг назад.

– Нетушки. Сначала примите меня в свои ряды.

– Извини, мест нет, – она снова попыталась выхватить еду, но я увернулся.

– Значит, сегодня я объемся в одиночку.

– Да ладно тебе, Так, – заныл мальчик. – Хотя бы на один вечер. Я очень голоден.

– Пожалуйста, Так, – взмолился Спраут, костяшки которого были обёрнуты тканью. То есть кто-то всё-таки пострадал в ходе нашей стычки. – Мы умираем с голоду.

Девушка, которую звали Так, сердито посмотрела на меня.

– Ладно. Но только сегодня.

Просившие обрадовались, и Мак по ту сторону тоже улыбнулся. Я протянул Так кроликов, и она буквально вырвала их у меня из рук.

– Спасибо, – сказал я.

– Не стоит. Чтоб к утру тебя не было.

– А если я не захочу уходить?

– Тогда мы просто снова от тебя сбежим. Мак, сюда, – она передала ему кроликов. А Спраут подскочил ко мне, чтобы забрать перепёлок. – Перри, сделай что-нибудь с костром. Он вот-вот потухнет.

Младший мальчик подбежал к огню, чтобы раздуть его посильнее, а я устроился поудобнее на бревне. После нескольких безуспешных попыток расковырять палкой угли, я чуть усилил пламя магией. Чуть-чуть помощи не повредит. Они даже не заметят.

Когда же костёр хорошенько разошёлся и без усилий Перри, Так бросила на меня взгляд. Я широко улыбнулся в ответ. Пускай подозревает что хочет. После того, как они подло сбежали, я не намерен делиться секретами. Пусть сначала откроет свои.

В скором времени в воздухе аппетитно запахло жареным мясом, и даже у меня рот наполнился слюной. Я сегодня использовал много магии, теперь мне нужны еда и сон. И прям сильно. Кролики и перепёлки, приготовленные в диких условиях, не совсем в моём вкусе, но на один раз сойдёт.

Мак предложила первого кролика Так, но та дождалась, когда все получат свою порцию, перед тем как приступить самой. Что ж, хотя бы со своими она вежливая и тактичная, даже если на меня её манер не хватает.

– Так как вы познакомились? – спросил я. Они все были так увлечены поеданием мяса, что никто ничего не говорил. Наконец, Так облизала пустую косточку.

– Судьба свела, – сказала она. – Наши родители были убиты на войне, поэтому мы объединились. Вместе больше шансов выжить.

– Непохоже, что у вас хорошо получается, – сказал я, но едва слова сорвались с языка, как я тут же о них пожалел. Ничего умнее не мог придумать? Оскорбил её при всех... Я поспешил добавить. – То есть... Ну, это же наверняка тяжело – жить в лесу.

Лицо Так вмиг посуровело, и она бросила косточку в костёр.

– Не все так хорошо охотятся, как ты, – пробормотала она, отказываясь смотреть в мою сторону. Не виню её. Кто тянул меня за язык?

– Так крутая, – воскликнул Перри с набитым ртом. – Она умнее всех, кого я знаю.

– Это потому, что кроме меня, ты знаешь только Мака и Спраута, – парировала Так, но её щёки всё равно порозовели от комплимента.

– Поэтому ты не хочешь, чтобы я к вам присоединился? Боишься, что займу твоё место?

Она пронзила меня взглядом, в холодных голубых глазах мелькнуло опасение. Значит, я правильно угадал.

– Я не принимаю тебя, потому что не доверяю.

– Но я могу вас прокормить. И я не претендую на роль главаря, честно.

– Это неважно. Я всё ещё тебе не доверяю. Мы даже не знаем, как тебя зовут.

Я вздохнул.

– Если я назову своё имя, вы примете меня в свой отряд?

– Если назовёшь время, я подумаю, стоит ли давать тебе шанс, – сказала она. – Но ничего не обещаю.

Мне было ясно, что лучшего предложения не будет, поэтому я просто пожал плечами. Я мог был солгать, но если у неё действительно есть ключ к разгадке того, что происходит с моей семьёй, то я не могу рисковать разрушить то хрупкое перемирие, что установилось между нами. К тому же я и раньше раскрывал свою личность смертным. В прошлом это ни к чему плохому не приводило. В большинстве случаев. А если вспомнить, что я спокойно пережил избиение и за пару минут в лесу раздобыл гору еды, то мои способности для них и так не секрет. Они не сочтут меня сумасшедшим или выдумщиком.

Это самый худший расклад, когда смертные всё никак не могут поверить в правду и засыпают вопросами, требуют показать какой-нибудь трюк, ищут подвоха... Словно моего слова им недостаточно. Хотя справедливости ради, стоит отметить, что это правильно. Иначе так любой псих из смертных мог бы объявить себя одним из нас.

Я расправил плечи, посмотрел ей в глаза и торжественно объявил:

– Позвольте представиться – Гермес.

Я ожидал, что она удивится, растеряется, потребует доказательств – в общем, выдаст одну из типичных реакций. Я сто раз через это проходил. Но вместо этого она молча смотрела на меня.

И тут она села обратно на своё место, моргнула и сказала:

– Это самое дурацкое имя, которое я когда-либо слышала.

Теперь уже я уставился на неё. Она что, никогда обо мне не слышала?

– Иногда меня называют Меркурий, – осторожно добавил я. В конце концов, влияние Римской империи пока довольно велико.

– Ещё хуже, – ответила она. – Ну серьёзно. Если решил взять себе прозвище, придумай что-нибудь получше.

Она реально понятия не имеет. Такое, конечно, бывает, но мы же не так уж далеко от Греции. А этот остров некогда был частью Римской империи. Но она даже не слышала обо мне. Как и мальчишки.

Мы их боги, их правители, наше слово для них закон. Так как же возможно, что они даже не подозревают о нашем существовании?

– Ну так что? – прервала она поток моих мыслей. – Если Гермеса и Меркурия откидываем сразу, то как нам тебя называть?

Я прикусил язык. Не надо воспринимать её язвительность близко к сердцу.

– Не знаю. Какие нормальные имена есть?

Так постучала пальцами по бедру. Даже пока она просто сидела, ничего не делая, только обдумывая мой вопрос, в ней всё равно было нечто интригующее. Что-то выбивающееся из образа. То, как она держала себя, то, как говорила, – её манеры выдавали в ней совсем не лесную разбойницу. И чтобы девчонка возглавляла отряд из пацанов, которые уже через пару лет превзойдут её по силе, а то и уже...

По другую сторону костра Спраут прочистил горло.

– Если голубки хотят уединиться...

Ещё одна кость пролетела по воздуху и попала прямо ему в голову. Так прожигала его взглядом.

– Заткнись, Спраут.

Он струсил и поднял руки над головой, сдаваясь.

– Ладно-ладно, прости!

– Ещё одна такая шутка, и под твоим одеялом сегодня будет спать Перри, – она снова повернулась ко мне. – Итак, имя. Это вообще-то важный вопрос. Не смейся.

Ничего я не смеялся, но ради неё сделал нейтральное выражение лица.

– Почему это так важно?

– Потому что имя определяет судьбу. Это твоя личность. Кто ты есть. Как только у тебя появляется имя, всё решено: это то, кем ты всегда будешь.

– И ты хочешь дать мне новое, – уточнил я. Она пожала плечами.

– Разумеется. С новым именем ты станешь новым человеком. Не буквально, конечно же, – поспешила добавить она, когда я открыл рот, чтобы возразить. – Но в глазах окружающих ты чистый лист. Никому неизвестный, без груза прошлого. И твоё имя даёт отправную точку, определяет твоё место в мире, позволяет вписаться. Ты можешь обманывать себя, считая, что ты намного больше, чем просто имя, но это неправда. Ты связан с ним, пока не захочешь начать всё заново и выбрать другое.

Что-то щёлкнуло на грани моего сознания, но я слишком увлёкся движением её губ и не обратил внимания.

– Так кто же я тогда?

Она постучала пальцем по подбородку. Я затаил дыхание. Я понимал, о чём она говорит, намного больше, чем она думала. Я сменил немало имён, но по какой-то причине именно это казалось в тысячу раз важнее всех предыдущих.

– Джеймс, – объявила она. – Однозначно Джеймс.

Я вскинул бровь. Возможно, с тысячей раз я погорячился.

– Джеймс? Серьёзно?

– Да, серьёзно. Тебя чем-то не устраивает имя Джеймс?

– Да нет, просто...

– Просто что?

Я помедлил с ответом, молча глядя на неё. Она просто смотрела в ответ.

– Ладно, пойдёт, – уступил я, и она улыбнулась.

– Конечно, пойдёт. На первый взгляд, кажется, что нет, но многое скрыто под поверхностью. Имя Джеймс именно такое, – взяв в рот несколько ягодок, она медленно прожевала. Зажмурилась от удовольствия. – Ммм. Я таких ещё не пробовала. Ты уверен, что они не ядовиты?

– Уверен. Хоть у тебя и странный вкус на имена, я бы не стал из-за этого тебя травить.

– Кто тебя знает, – она открыла глаза и окинула взглядом всех по кругу. – Ладно, Джеймс. Хочешь шанс проявить себя и доказать, что ты можешь быть нам полезен?

Им всё равно от меня не избавиться, но я могу им подыграть.

– Да.

– Если хочешь остаться с нами, тебе придётся научиться красть. Готов к такому?

– Как-нибудь справлюсь.

– Завтра по той дороге поедет граф, которому принадлежат эти территории...

– Так! – вскрикнул Перри, но Спраут закрыл ему рот ладонью.

– Ты должен будешь его ограбить, – договорила Так.

Перри ужом извивался, но Спраут его не отпускал. Я же не отрывал глаз от Так. Грабёж. Звучит просто. Я много раз в своей жизни проворачивал такие дела.

– Нужно украсть что-то конкретное?

Она крутила кончик своей косы, но что-то в её взгляде дало мне понять, что для неё это не просто ограбление. В её глазах появился жадный блеск.

– Давай сделаем задачку поинтереснее. Укради медальон с его шеи, ну и прихвати всё ценное, что только сможешь найти.

– И если я справлюсь?

– Станешь одним из нас.

– А если нет?

– Покажешь, как ты охотишься, и оставишь нас в покое. Навсегда.

"Навсегда" – это намного, намного дольше, чем она думает.

Я протянул руку, и она сжала мои пальцы. Её хватка оказалась неожиданно сильной.

– По рукам, – сказал я.

Она ухмыльнулась. Мой желудок сделал кувырок.

– По рукам.

* * *

Группа всадников подъехала к нашему участку дороги вскоре после рассвета. Всего шесть мужчин, все верхом, что делало задачу практически невыполнимой. Тем лучше. Больше очков в мою пользу.

Главного было вычислить несложно. Это был не мужчина в дорогой накидке с фамильным гербом. Судя по тому, как он слегка был развёрнут влево, к всаднику постарше, сидевшему чуть прямее всех остальных и высоко задиравшему нос, первый был приманкой. Настоящий же граф – второй.

Так, Спраут, Перри и Мак (последний так ни произнёс при мне ни слова) забрались на деревья, спрятавшись в густой листве. Даже если бы их кто-то заметил, у них была фора, и это меня успокаивало. Меньше всего я хотел бы сопроводить кого-нибудь из них в Подземный мир. Хотя, судя по тому, как Перри избегал меня всё утро, я подозревал, что они сами уже мысленно меня похоронили.

Я тоже сидел на ветке, только намного ниже, и выжидал. Всей процессии пришлось немного перестроиться на узком участке дороги: лошади сталкивались друг с другом и пугались, но иного пути не было. Они попали в ловушку. Я задержал дыхание и медленно начал отсчёт: три, два, один...

Спрыгнув с дерева, я приземлился прямо на спину коня графа и прижал острый камень к шее старика. Другие всадники закричали, их лошади задёргались.

Но несмотря на топот копыт и скрежет металла, когда они обнажили мечи, я держал камень крепко. Это самая простая часть плана.

– Вы не сможете меня убить, не задев своего господина, – выкрикнул я, сдёргивая цепочку с шеи графа. Не знаю, что это за медальон, но для Так он куда ценнее моей жизни. Многое, конечно, для неё ценнее моей жизни, но всё же.

– Отпусти меня, – прохрипел граф. – Забирай что хочешь.

– Уже забрал, – я кивнул на других всадников. – Выгрузите содержимое сумок на обочину. И не вздумайте ничего прятать.

Граф махнул дрожащей рукой, и один за другим всадники опустошили свои сумки. Несмотря на то, что некоторые из них были намного крупнее меня и лучше вооружены, они почувствовали то, что не ощущала Так, – мою божественную сущность. Моё бессмертие. Тот естественный факт, что я нечто большее, чем все они вместе взятые.

Возможно, Так тоже это осознавала. Возможно, она так защищала свою позицию, потому что инстинктивно чувствовала угрозу. Вот только это не имеет значения. Мне не нужна её шайка. Мне нужны ответы, которые есть только у неё, хотя она сама об этом не знает.

– Отлично, – произнёс я, когда они закончили. – Теперь вы все отправляйтесь дальше. Как только скроетесь из виду, я отпущу вашего господина.

Стражники сделали так, как я сказал, и ускакали сразу же, как только справились с испуганными лошадьми. Я держал камень у горла графа, пока они не исчезли из поля зрения, и, выждав ещё полминуты, ослабил хватку.

– Уходи. И если до меня дойдут слухи о готовящейся мести, ты пожалеешь, что я просто не перерезал тебе горло.

Как только я спрыгиваю с его коня, он тут уезжает, вцепившись в шею скакуна. Я бы пожалел его – и часть меня немного сочувствовала ему, потому что это нельзя было назвать честной схваткой, – но очевидно, ему жилось намного лучше, чем Так и её ребятам. И я не жалею, что помог им.

– Это было круто! – выкрикнул сверху Перри, скользнул вниз по дереву и бросился ко мне. – Как ты это сделал?

– Всем интересно, – добавила Так, спрыгнув с нижней ветки и приземлившись на ноги. – Как тебе удалось вынудить самого устрашающего человека в этих местах отдать самое дорогое, что у него есть?

– Ты про это? – я поднял медальон. Она попыталась схватить его, но я отвёл руку.

– Отдай! – рявкнула она. Я ухмыльнулся.

– Ты сказала, что я должен его украсть. Ты не говорила, что надо отдать его тебе.

– Мак!

Мак, который был занят тем, что рылся в вещах, оставленных стражниками, поднял голову и моргнул. И не сказав ни слова, вернулся к своему занятию. Моя ухмылка стала шире.

– Скажи мне, зачем он тебе, и я отдам, – предложил я.

– Он стоит столько же, сколько твой вес в золоте, вот почему.

Но её слова не вязались с тем, как её взгляд следил на медальоном. В нём не было жадности, скорее отчаяние. Словно этот медальон для неё важнее воздуха.

– Я тебе не верю. Тут другая причина.

– Мне плевать, – выпалила она. – Отдай его мне, или я откажусь принимать тебя к нам.

Пусть думает, что хочет, ей всё равно не удастся меня прогнать, но мне важно выстроить взаимодействие. А она взрывается от малейшего поддразнивания. Опасное сочетание.

– Ладно, ты победила, – я протянул ей медальон. Она выхватила его и прижала к сердцу. Что такого важно может быть в подвеске? – А теперь я могу попросить об ответной услуге?

– Что? – пробормотала она, крутя медальон в своих ладонях. Она не восхищалась его красотой, не прикидывала мысленно стоимость, нет, скорее она осматривала его на предмет повреждений.

– Доверься мне. Или хотя бы попытайся. Я на вашей стороне.

– На нашей стороне только мы, – отрезала она и подняла на меня взгляд, крепко сжимая медальон в руке. – И никто больше.

– Тогда позволь мне стать одним из вас. Я могу охотиться, могу собирать съедобные растения, могу делать всё, что скажете. Буду подчиняться тебе, а не наоборот. Обещаю.

– Вот как? И в чём же твоя выгода? – спросила Так. Теперь, когда мальчишки закончили собирать награбленное, Мак подошёл ближе к нам, прихватив две трети добычи. – Ты можешь спокойно прожить в лесу хоть всю жизнь без нашей помощи. Зачем тебе делиться?

Я помедлил. Не потому что не мог придумать ответ, но потому, что ответ слишком близок к правде, а признать её непросто. Но либо я скажу правду, либо потеряю всё.

– Я слишком давно один, и это уже стало невыносимо. Я обещаю не обманывать ваше доверие, не грабить вас и не бросать. Я буду вам помогать, а вы в ответ не будете сваливать на меня все шишки, если я сделаю что-то не так. Но я буду стараться не давать вам повода, – добавил я. – Это всё, чего я хочу. Друзей. Семью. Дом, пускай даже без крыши и стен.

Лицо Так смягчилась, она чуть разжала кулак с медальоном. Повисла тишина, но пока она не затянулась, Перри приблизился ко мне и взял за руку.

– Мы здесь одна семья, – застенчиво произнёс он. – Ты можешь стать её частью, если не будешь слишком много есть.

Я хмыкнул.

– Я постараюсь приносить столько еды, чтобы никто из вас даже не задумывался о том, что кому-то может не хватить.

Мальчик просиял, и мы все вчетвером уставились на Так. После продолжительной паузы, когда никто ничего не говорил, она устало вздохнула.

– Ох, ладно. Пока держишь свои обещания, можешь оставаться.

Мальчишки громко обрадовались. Я хлопнул Так по плечу.

– Ты не пожалеешь.

– Надеюсь.

Она развернулась и пошла в лес. Нам оставалось только последовать за ней. Я ухмыльнулся. Она могла строить из себя кого угодно, но я знал правду: одна совсем не такая плохая, какой хочет казаться.

* * *

Мы провели остаток дня в лагере. Я показал Маку, как правильно готовить крольчатину, чтобы не пересушить мясо. Перри и Спраут наводили порядок, время от времени устраивая мальчишеские драки. А Так осматривала награбленное, но всё время держала медальон при себе.

Это было даже мило – почти по-домашнему уютно, как никогда не было на Олимпе. Совет всегда делился на группы из двух-трёх богов и собирался вместе только на заседаниях, чтобы решать серьёзные вопросы. А мальчишки смеялись и играли, и это создавало впечатление настоящей семьи. Так была для них скорее старшей сестрой, чем мамочкой, но они всё равно её слушались. Перри иногда предлагал ей поиграть вместе с ними, но она упрямо отказывалась.

Она как-то по особому держалась. На её губах играла таинственная улыбка, а поведение стало более расслабленным, уверенным, не такой нервным, как раньше. Словно ей удалось совершить невозможное. Я скользнул к ней.

– Выглядишь счастливой, – сказал я, и её улыбка тут же пропала. – Откуда ты знала про графа?

– А тебе-то что?

Я пожал плечами.

– Просто любопытно. Мне показалось, ты его недолюбливаешь.

– Как и многие.

– За что его не любишь именно ты?

Она вздохнула.

– Ты невыносим, ты в курсе?

– Мне уже говорили. Но ты не ответила на мой вопрос.

Она крутила в пальцах кончик своей косы, глядя в огонь. Уже смеркалось, и если бы я захотел, то мог бы вернуться на Олимп. Но пока что в ближайшем будущем я планирую оставаться с ними.

– Он убил мою мать, – произнесла она после долгого молчания. – Из-за него погибли их отцы, – она кивнула на мальчишек, которые либо старались не обращать на нас внимания, либо не слышали её тихого голоса. – Вот почему мы объединились.

– Как он это сделал? – спросил я. Она странно на меня посмотрела.

– Война? – произнесла она как нечто очевидное. – Разве из твоей деревни никого не забрали? Где был ты?

Я нахмурился.

– С чего ты взяла, что я вырос в деревне?

– Ну тебя же не волки не вырастили, правда?

Ну как сказать.

– Так этот человек... Граф, он отправил ваших отцов на войну?

– И убил мою маму, – добавила она. – Это важно.

– И причём здесь медальон?

Она опустила взгляд на подвеску, с некой тоской проводя большим пальцем по синему камню.

– Я же сказала, он...

– Стоит целое состояние, – закончил я. – Но я всё ещё не верю, что причина в этом.

– Твои проблемы, – она подняла глаза на сиреневое небо. Звёзды только-только начинали проглядывать. – Можешь присмотреть за мальчиками? Мне нужно прогуляться в одно место.

– Да? Куда?

– Я знаю парня, который может скупить то, что нам не пригодится.

– Например, медальон?

Она сжала ладонь. Нет, она никому его не отдаст.

– Ага, например, его.

– Давай пойду с тобой. Тебе не стоит ходить одной.

Её глаза сверкнули.

– Почему это? Из-за того, что я девчонка, и мне нужна твоя защита?

Я фыркнул.

– В тот день, когда тебе понадобится моя защита, солнце взойдёт на западе. Я к тому, что хорошо умею торговаться, вот и всё. Я позабочусь о том, чтобы ты получила максимальную прибыль.

Она выругалась себе под нос.

– Если я соглашусь, ты перестанешь задавать дурацкие вопросы?

– Только если пообещаешь быть честной со мной.

– Когда это я тебе врала?

Я указал на медальон.

– Минуту назад.

Она вскочила на ноги.

– Я подумаю об этом. Так ты идёшь или нет?

С лёгкостью поднявшись, я ухмыльнулся.

– Ты не пожалеешь об этом.

– Уже жалею. Мак, ты за старшего, – крикнула она, уже направляясь вглубь леса. Я подмигнул мальчишкам и пошёл за ней.

Большую часть пути мы шли молча. Так, казалось, хочет о чём-то заговорить, но продолжала молчать, прямо как Аид. Я хотел придумать что-нибудь, чтобы она расслабилась и доверилась мне. Неспроста чутьё вывело меня на неё, но если она так и не откроется мне, то моей семье уже можно начинать готовиться к неизбежной гибели.

Я не могу этого допустить.

Поэтому я прочистил горло, перепрыгивая через упавшее дерево.

– Здорово, что ты так заботишься о мальчиках.

Она пожала плечами.

– Мы заботимся друг о друге.

– И что планируешь дальше? Ну, ты же не собираешься грабить богачей, когда тебе будет восемьдесят?

Так издала хриплый, почти резкий смешок.

– Я тебя умоляю. Прямо сейчас я не особо рассчитываю дожить до двадцати. То есть прожить ещё три года, – уточнила она, прежде чем я успел спросить.

– Как давно вы сами по себе?

– Полгода. Пока справляемся.

Шесть месяцев, то есть весну и лето. Времена года Персефоны.

– Как планировали пережить холодные месяцы?

Она скользнула в узкое пространство между двумя стволами, ничего не ответив. Я обошёл деревья и снова приблизился к ней.

– Ты ещё не думала об этом?

– Ты же теперь в нашей команде, да? – выпалила она. – Как ты обычно живёшь зимой?

Я пожал плечами. Честно говоря, я ещё ни разу не был зимой настолько далеко к северу от Греции.

– Посмотрим.

Без всякого предупреждения она схватила меня за локоть и развернула лицом к себе.

– Если ты планируешь нас сдать или ещё как-нибудь поставить их жизнь под угрозу, я выслежу тебя, сдеру шкуру, вырву глаза и скормлю псам. Понял?

– Это всё? – весело ответил я. Она прожгла меня взглядом. – Так, я на вашей стороне. Поверь мне. Я был серьёзен утром, когда говорил про семью и всё остальное.

– Да? Зачем кому-то с такими способностями, как у тебя, бежать от своих? Разве они не умрут с голоду без тебя?

– Едва ли, – я представил себе голодного Зевса и мысленно рассмеялся. – Они могут о себе позаботиться.

– Не сомневаюсь, – пробормотала она. – Ты знаешь, почему я сбежала. Скажи, почему сбежал ты.

Вообще-то я не знал её историю, но, кажется, сейчас не время поправлять её. Сейчас, когда она наконец-то разговорилась.

– С чего ты решила, что я сбежал?

Она закатила глаза.

– Ты не такой загадочный, как думаешь.

Я прижал ладонь к груди.

– Ты ранила меня в самое сердце.

– И раню по-настоящему, если узнаю, что ты шпион. Никто не разгуливает в этом лесу с пустыми руками.

– Я же уже пообещал показать, как добываю пропитание. Будет намного проще, если ты хотя бы попытаешься довериться мне.

– В последний раз, когда я доверяла малознакомому человеку, всё закончилось смертью моей мамы.

Я замолчал на некоторое время.

– Как это произошло?

Так мотнула головой, её взгляд был направлен куда-то вдаль.

– Это уже неважно. Идём, мы почти на месте.

Она внезапно свернула в сторону, будто обходила что-то. Я последовал за ней. Точно, она не хочет, чтобы кто-то догадался, с какой стороны она пришла. Она умна – умнее, чем показалось бы другим членам Совета, но я до сих пор не имел ни малейшего понятия, откуда у неё могут быть нужные ответы. И я не могу просто взять и спросить. Она сочтёт меня психом.

Так что пока я просто наблюдаю за ней. Не могу сказать, что это неприятное занятие, – в Так было что-то удивительно чистое, невинное, несмотря на резкое поведение. Она заботилась о мальчишках больше, чем Зевс когда-либо заботился обо мне, и идея остаться с ними в лесу казалась намного заманчивее возвращения на Олимп.

Я всё ещё должен найти ответы – как бы семья со мной ни обращалась, я не могу их бросить. Но можно ведь совместить приятное с полезным. Я могу немного пожить этой жизнью, стать частью дружной команды, быть с теми, кому я нужен и кто меня ценит. Быть кем-то большим, чем тем, кто вечно заваривает кашу, пока остальные расхлёбывают.

Мы подошли к открытой полянке, на которой оживлённо стрекотали сверчки. Так остановилась на самой краю, прячась в тени, а я за ней. Вместе мы ждали, притихнув, пока лесные звуки заглушали наше дыхание.

Наконец, послышался шорох среди деревьев, и с другой стороны поляны вышел тощий паренёк. Он был старше Так, но всё ещё неуклюжим, как подросток,

который только-только резко вырос и ещё не привык к своим конечностям. Или так казалось из-за его худобы.

– Я знаю, что ты здесь, – сказал он. – Выходи. Я не буду торчать тут всю ночь.

Так поднесла пальцы к губам, но не издала ни звука. Парнишка расхаживал из стороны в сторону по поляне, постоянно театрально вздыхая.

– Я слышал о том, что произошло утром. Да что там, вся чертова деревня слышала. У меня есть покупатели. Может, хватит играть в эти игры и перейдём уже к делу?

Даже в темноте я видел, как изменилась поза Так. Позвав меня указательным пальцем и расправив плечи, она вышла на поляну. Её голубые глаза ярко сверкали в свете луны.

– Что за покупатели? – спросила она. Я шёл на пару шагов позади неё.

– Из тех, что дадут, что попросишь, – сказал парнишка и с ухмылкой, в которой недоставало одного зуба, пригляделся ко мне. – Ты, должно быть, тот самый вор, о котором все говорят. Ты хорошенько так испугал нашего дорогого графа. Но, честно говоря, не вижу ничего страшного.

– Ага, подожди, пока он не приставит нож к твоему горлу, Барри, – ответила Так. – Давай лучше поговорим о цене.

Я молчал, пока они торговались. Так принимала только долгохранящуюся еду и вещи, необходимые для жизни в лесу: одежду, оружие и прочее. Парнишка, Барри, предлагал золото или серебро, но Так качала головой и переводила внимание на реально нужные вещи.

Я явно что-то упускаю – зачем-то же мойры привели меня сюда, – но что именно? Некая мысль маячила на задворках сознания, но только я пытался её уловить, как она исчезала.

Замечательно. Великолепно. Ведь на кону не стоит жизнь всей моей семьи, нет-нет.

В итоге они пришли к соглашению, и Так направилась обратно в лес.

– Встретимся здесь на рассвете. Я принесу добычу. Ты – оплату. Если придёшь не один, я повешу тебя на твоих же кишках.

Барри усмехнулся, и что-то мне не понравилась ухмылка.

– Как можно, миледи. Чтобы я вас сдал? Это было бы совсем не по-рыцарски.

Он скользнул обратно в тень, а мы с Так пошли в противоположную сторону – на сто двадцать градусов левее от нужного нам направления. И тут до меня дошло, что было не так с этой сделкой.

– Он даже не спросил медальон, – сказал я, когда мы, сделав крюк, развернулись в сторону лагеря. – Он до единой бусинки знал, что именно мы украли, но ни словом не обмолвился о нашем главном трофее.

Складка пролегла между бровей Так.

– Потому что он знает, что я его не отдам, – уверенно ответила она.

Мы прошли остаток пути в напряжённом молчании, обдумывая – я уверен – одно и то же. Действительно ли Барри знал, что она не продаст медальон? Или были другие причины?

Я мог бы догадаться – смертные обычно просты как три монетки, – но Так настолько скрытная, что у меня нет ни шанса. Слишком сложно сложить кусочки пазла, когда половины не хватает.

В пятидесяти шагах от лагеря я внезапно услышал шорох позади нас. Застыл сам и схватил за руку Так. Она замерла на месте.

"Забирайся на дерево", – ни разу в жизни я не пытался общаться мысленно со смертными, но сейчас не было иного выбора. Она распахнула глаза, все краски сошли с её лица. – "Ну же. Быстрее. Нас преследуют. Позже всё объясню".

Надо отдать ей должное, она помедлила всего долю секунды, прежде чем беззвучно вскарабкаться на ближайшее дерево. У меня не было времени восхититься её навыками – я поспешил взобраться следом, и мы оба осторожно устроились на самой высокой ветке, которая только могла выдержать наш вес. Так держалась за ствол, впившись ногтями в кору, и я не мог сказать наверняка, кого она боится сильнее: меня или наших преследователей.

Четверо мужчин вышли из-за деревьев спустя несколько секунд. На них была такая же чёрная форма, как и на стражниках сегодня утром, что помогало им слиться в темноте. Один из них поднял ладонь. Рядом со мной Так напряглась всем телом. Мы ждали.

И ждали.

И ждали.

– Их нигде нет, – прошептал один из стражников, другой кивнул, соглашаясь. Их командир выругался.

– Продолжайте искать. Не знаю, как вы, а я не хочу, чтобы с меня спустили шкуру.

– Это безнадёжно, – возразил первый. – Даже следов не видно.

– Они не могли уйти далеко. Если разделимся, у нас будет больше шансов...

Он замер. Вдалеке сквозь ночь разнёсся смех Перри.

Мальчишки. Лёгкая мишень.

Вот только я же бог, у меня много возможностей. Я сделал глубокий вдох, приготовившись отвлекать внимание, но не успел предупредить Так, как вдруг она закричала.

У меня чуть барабанные перепонки не лопнули, этот вопль можно было услышать на расстоянии нескольких миль. Я скривился. Шансы остаться незамеченными свелись к нулю. Стражники закричали и начали показывать наверх. Но на лице Так отразилась мрачная решимость. Она закричала не от страха, это было предупреждение для мальчишек.

Но, естественно, как только Так спрыгнула с ветки на голову одному из стражников, мальчишки прибежали на помощь. Даже если они давно договорились о специальном сигнале, Так явно недооценила их верность и самоотверженность.

Спраут выбежал из-за деревьев, размахивая дубинкой, Перри и Мак неслись следом. Первого стражника застали врасплох: Спраут ударил его по коленным чашечкам. Перри прыгнул на второго. Локоть Мака уже летел в лицо третьему, тогда как Так взяла на себя командира.

Я спрыгнул на землю. Творился какой-то хаос: размахивающие конечности; крики, эхом разносящиеся по лесу; звон металла о металл, когда стражники обнажили мечи. Одно дело – кулаки и колени, другое – реальное оружие.

– Стоп! – выкрикнул я вслух, одновременно внушив мысль каждому из них. Двое стражников выронили мечи. Противник Так ничего не мог сделать, потому что его в этот момент душили. Но четвёртый...

Известное клише про замедлившееся время возникло не на пустом месте. Я прожил много тысяч лет, но впервые испытал это сам. Потрясённо застыв, я в ужасе смотрел, как меч пронзает живот Перри и выходит из его спины. Когда стражник выдёргивает его обратно, все замирают, и Перри смотрит вниз на своей живот.

Кровь пропитала его рубашку с обеих сторон. Он падает на колени, его глаза широко распахнуты.

– Так? – шепчет он, словно просит её о помощи. Но Так застыла на месте.

Я метнулся к нему. Исцеление – не мой профиль. С этим лучше справляется Аполлон. Но у меня не было выбора. Я прижал ладони к его груди, закрыл глаза и мысленно пожелал, чтобы его раны затянулись. Жизнь покидала его тело быстрее, чем я мог что-то предпринять. Я выругался. Только не сейчас. Не сегодня. Не на глазах у Так.

– Держись, – приказал я. Мои слова не имели такой повелительной силы, как у Зевса, но для смертного хватит. Перри застонал от мучительной боли, я вложил все силы в его исцеление.

"Аполлон", – мысленно позвал я – так громко, насколько возможно. – "Мне нужна твоя помощь".

Не знаю, услышал он меня или нет. Мысли не так быстро проносятся сквозь пространство, поэтому я заставил себя сосредоточиться на исцелении. Но я мог лишь ненадолго помочь ему продержаться. Я не Аполлон и не из первородной шестёрки, мои силы ограничены.

– Дыши, – ещё один приказ, уже мягче. – С тобой всё будет хорошо. Просто продолжай дышать. Вдох, выдох.

Пространство между моими ладонями и раной Перри озарилось золотистым светом, и стражники замерли в шоке. На время, по крайней мере.

Вот только вскоре нас окружила ещё дюжина стражников. Все останавливались, завидев меня. Мне было плевать – сейчас неважно, знают ли они, кто я такой. Важно только помочь Перри выжить.

Самый крупный из стражников таки бросился вперёд, направляя на меня меч.

– Что это за магия?

Другие тоже обнажили мечи и окружили нас. Я не шевелился. Где-то рядом раздались всхлипы Спраута. Их всех схватили стражники. Даже Так.

Но я не мог пошевелиться: стоит отвлечься – и Перри может умереть. Одного за другим стражники связали их и повели через лес. Плач Спраута затихал по мере отдаления. Мак оставался молчалив, как всегда. Так же продолжала кричать всё это время:

– Не дай ему умереть, Джеймс!

Я стиснул зубы.

"Аполлон... пожалуйста. Я сделаю всё, что захочешь".

Опасное предложение, слишком многое можно придумать, но я был в отчаянии.

"Всё что угодно ради смертного?"

Голос Аполлона раздался в моей голове быстрее, чем я ожидал. Я наклонил голову, высматривая его в темноте, но, разумеется, не видел. У нас не было особого дара невидимости, но никто не видел нас, если мы того не хотели.

"Да, всё что угодно. Только исцели его".

Пауза.

"Ладно. Отвлеки остальных смертных. Я не могу это сделать у них на глазах. Зевс убьёт тебя, ты же в курсе?"

"Знаю, знаю, – выпалил я. – Если я позволю им увести меня, обещаешь, что сделаешь всё, что в твоих силах, чтобы спасти его?"

Я буквально ощутил его возмущение.

"Я же уже сказал, что сделаю это. А теперь убирайся, пока я не передумал".

Вложив остаток своих сил в Перри и надеясь, что он продержится, пока стражники уводят меня, я поднял руки и встал.

– Ладно, я сдаюсь. Ведите.

Это были самые долгие десять секунд за всю мою вечность. Стражники переминались нерешительно, никто не говорил ни слова. Перри слабел с каждой секундой, и я отчаянно застонал. Я понимаю, что им страшно, но они же могут взять себя в руки?

– Слушайте, либо вы сейчас же меня арестуете, либо я убью вас всех и спокойно уйду целым и невредимым.

Это была не пустая угроза. На кону жизнь Перри. Я был серьёзен как никогда.

Стражники осторожно приблизились, ни на секунду не опуская мечи. Я чувствовал, как задыхаюсь из-за их страха. Я протянул руки, и нашёлся смельчак, который быстро их связал. Я бы запросто мог высвободиться, но потратил все силы на попытки спасти Перри, поэтому ноги подкашивались, а перед глазами всё немного плыло. Но я всё ещё мог справиться с ними всеми. Наверное.

– Идём, – сказал я, шагнув в сторону, куда увели остальных. Я чувствовал, что там есть какой-то городок с замком, крестьянскими домишками и вспаханными полями. Оттуда сбежали в лес Так и мальчишки и туда меня сейчас вели стражники. Я улавливал в воздухе след ауры Так, тёплой и красноватой от страха.

Я шёл впереди. Стражники просто смирились и шли следом, не задавая вопросов. Несмотря на то, что мои руки были связаны, а их держали оружие, они всё равно держались на расстоянии, тихонько переговариваюсь между собой, думая, что я не слышу. Я мог бы, но мне было неинтересно. Моя цель – найти Так.

"Аполлон? Мальчик в порядке?" – спросил я, как только в поле зрения появились очертания небольшой деревушки, состоящей в основном из деревянных лачуг и грязных улочек. он не ответил. Измождённые лошади стояли, привязанные к деревянной перекладе, повесив головы. Несмотря на поздний час, крестьяне нагружали и тащили телеги, наполненные едой, которую, скорее всего,

сами никогда не едят, и поднимали головы, когда мы проходили мимо, чтобы посмотреть. Все до единого выглядели грязными и недоедающими.

"Аполлон?"

Всё ещё нет ответа. Я попытался снова, но в ответ лишь тишина. Замечательно. Он либо свалил, позволив Перри умереть, и теперь игнорирует меня, либо слишком занят, чтобы отвечать. Я сжал кулаки, продолжая идти вперёд. Нет, он исцелил мальчика. Просто дразнит меня. Это вполне в его духе. Рано или поздно всё равно скажет. Всё будет хорошо.

Несмотря на повальную нищету, в которой жили крестьяне, вдоль стен, окружавших городок, дежурило несколько десятков опрятных стражников, одетых так же, как и те, которые вели меня. Все они выглядели так, будто годами плотно питаются три раза в день. А внутри городских стен дома выглядели намного лучше – чуть больше, чище, крепче, заметно более пригодными для жизни. По улицам ходили пухлые, причёсанные лошади, а редкие прохожие были хорошо одеты и улыбались. Пока не замечали меня, разумеется.

Впереди маячил наш пункт назначения – замок. Не Олимп, конечно, но на фоне разваливающихся хижин он выглядел просто роскошно. Стражники решили взять меня под руки и повести, хотя долго перед этим колебались. Но понимали, что будет странно, если пленник зайдёт сам, так что двое окружили меня, а остальные продолжали держать дистанцию.

Внутри замка было темно и промозгло, на стенах висели горящие факелы. Даже близко не Олимп. Стражники вели меня точно по следу Так. Она была недалеко – я чувствовал её ауру сквозь каменные стены и беспокоился всё сильнее по мере приближения. Что, если Аполлон не спас Перри? Что, если он решил даже не пытаться, когда увидел, насколько всё плохо?

Впрочем, я всё равно не мог сказать Так правду.

Мы вошли в большой зал с двумя длинными столами, соединёнными одним покороче, на небольшой платформе. Что-то вроде тронного зала, вот только мужчина в центре – граф – не был королём. Но судя по тому, как он сидел на своём позолоченном стуле с высоко поднятой головой и задранным носом, глядя сверху вниз на три сгорбившиеся фигуры, стоявшие на коленях перед ним, он считал себя не иначе как повелителем мира.

Так. Мак. Спраут. Едва ступив на порог, я ощутил их ужас и боль. Спраут весь трясся, Мак позеленел, а Так...

Никогда ещё я не испытывал столь странной смеси страха, злости и ненависти в одном человеке. От неё исходил такой ужас, что в комнате похолодало. Но она смотрела прямо на графа, единственная из троицы не склонившая голову. Узнаю свою Так.

– Милорд, – обратился главный стражник, двое других толкнули меня вперёд. – Мы нашли негодяя, организовавшего нападение сегодня утром.

Граф побледнел.

– И вы привели его сюда, связав руки простой верёвкой?

Стражник растерялся.

– Это всё, что у нас было, милорд. Мы усмирили его, теперь он послушно делает всё, что ему говорят.

– Голову даёшь на отсечение? – разозлился граф, и стражник замолк. – Пойди ближе, мальчик. Ты же ещё мальчишка, так ведь? Слишком юн, чтобы называться мужчиной.

Ой, да конечно. Я выглядел ровесником Так, если не старше. Он специально это делает, пытается расшатать меня, но ему это не удастся. Мне больше лет, чем дереву, из которого сделан его стул. Больше, чем камню, из которого построен весь его замок. Но я всё равно подошёл, потому что там была Так. Стражники окружали меня с обеих сторон. Они всё ещё боялись меня, несмотря на браваду графа. Правильно делали.

– Как тебя зовут? – спросил граф, прожигая меня взглядом. Я повернул голову к Так, которая смотрела на меня покрасневшими глазами.

"Я сделал всё что мог", – беззвучно передал ей мысль. Она отвернулась от меня. Чёрт.

– Меня зовут Джеймс. А тебя?

Он нахмурился, но я с лёгкостью выдержал его взгляд, и медленно веселье сошло с его лица.

– Я твой лорд и хозяин этих земель. Это всё, что тебе нужно знать. Что побудило тебя связаться с этими детьми?

– Ну, как ты только что сказал, я и сам ещё ребёнок, – невинным голосочком ответил я. Тысячелетия проживания бок о бок с Афродитой не прошли даром. – Дети склонны объединяться в группы, когда им не от кого ждать помощи.

– Не умничай, мальчишка, – рявкнул граф. – Отвечай на мои вопросы, или я признаю тебя виновным и велю повесить на рассвете. Этого ты добиваешься?

Я пожал плечами.

– Мне как-то побоку.

Лицо графа приобрело странный фиолетовый оттенок, который я ещё не видел на человеческом лице.

– А что насчёт твоих друзей? Тебе плевать, если я казню их?

– Если с их головы упадёт хоть волосок по твоей вине, я заставлю тебя жалеть до конца жизни, которая будет весьма недолгой.

Он сжал подлокотники своего якобы трона.

– Стража! Обыщите их и верните мне медальон.

Как только один из стражников коснулся Так, она взвыла, как дикий зверёк. Ударила локтем стражника в лицо, и тот вскрикнул, зажимая разбитый нос.

Шестеро стражников обнажили мечи, Так замерла. Но при этом бросила гневный взгляд на графа, который хлопнул ладонями.

– Милая, милая Лорел, ты всегда была склонна к театральным жестам, – усмехнулся он.

Я недоумённо моргнул. Что ещё за Лорел?

Так напряглась, сузив глаза до щёлочек.

– Не называй меня этим именем.

– Почему нет? – спросил граф с кривой улыбкой. Его, очевидно, забавляла вся эта ситуация. – Это твоё имя. Я прекрасно помню, как дал его тебе.

Погодите-ка.

Я посмотрел на Так, которая не сводила глаз с графа, хоть и знала, что я смотрю прямо на неё. Если только граф не имеет обыкновение давать имена всем детям в округе...

"Он твой отец?"

Уголки губ Так опустились вниз, и она слегка, едва заметно, кивнула. Великолепно. Можно было и раньше догадаться, но теперь я понимаю, почему её не пугали его угрозы казнить их. По крайней мере, её. Он, конечно, мерзавец, но не станет убивать родную дочь.

– Стой на месте, пока стражники обыскивают тебя, – приказал граф и указал на мальчишек. – Или мои люди зарежут твоих маленьких друзей. Я ясно выразился?

Так не пошевелилась. Медальон должен быть у неё – она могла незаметно выбросить его в лесу, зная, что граф его не найдёт, но я сомневался, что она бы так сделала. Медальон слишком много для неё значил.

Где же он? Я закрываю глаза, мысленно представляю предмет и...

В её сапоге. Когда она успела спрятать его туда без моего ведома? Ладно, неважно. Когда стражники приблизились к ней, на этот раз более настороженно, я мысленно взял медальон в руку. Он был тёплым от соприкосновения с кожей Так. И пока один смельчак дрожащими руками обыскивал меня, я сделал так, чтобы медальон испарился.

Это не самый простой фокус, и сделать это мне было нелегко. Но как бы ни разозлился граф, когда обыск ничего не даст, Так бы расстроилась сильнее, если бы медальон вернулся к отцу.

Она, должно быть, почувствовала, как исчез медальон, потому что всё-таки посмотрела на меня, и в её глазах отражался вопрос. Если она не не делится со мной правдой, то и я ей ничего не должен. По крайней мере, пока что.

Когда стражники закончили обыск с пустыми руками, проверив всё, что можно было, граф поднялся с места.

– Я его найду, – прорычал он.

– Уверен, что получится? – спросила Так с большим нахальством, чем следовало бы в её ситуации. Лицо графа вновь побагровело. Он ударил кулаком по столу.

– Я уверен в том, что если ты не отдашь мне медальон или не скажешь, где его искать, до рассвета, я убью всех твоих друзей. А если продолжишь молчать до заката, то убью и тебя.

Она фыркнула, но в её голосе послышался страх.

– Не убьёшь.

– Хочешь проверить?

– Не убьёшь, – вмешался я. – Иначе следующим умрёшь ты.

Молчание. Граф склонился над столом, и если бы ненавидящим взглядом можно было сжигать, от меня бы уже остался один пепел.

– А ты, – прошипел он голосом, полным яда. – Ты умрёшь первым.

– Можешь казнить меня, сколько захочешь, – отмахнулся я. – Начинай прямо сейчас, а то как-то скучно.

Если бы из ушей мог повалить пар, то мы бы его сейчас увидели.

– Стража! – заорал он. – Уведите их в подземелье!

– В подземелье? Но... – не успела Так договорить, как стражник дёрнул её на себя, буквально потащив к двери. – Ты не можешь так с ними поступить! Я не знаю, где медальон... Я выронила его!

– Возможно, твоя матушка поверила бы в это враньё, но я не такой мягкосердечный. Уведите их, – повторил граф, и стражники вывели всех нас из зала. Спраут и Мак выглядели до смерти напуганными. Их глаза были широко распахнуты с одинаковым выражением ужаса на лицах обоих, но я едва ли мог их успокоить.

Так продолжала кричать и вырываться всю дорогу до подземелья, но стражники не обращали внимания, ловко уворачиваясь от её замахов. Что-то мне подсказывает, что её уже не в первый раз отводят туда, и от этого моя ненависть к графу только крепнет. Кто вообще запирает собственную дочь в подземелье? Неудивительно, что она сбежала.

Стражники затолкали Мака и Спраута в ближайшую камеру к лестнице, а Так и меня отвели дальше во тьму, где лишь редкие факелы освещали путь. Это место казалось неживым, почти как Подземный мир. Но в отличие от царства Аида в подземелье графа мои силы отлично работали. Коридоры петляли, как в лабиринте, а камеры в самом центре были самыми защищёнными – с четырьмя стражниками и каменной дверью, работающей на системе блоков. Ни один смертный не смог бы открыть её изнутри.

Стражник, шедший впереди, толкнул меня в камеру, а затем остальные бросили Так на стопку сена, перед тем как хлопнуть дверью с такой силой, что аж стены содрогнулись.

– Что ж, – я прислонился к ближайшей стене. – Досадно.

Без всякого предупреждения Так набросилась на меня, стуча кулаками по моей груди.

– Кто... ты... чёрт... побери?

Я стоял, не шевелясь, позволяя ей выпустить злость, разочарование, тревогу и другие чувства. Мне это нисколечко не вредило, а если ей от этого легче – прекрасно.

– Я же уже сказал. Я Гермес. Иногда меня называют Меркурием, особенно в Риме.

– Я понятия не имею, кто это, – с последним ударом она обмякла, едва держась на ногах. Я обхватил её руками, пока она не упала.

– Я бог, – не стал я ходить вокруг до около. – Один из двенадцати олимпийцев. Ну, эм, уже пятнадцати. Длинная история.

Она устало покачала головой, и я опустил её на пол.

– Я не понимаю, – прошептала она. – Бог же только один.

Только один? Я нахмурился.

– Нет, нас явно больше. Зевс, мой отец, возглавляет Совет...

– Бог один. Или ты что, язычник?

Я моргнул. Она серьёзно?

– Ты правда понятия не имеешь, кто я такой и сколько существует в мире разных богов?

– Я полагала, что это просто разные точки зрения. Ну, здесь люди считают, что Бог один. Другие говорят, что несколько. Некоторые вообще не верят в существование богов, хотя я не понимаю, как им живётся в этом мире... – она покачала головой. – Ты серьёзно считаешь себя богом?

– Я и есть бог, – если она продолжит в том же духе, это быстро мне надоест. – Я бывал в местах, где люди никогда не слышали обо мне. Но мы же сейчас не так далеко от Греции, где зародилась религия о наших самых известных воплощениях.

– Греции? – нахмурилась она. Она вообще знает, где Греция? И что это вообще такое? Я не успел спросить, как она уже сменила тему, подтвердив мои подозрения. – Как ты можешь быть богом и выглядеть таким... обычным?

Я пожал плечами.

– Мы можем менять внешность по желанию, и лично мне нравится, когда меня принимают за своего. Давай докажу, что я настоящий бог. Протяни ладонь.

Она тут же спрятала сжатые кулаки за спиной.

– Если собираешься показать мне магию или... как это называется...

– Ты уже видела, на что я способен, – произнёс я со слабой улыбкой. – Клянусь, я не причиню тебе вреда. Напротив. Просто вытяни ладонь вперёд.

Так внимательно посмотрела на меня несколько секунд, и, хотя мы находились в тёмной камерой с одним-единственным факелом, её голубые глаза всё равно выделялись. Неохотно она протянула руку, и я накрыл её своей ладонью. Кожу защекотало там, где наши руки соприкоснулись. Сделав медленный вдох, я пожелал вернуть медальон из ниоткуда. Он возник на её ладони, тёплый и тяжёлый. Так ахнула.

– Как ты... – она подняла на меня потрясённый взгляд и внезапно поцеловала в губы. – Джеймс.

Меня охватил жар.

– Да пустяки, – пробормотал я. – Просто небольшой фокус. Прости, что не сказал правду раньше. Это вроде как... Ну, сама понимаешь. Не то, о чём можно трепаться на каждом шагу.

Она фыркнула, её губы были всего в дюйме от моих.

– Будь я богиней, то бегала по всему миру и рассказывала каждому встречному. Иметь такую силу...

– Всё не так просто, как кажется на первый взгляд. Да, я много чего могу, но есть и другие, куда сильнее и могущественнее меня.

– Звучит жутко, – уголки её губ слабо дёрнулись вверх. – Но даже крупица этой силы... Столько возможностей...

Я поколебался. Она явно не хотела об этом говорить, но мне нужно было узнать.

– Почему ты сбежала?

– А разве непонятно? – она неопределённо взмахнула рукой, напомнив мне о графе. Её отце. – Я жила здесь как в темнице. Никакой свободы. Моим единственным другом была мама, и когда она умерла, я не захотела здесь оставаться. Не хотела всю жизнь плясать под его дудку. Он пытался выдать меня замуж. Ну, знаешь, за соседнего лорда. В обмен на земли. Земли! – она покачала головой, словно это была самая оскорбительная, возмутительная сделка в её жизни. – Будто у него их мало. Поэтому я сбежала. Встретила ребят в деревне, и вчетвером мы ушли в лес.

– Мне жаль. Большинство из нас связаны так или иначе связаны обязательствами. Тебе повезло, что ты смогла сбежать.

– Любой может сбежать, – ответила она. – Это всего лишь вопрос смелости. Дело ведь не только в том, как незаметно уйти в другое место. Нужно буквально стать другим человеком. Чтобы выжить. Это непросто, но необходимо. Только так можно построить свой путь, понимаешь?

Я понимал и поэтому кивнул, проводя пальцами по кончикам её спутавшихся волос. В какой-то момент её коса распустилась.

– Я не допущу, чтобы что-нибудь случилось с тобой или жизнь, о которой ты мечтаешь, – тихо произнёс я. – Обещаю.

– Не давай обещаний, которых не сможешь выполнить, – сказала она и посмотрела на медальон в своей руке. На её лице отразилась грусть. – Я знала, что будет, когда попросила тебя украсть это. Вернее, я думала, что стражники просто убьют тебя. Прости.

Она слабо улыбнулась мне, я ухмыльнулся в ответ. Я так и подумал.

– Я просто... была готова. Я знала, что это может произойти, и готова была выдержать последствия. Но для Мака, Спраута и Перри... – она прикусила губу. – Как он? Ты что-нибудь знаешь?

Я помедлил.

– Я знаю, что он в хороших руках. Буквально лучших в мире. Если кто-нибудь и сможет спасти Перри, так именно он.

– Спасибо, – прошептала она. – Ты не обязан был спасать его. Вообще ничего не был обязан, но всё равно столько для нас сделал.

Я притянул её к себе. Она положила голову на моё плечо, её дыхание было глубоким и неровным.

– Обязан. Выбранная семья и всё такое.

– Даже если ты переживёшь всех нас?

Мой смешок вышел безрадостным. Она даже не представляла, насколько это напоминание было сродни ножу в сердце.

– Знаешь, есть жизнь после смерти. Мой дядя заправляет царством мёртвых, и я иногда сопровождаю туда души. Как думаешь, что будет после того, как ты умрёшь?

Она задумалась.

– Не знаю. Попаду в ад, наверное. Огонь и вечные пытки за воровство и... всё остальное.

– Нет, ничего подобного, – по крайней мере, для неё. Я даже думать не хотел, что её может ждать ад после смерти. – Это лучшее место, которое ты только можешь представить. Самый счастливый момент твоей жизни, самые близкие люди... Всё что захочешь. То, во что ты веришь в глубине души.

Так замерла, задумавшись, и после долгой паузы прошептала:

– Я не хочу умирать. И не хочу, чтобы погиб кто-нибудь из ребят.

– Я этого не допущу, – твёрдо ответил я. – Просто доверься мне, хорошо? Как бы это ни было трудно, я не позволю, чтобы с тобой случилось что-то плохое. Знаешь, мы можем сбежать отсюда прямо сейчас, если захочешь.

Она вскинула голову.

– Правда?

– Конечно. Одно твоё слово – и мы с тобой спокойно выйдем отсюда.

– Но... Мак и Спраут...

– Само собой, я вернусь за ними. Я их не брошу.

Так решительно замотала головой.

– Нет. Если можешь вытащить нас всех отсюда, то сначала их. Как только мой отец заметит, что я исчезла, он их убьёт. Я не могу этого допустить.

Я переплёл наши пальцы. Её были холодными и намного меньше, чем я ожидал.

– Хорошо. Сначала Мак и Спраут. Я перенесу их в безопасное место в лесу, а затем вернусь за тобой. Договорились?

– Договорились. Но не прямо сейчас, подожди немного.

– Зачем? – я сжал её ладонь. – Всё-таки хочешь провести больше времени наедине со мной?

Так фыркнула.

– Ага, конечно. Чем позднее, тем меньше вероятности, что тебя заметят, вот и всё. Прости, что разбиваю твои надежды и мечты.

Мой взгляд скользнул по её фигуре, освещённой тусклым мерцающим огнём факела. Она была ещё совсем ребёнком – смертным ребёнком, не иначе. Но в то же время что-то в ней вызывало у меня желание остаться в этой камере с ней навечно. Лежать в обнимку на сене и ждать утра. Несмотря на всё произошедшее, я не испытывал такого тепла вот уже несколько тысячелетий после расставания с Персефоной.

Жизнь со смертными не была чем-то из ряда вон выходящим – да, это не поощрялось, разумеется, но некоторые члены Совета женились на смертных и заводили детей, взять того же Зевса. Это была внезапная мысль, учитывая, что ещё двадцать четыре часа назад Так на дух меня не переносила, но в эту самую минуту я видел будущее. Реальный шанс на счастье, пусть даже оно и закончится с её смертью. Но немного счастья, каким бы временным оно ни было, лучше, чем вовсе никакого.

– Эй, – позвал я по прошествии нескольких минут. – Когда выберемся отсюда, давай построим домик как можно дальше отсюда?

Она посмотрела на меня, нахмурившись в замешательстве.

– Домик?

– Дом. Место в лесу, где нас никто не найдёт, но не слишком далеко от цивилизации, чтобы можно было выбираться по желанию. Позаботимся о мальчишках, пока они не подрастут и не поймут, чего хотят в жизни. Захотят остаться – прекрасно, пойдут своим путём – им всегда будет, куда вернуться, если что. И ты ни в чём не будешь нуждаться, обещаю.

Лицо Так смягчилось.

– Звучит восхитительно.

Я поцеловал её в висок.

– Тогда так и поступим. Тебе больше не нужно будет ни о чём волноваться.

– Это было бы замечательно, – она вздохнула. – Спасибо тебе... ну, за то, что ты не оказался плохим. Хотя я всё ещё не верю во всю эту историю про бога.

– Ну и ладно, верить в это не обязательно, – ответил я. – А теперь ложись спать. Я разбужу тебя, перед тем как уйти.

Она прижалась ко мне, обняв за торс, будто я мягкая подушка. Вскоре её дыхание выровнялось, грудь размеренно поднималась и опускалась, сердце билось медленнее, спокойнее.

Я бы исполнил её мечту, чего бы мне это ни стоило. Даже если мне придётся покинуть Совет, навсегда забыть семью – я создам новую с ней и мальчишками. У меня уже есть эта новая семья. Я ни за что от них не откажусь.

Ирида пришла вскоре после полуночи – появилась в радужной вспышке посреди камеры. Её рыжие волосы ниспадали упругими кудрями, и одета она была нарядно, словно собиралась не торопясь.

– Привет, – прошептал я. – Спасибо, что пришла.

– Да не за что, – она заметила Так, которая успела сменить позу за последний час. Её голова оказалась у меня на коленях, и она тихо посапывала. – А это кто?

– Моя подруга. Её зовут Так. Мне нужна твоя помощь.

– Конечно, – Ирида не сводила глаз с девушки. – Какого рода помощь? У меня мало времени, пока Зевс не заметил, что меня нет.

– Мне нужно вывести отсюда нескольких детей. Они в камере за парой поворотов. Могу показать, где именно. Их нужно перенести в безопасное место в лесу, где никто, кроме нас, не сможет их найти. Буквально провалиться сквозь землю, если придётся.

– Но...

– Никаких "но", – перебил я. – Они уже видели мою магию. Они будут удивлены, но пойдут с тобой. Это нужно сделать быстро, Ирида. Максимально быстро. Как только закончишь...

– Сообщить тебе, – закончила она. – Я не идиотка.

– Знаю. Просто... Умоляю тебя, это очень важно. Для них это вопрос жизни и смерти.

– Поняла, – она снова посмотрела на Так. – А с ней что?

– Как только выведем детей, я вернусь за ней.

Ирида накрутила локон на палец, задумавшись, и кивнула.

– Я всегда не прочь устроить небольшую шалость. Давай сделаем это.

Нехотя я переложил голову Так со своих коленей, ещё раз проведя пальцами по её тёмным волосам.

– Я быстро, – шепнул ей и, поднявшись, протянул руку Ириде. – Идём напрямую. Чем сильнее они нас испугаются, тем скорее оставят в покое.

– Не представляю, чтобы кто-нибудь мог тебя испугаться.

Долю секунды спустя мы вместе прошли сквозь толстую каменную стену напротив двери, выходя в коридор. Здесь царила почти кромешная тьма, но я вёл Ириду по подземелью, стараясь избегать занятые камеры. Я бы освободил всех, но сейчас не лучшее время.

Наконец мы добрались до камеры мальчишек. Спраут прислонился к Маку и каждые несколько секунд дёргался во сне. Мак же не спал и даже глазом не моргнул, когда мы прошли сквозь стену.

– Вы в порядке, – облегчённо выдохнул я. Мак толкнул Спраута, чтобы тот проснулся. Как только Спраут открыл глаза, он вскочил на ноги.

– Джеймс! Ты пришёл! – закричал Спраут, зажимая меня в медвежьи объятья. – Вот видишь, Мак! Я же говорил тебе, что он придёт. Так в порядке? А Перри?

– С Так всё хорошо. Насчёт Перри... – я запнулся. – Не знаю. Но мы это обязательно выясним, хорошо? Это моя подруга Ирида. Она выведет вас отсюда.

Спраут развернулся к ней, будто только заметил её присутствие. Стоило ему увидеть её, у него упала челюсть.

– Ты красивая.

– И ты тоже очень симпатичный, – пробормотала она, беря его за руку и протягивая вторую Маку. – Идём. Это будет быстро, обещаю, хотя с непривычки ходить сквозь стены кажется странно.

Спраут ахнул. Мака одолевали сомнения, но он всё же взял её за руку. Однако прежде чем пойти за ней, Мак хлопнул меня по плечу и впервые за всё это время посмотрел прямо в глаза.

– Спасибо, – его голос прозвучал хрипло из-за редкого использования. Но это было намного больше, чем я когда-либо ожидал от него услышать, и я похлопал его по руке.

– Всегда пожалуйста. Скоро увидимся.

Со всеми, если Аполлон справился со своей задачей. Но это я узнаю только после того, как уведу Так в безопасное место. А пока стараюсь об этом не думать.

Я смотрел им вслед, пока Ирида проводила сквозь стену. До внешней стены замка отсюда недалёко, они управятся за минуту, даже не торопясь. А значит, мне пора вызволять Так.

Сделав глубокий вдох, я развернулся, чтобы открыть дверь, и врезался в стену. Крепкую такую бессмертную стенку. Ошеломлённый, я качнул головой и отступил назад. Мои глаза округлились, когда я увидел, кто передо мной.

Зевс.

– По-моему, я сказал тебе оставаться на Олимпе, – произнёс он. И не успел я сказать ни слова, да что там – даже выдавить хоть звук в свою защиту, он схватил меня за руку, и мы исчезли.

* * *

– Ты не можешь так со мной поступить, – орал я, расхаживая по кабинету Зевса. – Она рассчитывает, что я вытащу её оттуда. Как только этот проклятый граф узнает, что другие исчезли...

– Я не понимаю, что за чушь ты тут несёшь, и не хочу понимать, – спокойно сказал Зевс, сидя за столом. – Дела смертных – не наша забота. Заставлять Аполлона спасать жизнь тому мальчику было глупой тратой ресурсов. Это просто смертный.

– Вот из-за такого отношения мы и вымираем.

– Легко тебе говорить. Не тебе нужно объяснять мойрам, почему мальчик ещё среди живых.

Несмотря на закипающую злость, в груди вспыхнула искра надежды. Перри жив. Но если я не смогу убедить Зевса позволить мне вернуться на землю, пострадает Так.

– Пожалуйста. Десять минут, мне нужно всего десять минут. Если ты меня не пустишь, она умрёт.

– Надо было подумать об этом до того, как ослушаться меня, – отрезал Зевс. – Ты останешься здесь, на Олимпе, как я приказывал. Ты хоть представляешь, что пережили твоя мать и я? Мы думали, ты погиб.

– Ты уже несколько тысяч лет не общался с моей мамой, – огрызнулся я. – Если не отпустишь меня, я...

– Всё равно сбежишь? – спокойно предположил Зевс. – Снова? Вперёд. Если покинешь Олимп, я позабочусь о том, чтобы тебя навсегда исключили из Совета и

чтобы ты шагу больше не мог ступить сюда. Отменим твои обязанности в Подземном мире, заменим тебя кем-нибудь другим, и тогда, подозреваю, в скором времени ты угаснешь. Этого ты добиваешься?

Я сглотнул.

– Я просто хочу сдержать свои обещания.

– А твой долг перед Советом уже не имеет значения?

– Не когда на кону жизнь важного для меня человека.

– Тогда выбор за тобой. Но я сильно сомневаюсь, что ты успеешь спасти её, так что выбирай с умом. У смертных есть загробная жизнь. Даже если случится такое, что она умрёт раньше срока, она продолжит жить в мире Аида. Но если угаснешь ты... Я бы предпочёл, чтобы этого не случилось.

– Какое утешение, – саркастично выпалил я.

Зевс поднялся.

– Не вини меня за кашу, которую ты заварил, Гермес. Я делаю то, что должен, чтобы защитить Совет.

– Пока мы все не угаснем из-за того, что никто, чёрт побери, ничего не предпринимает.

– Мы делаем всё, что можем. То, что тебя не посвящают во всё происходящее, не означает, что мы ничего не делаем, – он взмахнул рукой. – Отправляйся в свои покои. Завтра я назначу тебе соответствующее наказание за то, что ты устроил.

– То есть убить единственного моего друга за многие века – недостаточное наказание? – выкрикнул я, но Зевс уже не слушал. Он начал просматривать свитки у себя на столе, а его кабинет вокруг меня сменился моими покоями.

Чудесно. Вот теперь я реально в тюрьме.

Я ударил кулаком по золотой стене, комната задрожала. Не весь Олимп, как это бывало, когда гневался Зевс. Очередное подтверждение тому, как легко меня заменить. Я и в подмётки не гожусь первородной шестёрке. И безразличие Зевса к тому, буду ли я жить или нет...

Я должен был защитить Так. Не знаю как, но я должен был сделать для них больше. Они моя настоящая семья, а не олимпийцы. Пускай даже я пережил бы их всех, но эти несколько того стоили бы. Всё не может закончиться вот так. Ни для Так, ни для ребят, ни для кого.

Но даже если я сбегу с Олимпа, я застряну в той части мира. У меня нет дара телепортироваться, как у первородной шестёрки. Я мог спуститься через портал на

рассвете и надеяться, что Так ещё не успели повесить. Этого мало, чтобы гарантировать ей спасение, а на меньшее я не согласен.

Я ходил по комнате. Бегал. Носился кругами. Я буквально истоптал пол своих покоев за эту ночь в ожидании рассветного часа Так. Она уже должна была проснуться и гадать, куда я исчез. Я представлял её страх, и в венах вскипала кровь. Я не мог этого допустить, чего бы мне это ни стоило. Я не смогу себе это простить.

Наконец, выругавшись, я рванул к двери. У меня не было выбора – использовать портал на рассвете было моей единственной надеждой успеть вовремя добраться до неё. Этого должно хватить. Другие варианты даже не рассматриваются.

Но не успел я пересечь комнату, как кто-то тихонько постучал в дверь. Я распахнул её, готовый с боем пробиваться, но на пороге стояла Ирида, бледная и потрёпанная.

– Ирида? Ты в порядке? – я отошёл в сторону, пропуская её внутрь. Она вошла, обняв себя руками.

– В порядке, – ответила она со слабой улыбкой, не коснувшейся её глаз. – Или скоро буду. Зевс не обрадовался тому, что я тебе помогла.

Я коснулся её локтя. Она накрыла мою ладонь своей, вцепившись так, будто это единственное, что не даёт ей упасть.

– Прости, я не должен был тебя просить...

– Не смеши. Я бы не стала помогать, если бы не хотела, – сказала она. – Ты успел вывести девушку?

Я покачал головой. Грудь сдавливала мысль о неумолимо приближающейся судьбе Так.

– Её казнят через несколько минут. Если я не доберусь до неё...

– Не переживай. Я тебя прикрою.

Я моргнул.

– Ирида, ты не можешь... Зевс и так тобой недоволен, если он узнает...

– Плевать, – её голос дрожал, говоря об обратном. – Если нам удастся спасти её, оно того стоит. Я знаю, что Зевсу всё равно, но мне нет. На своём пути я встречала многих смертных, и не все из них невинные цветочки, но эта девушка не заслуживает смерти. И те мальчики так сильно её любят, – она покачала головой, её глаза увлажнились. – не трать время на споры. Я уже всё решила. Как ты сам говорил, я единственная богиня, которая спокойно терпит выходки Зевса, и даже если он меня прогонит, то скоро позовёт обратно.

Я открыл рот, чтобы возразить. В нашей ситуации, когда боги угасают, даже временная потеря работы слишком опасна. Но я не смог выдавить ни слова, небесно-голубой потолок и рассветный пол рассеялись, сменившись тучами, дождём и запахом мокрой земли.

Лес. А прямо за ним – крестьяне, стены, город...

Не раздумывая, я чмокнул Ириду в щёку и рванул по тропе. Я чувствовал нити, тянущие меня к Маку, Спрауту и Перри, за спиной, но радоваться пока рано. Мои мысли были устремлены вперёд, в поисках Так, и сердце пропустило удар. Она сейчас на городской площади, на эшафоте.

Я промчался через городские врата, по грязной дороге. Площадь была не сильно большой, с несколькими лавками со всякими товарами. Наверное, там могла уместиться четверть населения города, но мне не было до них дела. Смету их всех с пути, если нужно будет, чтобы спасти Так.

Вот только когда я добежал до площади, там уже было пусто. Ни зрителей, ни палача... Только один крепкий мужик, тащивший телегу от эшафота.

Я понимал, что случилось. Понимал, что означает нить, ведущая к телеге. Но даже чувствуя, как мой мир разлетается на осколки, я подбежал к мужику и вытащил плотный холщовый мешок из его телеги.

В грубую ткань было завёрнуто тело Так, бледное и неподвижное. Кто-то милосердно закрыл ей глаза, но я хорошо представлял, как они сердито смотрят на меня за то, что я всё испортил. Я мог бы легко убедить себя, что она просто спит, если бы не тёмно-фиолетовое кольцо на её сломанной шее.

Меня трясло: злость, боль и скорбь, которые невозможно описать словами, раздирали меня изнутри. Мужику рядом хватило одного взгляда на меня, полыхающего огнём, терзаемого болью тысяч мёртвых душ, и он сбежал.

Так. Моя бедная Так. Как такое могло случиться? Ещё даже не рассвело. У нас ещё было время, всё не могло закончиться так рано. Я должен был успеть спасти её.

Из меня вырвался всхлип, я нежно обнял её тело. Я подвёл её. Она умерла из-за меня. Я потерял своего первого друга за очень, очень долгое время. Эта агония и чувство вины бурлили во мне, лишь усиливая скорбь по девушке, которую я знал каких-то два дня, даже меньше. Но время не значит ни черта, когда дело касается любви. И я просто сидел на коленях, раскачиваясь вперёд-назад, будто надеялся, что мир сам всё исправит. С каждой секундой надежда угасала, пока не исчезла вовсе.

Я не знаю, сколько времени провёл в этом положении. Достаточно, чтобы местные жители распахнули ставни и вышли на улицу. Но они не были моей целью, а потому их страх только усиливал мой гнев.

– Гермес?

Тихий голос Ириды вывел меня из мыслей, полных самобичевания, и я повернулся к ней. Её лицо расплывалось, но даже сквозь слёзы я видел, как она переживает.

– Она умерла, – моё горло сжалось. – Он убил её.

Ирида побледнела, её глаза покраснели.

– Ох, Гермес. Мне так жаль.

– Ты не могла бы... – мой голос дрожал. – Не могла бы передать её тело мальчикам? Она заслуживает достойных похорон. Я вернусь, как только смогу. У меня осталось одно дело.

Ирида потянулась ко мне.

– Гермес...

Я отпрянул от неё – инстинктивно, а не потому, что не хотел, чтобы она ко мне прикасалась. Но я был не в том состоянии, чтобы извиняться, и вместо этого выдавил из себя слова:

– Пожалуйста. Я скоро присоединюсь. Просто убедись, что с ребятами всё нормально.

Она молча кивнула, отступив назад, чтобы дать мне немного уединения. Я прижался губами к холодному лбу Так.

– Прости меня, – прошептал я. – Надеюсь, ты обрела счастье. Клянусь, я позабочусь о мальчиках. И приду к тебе, как только смогу.

Но даже если бы я смог тайком пробраться в Подземный мир и найти её среди его бесконечных лабиринтов, смертные там уже не такие, как при жизни. Они утрачивают чувство времени и пространства, и даже если Так узнает меня, это уже будет не то.

Но выбора у меня нет, и даже бледное подобие Так лучше, чем ничего.

Последний раз нежно прижав её к себе, я передаю тело Ириде, которая тут же направляется к воротам. Она защитит Так лучше, чем я, и проследит, чтобы её тело не похоронили в месте, которое она ненавидела. Это всё, о чём я мог просить.

Как только они скрылись из виду, я развернулся к замку. Не помню, как дошёл до него: вот я стою посреди грязной площади, а вот уже – посреди главного зала, всё ещё полыхая огнём. Десяток стражников окружили меня, но я раскинул

их по сторонам. Я надвигался на графа без капли сожаления. Если он хотят защитить убийцу, это их выбор. А это мой.

– Ты убил её, – даже я удивился тому, как прогремел мой голос. С лица графа сошли все краски.

– Ты... ты сбежал, а она отказалась выдать твоё местонахождение...

Я схватил его за горло, на котором висел тот самый медальон, из-за которого всё началось. Ублюдок.

– Ты убил собственную дочь. Знаешь, что Аид делает с такими, как ты, в Преисподней?

Граф слишком сильно дрожал, чтобы ответить. Я сорвал медальон с его шеи.

– Это тебе не принадлежит, – сказал я. – Как и весь этот замок.

– Т-ты... ты не можешь... – он шумно сглотнул. – Ты убьёшь меня?

Искушение велико. Очень, очень велико. Но для него смерть станет спасением, способом избежать расплаты за свои преступления, даже если Аид осудит его в Подземном царстве. Он уже не будет в полной мере осознавать происходящее, испытывать чувство вины или боль за содеянное. А я не настолько милосерден.

– Хуже. Отныне я лишаю тебя титула, земель и имущества. Ты будешь изгнан отсюда. И нет, я не убью тебя, напротив. Я обещаю тебе очень долгую жизнь. Но не здесь. И не где-либо ещё. Я проклинаю тебя блуждать по свету и влачить жалкое существование. Ты не сможешь задержаться нигде дольше, чем на одну ночь, будешь охотиться в лесу, чтобы выжить, и больше никогда не поднимешь руку на невиновного. Ты никто и ничто и будешь забыт всеми, кто когда-либо тебя знал.

Глаза графа чуть ли не вылезли из орбит.

– Ты не можешь так со мной поступить! Я граф! Эти земли дарованы мне самим королём!

– Похоже, что мне есть дело до твоего короля? Я бог, и моё слово – закон. Ты не сможешь его нарушить, а я уже его произнёс. А теперь убирайся.

Я сбросил его со стула на пол. Он поморщился, потирая красные отметины на шее. Не сравнить с теми, что остались у Так.

– Думаешь, ты можешь вот так просто войти в мой замок и унижать меня на глазах у моих людей? – хрипло прошипел он. – Стража!

Стражники, прежде окружавшие меня, растерянно переглянулись. Они всё ещё держали мечи, но направили их не на меня, а на своего бывшего господина.

– Кто ты такой? – спросил начальник стражи. – Что ты здесь забыл?

– О чём ты? – граф был ошеломлён. – Я твой лорд!

Я коснулся плеча стражника.

– Они никто. Просто безумный старик, который не понимает, кто он и где он. Вышвырните его из города и бросьте ему достаточно еды, чтобы пережить ночь.

– Разумеется, – ответил стражник. Пока остальные окружали мямлящего графа, я развернулся и покинул зал.

Это не вернёт Так, но это всё, что я могу для неё сделать.

* * *

Я нашёл Ириду и мальчишек. Мои ноги казались тяжёлыми, и каждый шаг давался с трудом, но я сжимал медальон Так, который подстёгивал меня двигаться дальше. К тому времени, когда я пришёл, Спраут и Перри рыдали над телом Так, аккуратно завёрнутым в шёлк, который, должно быть, создала Ирида, а Мак заканчивал выкапывать могилу между двумя деревьями.

– Как думаешь, её бы устроило это место? – спросил Спраут, его щёки были мокрыми от слёз. Я опустился на колени рядом с ним и кивнул.

– Прости меня, – прошептал я. – Я не хотел, чтобы так произошло.

Он не ответил. Я уже подумал, что он собирается ударить меня, как его руки обхватили мою шею и крепко обняли.

– Не извиняйся. Ирида рассказала нам, что произошло. Ты сделал всё, что мог.

Я обнял его. К нам присоединился Перри. Он казался ещё более хрупким, чем обычно, и у него был жар, но главное, что он был жив и пойдёт на поправку.

– Спасибо, что спас меня, – сказал он, кладя голову на моё плечо. – Так была бы счастлива.

– Обязательно, – тихо ответил я и сглотнул ком в горле. – Я не смогу быть с вами постоянно, но каждую секунду, когда у меня будет такая возможность, я проведу с вами. Вы теперь моя семья, и я больше никогда вас не подведу.

– Мы знаем, – прошептал Перри. Мы втроём так и стояли на коленях в обнимку.

Наконец Мак опустил ладонь на моё плечо, я отпустил ребят, заставляя себя подняться на ноги.

– Присматривай за ними, – сказал я. – Когда будете готовы, возвращайтесь в город.

Мак нахмурился, и хотя он не произнёс ни слова, я знал, что он хотел спросить.

– Графа больше нет. Теперь ты возглавишь город, как только будешь готовы. Я знаю, что ты будешь справедлив к своим людям, а они заслужили хорошего правителя.

Его детское лицо побелело, рот открылся, но он так ничего и не сказал.

– Ты умеешь слушать и наблюдать, – продолжил я. – Это уже больше, чем умеет большинство правителей. Не забывай, кто ты и кто твои люди. Помни, что они не твои игрушки. Этого достаточно, чтобы справиться.

Он продолжал молча смотреть на меня. Я похлопал его по спине и опустился рядом с Так.

– Идём, – я коснулся её холодной руки сквозь шёлк. – Нам пора прощаться.

* * *

Вскоре после полуночи мы с Иридой вернулись на Олимп. Как только мы ступили на пол, она вздрогнула и побежала прочь. Как только мои глаза привыкли к свету, я понял почему.

Совет собрался в полном составе. Отлично.

– Гермес, – сухо произнёс Зевс. – Хорошо, что ты решил к нам присоединиться. Мы как раз решаем твою судьбу. Стой на месте.

Я уже был на полпути к своему трону, когда он это сказал. Я остановился и развернулся лицом к остальным. Они все смотрели на меня – кто самодовольно, кто разгневанно, кто безразлично. Но никто из них не смотрел на меня так, как это делала Так.

– Я могу высказаться в свою защиту?

– Не вижу смысла, – вмешался Аполлон, обращаясь ко всем. – Он знал о последствиях, когда уходил.

Его слова перечеркнули хрупкое перемирие, возникшее между нами вчера.

– Да, потому что мне известно то, чего не знает никто больше. Я знаю, как остановить угасание богов.

Тут же по кругу пошли шепотки. Зевс поднялся и, хотя он пытался скрыть это, я заметил жадный блеск в его глазах.

– И как ты к этому пришёл? – медленно спросил он.

– Девушка, которой ты позволил умереть... Именно её я искал, когда покинул Олимп. Сами мойры направили меня к ней. Я искал ответы, и она мне дала их. Не прямо, конечно, но то, что она мне говорила... Я сложил вместе и понял.

Молчание.

– И? – после долгой паузы спросил Зевс.

– И я скажу вам при двух условиях.

– Ты скажешь нам, потому что ты член этой семьи, а не на каких-то условиях! – рявкнул он. Я уже много лет не слышал, как он повышает голос.

– Вот тут ты ошибаешься, – сказал я. – Семья не обращается со своими так, как вели себя со мной вы с тех пор, как умерла Персефона.

На противоположном конце круга вздрогнул Аид, но я не останавливался. Не время щадить его чувства, мы говорим о куда более важных вещах.

– Я совершил ошибку, большую ошибку, и сделал всё, чтобы её компенсировать. Но хотя я остался прежним, вы с тех пор стали обращаться со мной, как с изгоем, и меня это достало. Я ни с кем из вас так себя не вёл. Кроме разве что тебя, Аполлон, но я просто завидую твоим зубам.

Никто не рассмеялся. Я вздохнул.

– Слушайте. Я не желаю никому из вас смерти. Я просто хочу снова стать частью семьи. По-настоящему, а не "давайте притворимся, что всё нормально, а затем спихнём его с Олимпа". Я прошу не прогонять меня и не наказывать Ириду за помощь мне. И... всё, – сказал я, внезапно почувствовав неуверенность после озвучивания требований. – Просто относитесь ко мне нормально, не вините Ириду, и мы вместе решим проблему.

Зевс молча стоял минуту, очевидно, мысленно переговариваясь с остальными членами Совета. Мне было всё равно. Пусть и дальше остаются такими же упрямыми, лишь бы сейчас пришли к правильному решению.

Наконец Зевс прочистил горло.

– Ладно, – медленно произнёс он. – Мы принимаем твои условия сделки, но у нас есть встречное. Если твоё решение проблемы окажется бесполезным, ты будешь немедленно исключён из Совета, лишён статуса олимпийца и всего сопутствующего. Это понятно?

Я кивнул, сглотнув ком в горле. Меньшего я от них в любом случае не ждал.

– Я понимаю и согласен. Если только Ирида не пострадает.

– Хорошо, с Ириды сняты все обвинения, – ответил Зевс. – Теперь расскажи нам, что ты узнал.

Это была самая сложная часть. Я стоял перед своим троном, не смея сесть. Посмотрел каждому в лицо. Как бы они ни относились ко мне, я люблю их всех, и мне невыносимо думать, что с кем-то из них может что-то случиться. Даже если бы они отказали мне, я всё равно рассказал бы.

– Вы будете возражать, – сразу предупредил я. – Это сильно отличается от того, к чему мы привыкли, а потому вызовет сопротивление. Но прежде чем вы отмахнётесь от этого варианта, прошу, просто попробуйте. Помните, что сами мойры послали меня к ней, – я колебался. – Мы должны измениться.

Растерянное бормотание эхом пронеслось по залу. Зевс поднял ладонь. Все замолкли.

– Поясни, Гермес.

Я начал рассказывать историю Так. О том, через что ей пришлось пройти и почему. Как она приспособилась. Как её назвали при рождении и как выбор нового имени помог ей переродиться, дал возможность стать тем человеком, которым ей нужно было стать. О том, как она изменила свою судьбу, свои убеждения и поступки, чтобы начать новую жизнь. И о том, как много для неё значила эта новая жизнь.

– То есть ты хочешь сказать, что нам надо сменить имена? – спросила Афродита, сжимая ладонь Ареса. Я кивнул.

– Но не только. Нам надо изменить свою роль в этом мире. Мы зависим от смертных, а они зависят от нас, но они не осознают этого. Большинство из них даже не догадывается. Раньше люди знали, кто мы такие и что мы делаем, и они верили в нас. Теперь же они считают нас не более чем мифами – историями, рассказанными у костра, а не кем-то реальным. А нам нужна их вера.

– И что ты предлагаешь? – спросил Посейдон.

– Мы должны стать кем-то большим. Больше, чем богами и богинями. Больше, чем олимпийцами. И в то же время мы должны стать своими среди людей. Жить среди них, научиться их понимать, помогать им. Перестать нуждаться в признании. Мы должны влиться в их общество и перестать быть великими недосягаемыми божествами. Да, мы бессмертны, но мы переживаем те же чувства, что и он: радость, грусть, злость, волнение... Нам нельзя ставить себя выше них. Пусть в наших венах течёт кровь, а не ихор. Мы должны адаптироваться.

– Я не понимаю, – тихо произнёс Аид. – Как жизнь среди них поможет мне?

– Тебе никак, – ответил я. – Твои подданные всегда будут там. Но они знают, кто ты, хотя бы имеют представление. А вот наши... Они теперь верят в других богов, или только в одного из нас, или ещё в какое-то своё понимание высших сил. Мы должны стать теми богами. Стать теми, кем они нас представляют, – я покачал головой. – Понимаю, звучит безумно. Однако корень проблемы в том, что они не

знают, кто мы. И редкими демонстрациями силы и правлением свысока этого не исправить. Но мы можем жить как... как Рея.

По крайней мере, несколько лиц озарилось пониманием.

– Она живёт среди людей. И я не говорю, что мы должны бросить Олимп. Мы просто должны стать ближе к миру смертных и постараться их понять. Пока есть смертные, на земле будут существовать и любовь, и музыка, и путешествия. Чтобы всё это поддерживало нас и дальше, мы должны спуститься на землю и начать олицетворять эти вещи. Все, кого мы встретим, будут знать, кто мы, пускай и под другими именами, но мы прочно войдём в их жизнь. Я ещё раз подчёркиваю, что мы больше не можем ставить себя выше них. Мы ничем не лучше них, и об этом надо помнить. Мы зависим от них так же, как они от нас. Надо признать это и изменить свой подход.

– Мы утратили связь с людьми, – отметила Афина, обводя взглядом остальных. – Мы можем хотя бы попробовать.

Прошла почти минута, пока все пытались осмыслить услышанное. Некоторые перешёптывались друг с другом. И только когда Зевс опустился обратно на свой трон, все заметно выдохнули.

– Мы попробуем, – решил он. – Хотя это всё звучит слишком абстрактно. Есть конкретные предложения о том, что мы можем сделать, чтобы внедрить эти... твои идеи?

– Да, – честно ответил я. – Мы должны выбрать новые имена. Прямо сейчас. Оставить в прошлом наши прежние личности и начать всё заново, чтобы адаптироваться к меняющемуся миру и выжить. Имя – это только начало, но с чего-то же нужно начинать.

Все выглядели не очень довольными этим предложением. Даже Гефест, которому не то чтобы прям повезло с именем.

– И какие это должны быть имена? – нахмурившись, спросила Афродита.

– Не знаю. Имена, которые можно будет использовать веками, хотя, если понадобится, сменим ещё раз, – сказал я. – Мы сделаем всё, для того чтобы выжить.

– Хорошо, – произнёс Зевс. – Почему бы тебе не начать первым? Как тебя теперь звать, сын?

Сын. Пускай для него это просто слово, но для меня – момент признания. Момент, когда мы оставили в прошлом тысячелетия разногласий и вступили в новую эру с чистого листа.

Именно такую жизнь хотела Так. У неё её уже не будет. Но будет у меня.

– Джеймс, – сказал я. – Меня зовут Джеймс.

* * *

Три года спустя мы всё ещё существовали.

Не могу солгать и сказать, что это было просто. Изменения не случились за одну ночь, но к чести Совета – каждый попытался. Только Гера сохранила греческое имя, отказываясь забывать корни, которыми так дорожила. По крайней мере, мы уговорили её сменить имя на менее известное – Каллиопу. Даже Зевс смог выбрать достаточно сильное имя, которое удовлетворило его эго.

Медленно, но верно Совет преобразился. Вместо божеств, правящих миром, который даже не подозревал об их существовании, мы стали проводить больше времени на земле, постоянно общаясь со смертными, чего мало кто из нас делал последние тысячи лет. Это было непросто – несколько попыток обернулись катастрофами, в большинстве своём из-за Афродиты и её смертных поклонников – завоевателей. Очевидно, мир изменился с тех пор, как она последний раз явила себя в небольшой деревушке. Но со временем мы все перестроились. Мы начали длинный путь становления теми, кто сможет выжить.

Все эти три года я часто навещал Мака, Спраута и Перри, иногда вместе с Иридой. Мальчишки довольно быстро перебрались во дворец, и Мак отлично справлялся с ролью графа. Он был добрым, справедливым правителем, как я и надеялся, и со временем моё беспокойство прошло. С ними всё будет в порядке. Уже.

Но несмотря на это, я никак не мог избавиться от чувства вины из-за смерти Так. Мальчишки давно уже оправились, а я так и не смог. Поэтому я так долго тянул с визитом, которым пугал меня до ужаса.

Я подошёл к трону Аида с опущенной головой – отчасти чтобы показать уважение, но главным образом, чтобы не смотреть на пустой трон Персефоны. Он ещё не выбрал себе имя, последний из всех, но ему незачем спешить. Даже если он решит остаться Аидом, его существованию ничего не грозит. Даже когда умрёт последний человек на земле, а все остальные боги угаснут, он продолжит жить вечно. Вот только если он не найдёт замену Персефоне, это будет очень, очень долгая вечная. А я не хотел лишнего напоминания о том, как я с ним поступил.

– Гермес, – жутким голосом произнёс он и помедлил. – Джеймс. Возникли какие-то проблемы с душами, которых ты привёл?

– Нет.

– Тогда зачем ты здесь?

Между нами существовало негласное правило, согласно которому я избегал встреч с ним, пока исполнял свои обязанности в Подземном царстве. И хотя редкие неловкие столкновения всё же случались, большую часть времени мы держали дистанцию.

– У меня есть просьба.

Повисла гнетущая тишина. Аид вздохнул.

– Ты хочешь увидеть ту девушку.

– Я... – я захлопнул рот. Ну конечно, он догадался. – Да. Я надолго не задержусь. Просто хочу убедиться, что с ней всё в порядке, и передать ей кое-что...

– Нет, – словно эхом разлетелось по тронному залу, хотя он произнёс его очень-очень тихо. – Я не могу позволить тебе увидеть её.

Я уставился на него. Он что, серьёзно?

– Почему нет? Ты же позволял другим навещать смертных в Преисподней. Почему я не могу увидеть Так?

Но ещё не договорив, я знал ответ. Это его месть за то, что я сделал с Персефоной. Столько тысяч лет мы всё плясали вокруг этой темы, притворяясь, что между нами нейтралитет, но теперь, когда её нет, когда он считает, что я сыграл решающую роль в её уходе от него, он решил отнять у меня Так.

Око за око.

– Ты не можешь так поступить, – возмутился я. – Она ничего плохо не сделала.

– Зато ты сделал, – он подался вперёд, глядя на меня своими серебряными глазами. – И это ты хочешь увидеть её, а не наоборот.

– Ты не знаешь наверняка.

– Знаю, – он выпрямился. – Я не позволю вам встретиться. А если попытаешься прокрасться тайком, чтобы найти её, я буду перемещать её по всему Подземному миру столько раз, сколько придётся, чтобы не дать тебе добраться до неё. Ты никогда её не увидишь, пока я правлю Преисподней.

Он с тем же успехом мог бы проделать дыру во мне и вытащить все внутренности. Я стоял перед ним, дрожа, пытаясь что-нибудь придумать, но я и так уже тысячу раз извинялся. Я уже сделал всё, что мог, чтобы он меня простил. Но его гордость и ярость не дают ему двигаться дальше. А потому мы оба топчемся на месте.

Я сжал руки в кулаки. Я мог бы его ударить. Я хотел ударить его сильнее, чем жить, но мне слишком сложно было вернуть ровное отношение Совета. Нападение на Аида только отбросит меня назад.

Я не мог ни черта с этим сделать, и он это прекрасно понимал.

– Тогда... Можешь передать ей кое-что? – моя дрожащая рука скользнула в карман. Но как только я нащупал медальон, Аид покачал головой.

– Нет.

Ну конечно. Чёрт возьми, конечно. Я запустил свободную руку в волосы, перед глазами встала алая пелена.

– То, что случилось с Персефоной, не моя вина, – выпалил я. – Она сама приняла решение. Я просто помог ей увидеть, что у неё есть выбор.

– У неё был выбор, – согласился Аид. – И у тебя тоже. Я не возлагаю на тебя ответственность за действия Персефоны. Только за твои собственные.

Я отвернулся. Он прав, пускай даже его методы отвратительны и несправедливы. Я сам принимал решения и раз за разом страдал из-за последствий. Это последний.

– Ладно, – мой голос дрожал, когда я развернулся лицом к нему. – Хорошо. Я принимаю твоё решение, но при условии, что на этом всё. Можешь ненавидеть меня хоть до скончания веков, но это последний раз, когда ты наказываешь меня за прошлое. Точка.

Он наклонил голову, будто ему стало даже любопытно. Чтобы кто-то из нас так разговаривал с первородной шестёркой... Безумие. Особенно, учитывая, как он меня ненавидит. Но мне плевать. С меня хватит.

– Мы квиты. Я отнял у тебя Персефону, ты отнял у меня Так. Конец истории.

Пока я говорил, мой большой палец потирал медальон. Я больше никогда её не увижу. Это нелегко принять, ни в коей мере, но я отказываюсь унижаться перед Аидом. Я сильнее этого. Так сделала меня сильнее, и принять это как-либо, кроме как с высоко поднятой головой, было бы осквернением её памяти. Я не мог этого допустить.

– Хорошо, – ответил Аид после долгого молчания, коснувшись пустого трона рядом с собой. – Мы квиты. А теперь убирайся.

Я проходил мимо рядов душ, ставших свидетелями нашего разговора. Но они все не имели значения. Единственную душу, которую я хотел увидеть, я больше никогда не увижу. Аид об этом позаботится.

Но на полпути я остановился и обернулся ещё раз. Невидимый кулак сжал моё сердце.

– Она счастлива?

Даже издалека я чувствовал, как взгляд Аида прожигает во мне дыру.

– Разве это важно, если ты ничего не сможешь с этим сделать?

– Да.

Это важно.

Он поджал губы, и после паузы тяжело вздохнул.

– Да, она счастлива.

Это всё, что мне нужно было знать. Это не изменит прошлого, не вернёт меня в тот момент, когда я ещё мог спасти её, но по крайней мере, я могу спокойно жить дальше, зная, что она не страдает. Это маленькое утешение Аид никогда у меня не отберёт.

– Спасибо, – ответил я и, не говоря ни слова больше, развернулся и ушёл.

* * * * *

БОГ ТЬМЫ

Предложение Каллиопы

Как правителя Подземного царства его боялись живые и глубоко почитали мёртвые. Как член вечного совета богов он обладал невообразимой силой, готовый сделать всё, что потребуется, чтобы исполнить свои обязанности и соблюсти свои законы. Как повелитель душ погибших он будет жить вечно, ведь его долг перед подданными гарантирует ему истинное бессмертие.

Но он бы отдал всё это, лишь бы стать смертным.

За многие тысячелетия своего существования Аид видел больше лиц и слышал больше историй, чем все остальные члены совета вместе взятые. Рано или поздно все смертные попадали в его королевство, и хотя он лично общался лишь с малой долей общей численности, он всё равно чувствовал присутствие каждого. Чувствовал каждый миг их потерянных жизней.

И поэтому он завидовал их смертности. Иметь ограниченный отрезок жизни, знать, что у всего есть конец, а не плыть по бескрайнему океану времени... Было бы здорово. Тогда даже одиночество не страшно, ведь рано или поздно это всё равно закончится. Но быть богом значит не иметь такой роскоши.

Он сидел на своём троне после долгого дня судебных разбирательств, и молчание давило на него. Число душ словно бы выросло в геометрической прогрессии за последние несколько веков. Или ему так казалось теперь, когда он один, без Персефоны. Его жены, его друга, его партнёрши — он зависел от неё даже сильнее, чем полагал раньше. Даже зная, что она никогда бы не ответила ему взаимностью, он держался за память о ней, храня её в сердце, как любой другой цеплялся бы за счастливые моменты своей жизни.

Тем не менее, он сдержал слово, данное самому себе, и ни разу не ходил к ней. Это слишком мучительно — знать, что она так близко, но в то же время влюблена в другого. На это невыносимо смотреть. Раны только-только начали заживать, и пускай шрамы останутся в любом случае, если ковырять едва затянувшиеся порезы, они могут никогда не закрыться.

Вместо этого он позволил себе мечтать о ней в те немногие часы, которые он отводил себе на сон. Он позволил себе мечтать о жизни, которая у них могла бы быть, если бы он не наделал столько ошибок — если бы угадывал её желания, говорил правильные слова и вообще не соглашался бы на договорной брак, предложенный Деметрой. Если бы он сам спросил Персефону, чего она хотела тысячи лет назад, до того, как они нанесли друг другу неисправимый ущерб...

В эти короткие часы мечтаний он был счастлив.

Откинувшись на спинку трона, он тяжело вздохнул, неподъёмные веки опустились. Ровно пятьсот лет. Столько прошло с того дня, как он отпустил её, но боль оставалась такой же яркой, как в ту минуту, когда она умерла у него на глазах. Какие уж там шрамы, раны не зажили совсем. Он уже сомневался, что ему хоть когда-нибудь станет легче.

Двери в тронный зал распахнулись, и с усталым вздохом он выпрямился. Следующая партия душ должна появиться не раньше утра, а Джеймс прекрасно знает, что к нему лучше не лезть. И хотя у него было догадок, кто именно мог к нему прийти, он точно не ожидал девушку, стоявшую в дверном проёме на дальнем конце дорожки к трону.

— Гера. Каллиопа, — произнёс он, тут же поправив себя, и встал. — Рад тебя видеть.

— Взаимно, Аид, — она подошла к нему и склонила голову, он ответил тем же. Много веков прошло с тех пор, как они последний раз оставались наедине... Что было ещё до брака с Персефоной, это напоминание неприятно кольнуло. — Я не помешала ничему важному?

Он покачал головой и взял её ладони в свои, приветственно сжав.

— Нет, вовсе нет. Мой рабочий день окончен. Как раз собирался пойти отдохнуть.

— Ах, — её улыбка слегка померкла. — Я надеялась, мы сможем поговорить.

— Конечно.

Он предложил ей руку и, как только она приняла её, вывел из тронного зала. Коридоры были освещены никогда не потухающими факелами, создавая довольно жуткую атмосферу, но он предпочитал именно их. Он мог бы запросто организовать свет без всех этих танцующих теней, но от этого его одиночество только усилилось бы.

Как только они ступили в уютную гостиную, которой он уже давно не пользовался, Аид окинул её взглядом, как и Каллиопа. Забавно, как рутина может превратить что-то столь хорошо знакомое в нечто чужое. Он наколдовал чай и разлил в две чашки, сев рядом с Каллиопой на диванчик. Отметил, как она подвинулась ближе к нему. Возможно, она просто соскучилась. Или почувствовала, как сильно он нуждается в поддержке.

— Это место не сильно изменилось, — произнесла она между глотками. — Как ты, держишься?

— Давно меня об этом не спрашивали, — ответил он со слабой улыбкой, хотя не было ничего весёлого ни в её беспокойстве, ни в его словах. — Я бы сказал, что бывало и лучше.

Лицо Каллиопы помрачнело.

— Да, определённо, — она накрыла его ладонь своей. — Я могу что-нибудь для тебя сделать?

Он покачал головой.

— При всём твоём могуществе и очаровании, боюсь, что никто мне не сможет помочь.

Она покраснела и опустила голову на мгновение. Застенчивость была ей не к лицу.

— Ты слишком добр.

— Едва ли. Это не моя вина, что Зевс... то есть Уолтер не ценит то, что имеет.

Её губы скривились от раздражения — или даже более сильной эмоции.

— Нет, не ценит. Ты ещё не выбрал себе имя?

— К сожалению, у меня нет времени. Или достаточно данных для выбора.

Она фыркнула.

— Ты каждый день общаешься с сотнями людей. Наверняка был кто-то, чьё имя тебе понравилось.

— Их имена — это их имена. Я не могу просто взять и украсть чьё-то имя, как Диана украла у Эллы.

Каллиопа ухмыльнулась.

— Мне кажется, она специально сделала это, чтобы побесить Эллы, после тех её намёков о Диане и Уолтере.

— А ты разве не согласна с Эллой? — удивился Аид. — Я думал...

— Я знаю, чем занимается Уолтер, — она пожала плечами. — Нет смысла бороться с этим.

После стольких историй, пересказанных через третьих лиц, о легендарной ревности Каллиопы — да он и сам был тому свидетелем, — это было весьма неожиданно. Аид помолчал, обдумывая эти внезапные перемены.

— Значит ли это, что ты кого-то нашла?

Странное выражение пересекло её лицо. Она вздёрнула подбородок на дюйм выше обычного.

— А если я скажу, что да?

— Я буду только рад, — сказал он, несмотря на горечь, распиравшую его изнутри. Даже Каллиопа нашла свою любовь, а он останется в плену одиночества до скончания времён. А то и может быть так, что даже потом он не обретёт покой. — Могу я узнать, как зовут этого счастливчика?

Пауза. Это не похоже на Геру... Каллиопу — уклоняться от ответа, если только она не преследует какую-то цель. Но что ей может быть нужно? Может, её новый возлюбленный — смертный? И она хочет, чтобы Аид не забирал его, пока они вместе?

— Можешь, — медленно произнесла она, наклоняясь к нему. — Если готов услышать ответ.

— А почему я могу быть не...

Она переплела пальцы с ним, и он замолк на полуслове. Каллиопа не сводила с него глаз, серьёзных и лукавых одновременно.

— Ты знаешь почему, — тихо ответила она. — Всегда знал.

Аид застыл каменным изваянием, не позволяя даже сердце биться. Может быть, тогда время остановится, и ему не придётся столкнуться с неизбежными последствиями этого момента.

Гера. Каллиопа. Его сестра любила его. Желала его. Жаждала его общества. Он чувствовал их сейчас, эти нити чувств, существовавших столько же, сколько правит Совет, тянущиеся к нему. Как он мог не заметить этого раньше? Неужели она научилась так тщательно скрывать даже самые глубокие чувства?

Неважно, как ей удалось сохранить их в секрете. Важно, что она смотрела на него, затаив дыхание в ожидании ответа, с надеждой в глазах и улыбкой, играющей на губах. Он уже много веков не видел её такой — словно она наконец-то нашла что-то хорошее в этом мире.

И это пугало его до ужаса.

Даже если бы он допустил такую возможность, даже если бы он наступил на горло своей любви к Персефоне, всё равно он не пошёл бы на это, потому что его брат бы никогда его не простил. Такое оскорбление Зевс... Уолтер счёл бы объявлением войны и поверг бы мир в хаос, лишь бы вернуть себе то, что принадлежит ему.

Но это всё, чем когда-либо будет Каллиопа для Уолтера. Собственностью. Трофеем. Любимой зверушкой на поводке, которую он укротил. И вот она здесь, сбежала из клетки и отчаянно цепляется за свободу. Но Аид не может ей этого дать.

Он бы хотел. Не потому что любил её так же, как она, очевидно, любила его, и уж точно не потому что он жаждал войны. А потому что никто не заслуживал участи Каллиопы. Никто не заслуживал потерять себя, похоронить своё счастье в угоду гордыне мужа, провести вечность под его гнётом.

После того, как он на протяжении веков отказывал Персефоне в свободе, которую она так хотела, возможность помочь Каллиопе с той же проблемой манила. Это могло бы стать своего рода искуплением. Шансом доказать самому себе — и Персефоне, — что он вовсе не чудовище, даже если это будет самообманом.

И всё же это недостаточное основание.

Этого мало, чтобы подарить Каллиопе ложную надежду, якобы он когда-нибудь сможет полюбить её. Этого мало, чтобы привязать её к себе, как сделал Зевс. Этого мало, чтобы начать войну против Совета, которой не будет конца. Этого мало, чтобы рисковать судьбой человечества и нарушить все правила, которые он установил себе после смерти Персефоны.

Этого мало, чтобы рисковать своим сердцем, каким бы эгоистичным оно ни было. И этого мало, чтобы дать себе ещё один шанс на счастье. Пускай Каллиопа заслуживала лучшего, но не Аид, и он не сможет забыть прошлое, как бы ни старался.

— Я польщён, — тихо ответил он, не в силах больше выдержать её взгляд. Она, конечно, сразу поняла, каким будет ответ, но он не хотел оставлять ей ни капли надежды. Это будет жестоко и неправильно по отношению к ней. А он и так слишком часто поступал жестоко и неправильно. — Но ты жена моего брата. Есть черта, которую я не могу переступить.

Вместо того, чтобы испытать боль или унижение от его отказал, Каллиопа сильнее сжала его пальцы.

— Пожалуйста, — прошептала она, совсем как маленькая девочка, коей она уже давно не была. — Я всё объясню Уолтеру. Он будет знать, что это не было твоей инициативой. Я просто... Не могу больше там жить. Я люблю тебя. Я любила тебя дольше, чем кого-либо, и прошу всего лишь дать мне шанс.

— Я не могу дать тебе этот шанс, — сказал он, глядя на их переплетённые ладони. Целый мир из "а что, если" в одном маленьком жесте. — Словами не описать, как мне жаль, но ты заслуживаешь большего, чем жизнь в моём мире. Со мной. Я не смогу полюбить тебя, не так, как ты любишь меня. И бы предпочёл

угаснуть, чем видеть, как это место постепенно высасывает из тебя жизнь, как это было с Персефоной...

— Персефоной? — выдавила она это имя. — В этом всё дело? Из-за неё? Потому что она не смогла тебя полюбить?

— Отчасти, — согласился он. Каллиопа коснулась его подбородка, вынуждая его посмотреть ей в глаза. Он ожидал увидеть слёзы от чувства безысходности, накрывшего её, но её глаза были сухими.

— А что, если... этому просто не было суждено случиться? — её голос прозвучал странно, словно она пыталась навести его на мысль, о которой он прежде не задумывался. — Что, если не было ни её виной, ни твоей?

Его охватило подозрение.

— Что ты такое говоришь? — он пытался понять, что скрывалось за её решительным напором. — Намекаешь, что кто-то использовал Персефону, чтобы...

— Что? Нет, нет, конечно, нет, — быстро возразила она. — Я только хотела сказать... что вы могли быть просто не созданы друг для друга. Может, ты просто влюбился в кого-то, кто тебе не подходит. Вот и всё, что я хотела сказать.

Он молча смотрел на неё некоторое время, пытаясь найти признаки лжи. Но из-за того, что он любил её как сестру и хотел видеть в ней только хорошее, когда все остальные видели лишь плохое, из-за того, что её предательства он бы не вынес, он ей поверил. Его плечи поникли, и он убрал руку.

— Как бы то ни было, прошлое есть прошлое, и я не могу его изменить. Мне жаль, что твоя судьба сложилась так, Каллиопа. Надеюсь, однажды ты найдёшь способ оставить это всё позади и начать жить той жизнью, которую ты заслуживаешь. Но я не могу полюбить тебя так, как ты того хочешь, и не хочу причинить больше боли, чем уже причинил. Ты всегда будешь моей союзницей и близкой подругой. Но не более того.

Вот она — боль, которая рано или поздно должна была отразиться в её глазах, как бы он ни старался подбирать слова. Она горела пламенем в её глазах. Она поднялась на ноги с гордостью и грациозностью королевы. Она была великолепна и заслуживала кого-то намного лучше, чем Зевс или Аид, и, возможно, однажды она встретит достойного. Но не сегодня.

— Уверен? — она сцепила руки в замок перед собой. — Я не стану предлагать снова, Аид, как бы ни были сильны мои чувства.

Он поднялся, склонив голову в знак уважения той, кем она была по праву, даже если остальные члены Совета перестали считаться с ней.

— Я всегда буду рядом, как был на протяжении многих лет. Но как бы мне ни была дорога наша дружба, боюсь, мы не сможем стать кем-то большим. Я уже достаточно причинил горя нашей семье и не могу позволить себе наделать новых ошибок. Особенно в отношении кого-то, чья судьба мне не безразлична.

— А как же мои чувства? — прошептала она. — Они ничего не значат?

Он нежно взял её ладонь и мазнул губами по костяшкам.

— Они значат намного больше моих собственных, и поэтому я вынужден отказать. Я пустышка. Тень. Я никто, а ты всё.

— Ты не никто, и ты заслуживаешь любви так же, как и я. Разве тебе не хочется любить и быть любимым? — она перешла к мольбе, хотя искусно маскировала это командным голосом королевы. Но она не его королева, и он не подчиняется ей. Не тогда, когда её желания могут уничтожить их всех.

Горькая, пустая улыбка отразилась на его лице. Он вновь склонил голову.

— Любовь — это всё, чего я хотел, за свою долгую бессмертную жизнь. Но я уже исчерпал свои попытки и смирился с этим. Прошу тебя оставить всё как есть.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, и в итоге она отступила с нечитаемым выражением лица. Нити чувств исчезли, надёжно спрятанные за стеной, которую она моментально воздвигла. Сколько она училась прятать всё в себе? Как долго она держала всё это внутри, пока не решила довериться ему и впустить его в своё сердце?

Неважно. Он всё для себя решил и уже не передумает. Боль от отказа сейчас — ничто в сравнении с агонией потери, которую она бы испытала спустя несколько веков или тысячелетий, если бы он принял её предложений. И он был доволен собой. Да, сейчас она не понимает и вряд ли поймёт в ближайшем будущем; но когда-нибудь она обретёт счастье, и тогда она вспомнит этот момент и будет благодарна ему за то, что он дал ей шанс на лучшее будущее. Будущее, которого он желал ей всем сердцем.

— Ты можешь приходить в любое время, но я пойму, если ты не захочешь, — тихо добавил он. Каллиопа сглотнула.

— Я постараюсь, — сказала она. — Но сейчас мне лучше уйти.

Он кивнул.

— Я провожу.

— Я знаю, где выход, — она присела в реверансе, он ответил низким поклоном. — Береги себя, Аид. И выбери себе имя, пока Уолтер не разозлился ещё сильнее.

— Я постараюсь, — пробормотал он. — Есть какие-нибудь идеи?

Каллиопа посмотрела на него, её взгляд был внимательным и сосредоточенным, будто она просчитывала что-то. Но разве когда-то было иначе? По крайней мере, её боль уже была скрыта в том уголке души, где Аид её не видел.

— Я провела некоторое время в Англии. Наблюдала за успехами и падением королей. Некоторые были глупыми, напыщенными и не интересовались ничем, кроме своих титулов и войн. Но были и те, кого по-настоящему любил народ, потому что они заботились о процветании своей страны. Один из них мне особенно запомнился, он чем-то напоминал тебя. Его звали Генри.

— Генри, — он прокатил имя на языке несколько раз, привыкая к его звучанию. Разумеется, он видел многих Генри, хотя вряд ли среди них был тот, о котором она говорила. Но имя достаточно распространённое и не будет выделяться. Он сможет быть собой, оставив позади все мифы, следующие за ним по пятам. Никто не будет застывать от страха при звуке его имени. Каким облегчением будет избавиться от этой ноши. — Хорошо. Пусть будет Генри.

Каллиопа улыбнулась, и на этот раз искренне. Но довольно быстро её снова накрыла печаль. Она вздохнула.

— Береги себя, Генри.

— И ты тоже, — он подошёл, чтобы поцеловать её в щёку, как делал это бесчисленное количество раз, но она отстранилась. Стены на секунду испарились, и боль, которую он так боялся увидеть, вырвалась наружу. Это было несравнимо с агонией, накрывшей его после смерти Персефоны, но это же не соревнование. Её боль такая же настоящая, как и его.

Он смотрел ей вслед, пока она покидала зал, и не смог выдавить из себя слов прощания. Даже если она вернётся вновь, как прежде уже не будет. Он сожалел об утраченной дружбе. Но это к лучшему. Для обоих. Она заслуживала жизнь, которую он не сможет ей обеспечить, полную солнечного света и любви. А он никогда не простит себя, если разрушит её так же, как Персефону.

Закрыв глаза, он переместился в свою спальню, чтобы снова увидеть сон о несбыточной мечте, о жизни, которой у него никогда не будет. Возможно, когда-нибудь он станет чем-то большим, чем просто тенью. Возможно, однажды он найдёт своё счастье в каком-то новом виде. Но до тех пор он будет довольствоваться своими снами.

В его голове вихрем проносились мысли, в каком радостном мгновении прошлого он найдёт утешение сегодня ночью. Пускай время продолжало идти

вперёд и тащило его за собой, его сердце оставалось в событиях минувших дней. Отныне и навсегда.

Безысходность

Генри не мог сказать точно, в какой момент он сдался. Это чувство подкралось незаметно, точно вор в ночи, крадший его будущее кусочек за кусочком, пока не осталось ничего. Возможно, это случилось не с "последней каплей". Возможно, это была вечность из "последних капель", образовавшая неукротимый шторм. Или вообще ничего не было, просто это случилось.

Но как бы то ни было, после этого момента ему понадобилась ещё сотня лет, чтобы решиться прийти к Совету со своим решением. В глубине души он знал: неважно, как сильно они кричали о том, что желают ему лучшего, они воспримут это решение в штыки. Несмотря на то, что он хочет этого, несмотря на то, что он готов, они расценят это как очередную ношу для них, которую никто не готов взвалить на себя. И хотя он чувствовал себя виноватым за то, что собирался сделать, он всё равно предстал перед собравшимся на Олимпе Советом и посмотрел в глаза каждому.

— Я хочу погаснуть.

Слова, которые он так долго репетировал в своей голове, сорвались с языка с поразительной лёгкостью, как какой-то пустяк. Но Совет молчал так долго, что он засомневался, а произнёс ли он вообще что-нибудь.

— Погаснуть? — переспросил Уолтер, словно они говорили на разных языках.

— Да, погаснуть, — терпеливо повторил Генри. Он ожидал этого. — Я понимаю, сколь велика моя роль в этом мире, но я больше не могу вынести это вечное существование. Мы все прожили бесчисленное количество жизней, и я бы хотел прекратить свою сейчас.

— Но... почему? — спросил тоненький голосок сбоку. Генри посмотрел на Деметру... Теперь уже Диану. Они не общались с тех пор, как умерла Персефона, но их связь никуда не делась, только окрепла, закалилась в вечном пламени скорби. Если даже она не может понять, то у него нет надежды убедить остальных.

Он посмотрел ей в глаза.

— Я один. Здесь, наверху, вы есть друг у друга, а у меня нет никого. Как бы я ни старался быть достойным правителем для своих подданных, в одиночестве это невыносимо.

— Что именно невыносимо? — прозвенел голос Каллиопы, куда твёрже его собственного. — Править без королевы? Или существовать без спутницы жизни?

В её тоне слышался скрытый смысл, но Генри проигнорировал его. Если она намекает, что готова остаться с ним, будь то в качестве королевы или спутницы жизни, он не согласится. Ничего не изменилось за последние четыреста лет.

— И то, и другое, — ровно ответил он. — Как король я не могу справиться с увеличивающимся притоком подданных. А как мужчина я не могу вынести одиночества.

— Но должен же быть другой путь, — Диана потянулась к нему. Он позволил ей взять его за руку. — Джеймс хорошо знает, как устроено Подземное царство. Возможно, он смог бы...

— Нет, — Генри старался ответить мягко, но твёрдо: он ни за что не станет работать рука об руку с Джеймсом. Ни за что. — Я принял решение. Если вы хотите, чтобы Джеймс занял моё место после того, как я угасну, — ваша воля. Я же хочу отречься от своего трона.

— Мы тебе не позволим, — отрезала Каллиопа.

— При всём моём уважении, сестра, но не ты возглавляешь Совет, — ответил Генри. Она восприняла как пощёчину. Он посмотрел на Уолтера в ожидании окончательного вердикта. Его брат — олицетворение гордыни, но если он хоть капельку любит Генри, то не откажет ему в этой просьбе. Это его жизнь, его вечность. И его желание — сложить полномочия и угаснуть.

Уолтер долго молчал, глядя в глаза Генри.

— Ты действительно этого хочешь? Покинуть всех нас? Поддаться трусости из-за парочки веков одиночества?

— Из-за вечности одиночества, — поправил Генри.

— Это потому что ты сам не захотел выйти из своего логова и найти себе новую королеву.

— Я не могу.

— Почему из-за твоего нежелания отпустить прошлое должны страдать все мы?

— А почему из-за твоего нежелания прошлого должен быть наказан я? — парировал Генри. — Позвольте мне прояснить кое-что — это всего лишь дань уважения. Пока что я готов подождать ещё сто лет, чтобы дать вам время подготовить мне замену. Но без вашего благословения я просто уйду в отставку немедленно.

Гробовое молчание. Уолтер поджал губы в тонкую линию, а на соседнем троне с ним Каллиопа, казалось, готова разразиться слезами. А чего они ожидали?

Он не один из них. И никогда не был. Лучшие годы его существования позади, а верности долгу недостаточно, чтобы удержать его здесь.

Диана встала, зажимая его ладонь в своих руках.

— Брат, — произнесла она голосом, предназначенным только ему одному. — Я понимаю твою боль. Я тоже живу с ней и больше всего на свете хотела бы сбежать от неё. Но угасание — не выход.

— Для меня выход, — тихо ответил Генри.

— Должен быть другой путь. То, ради чего ты бы остался.

Он закрыл глаза, и разум нарисовал слишком знакомое лицо. Образ, не отпускавший его вот уже почти тысячу лет.

— Ты знаешь ответ, — прошептал он.

Её горло сдавила скорбь. Естественно, она знает.

— А если я найду тебе новую королеву?

Новая королева. Эта идея была настолько абсурдной, что он едва не улыбнулся.

— Я не хочу новую королеву или спутницу жизни. Эта часть моей жизни завершена.

— Неужели? — что-то промелькнуло на её лице — решимость, которую он хорошо знал. — Что, если мы заключим договор? Позволим перейти в другой мир на ближайшие сто лет, по истечении которых ты сможешь угаснуть, а взамен ты позволишь нам подыскать тебе новую партнёршу?

Его сердце сжалось. Очередная игра.

— Я никогда не смогу полюбить её, как она того заслуживает.

— Откуда такая уверенность? — не давая ему возможности ответить, Диана развернулась к остальным. — Предлагаю принять решение брата и дать ему сто лет на то, чтобы уладить дела, при условии, что в этом время он позволит нам подыскать ему новую невесту. Кого-то, кого он сможет полюбить и кто полюбит его в ответ. Кого-то, кто поможет ему править. Кого-то, кто станет его причиной остаться.

Совет зашептался. Афродита, точнее Ава, первая кивнула, одобряя такое решение.

— Мне кажется, это отличная идея, — сказала она. — Наверняка мы сможем найти среди нас кого-то, кто идеально тебе подойдёт.

Её энтузиазм был заразен, и вот уже все остальные присоединились к ней, взволнованно строя планы на приглушённых тонах. Их слова были не более чем

белым шумом для Генри, на глазах у которого его собственный план рушился, как карточный домик. Они могут сколько угодно говорить, что готовы поддержать его выбор, но пройдут десятилетия, и они найдут способ заманить его в ловушку.

Однако надежда, озарившая лицо Дианы, заставила его помедлить. Он вздохнул, плечи поникли. Он пойдёт навстречу сестре. Если же они попытаются его обмануть, то он просто поступит, как обещал, и всё равно сложит с себя все обязанности. Это его выбор, который им не отнять.

— Хорошо, — сказал Генри. — Один век. Это максимальный срок, на который я согласен. По истечении ста лет, если мы не сойдёмся во мнении, что найдена достойная королева Подземного царства, — он не мог заставить себя сказать "жена", "подруга" или "любовница", — то я отрекусь от титула Правителя Подземного мира и угасну.

— Да будет так, — объявил Уолтер. — Сестра, я поручаю тебе найти достойную супругу нашему брату. Ава поможет тебе.

Диана кивнула, просияв. Генри не видел её такой уже тысячу лет.

— Я найду кого-нибудь, — пробормотала она, чтобы только он услышал. Её губы мазнули по его щеке. Он повесил голову, разглядывая рассветный пол. — Я совершила слишком много ошибок за свою вечность, но здесь я не прогадаю. Клянусь. Я найду тебе кого-нибудь. Нет, не просто "кого-нибудь", а девушку, которую ты по-настоящему заслуживал всё это время.

Он выдавил едва заметную улыбку. Ни для кого не секрет, что она винила себя во всей этой истории с Персефоной. Если ей станет легче, если это позволит ей успокоить совесть, то как Генри может ей отказать? Но боль в груди — вечный огонь, который выжег все его шансы на счастье и превратил их в пепел, — не под силу унять незнакомке. Даже если Диана права, даже если в этом мире есть кто-то, кто подходит ему целиком и полностью, кто окажется более родственной душой ему, чем была Персефона, она всё равно не сможет исцелить его сердце и душу. Никто не сможет.

Но он даст Диане шанс, потому что любит сестру и потому, что на её долю уже выпало немало испытаний. Она заслуживала этого так же, как он заслуживал свой выбор, и это меньшее, что он может ей дать, перед тем как погрузиться в забытье.

Ингрид

Три года Генри ждал.

Он знал, что девушка появится, потому что Диана решительно взялась за это дело и рыщет по всему свету — это лишь вопрос времени, когда она найдёт ему кого-нибудь. А пока ждал, он фантазировал, какой она будет. Юной, взрослой, смешливой, стойкой, счастливой или несчастной, как и он сам, — всё было возможно. Но каждый раз, когда он пытался представить её лицо, то видел лишь Персефону.

Этично ли вообще просить смертную стать его королевой? Заставить её проходить испытания и требовать, чтобы она отказалась от половины вечности в случае успеха? А если она проиграет? Диана заверяла, что ему не стоит об этом переживать, но, конечно же, он переживал. Если из-за него какой-то девушке или женщине придётся отказаться от всего, он будет обязан так или иначе дать ей счастливый конец.

Наконец Диана пришла к нему однажды вечером, когда оставалось всего несколько душ из последней партии, приведённой Джеймсом. Генри понадобилось три дня, чтобы выслушать всех, хотя тысячу лет назад хватало одного. А уж сколько душ ещё ждут своей очереди... Спешить, конечно, некуда, но отставание — это плохо. Они заслуживают обрести покой.

— Брат, — пробормотала, поцеловав его в щёку. — Хорошо выглядишь.

Это было враньём, и они оба это знали, но он не стал заострять на этом внимание, поцеловав её в ответ.

— Ты тоже. Полагаю, ты пришла не с пустыми руками?

— Верно, — она сделала шаг назад, чтобы посмотреть ему в глаза. Лукавая улыбка играла на её губах. — Я нашла её.

Несколько долгих секунд Генри молчал. Он понимал, что так и будет, но услышать это своими ушами... принять тот факт, что в мире есть девушка, которая, по мнению Дианы, подходит ему...

— Кто она? — наконец, спросил Генри. Диана сжала его ладонь.

— Её зовут Ингрид, она настоящая красавица. У неё лёгкий нрав, любящее сердце и готовность помогать. Тео уверен, что она та самая.

Тео — Аполлон — имел доступ ко всем оракулам мира. Если Тео посчитал, что девушка подходит, значит, даже мойры не смогут возразить.

— Хорошо, — ответил Генри. — Ты приведёшь её сюда?

— Ты встретишь её на земле. В нью-йоркском приюте.

Его брови взлетели.

— В приюте? Она воспитательница?

— Нет, воспитанница, — ответила Диана с безграничным терпением матери, объясняющей ребёнку элементарные вещи. — И она не знает, что ты придёшь.

Воспитанница, а значит сирота... Ребёнок. Его сестра сводит его с ребёнком.

— Сколько ей лет?

— Семь исполнилось на прошлой неделе.

— Семь?

— Естественно, я не предлагаю тебе сразу начать за ней ухаживать. Пока она не вступит в брачный возраст, по крайней мере. Но я подумала, что, возможно, если она вырастет, уже зная тебя, то тебе будет легче стать частью её жизни...

— В качестве кого? Дядюшки? Родительской фигуры? Пускай в нашей семье такие отношения допускаются, но смертная девочка...

— Ты дашь мне закончить или так и будешь перебивать? — недовольно спросила Диана, и Генри, нахмурившись, замолк. — Спасибо. Джеймс подменит тебя здесь. И не смотри на меня так. Он единственный, кто достаточно хорошо знает Подземное царство, чтобы это сделать. К тому же ему не помешает набраться опыта на случай, если наша затея провалится, — судя по её тону, этот исход ей казался маловероятным. — А ещё я подумала, что лучшим вариантом для тебя будет самому попасть в приют. В роли ребёнка.

Он сощурил глаза. Она хочет, чтобы он начал отношения со лжи. А чего он ожидал? Но сама мысль о том, чтобы подобными манипулятивными способами влюбить в себя маленькую девочку и, как только она достигнет совершеннолетия, утащить её в царство мёртвых. Возможно, Уолтер мог бы так поступить, но Генри считал себя выше этого.

— А что плохого в том, чтобы подождать, пока она не вырастет?

— К тому времени она может найти причину, по которой ей не захочется быть с тобой. Чтобы не рисковать, разве не лучше попытаться подружиться с ней?

— Мне это не подходит, — сухо произнёс он.

— Ты обещал попытаться, и это всё, о чём я прошу. Я не предлагаю ничего неприличного или аморального. Просто хочу, чтобы вы начали с дружбы. Я сама мать, если ты помнишь, и я ни за что не допустила бы поползновений к ребёнку. Но я также знаю, что тебе можно доверять. И я прекрасно осознаю, что с высокой вероятностью новая королева будет для тебя не более чем подругой. Я готова и на такой расклад. Королева и доверенное лицо — это лучше, чем никого.

Генри вздохнул.

— Обещаешь, что если мы с ней не подружимся, то не станешь давить ни на неё, ни на меня?

— Обещаю, — она сжала его ладонь. — А теперь иди. Познакомься с ней.

Портал на поверхность был привычным делом, но стоило им оказаться посреди Нью-Йорка, как Генри охватила паника. Он оцепенел. Улицы были переполнены людьми, спешащими куда-то по делам и старающимися избегать конных экипажей, проносящихся мимо на пугающей скорости, и — Генри моргнул — повозок без лошадей, которые двигались сами по себе. Как бы его ни удивило это зрелище, он не смог остановиться, чтобы насмотреться, только не сегодня. Нервно сглотнув, он принял облик мальчика — ровесника Ингрид, и Диана взяла его за руку, будто заботливая мать.

Приют находился неподалёку, и вскоре они вошли в узкое здание. Зажатое между двумя другими домами, оно пропускало дневной свет только через маленькие окошки спереди и сзади. Всё остальное освещалось лампами, которых Генри ещё никогда не видел.

— О, Диана! — донёсся голос сверху. Генри запрокинул голову и увидел спускающуюся по лестнице солидную даму, напомнившую ему его сестру Софию. — Это тот мальчик, о котором мы говорили?

Диана кивнула.

— Его зовут Генри. Больше он не сказал мне ни слова.

— Господь Всемилостивый, — женщина присела на один уровень с ним. Генри смотрел на неё, шаркая ножкой, ещё не привыкнув к новому телу. Он, конечно, не в первый раз меняет облик, но ещё никогда не шёл на такой большой обман. — Ты выглядишь голодным, бедняжка. Меня зовут Матильда. Давай мы накормим тебя горячим хлебом, а потом познакомим с остальными ребятами.

Как только она коснулась его плеча, чтобы повести к лестнице, Диана отпустила его руку. Генри нахмурился: "В этом заключается твой план? Оставить меня среди них?"

"Это лучший вариант из возможных", — судя по голосу, она была очень довольна собой. Генри вздохнул.

"Как я пойму, что это она?"

"О, ты точно поймёшь. Если будут вопросы, дорогой брат, ты знаешь, где меня искать. И не спеши отказываться, дай ей шанс. Никогда не знаешь, что будет дальше".

Пускай у Генри не было доступа к оракулу Тео, но он всё равно подозревал, что это не самый надёжный источник. Утверждать, что маленькая девочка идеально подходит ему, это полное безумие. Он понимает отчаяние сестры, но это уже заходит слишком далеко.

По-хорошему ему стоило бы уйти — тогда бы можно было сказать, что он даёт ей шанс. Шанс на нормальную жизнь, которая должна у неё быть, а не вечность с разбитым сердцем. Он обещал Диане попытаться, но зачем? Чтобы запереть эту девочку в мире мёртвых? Заставлять её дружить, даже если ей будет нужна не дружба, а свобода? Немного облегчает ситуацию то, что у неё нет родителей, по которым она могла бы скучать, но он не заменит ей семью. Он уже однажды обжигался на этом.

Матильда привела его в комнату с двумя ровными рядами кроватей, стоящих близко друг к другу.

— Здесь живут ребята твоего возраста, — сказала она. — Посиди здесь, а я схожу за чем-нибудь горяченьким поесть.

Генри не ответил. Вместо этого он обвёл взглядом других детей в поисках девочки, которую могли бы звать Ингрид. Несколько ребят остановили игру и посмотрели на него — как мальчики, так и девочки, — но в них не было ничего особенного. Диана же выбрала кого-то особенного, в этом Генри был уверен.

Но все они выглядели обычными детьми. Чистыми, сытыми — однозначно, но никто не выделялся. Они были разделены на три группки, каждая из которых занимала свою треть комнаты, и никто не позвал его играть. Не то чтобы ему нужно было их приглашение. Даже представить смешно, что он, повелитель Подземного мира, мог проиграть горстке детей от семи до десяти лет.

— Ты Генри, да? — тонкий, почти мелодичный голосок прозвучал со стороны двери, и он обернулся. Девочка с двумя светлыми косами стояла позади него, держа миску с чем-то, что пахло как бульон. И хотя он пришёл сюда именно за ней, стоило ему увидеть её впервые, как все краски сошли с его лица.

Это была Ингрид. Он знал это, как знал свои пять пальцев, и хотя в ней не было ничего особенного, каждая её черта отзывалась в его груди. Доброта в её голубых глазах, смущений на щёчках, её миниатюрное телосложение, вызывающая желание защитить от всех неприятностей, что привели её в это место. В ней он увидел что-то — нечто более мудрое и глубокое, нежели в остальные, нечто, чего он не мог описать словами. Но оно было. Это он знал наверняка.

— Д-да, я Генри, — сказал он, удивившись тому, каким высоким стал его голос. Был ли он когда-то в этом возрасте? Вряд ли. — Это мне?

Девочка кивнула, и он принял миску, осторожно, стараясь не разлить. Это не шло ни в какое сравнение с привычными ему яствами, но запах этого бульона нёс в себе какой-то необычайный домашний уют. В центре плавал кусочек хлеба. Девочка покраснела, заметив.

— Ой! Прости. Давай принесу другую порцию, — она потянулась, чтобы забрать бульон, но Генри увёл тарелку в сторону.

— Не надо, всё нормально. Пахнет вкусно, — усевшись на деревянные половицы, он жестом пригласил её присоединиться. — Как тебя зовут?

— Ингрид, — ответила она с лёгким акцентом, происхождение которого он не смог определить, и села рядом с ним. Она жадно смотрела на его тарелку и, без лишних слов, он протянул бульон ей.

— Я не так уж голоден, — сказал он, и, немножко поколебавшись, она зачерпнула ложку бульона с кусочком размякшего хлеба. — Ты не ела?

Она пожала плечами.

— Не была голодна, — прошептала она. — Странно себя чувствовала, и живот сводило.

Он не знал, как это интерпретировать. Ингрид предчувствовала его появление? Могла ли она как-то это предвидеть? Видит ли она в нём что-то особенное, как он видит в ней?

— Можешь доесть, — предложил он. Ингрид оглянулась на других ребят и затем жадно набросилась на суп, останавливаясь только, чтобы сделать вдох. Он наблюдал за ней со слабой улыбкой, ему эта сцена отдалённо напоминала кормление Цербера. Но девочка, несмотря на юный возраст, не проронила ни капли.

— Мы могли бы стать друзьями, — сказала она между глотками с робкой смелостью, которая удаётся только детям. — У меня их немного.

— Буду рад, — ответил Генри. — У меня тоже почти нет.

— Ты теперь мой друг, — проглотив остатки бульона, она убрала совершенно пустую миску в сторону. — Из нас получатся хорошие друзья, верно?

— Лучшие, — пообещал Генри. Несколько секунд она просто смотрела на него своими голубыми глазами, как будто могла видеть его насквозь. Если бы только она знала, кто он такой...

— Почему ты здесь? — не стала она ходить вокруг да около. Генри помедлил с ответом. Может, она всё-таки что-то знает? Или ей просто интересно, что якобы случилось с его родителями?

— А почему ты здесь?

— Потому что, — прошептала она. — Я хочу семью.

Генри улыбнулась.

— Я тоже здесь по этой причине.

— Хорошо. Семья нужна каждому, — она обняла его руку и вместе с ним встала, проявив недюжинную силу для маленькой девочки. — Идём, я покажу тебе свою куклу.

С тем же терпением, что проявила Диана всего несколько минут назад, Генри позволил Ингрид потащить его смотреть куклу. Это было странно и, независимо от её возраста, он не верил, что сможет полюбить кого-то, кроме Персефоны. Но, в конце концов, дружба ведь не самый плохой вариант.

* * *

На восемнадцатилетие Ингрид он признался ей, кем является на самом деле.

Проведя одиннадцать лет рядом с ней, он знал её даже лучше, чем самого себя. Он знал, что она расплачется. Знал, что она будет потрясена и засыплет его столькими вопросами, что он не будет отвечать успевать.

Но она неожиданно легко приняла это признание.

Несмотря на его обман, она взяла его за руку, поцеловала в щёку и попросила показать ей Подземное царство. Показать ей его мир и всё, что у него было до встречи с ней. Его первым порывом было согласиться, но он ещё никогда не приводил туда живых смертных, поэтому его сущность воспротивилась этой затее, и он отказал.

Вместо этого начались испытания. Его семья присматривалась к ней. Для этого он заселил всех в давно не используемое поместье, которое он построил для Персефоны. Это было меньшее, что он мог для неё сделать: дать место на поверхности, где она может бывать, когда в Царстве мёртвых станет невыносимо. Он не повторит с Ингрид прежних ошибок. Она не станет Персефоной и будет счастливой, чего бы ему это не стоило.

И он тоже будет. Их дружбы для этого достаточно — возможно, для Ингрид их отношения были чем-то большим, но он всё ещё не мог воспринимать её как жену. Он бесконечно любил её, как не любил никого с тех пор, как потерял Персефону,

но эта любовь была платонической. И независимо от её отношения ко всему этому, он не мог обещать большего.

— Так если ты правда Аид, — сказала однажды Ингрид, пока они гуляли по саду поместья Эдем, — а я вроде как новая Персефона, то где же зёрнышки граната?

— Зёр... что?

— Зёрнышки граната. Согласно мифу, Персефона съела горсть зёрен, будучи в Подземном царстве, и потому не смогла его покинуть.

Генри растерянно моргнул.

— Персефона любила гранаты, это правда, но, боюсь, всё было несколько иначе.

— Ну конечно иначе, — Ингрид закатила глаза. — Ты же всё-таки не похищал меня.

Он чуть было не подавился воздухом.

— Похищал?

— Ты правда не знаешь? — Ингрид взяла его за руки и усадила на ближайшую скамейку. Стоял тёплый вечер, и она рассказала ему всё, что знала про миф о Персефоне. И по мере её рассказа Генри всё больше убеждался, что легенда не имеет ничего общего с реальностью. Неужели весь мир знал Аида таким? И таким его считала Ингрид?

Как только Ингрид договорила, он поведал ей настоящую историю во всех её болезненных подробностях. Начиная с согласия на договорной брак, продолжая кошмарной первой брачной ночью и заканчивая изменами Персефоны. Особенно с Джеймсом.

И вместо того, чтобы завалить Аид вопросами, как обычно она делала, Ингрид молчала на протяжении всего его монолога. Аид никому прежде об этом не рассказывал, не так — будто это старая история. Его ноша становилась легче с каждым произнесённым словом, и стоило ему договорить, он ощутил странную пустоту. Не избавление от боли, но место для чего-то нового.

— Мне жаль, — тихо произнесла Ингрид. — То, через что тебе пришлось пройти... Это ужасно.

— Увы, но я сам в этом виноват, — ответил он со слабой печальной улыбкой. Ингрид замотала головой.

— С ума сошёл? Разумеется, это не твоя вина. Ты такая же жертва обстоятельств, как и она. Вот только ты не... ты не сделал ничего плохого. Это она разбила твоё сердце.

— Я принудил её к этому браку.

— Нет, к браку принудила её мать. Ты сделал всё, что было в твоих силах, чтобы выправить ситуацию, чтобы ваше совместное существование стало терпимым для вас обоих, — Ингрид пододвинулась ближе к нему на скамейке, её ладонь скользнула вверх по его руке и легла на его плечо. — Я понимаю, почему ты не любишь меня так, как мне бы того хотелось, и никогда не стану на тебя давить, обещаю. Но ради своего же блага хотя бы попытайся оставить это в прошлом, хорошо? Даже если мы не станем кем-то большим, чем просто друзьями, мы можем быть счастливы. По-настоящему счастливы.

— О большем я и мечтаю не смею, — пробормотал он, мазнув губами по её щеке. — Персефона — моё прошлое, которое я не смогу забыть. Но ты, Ингрид, моё будущее. И впервые за тысячу лет оно меня не страшит.

Ингрид наклонилась к нему, коснувшись губами уголка его рта. Это был настолько интимный жест, что Генри чуть было не шарахнулся, но не стал. Он не хотел потерять Ингрид.

— Тебе нечего бояться, — тихо ответила она с игривой улыбкой. — Вместе мы будем счастливы. Ты ведь это знаешь, да?

— Знаю, — или, как минимум, надеется.

— Вот и славно, — она ухмыльнулась, её голубые глаза загорелись. — А насчёт зёрнышек я серьёзно. Нам нужна официальная церемония. Только так и никак иначе.

— Да? — удивился он и сжал её ладонь. — Хорошо. Я сделаю это ради тебя.

Она радостно взвизгнула и обхватила руками его шею.

— А можно мне платье? Какое-нибудь милое?

— Я достану тебе самое красивое, — пообещал он, поцеловав её костяшки. — У тебя будет всё, что ты захочешь.

Её улыбка расслабилась и потеплела, ладонь легла на его щёку.

— Разве ты ещё не понял? У меня уже есть всё.

Её слова были как бальзам на душу — лучше любого лекарства. Он сжал её в объятьях в свете солнца. Вместе они будут счастливы. Возможно, не так, как он того хотел с Персефоной, но Ингрид была воплощением всего, чем не могла стать Персефона. И Генри понимал, как ему с ней повезло.

Недели пролетели, и вот наконец наступила ночь церемонии. Ингрид продумала каждую деталь: свой наряд, блюда на столе, рассадку членов Совета. По просьбе Генри, они потакали ей, хотя, возможно, они бы в любом случае не стали портить церемонию, радуясь тому, что он передумал угасать. Напротив, всё складывалось удачно. Ещё три испытания — и она станет одной из них.

Совет собрался в тронном зале, Генри направился в покои Ингрид. Он был весь на нервах, его желудок свернулся в узел, но он старался вести себя спокойно и сдержанно, как всегда это делал. Даже если Ингрид не произведёт хорошего впечатления на Совет, их мнение его не волнует. Ему важно только, чтобы она прошла все испытания, и пока она справлялась отлично. Всё будет замечательно.

Он постучал в дверь и подождал, ожидая, что она заканчивает поправлять причёску. В конце концов, это её праздник, и без неё не начнут. Но шли секунды, а никакого ответа не последовало. Он постучал вновь.

Тишина.

— Ингрид? — позвал он. Возможно, они разминулись по пути? Нет, прямой путь только один, а идти в обход ей не за чем. — Ингрид, я вхожу.

Открыв дверь, он не знал, чего ожидать. Возможно, Ингрид тихо плачет, свернувшись клубочком на кровати, потому что испугалась и передумала идти. Или держит в зубах заколки, поправляя причёску.

Но он точно не ожидал увидеть её на полу, в смятом жёлтом платье и с лужей крови вокруг головы.

Он вмиг оказался рядом с ней. Руки-ноги не слушались. Он судорожно искал глазами признаки жизни. Но с первого же взгляда понял: она мертва. Его лучшая подруга мертва.

Крик, не похожий ни на что другое, разнёсся по всему Эдему. Генри не сразу осознал, что кричит он сам. Он обнимал её тело, раскачиваясь на месте и пытаясь вернуть её к жизни, но непоседливая девчушка, которую он так любил, была потеряна для него навсегда.

— Брат? — тихо позвала Диана. По движению воздуха он понял, что она подошла к нему. — Ой. Ой. Она?..

Он кивнул, его глаза были полны слёз, а горло сдавлено. Он прижимал её хрупкую фигурку к своему телу, его пальцы запутались в её волосах, пропитанных кровью. Это не было несчастным случаем. Она лежала посреди комнаты, слишком далеко от всего, обо что можно было удариться, не говоря уже о том, чтобы насмерть. А её череп был буквально раздроблен.

— Кто это сделал? — прогремел голос Уолтера за его спиной, но Генри не стал оборачиваться. Он не мог пошевелиться.

— Я не знаю. Может, она упала? — напряжённо ответила Диана, но Генри слышал сомнение в её собственных словах. Она сама в это не верила.

Она коснулась его плеча, но он сбросил её руку. Это всё его вина — если бы он не согласился на эту затею Дианы, если бы просто сложил с себя полномочия и угас, как собирался, Ингрид была бы жива. Она бы старела, растила детей, жила полноценной жизнью. Но из-за того, что она имела несчастье попасться ему на пути, теперь от неё осталось лишь безжизненное тело.

Каллиопа опустилась на колени рядом с ним, глядя на Ингрид широко распахнутыми глазами. Её руки были зажаты между коленей.

— Генри? — прошептала она, но ему было невыносимо слышать жалость в её голосе. В покоях уже собрались все. Весь Совет смотрел на него — кто-то пребывал в ужасе, кто-то сохранял мрачный нейтралитет.

— Уйдите, — выдавил он. — Я не хочу никого видеть.

Он ожидал возражений, но к его удивлению, все отступили и исчезли один за другим. Последней осталась Диана. Он посмотрел на неё, его лицо было мокрым от слёз.

— Пожалуйста, уйди, — прошептал он, раскачиваясь с телом Ингрид вперёд-назад. Диана коснулась его щеки, её глаза были красными.

— Мне так жаль, Генри. Обещаю, я найду другую девушку...

— Мне не нужна другая, — его голос надломился, он отвернулся от Дианы и спрятал лицо в волосах Ингрид. Её тело становилось холоднее с каждой секундой.

— Генри, ты должен...

— Я не стану рисковать жизнью ещё одной девушки, — перебил он. Она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Хорошо. Тогда у меня будет ещё одна дочь.

— Нет.

— Я всё равно об этом давно раздумываю. И раз ты не хочешь рисковать жизнями смертных...

— Я сказал нет.

Она хмыкнула.

— Выбирай, Генри. Либо ты позволишь мне выбрать другую девушку, и мы сделаем всё возможное, чтобы защитить её, раз мы теперь знаем об угрозе, или я заведу второго ребёнка. Решать тебе.

Он покачал головой, чувствуя, как по щекам текут слёзы. Она не понимает. Её цель — продлить ему это адское существование.

— Я хочу угаснуть.

— Прости, брат, но ты дал нам сто лет, — уже мягче ответила она, накрыв его ладонь своей. — Мы слишком сильно любим тебя, чтобы сдаться.

Он закрыл глаза, пытаясь побороть волну гнева, печали и вины внутри себя.

— Я не хочу, чтобы ты заводила ребёнка из-за меня. Дочка, которая у тебя будет, сама выберет свой путь — ты не станешь принуждать её к браку со мной. Это твой долг перед Персефоной.

Диана сглотнула, застыв на долю секунды.

— А ты позволишь мне выбрать другую девушку не только для того, чтобы она стала твоей спутницей, но и чтобы мы могли поймать убийцу и наказать. Это твой долг перед Ингрид.

Её слова острым лезвием пронзили его грудь, став частью его самого. Затем она встала и ушла, тихо ступая босыми ногами по густому ковру. Аид знал, что она права. У него огромный долг перед Ингрид — и он вернёт его, даже если в процессе потеряет себя.

* * *

Одиннадцать девушек.

Именно столько он потерял. После Ингрид была Шарлотта, затем Мария и так далее — каждое имя, каждое лицо оставляло шрам на его душе, в которой уже не осталось ничего, кроме чувства вины и собственной ничтожности.

Одни девушки протянули всего несколько дней. Другие — продержались неделями. Но хуже всего было пережить смерть тех, с кем провёл месяцы, с которыми успел сблизиться настолько, чтобы позволить себе надеяться. Но как бы старательно их ни защищали, какие бы меры безопасности ни предпринимали, все девушки в итоге умирали. Где-то убийство было очевидным, в других — под сомнением, поскольку не было явным признаков сопротивления. Диана, Уолтер и другие члены его семьи были убеждены, что девушки просто не выдержали испытаний, ведь те не были рассчитаны на смертных. Генри же считал иначе.

После каждой девушки ему хотелось угаснуть. После каждой девушки члены Совета уговаривали его не сдаваться. Убийство за убийством, труп за трупом... Он эгоистично позволял рисковать жизнями юных девушек в надежде, что вдруг на этот раз им удастся вычислить убийцу. Вдруг на этот раз всё получится.

Но нет.

— И как это случилось на этот раз?

Генри напрягся при звуке ее голоса и перевел взгляд с бездыханного тела на кровати на собеседницу. Диана стояла в дверном проеме — островок спокойствия посреди бури, — но даже ее присутствие не смогло обуздать его эмоции.

— Утонула, — сдавленно ответил Генри, поворачиваясь к телу. — Я нашел ее плывущей по реке этим утром.

Он не слышал, как Диана подошла, но почувствовал ее руку у себя на плече.

— И мы все так и не знаем?..

— Нет, — ответ прозвучал грубее, чем ему бы хотелось, и голос Генри смягчился. — Ни свидетелей, ни отпечатков, ни доказательств, что она прыгнула в реку не по своему желанию.

— Может, так и было, — сказала Диана. — Она могла запаниковать. Или это была случайность.

— Или кто-то сделал это с ней, — он начал шагать по комнате, стараясь максимально отдалиться от тела. Он знал Бетани не так долго, как Ингрид, но боль всё равно сдавливала его сердце, выкачивала из него жизнь. — Одиннадцать девушек за восемьдесят лет. Не говори мне, что это просто случайность.

Она вздохнула и провела пальцами по бледной щеке девушки.

— Мы ведь были так близки к успеху в этот раз, не правда ли?

— Бетани, — оборвал её Генри. — Её звали Бетани, и ей было всего лишь двадцать три. А теперь из-за меня ей никогда не исполнится двадцать четыре.

— Как и в случае, если бы она была той самой.

Генри начал закипать, собираясь разразиться злобной тирадой, но затем, когда он посмотрел на Диану и увидел в глазах женщины сострадание, весь его гнев улетучился.

— Она должна была справиться, — напряжённо сказал он. — Она должна была выжить. Я думал…

— Мы все так думали.

Генри опустился на стул, и Диана в то же мгновение оказалась рядом с ним, поглаживая парня по спине, как любящая мать, успокаивающая своё дитя. Он провёл рукой по своим тёмным волосам, на его плечи давила уже знакомая тяжесть горя. Сколько ещё он должен вынести, прежде чем они, наконец, освободят его?

— Ещё есть время, — надежда в голосе Дианы ранила больше, чем всё произошедшее утром. — У нас ещё есть два десятилетия…

— С меня хватит.

Его слова громом раскатились по комнате. Она очутилась напротив него, её дыхание стало прерывистым. За те несколько секунд, которые ушли у неё на ответ, Генри задумался, не взять ли свои слова обратно, пообещать, что он попробует еще раз, но не смог этого сделать. Слишком многие уже умерли.

— Генри, прошу, — прошептала Диана. — У тебя ещё есть двадцать лет. Ты не можешь всё бросить.

— Это бессмысленно.

Она присела на колени и отвела руки от его лица, заставляя посмотреть на неё, увидеть страх в её глазах.

— Ты пообещал мне столетие, и ты дашь мне это столетие, ясно?

— Я не позволю умереть ещё одной девушке из-за меня.

— А я не дам тебе исчезнуть. Не когда я могу этому помешать.

Он бросил на неё сердитый взгляд.

— И что ты сделаешь? Найдёшь ещё одну девушку-добровольца? Будешь приводить очередную кандидатку каждый год, пока одна не пройдёт испытание? Пока хотя бы одна не переживет Рождество?

— Буду, если придётся, — она прищурила глаза, выражающие жажду действий. — Есть и другой вариант.

Генри отвернулся.

— Я уже сказал — нет. Это не обсуждается.

— Я не дам тебе уйти без борьбы. Никто и никогда не сможет заменить тебя, что бы там ни говорил Совет, а я слишком сильно тебя люблю, чтобы позволить тебе сдаться. Ты не оставляешь мне выбора.

— Ты не посмеешь.

Она не ответила.

Отодвинув стул, Генри встал и освободил свою руку из хватки собеседницы.

— Ты поступишь так с ребёнком? Приведёшь её в этот мир, лишь чтобы впутать во всё это? — он указал на тело на кровати. — Ты так поступишь?

— Если от этого зависит твоё спасение, то да.

— Она может умереть. Ты это понимаешь?

Глаза Дианы вспыхнули, и она поднялась лицом к нему.

— Я понимаю, что если она этого не сделает, то я потеряю тебя.

Генри отвернулся, едва сдерживаясь.

— Не самая страшная потеря.

Женщина развернула его к себе.

— Не смей, — отрезала она. — Не смей сдаваться.

Он моргнул, поражённый напряжённостью её голоса. Стоило Генри открыть рот, чтобы поспорить, как она перебила:

— У неё будет выбор, мы оба это знаем, но, что бы ни случилось, она не повторит этой судьбы, — Диана указала на тело. — Она будет юной, но не глупой.

У Генри ушло пару мгновений, чтобы придумать достойный аргумент. Он знал, что цепляется за пустые надежды.

— Совет никогда этого не разрешит.

— Я уже спросила их. Поскольку время ограничено, они дали мне свое позволение.

Он сжал челюсть.

— Ты спросила, не посоветовавшись со мной?

— Потому что я и так знала ответ. Я не могу тебя потерять. Мы не можем тебя потерять. Мы одно целое и без тебя… Пожалуйста, Генри. Дай мне шанс.

Генри прикрыл глаза. С согласием Совета у него не оставалось выбора. Он попытался представить, как будет выглядеть девушка, но при каждой попытке перед его глазами представало другое лицо.

— Я не смогу её полюбить.

— Ты и не обязан, — Диана поцеловала его в щёку. — Но мне кажется, что полюбишь.

— С чего бы это?

— Потому что я тебя знаю и помню свои прошлые ошибки. Больше они не повторятся.

Он вздохнул, и с каждой секундой, пока он глядел в эти умоляющие глаза, его решимость рушилась. Осталось всего-то двадцать лет; он сможет подождать, если это смягчит ее боль. "И на этот раз", – размышлял Генри, ещё раз взглянув на тело на кровати, – "Я тоже не допущу повторения прошлых ошибок".

— Я буду скучать по тебе, — сказал он, и Диана расслабилась. — Но она будет последней. Если девушка не пройдёт испытаний, я выхожу из игры.

— Хорошо, — сказала она, сжав его руку. — Спасибо, Генри.

Он кивнул, и Диана пошла к выходу. Подойдя к двери, она тоже оглянулась на тело, и в этот момент Генри поклялся себе, что такое больше никогда не повторится. Неважно, чем всё закончится — успехом или поражением, — но следующая девушка обязательно выживет.

— Ты не виновата, — вырвалось прежде, чем он смог сдержаться. — То, что произошло… Я позволил этому случиться. Ты не должна себя винить.

Она замерла в дверном проёме и одарила его грустной улыбкой.

— Должна.

Генри не успел сказать ни слова, как Диана ушла.

Кейт

Кэтрин Винтерс родилась солнечным сентябрьским утром всего за пару недель до осеннего равноденствия. И как только до него дошли вести о её рождении, Генри на несколько лет вернулся в Подземный мир, пытаясь спрятаться от мысли, что её смерть будет также на его совести.

Пока Диана жила в роли смертной, растя дочь, Совет держался неподалёку, наблюдая за Кейт, как если бы она была их спасительницей. И хотя по его просьбе они никогда не заговаривали о ней с ним, до него всё равно доносились обрывки разговоров о её успехах. О том, как прошли роды, о первом дне в школе, о жизни Дианы среди смертных, которая притворялась одной из них. Даже держась вдалеке, он знал, что они счастливы. Диана заметно ожила, и Генри был безмерно рад за неё.

Но как бы его ни радовало то, что она смогла оставить душевные терзания из-за Персефоны в прошлом и двигаться дальше, он не мог забыть того, что рано или поздно он отнимет у неё это счастье. И чем больше Диана привязывалась к дочери, тем чаще он задумывался об этом и тем сильнее умолял Диану оставить эту затею. Позволить её дочери жить так, как та захочет, самой выбирать судьбу. Но на все его доводы Диана настойчиво повторяла, что у Кейт будет выбор и она сама захочет остаться с ним, а если даже откажется, то её никто не станет принуждать.

Но Генри знал, как всё будет. Даже если Кейт, достигнув совершеннолетия, воспротивится, Совет найдёт способ впутать её в это. А сама мысль, что Кейт повторит участь сестры, вызывала у Генри тошноту. Но жребий брошен, её судьба предрешена. Кейт станет двенадцатой.

— Ты должен с ней познакомиться, — заявил Джеймс в один из вечеров, когда Генри сидел в своём кабинете и у его ног дремал Цербер.

Генри вскинул бровь и пронзил его взглядом.

— А ты должен держаться подальше от моей территории.

Джеймс пожал плечами.

— Всё равно это скоро будут мои владения, так какая разница?

— Неужели?

— Ну как бы да. Если только ты не думаешь, что в этот раз затея увенчается успехом.

Генри молчал. Он надеялся, в этот раз получится, но глубоко в душе, куда он боялся заглядывать, он понимал, что нет. Они сделали всё, что было в их силах,

чтобы защитить Бетани. Он не представлял, что ещё можно предпринять, чтобы уберечь Кейт.

— Зачем ты здесь, Джеймс?

— Хотел убедиться, что ты воспользуешься шансом, которого не было у меня, — сказал он, засунув руки в карманы. — Даже если с Кейт что-то случится, она классная и стоит того, чтобы узнать её получше. А ты будешь идиотом, если продолжишь её избегать.

Генри сощурил глаза.

— Как ты смеешь так со мной разговариавть?

— Как ты смеешь ставить крест на Кейт, даже не дав ей шанс? — Джеймс выпрямился во весь свой рост. — Она сильнее, чем ты думаешь, и если у неё получится, как думаешь, что она почувствует, когда узнает, что большую часть её жизни ты не верил в её успех, думал, что она умрёт, а потому даже не пытался с ней поговорить?

— Вряд ли её это как-то заденет, — холодно ответил Генри. — Учитывая, что Диана растит её как простую смертную.

— Когда-нибудь она узнает правду. Мы надорвём задницы, но не оставим её одну ни на секунду — даже Арес согласился помочь. Но ты уклоняешься, потому что слишком труслив.

— Я не трус, — Генри встал, впиваясь подушечками пальцев в жёсткое дерево стола. — Я видел, как одиннадцать девушек погибли из-за меня, и смерть каждой разрывала мне сердце. Я не хочу, чтобы по моей вине дочку Дианы постигла та же участь.

— Тогда сделай что-нибудь! Будь рядом. Защищай её. Помогай ей. Не прячься здесь, притворяясь, будто её не существует, — выпалил Джеймс, и на мгновение его голос дрогнул. Речь уже шла не только о Кейт, но все угрызения совести Генри из-за того, что он запретил Джеймсу увидеть его смертную подругу, остались давно в прошлом. — Даже если с ней что-то случится, цени время, проведённое вместе. Не избегай её в надежде, что потом будет не так больно. Мы оба знаем: это не поможет.

Генри стиснул зубы.

— Ты не имеешь права говорить мне, что делать.

— А ты не имеешь права вести себя так, будто она уже мертва.

Они прожигали друг друга взглядами ещё с минуту, ни один не хотел уступать. Ком негодования разрастался в горле Генри, не давая ему вымолвить ни звука. В конце концов Джеймс вздохнул.

— Ей сегодня исполняется семь, — сказал он. — Я не говорю, что она должна вырасти вместе с тобой, как Ингрид, но нет ничего плохого в том, чтобы познакомиться с ней. Диана будет рада. После всего, что она для тебя сделала...

— Не начинай, — Генри через силу выдавливал слова. — Она делает это ради Кейт, не ради меня. У Кейт должен быть выбор.

— Так дай ей этот выбор, — Джеймс наклонил голову.— Центральный парк. Овечий луг. Они пробудут там до заката. Цербер будет рад размять лапы. Не представляю, как он тут вообще живёт.

На этих словах он развернулся и вышел из кабинета Генри, оставив того одного в туче ненависти к себе и нерешительности. В этом же правда нет ничего плохого? Просто взглянуть на неё. Да, она пока ещё совсем ребёнок, но у него нет к ней никаких чувств, кроме непоколебимого желания защитить от любого вреда. Как он может сделать это, если даже не знает, как она выглядит? Вдруг Джеймс прав и она будет разочарована в Генри, когда станет старше и узнает правду...

Но что, если она тоже умрёт? Любая ниточка, ведущая ко мне, ставит её жизнь под угрозу. Как я могу с ней так поступить, зная, что её шансы на выживание и без того невелики?

Но, с другой стороны, есть ли лучше способ защитить её, кроме как всё время быть рядом?

Ещё не приняв решение, он уже был на полпути на поверхность. Тёплое солнце озарило его лицо, когда он появился на Овечьем лугу. Цербер рядом с них стряхнул с себя мрак Подземного царства.

— Что думаешь? — спросил Генри, потрепав пса по холке. — Найти Диану и...

Цербер громко взвыл, и не успел Генри создать поводок, как пёс сорвался с места. Выругавшись, Генри помчался за ним, петляя между группками людей, решившими устроить пикник в последние тёплые деньки. Никого не испугал гигантский пёс, бегущий без намордника через толпу, за которым бежал парень во всём чёрном. Впрочем, это же Нью-Йорк.

Снова залаяв, Цербер запрыгнул на чьё-то одеяло. Генри выругался и поспешил, притворяясь, что запыхался.

— Простите, — сказал он.— Мой пёс сорвался с поводка и...

Генри замер. На одеяле среди разбросанной еды сидела Диана. А я рядом с ней хихикала, пока Цербер принюхивался к её волосам, маленькая девочка.

Кейт.

Её русые волосы, заплетённые в тугую косу за спиной, голубые глаза и веснушки вокруг носа так сильно напомнили ему Персефону, что на секунду Генри забыл, как дышать. Специально или нет, но Диана воссоздала свою потерянную дочь. Но было в ней что-то такое, что-то, чего он не мог описать словами, что в корне отличало её от сестры, и потому за один удар сердца Персефона померкла в сравнении с ней.

Кейт, казалось, совсем не расстроена тем, что пикник в её день рождения был испорчен псом в три раза больше неё самой. Она чмокнула Цербера в нос и развернулась к Генри, посмотрев ему в глаза. Он застыл.

Пускай ей всего семь, но в её взгляде была вечность. Словно она видела насквозь все его мысли, надежды, страхи, мучения. Словно понимала каждый миг его существования. Пускай она пока что смертная, но божественное происхождение видно было сразу.

— Всё в порядке, — ответила Диана, её голос прозвучал теплее и добрее, чем был последние тысячу лет. — Главное, пирожные не пострадали.

— Цербер, ко мне, — скомандовал Генри, и пёс послушно подбежал к нему. Генри наклонился и пристегнул поводок к ошейнику, пытаясь скрыть своё потрясение. — Ещё раз извиняюсь. Если я могу чем-то загладить свою вину...

— Нет, правда, всё в порядке, — сказала Диана, обняв дочь одной рукой за плечи. — Лишний повод объесться пирожными. Да и купим хот-доги на выходе из парка.

— Позвольте мне хотя бы оплатить их, — предложил он, потому что смертные непременно начали бы настаивать на этом, но Диана покачала головой.

— Если хотите нам помочь, лучше сделайте пару снимков, — она протянула ему камеру. — У меня вечно получается не очень.

Генри взял в руки камеру — современную модель, которая весила намного легче, чем он ожидал.

— Да, конечно, — ответил он и посмотрел на них через объектив. Даже так Кэти выделялась для него на фоне всех остальных, как единственный огонёк в мире тьмы.

Он защитит её. Убьёт ради неё. Угаснет, если так будет лучше для неё. И даже если он никогда не сможет полюбить её так, как хотелось бы Диане, он всё равно будет выражать привязанность и уважение, которое она заслуживает.

— Готово, — хрипло произнёс он, сделав столько снимков, что из можно сделать целую короткометражку. — Вы обе отлично выглядите.

Кейт заулыбалась и попыталась слизнуть фиолетовый крем с пирожного, но в итоге запачкала нос.

— С вами весело, — сказала она, посмотрев на него своим невероятно глубоким взглядом. — Мам, можно он поест с нами хот-доги?

Диана посмотрела на него, а он засомневался. Больше всего на свете ему хотелось провести больше времени с ними, но с какой целью? Она ещё ребёнок. Ему нет смысла пытаться подружиться с ней сейчас, в облике взрослого. Да и её будет лучше, если он будет защищать её издали.

— Спасибо за предложение, — он вернул камеру обратно Диане. — Но, боюсь, у меня есть дела. Было приятно с вами познакомиться. С днём рождения, Кейт! Желаю, чтобы таких дней у тебя была целая вечность впереди.

Кейт вновь хихикнула и послала ему воздушный поцелуй. Диана тоже рассмеялась, снова крепко обняв дочь. Генри ушёл. Он не ожидал этого. Он не ожидал, что уйти от неё будет самым сложным решением в его жизни. Но он знал, что если покинет её сейчас, то сможет сделать так, чтобы больше никогда в жизни ему этого делать не пришлось.

Когда он вернулся в Подземный мир, на столе его ждала посылка. Заинтригованный, он развернул переливающуюся фиолетовую упаковку и поморщил нос. Кто мог прислать ему такое?

Но как только он увидел, что там внутри, все вопросы об отправителе пропали сами собой. В лавандовую папиросную бумагу была завёрнута чёрно-белая фотография Дианы и Кейт, где они держали пирожные и вместе смеялись в Центральном парке Нью-Йорка. Диана вставила фотографию в рамку, и теперь она переливалась в свете свечей, почти готовое отражение. Не хватало только Генри.

Он уже давно не делал отражений — изображений, которые были скорее фантазией, чем реальностью. Но для него разницы не было. В этом отражении он видел своё будущее, ту жизнь, которая у него когда-нибудь будет, если он приложит достаточно усилий. Если защитит Кейт. Если, когда придёт время, у неё будут причины выбрать его.

Он убрал отражение в карман и сделал глубокий вдох. Пока это время не настанет, ему ещё нужно кое-что сделать.

* * *

— Куда мы идём? — опасливо спросил Джеймс, пока Генри вёл его через тронный зал. Они вместе вошли в смежную комнату, и несмотря на то, что последнюю тысячу лет Генри старался избегать его любой ценой, он протянул Джеймсу руку.

— Доверься мне.

Джеймс внимательно смотрел на него. Генри понимал причины его сомнений, но потихоньку уже терял терпение.

— Если бы я собирался сделать с тобой что-то ужасное, то сделал бы это сотни лет назад, — заверил Генри. — Ну же. Я не буду ждать весь день.

По крайней мере, Джеймс принял его руку, и в следующий момент Генри перенёс их через пространство между дворцовым залом и местом, куда он хотел их привести. В таких перемещениях мало чего приятного, особенно когда приходится брать с собой кого-то и преодолевать настолько огромные расстояния, но, по крайней мере, Джеймсу хватило ума не сопротивляться.

Когда Генри открыл глаза, они оказались посреди замка одиннадцатого века. Для него это был самый обычный непримечательный замок, но у Джеймса тут же упала челюсть.

— Это что?.. — спросил он, не в силах договорить. Генри помедлил с ответом.

— Я понимаю, что мы уже не так дружны, как были когда-то, и боюсь, что слишком много всего произошло между нами, чтобы когда-нибудь вернуться к прежней лёгкости и непринуждённости. Но мы всё ещё семья, и... — он сделал паузу. — Это было жестоко с моей стороны препятствовать тебе, независимо от прошлых обстоятельств. Каждый заслуживает счастья, даже если обрести его удаётся только после смерти. Я не могу обещать, что между всё наладится, но я постараюсь обеспечить тебе возможность приходить сюда, когда захочешь.

Джеймс уставился на него, потеряв дар речи. Генри поморщился. Он терпеть не мог, когда на него так смотрели. Будто это так шокирует, что он может совершать добрые поступки.

— Иди. Я буду ждать здесь, когда ты закончишь.

— Я не могу... — Джеймс растерялся и, без всякого предупреждения, заключил Генри в объятия. — Спасибо.

Вот уже много веков никто из его семьи не прикасался к нему так, и Генри неловко похлопал Джеймса по спине.

— Не за что. А теперь иди, пока я не передумал.

Отпустив его, Джеймс заулыбался как-мальчишка и побежал по коридору, ведомый собственным даром, который всегда указывал ему верный путь. Чисто из любопытства — или, возможно, из желания доказать самому себе, что в Подземном мире тоже можно быть счастливым, — Генри последовал за ним.

Джеймс ворвался в зал, залитый солнцем, и хотя такого не могло быть на самом деле, но посреди комнаты, прямо из каменного пола росло дерево. Генри остановился в дверях, глядя, как Джеймс подходит к темноволосой девушке, сидящей на нижней ветке. Она грызла яблоко и тихо о чём-то разговаривала с женщиной, которая была так похожа на неё, что у Генри не возникло никаких сомнений в их родстве. Как только девушка заметила Джеймса, её лицо просияло.

— Джеймс? — её горящие глаза распахнулись. Она спрыгнула с ветки, обхватила Джеймса руками и громко чмокнула его в губы, ни капельки не стесняясь. — Давно пора. Ты хоть представляешь, как давно я тебя тут жду?

— *Так,* — выдохнул он, глядя на неё так, словно никогда не видел никого прекраснее. Было что-то в грустное в том, как он произнёс её имя. Что-то, напомнившее Генри его самого. Порой непросто заметить, что не только ты один страдаешь в этой жизни.

Джеймс закружил её в воздухе, сжав так сильно, что она не смогла бы вырваться, даже если бы попыталась. Они ещё долго не могли оторваться друг от друга, шепча какие-то слова, которые Генри не мог расслышать. Он отвёл взгляд. Он был всё отдал, чтобы иметь то же самое. Буквально всё.

Наконец, они разлепились, и Так посмотрела на него сияющими глазами. Несомненно, она обожала его.

— Это моя мама, — представила она. — Мама, это Джеймс. Парень, о котором я тебе рассказывала.

Джеймс поприветствовал женщину, будто они были давними друзьями, и тоже заключил её в объятья.

— У вас замечательная дочь. Так — самая удивительная девушка, которую я когда-либо встречал.

— Да, я знаю, — смеясь, ответила женщина. — И судя по тому, что она рассказывала мне о тебе, ты тоже ничего так.

Они втроём беседовали ещё некоторое время. А затем Джеймс достал что-то из своего кармана.

— Я хранил его для тебя, — сказал он, протягивая Так подвеску — Подумал, что ты бы хотела его вернуть.

Дрожащими руками она забрала ожерелье.

— Ты хранил его для меня всё это время?

— Конечно, — его уши порозовели. — Всё что угодно ради тебя. Я целиком и полностью твой, ты же знаешь.

Она вновь его поцеловала.

Генри развернулся, чтобы уйти, сделав шаг назад в тёмный коридор. Как бы он ни презирал Джеймса, но, увидев его счастливым, вопреки пережитой трагедии, Генри почувствовал то, что не испытывал с тех пор, как потерял Ингрид. Он почувствовал надежду.

Достав из кармана отражение, он посмотрел на Кейт, запоминая каждую её чёрточку. Он тоже будет целиком и полностью её. Что бы там ни задумал Совет, он будет присматривать за ней. Как бы ни сложилась её судьба, у неё будет шанс выбрать свой путь, даже если это будет жизнь без него. Он сделает всё, чтобы у неё был этот выбор.

Он потерял всё, что когда-либо имело для него значение, но, пока до него доносился смех Джеймса и Так, его охватила странная уверенность Если Кейт когда-нибудь пройдёт испытания, чего не удалось её предшественницам, и если она решит дать ему шанс, то это станет новым началом. Его существование тянулось медленно и мучительно, но, возможно, Кейт поможет ему завершить эту худшую главу в его жизни. И, возможно, именно с ней начнётся лучшая.

Разглядывая её черты, столь похожие на Персефону и в то же время нет, он позволил себе улыбнуться. В ней он видел свой шанс. В ней он видел своё будущее.

И когда она будет готова к этому, он тоже будет.

* * * * *